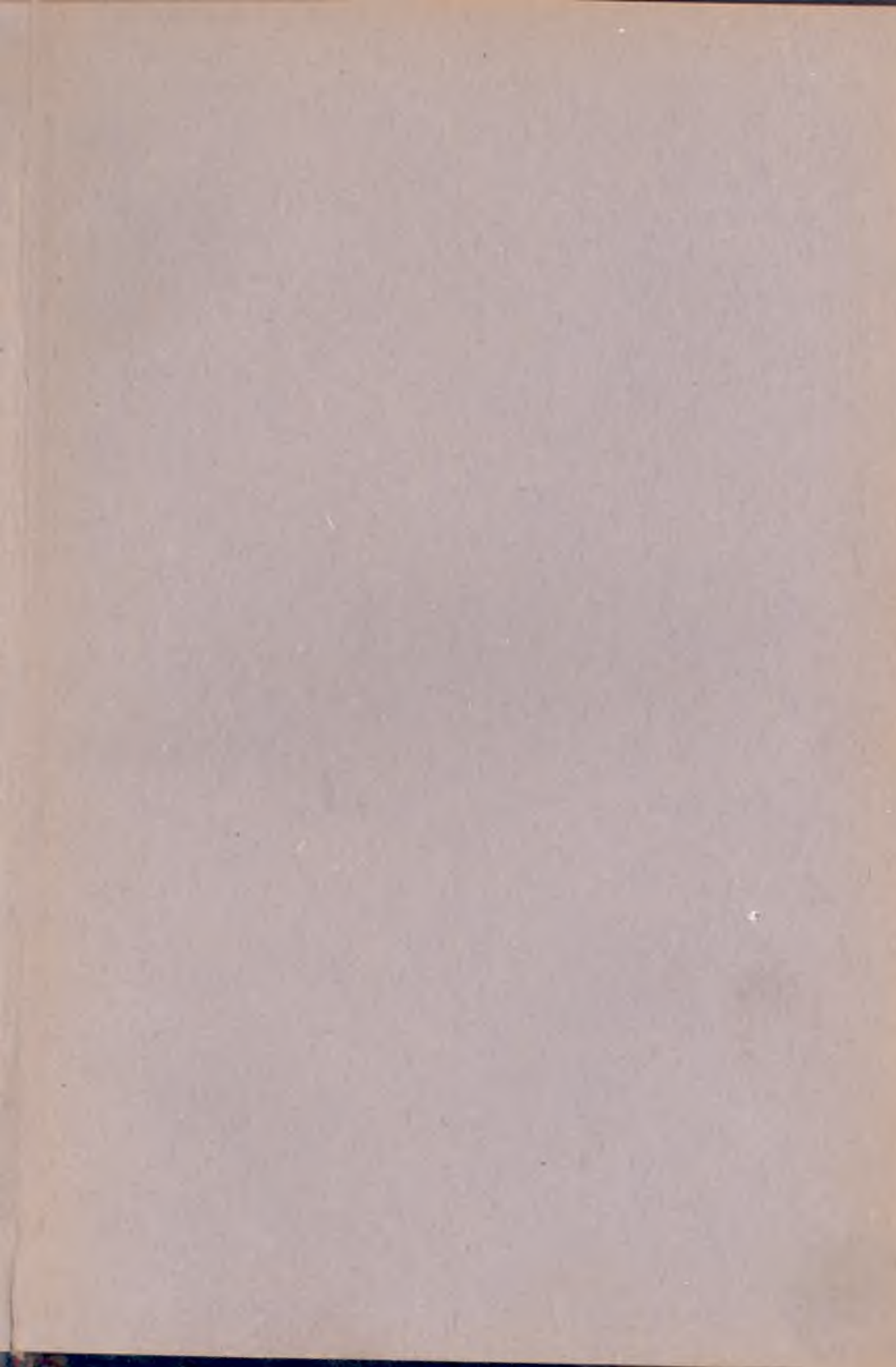
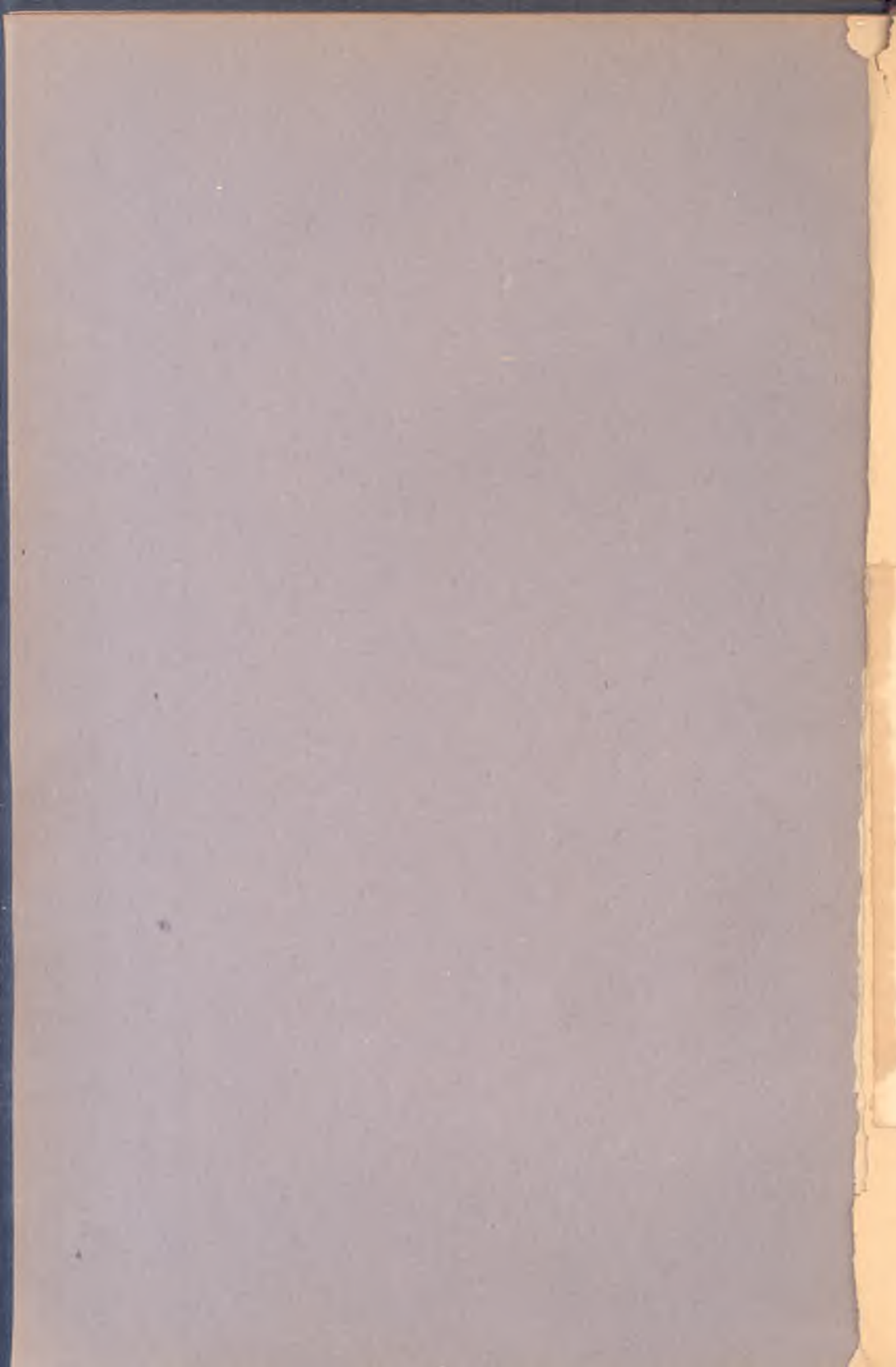

33 (09)

M 52

О П Е Ч А Т К И

<i>Страница:</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует:</i>
117	2-й заголовок, 7 сверху	Алеп о	Алеппо
128	заголовок, 8 снизу	наши столкновения голландцами	наши столкновения с голландцами
128	заголовок, 5 снизу	торгошли	торговли
134	4-й заголовок, 2 сверху	ильными	ильными
135	2-й заголовок, 5-6 сверху	ильным	ильными
145	6 снизу	Сукна	2. Сукна
167	2 сверху	и выигрыше	в выигрыше
170	19 сверху	к королевство	в королевство
203	3 снизу	о/	of

И. С. Плотников. Меркантилизм.

БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

02 03

33(09)
M 52

МЕРКАНТИЛИЗМ

Под редакцией
и со вступительной статьей
И. С. ПЛОТНИКОВА

215900

Київський інститут
народного господарства
БІБЛІОТЕКА

О Г И З • С О Ц Э К Г И З • 1 9 5 5

Русская экономическая литература очень бедна переводами произведений иностранных экономистов. Это относится не только к новейшей буржуазной литературе, но также к экономической литературе до Маркса.

Настоящий сборник имеет своим содержанием меркантилизм и его разложение. В сборнике помещена большая вступительная статья, посвященная характеристике меркантилизма и его разложения, и переводы десяти наиболее характерных памфлетов.

Пять первых памфлетов — произведения меркантилистов, пять последних характеризуют разложение меркантилизма.

Памфлеты снабжены краткой характеристикой каждого автора и примечаниями.

В связи с введением в экономических вузах курса истории политической экономии сборник даст возможность студентам и преподавателям политической экономии углубить свои знания по истории политической экономии.

И. ПЛОТНИКОВ

МЕРКАНТИЛИЗМ

и

ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРОПЫ
В XVI В.ЭПОХА ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И ПЕРЕМЕЩЕ-
НИЕ ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ

XVI век может быть охарактеризован как период резкого перелома в экономическом развитии европейских государств, примыкавших к Атлантическому океану, и перемещения к этим государствам центра тяжести экономического прогресса из торговых городов Италии. Расцвет итальянских торговых городов продолжался до 1453 г., когда Византия была завоевана турками, прервавшими торговые сношения итальянцев, а через их посредство — и остальной Европы, с богатым Востоком. Завоевание Византии привело к потере итальянцами монополии в восточной торговле и к попыткам найти новые пути к богатствам Востока: Персии, Индии и Китая. Но для этих целей географическое положение стран, примыкающих к побережью Атлантического океана (Португалии, Испании, Франции, Англии, Голландии), было гораздо благоприятнее.

В 1492 г. Христофор Колумб, в поисках морского пути в Индию, основываясь на правильной мысли о шарообразности земли, открывает берега Америки, в которой он упорно видел Индию. В 1497 г. португалец Васко де-Гама обгибает мыс Доброй Надежды и проникает в Индию. Драгоценные металлы обильным потоком устремляются из Мексики и Перу в Испанию, а оттуда через посредство торговли в другие европейские страны, особенно во Фландрию, представляющую часть огромной монархии Карла V. Португальцы становятся монополистами в торговле индийскими пряностями.

При всем стремлении испанцев и португальцев остаться монопольными посредниками между Европой и новооткрытыми землями, им этого не удастся осуществить. Вслед за португальцами и испанцами проникают в Индию и Америку голландцы, французы, англичане. В этот период XVI в. кладется начало колониальным владениям европейцев.

Две цели влекли многочисленных авантюристов, пускавшихся на утлых суденышках в плавание по неизвестным морям: найти

дорогу к таинственной стране золота Эльдорадо, где драгоценные металлы так же распространены, как бульжники в Старом свете, и овладеть богатствами Индии и Персии — шелками и пряностями, высоко ценимыми в Европе. Погоня за золотом и торговлей с Востоком явилась следствием того, что примитивное натуральное хозяйство раннего феодализма давно уже отошло в прошлое, что товарное хозяйство, возникшее на основе отделения города от деревни, вытеснения ремесла из сельского хозяйства, достигло известной степени развития в отдельных странах, например в Италии — даже очень значительного.

ТОРГОВЛЯ И ЕЕ ОРГАНИЗАЦИЯ В XVI ВЕКЕ

Торговля не ограничивалась только узкими рамками обмена между городами и прилегающими к каждому из них сельскими округами. Уже задолго до эпохи великих географических открытий (т. е. конца XV и начала XVI вв.) развивается торговля между различными странами, примером чему может служить торговля Италии с Востоком, торговля Ганзы с Новгородом и Англией и торговля Фландрии с Испанией и Англией. Замечательное описание богатого торгового города Фландрии — Антверпена, относящееся к XVI в., мы находим у Гвиччардини. С конца XV в. мы наблюдаем значительный промышленный расцвет в Англии, Франции и особенно Голландии. Фландрия производит для экспорта ковры, кружева, полотно и тонкое сукно; Италия — шелка, материи, вытканые золотом и серебром, бархат, стекло, знаменитые венецианские зеркала, кружева; Испания — шелка, тонкое сукно, оружие.

Как была организована торговля? Необходимо прежде всего провести черту между внутренней и внешней торговлей. Первая носит, как правило, примитивный характер. Ремесленники обмениваются непосредственно продуктами с крестьянами или, даже при продаже за деньги, обходятся без посредничества торговца. Так дело обстоит, например, в Англии еще в XVII в. Иное дело — внешняя торговля. Здесь с самого начала главную роль играет профессиональный торговец, представитель зарождающегося торгового капитала. В средние века внешняя торговля организована в виде торговых гильдий, аналогичных ремесленным цехам. Торговые гильдии представляют объединения, созданные для целей защиты интересов своих членов, особенно в чужих странах, в обстановке, когда торговый капитал действует среди экономически еще чуждой ему среды господствующего патриархального, феодального хозяйства. Каждый же член торговой гильдии ведет торговлю самостоятельно от других. Некоторые торговые объединения носят такой характер вплоть до XVII в. Примером может служить английская Компания Странствующих Купцов (Company of Merchants Adventurers), имевшая монополию на торговлю сукном от Атлантического океана до Эльбы. Такой же характер носила Левантская компания, ведшая торговлю с Малой Азией и проце-

тавшая до появления Ост-Индской компании. Для этих компаний англичане употребляли особое название регламентированных компаний (regulated companies).

Другой тип торговой компании представляет возникшая в 1600 г. английская Ост-Индская компания. Это — пример «компании с объединенным капиталом» (joint stock company). В отличие от регламентированных компаний, они вели торговлю за счет общего капитала, складывавшегося из паев отдельных участников.

Сравнительно крупные размеры объединенного капитала, большие расходы по торговле с отдельными странами, пользование в широких размерах наемным трудом — придавали им с самого начала крупнокапиталистический характер. Однако и регламентированные компании с течением времени также принимали такой же капиталистический характер, лишь внешне сохраняя облик торговой гильдии. Можно сослаться на Джона Уилера, секретаря Компании Странствующих Купцов. В опубликованном им в 1601 г. «Рассуждении о торговле» он вынужден был признать наличие обвинений в монополии против этой регламентированной компании. Уилер пробует отвести эти обвинения ссылкой на то, что членами компании состояло около 4000 английских купцов. Но он забывает добавить, что господствующую роль в компании играли по существу несколько наиболее богатых купцов, и следовательно, обвинения в монополии имели за собой основание.

Можно считать, что XVI в. является периодом, когда в большинстве европейских стран складывается крупный торговый капитал, в той или иной форме монополизирующий внешнюю торговлю, и происходит таким образом вытеснение гильдейских форм средневековой торговли крупнокапиталистическими формами. Как мы уже выше отметили, это относится собственно только ко внешней торговле. Так, мы читаем у английского автора Робертса: «Необходимо признать, что существуют определенные виды торговли, которые должны были бы быть предоставлены беднякам и рядовым людям для их обогащения; но существуют и другие виды торговли, более благородные, заниматься которыми способны лишь те, кто знаком с чужими странами; это — торговля с отдаленными странами, находящимися за морем: люди, ведущие такую торговлю, являются наиболее знающими, полезными и выгодными государству... и они заслуживают больше чести и уважения, чем питают к ним в настоящее время во Франции и в некоторых других странах» (Roberts, «The Treasure of Traffique», 1641, стр. 52—53).

По мнению Робертса, таким купцам следовало бы давать дворянское звание, а с другой стороны, — дворянам следовало бы заниматься такой торговлей. Это доставило бы им больше чести, чем занятие ростовщичеством, как это делают дворяне в Италии, или прокучивание своих поместий.

Робертс характеризует два типа торговли: раннюю капиталистическую и позднейшую крупнокапиталистическую.

В наиболее чистом виде раннюю капиталистическую организацию торговой гильдии мы встречаем до XVI в. включительно. Примером могут служить так назыв. «Купцы Складочного Места» (The Merchants of the Staple). Английские купцы, ведшие торговлю с Фландрией, получили отведенную специально для их торговли территорию, которая, собственно, и носила название складочного места. Внутри этой территории они пользовались правом самоуправления, подчинялись законам и властям своего государства. Другим примером может служить территория Ганзейской компании в Лондоне при Елизавете. Складочное место английских купцов во Фландрии или немецких купцов Ганзы в Лондоне являлось как бы частью соответствующей государственной территории, в первом случае — английской, а во втором — немецкой. В этом случае торговля регламентировалась властями, поставленными своим государством, или властями, выбранными самими купцами, но несшими ответственность перед собственным правительством. Если же купец торговал индивидуально в чужой стране, он был предметом мелочного и придирчивого контроля со стороны властей соответствующего государства.

ПОЛИТИКА ДЕНЕЖНОГО БАЛАНСА

И в том и в другом случае контроль и регламентация преследовали одну и ту же цель: принудить купцов деньги, вырученные от продажи товаров, доставить в свою страну, или, напротив, помешать иностранцу-купцу вывезти эти деньги из страны. Эта политика регламентации торговли складывается довольно рано. Первые английские складочные места во Франции и Фландрии мы находим уже в начале XIV в.

Само собой разумеется, что экономическая политика, направленная к тому, чтобы привлечь максимум денег в страну и не допустить их вывоза, была осуществима лишь при условии самого тщательного и мелочного контроля. Этой цели служила организация складочных мест с их властями, учреждение должностей сыщиков и таможенных досмотрщиков, учреждение монетного двора и должности королевских менял, наконец — закон об истрачении. Иностранный купец, если он торговал самостоятельно, должен был обязательно останавливаться на квартире у назначенного ему властями туземного купца, хозяина, который вел опись покупкам и продажам иностранца, причем копии этих книг представлялись властям два раза в год. Во второй половине XV в. институт хозяев в Англии был уничтожен, но они были заменены сыщиками и таможенными досмотрщиками.

БОРЬБА ЦЕХОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ С РАЗВИВАЮЩИМСЯ КАПИТАЛИЗМОМ

Мелочная регламентация торговли, которую мы изложили, была частью всей средневековой системы корпоративной организации промышленности и торговли, соответствовавшей низкой

ступени их развития, ограниченному местному рынку и способствовавшей устранению конкуренции. Каждый ремесленник должен был быть членом цеха, торговец — членом гильдии. Все мелочи торговой и промышленной деятельности регулировались этими учреждениями. С этими пережитками средневековья мы встречаемся очень поздно. Они сильны в XVI и даже в XVII вв. и полностью исчезают только в XIX в. С фактами их жизненности мы сталкиваемся в многочисленных петициях ремесленников против «незаконной» конкуренции лиц, не выполнивших установленного срока ученичества и не прошедших в члены цеховых организаций.

Государственное вмешательство еще больше усиливало эту организацию, видя в ней источник доходов. Превращение отдельных занятий в государственную монополию позволяло правительству получать крупные суммы путем предоставления их отдельным лицам, иногда даже непосредственно этим делом не занимавшимся, а перепродававшим его другим. При Елизавете злоупотребление этим достигло таких размеров, что вызвало серьезное возмущение парламента, вынудившего Елизавету явиться лично и обязаться на будущее время не предоставлять помимо парламента никаких монополий частным лицам.

Характерно то обстоятельство, что наряду с борьбой против монополии в отдельных случаях зарождающийся торговый и промышленный капитал сам использует монополии в интересах быстрого накопления. Таким образом, в экономической жизни мы наблюдаем сложное переплетение монополистических тенденций средневековых ремесленных цехов и торговых гильдий с монополистическими стремлениями торгового капитала, наряду с попытками государственной власти использовать механизм монополии в интересах роста государственных доходов.

Монополистические тенденции ремесленных цехов направлены против распространения домашней капиталистической промышленности, вызывающей падение цехового ремесла и упадок старых ремесленных городов. Приведем один пример. Мы имеем в виду декрет от 1555 г., цитируемый Андерсоном под названием: «Кто может заниматься ткацким ремеслом». Декрет гласит: «Так как богатые суконщики (кушцы. — И. П.) притесняют ткачей, причем одни из них устанавливают в своих домах различные ткацкие станки, на которые они ставят поденщиков и неумелых людей; другие покупают ткацкие станки и берут за пользование ими такой высокий процент, что бедные ремесленники не в состоянии содержать ни себя, ни своих жен и детей; некоторые из ремесленников получают за работу значительно меньшую плату, чем раньше, так что совершенно вынуждены забросить свое ремесло, — то настоящим постановляется: 1) ни один суконщик, живущий вне города, местечка или рыночного места, не может держать у себя больше одного ткацкого станка, ни отдавать их внаймы; 2) ни один ткач, живущий вне города, местечка или рыночного места, не должен держать больше двух ткацких станков и двух учеников; 3) ни один

ткач не должен держать валяльной мельницы, ни быть валяльщиком или красильщиком; 4) валяльщик не должен держать у себя ткацкого станка; 5) никто, кто не был раньше суконщиком (мастером. — *И. П.*), не должен впредь изготовлять или ткать какой бы то ни было сорт широких белых шерстяных материй, иначе чем в городе, местечке и т. д., где такого рода материи изготовлялись за 10 лет до настоящего декрета; 6) никто не может заниматься ткацким делом, если он не пробыл 7 лет в ученичестве» (Anderson, «Geschichte des Handels», стр. 39—40).

В декрете утверждается средневековая структура ремесла со всеми его деталями, но она уже фактически перестала существовать, о чем свидетельствуют явления, против которых декрет направлен.

С другой стороны, ремеслу угрожала не только формирующаяся домашняя капиталистическая промышленность наряду с капиталистической мануфактурой, но и капиталистическое перерождение самого ремесла, все более впадавшего в зависимость от купца, особенно в таких отраслях, как суконная промышленность, которые работали на экспорт. Мы находим следующее описание организации шерстяной и суконной промышленности в Суффолке (Англия): «Первая стадия была... покупка шерсти после стрижки. Она могла производиться непосредственно суконщиком (производителем) у овцевода, но уже за сто лет до этого периода (конца XVI — начала XVII в. — *И. П.*) вмешательство посредника становилось все более необходимым. По мере роста промышленности овцевод и суконщик часто оказывались в различных графствах и не имели времени для поисков друг друга. Даже когда они соприкасались, необходим был капитал на время периода ожидания. Иногда этот капитал предоставляли более богатые овцеводы или суконщики, но в большинстве случаев у обеих групп средства были невелики, а особенная потребность в капитале ощущалась при стрижке. Таким образом посредник, который предварительно покупал шерсть, собирал ее и снабжал ею в кредит или выжидал спроса, выполнял роль необходимого звена между мелкими овцеводами и суконщиками» (Usher, «An Introduction to the industrial History of England», 1921).

Сами суконщики в это время представляют собой экономически довольно разнородную группу, со значительной дифференциацией. Некоторые из них употребляли много наемного труда и в то же время были значительными торговцами; другие же только стремились удержаться в несколько более высоком положении, чем рабочие. Мы встречаем многочисленные жалобы и петиции суконщиков на то, что им приходится по чрезмерной цене покупать шерсть. Такие петиции были представлены суффолькскими суконщиками правительству в 1575 и 1585 гг. Кроме того, суконщикам приходилось по низкой цене продавать сукно монополистам-купцам из компании «Merchants Adventurers». На это указывает упоминаемый нами выше Уилер. Последний, как секретарь компании, является ее апологетом, но пишет, что «приблизительно 14 лет

тому назад, на двадцатом году царствования ее величества, овцеводы, суконщики, ткачи и другие лица, связанные с суконной промышленностью, испытывая недостаток в обычных средствах к жизни, в заработке и в работе, подали серьезную жалобу. Они считали, что единственным средством, чтобы устранить это положение, является предоставление свободы всем подданным ее величества и прочим лицам покупать и перевозить сукно, согласно установленным законом ограничениям, вопреки всяким привилегиям и правам, предоставленным до сих пор ее величеством компаниям странствующих купцов» (J. Wheeler, «A Treatise of Commerce», 1601, стр. 61—62).

Монополия торговли была отнята временно, но не надолго у странствующих купцов, к ущербу для Англии и к радости для купцов Ганзы, как говорит апологет компании Джон Уилер. Иного мнения по этому вопросу придерживается анонимный автор оставшегося в рукописи памфлета от 1623 г. под названием «Правдивое раскрытие причин упадка торговли и уменьшения количества денег в стране, с указанием средств против этого» («A true discovery of the decay of trade and decrease of money with the remedies thereof»). Автор обвиняет странствующих купцов в том, что они понижают цену суконщиков, а это обескураживает последних. Он предлагает установить свободу торговли сукном, если Merchants Adventurers откажутся брать его от суконщиков на более выгодных для последних условиях. По мнению автора, суконщик вообще является центральной фигурой английского народного хозяйства. Он пишет: «Если не ухаживать за суконщиком и не поддерживать его промышленности, дворянин не сможет продавать своей шерсти, фермер и земледелец не смогут процветать и оплачивать ренты, купец не будет иметь чем торговать за границей, не говоря уже о многих тысячах маленьких людей, как например ткачи, валяльщики, чесальщики шерсти, красильщики и некоторые другие профессии, не имеющие других средств существования, кроме заработков, которые они получают у суконщиков. Последние являются источником жизни и краеугольным камнем для всей торговли и промышленности в королевстве» (стр. 565). Автор имеет в виду суконщиков-капиталистов и подтверждает их существование в начале XVII в. «На каждого обыкновенного суконщика работает много сотен бедняков» (стр. 566). Вся книга проникнута апологией суконной промышленности и направлена против торговых компаний, обладающих монопольным правом торговли. Апологет суконщиков, так красноречиво ратовавший за свободу торговли сукном, в свою очередь был сторонником монополии, поскольку дело касалось торговли шерстью. Суконщики боролись за то, чтобы вывоз шерсти из Англии был запрещен и нарушение этого запрета каралось суровым образом.

Вывоз английской шерсти во Фландрию до конца XVI в. был важным источником государственных доходов, так как этот вывоз облагался пошлинами. Так, в 1551 г. были отправлены из Саутгэмптона (Англии) во Фландрию 60 судов, груженных шерстью.

Одновременно с вывозом шерсти происходит вывоз сукна и шерстяных некрашенных материй (до XVII в. их красили во Фландрии). В том же 1551 г. ганзейские купцы вывезли из Англии 44 000 кусков сукна. Конкурировавшие с ними Merchants Adventurers обвиняли Ганзу в том, что ее купцы злоупотребляют предоставленными им в Англии привилегиями, что благодаря им цена на английскую шерсть была значительно снижена. Королевским указом от 1552 г. были отменены все привилегии Ганзы и купцы были приравнены ко всем иностранным купцам, платя 20% пошлины на экспортируемые и импортируемые ими товары вместо 1%. Стремление английских суконщиков обеспечить себе монополию по продаже сукон за границей побуждало их добиваться запрещения вывоза английской шерсти, которая уже в XVI в. считалась лучшей в Европе. Вышеупомянутый анонимный автор одобряет постановление Эдуарда III, запрещавшее вывоз английской шерсти. Но запрещение вывоза сельскохозяйственного сырья противоречило интересам землевладельцев и крестьян, так как снижало цены на шерсть в Англии.

РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ СУКОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ЭКСПРОПРИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА

Как известно, производство шерсти в Англии для вывоза ее во Фландрию приобретает большой размах с начала XVI в. Под влиянием спроса на английскую шерсть началась экспроприация крестьянства в массовых размерах, знаменующая период так называемого первоначального накопления. Интересные сведения об этой эпохе дает Клемент Армстронг в памфлете от 1535 г. под названием «Трактат, касающийся складочного места и продуктов этого королевства» («A treatise concerning the staple and the commodities of this realm»). Автор является современником описываемой эпохи. Дело представляется ему таким образом, что спрос на шерсть увеличился вследствие роста числа торговцев складочного места. «После того как число торговцев складочного места увеличилось благодаря ученичеству, независимо от богатства этого королевства, шерсть, которую бог давал ежегодно Англии в дни короля Эдуарда... , оказалась недостаточной для наличного числа торговцев, они стали конкурировать друг с другом в поисках шерсти в королевстве» (стр. 15—16). Это привело к повышению цены шерсти, а ее усиленный вывоз и вадорожание — к сокращению количества шерсти для английских суконщиков. «Цена на шерсть поднялась настолько, что фермеры и джентльмены стали превращать свою землю в пустоши, устранивая на них пастбища для овец с целью увеличить производство шерсти» (стр. 22). Лорды и фермеры занялись расчетом сравнительной выгодности хлебопашества и овцеводства. Эти расчеты имели своим следствием то, что помещики стали сгонять крестьян с земли и заменять их овцами. О результатах перехода к овцеводству Армстронг пишет: «Таким образом пастбища овец... в течение 60 лет разрушили от 400 до 500 деревень в средней части королевства» (стр. 27—28).

Экспроприация крестьян была важнейшим актом в подготовке предпосылок для развития капитализма. Но об этом мы распространяться не будем, поскольку эта эпоха прекрасно освещена у Маркса в 24-й главе первого тома «Капитала». С XVI в. в Англии берет свое начало многочисленная армия экспроприированных крестьян, поглощение которой развивающейся промышленностью потребовало значительного времени. Отметим только, что экспроприация крестьян была лишь начата в XVI в., а окончательно завершена только в XVIII в. Развитие суконной промышленности привело, как мы знаем, к запрещению вывоза шерсти, т. е. к установлению монополии английских суконщиков на производимую в Англии шерсть.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МЕРКАНТИЛИЗМА И ЕГО КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ

Среди всех этих противоречивых и сталкивавшихся интересов к началу XVII в. приобретают важное значение интересы торговых монополий, представлявших на ряду с ростовщичеством наиболее раннюю форму капитала. Меркантилизм представляет идеологию монопольных торговых компаний, формы торгового капитала и ранней формы развивающегося капитализма. Поскольку интересы торговых монополий выражали прогрессивную экономическую тенденцию, меркантилизм является реакцией против примитивной политики, стремившейся удерживать деньги, привлекаемые торговлей в страну, путем непосредственного регулирования движения самих денег, как например запрещением их вывоза, организацией складочных мест, требованием, чтобы вся иностранная монета обменивалась у королевского менялы и перечекивалась на монетном дворе, государственным регулированием денежного курса (валюты). Все эти методы возможны были на более ранней ступени развития торговли. Защита этих методов в конце XVI — начале XVII в. у Мильса и Мелайнса носит реакционный характер. Против них и выступают меркантилисты, защищая интересы торгового капитала против интересов фиска.

Первым представителем меркантилизма является в Англии Томас Мен, секретарь Ост-Индской компании, с 1613 г. превратившейся в «компанию с объединенным капиталом». Pamфлет Мена «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» был опубликован в 1621 г., но еще до Мена появился трактат, защищавший меркантилистическую политику — в 1613 г. в Италии. Это был памфлет Антонио Серра под названием «Краткий трактат о причинах, которые могут снабдить большим количеством золота и серебра государства, не обладающие собственными рудниками драгоценных металлов» («Breve trattato delle cause che possono far abbondare gli regni d'oro e d'argento dove non sono miniere»). В нашем изложении меркантилизма необходимо прежде всего отметить, что он не представляет направления, школы в области экономической теории, как последующие направления в развитии экономиче-

ской мысли. В меркантилизме мы имеем главным образом систему экономической политики. Само собой разумеется, что эта система экономической политики имеет своей теоретической предпосылкой определенные представления о сущности богатства, о деньгах и т. д., но они не представляют собой чего-то систематического ни по своему существу, ни в своем изложении у разных меркантилистов. В период господства меркантилизма как экономической идеологии, длившийся с начала XVII до последней четверти XVIII столетия (последним крупным произведением меркантилистической литературы является большое произведение James'a Stewart'a «Исследование о принципах политической экономии» — «An inquiry into the principles of political economy», первое издание которого было опубликовано в 1767 г., т. е. за девять лет до знаменитого произведения Адама Смита), экономическое мышление не поднимается над уровнем вульгарной трактовки явлений обращения, видит в нем источник роста богатства. К концу этого периода в борьбе против воззрений меркантилизма (разложение меркантилизма) создаются предпосылки возникновения классической политической экономии.

Г Л А В А 2

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ У МЕРКАНТИЛИСТОВ

РОЛЬ МЕРКАНТИЛИЗМА И ЕГО РАЗЛОЖЕНИЯ В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Предметом нашего исследования является выяснение развития экономических воззрений у меркантилистов. Этот вопрос до сих пор почти не подвергался систематическому рассмотрению. Немногие писатели, занимавшиеся меркантилизмом, либо по своим воззрениям не могли дать правильной картины значения меркантилизма, например Рошер, уже в пятидесятых годах прошлого столетия написавший «К истории английской науки о народном хозяйстве», либо же они исследовали это направление для иных целей (Янжул, «Английская свободная торговля»). Курсы по истории политической экономии, число которых довольно велико, довольствуются большей частью изложением теории торгового баланса и характеризуют меркантилизм как экономическую политику, совершенно не выясняя его классовой сущности и его значения для возникновения политической экономии. А между тем меркантилизм, и особенно эпоха его разложения, имеет огромное значение в развитии экономических идей.

Роль меркантилизма и его разложения в деле создания экономической науки Маркс указал в своем «Введении к критике политической экономии». Характеризуя метод политической экономии, Маркс пишет: «Если я таким образом начал бы с населения, то я дал бы хаотическое представление о целом и только

путем более частичных определений я аналитически подошел бы ко все более и более простым понятиям; от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не достиг бы простейших определений. И тогда я должен был бы пуститься в обратный путь, пока снова не подошел бы к населению, но уже не как к хаотическому представлению о целом, а как к богатой совокупности с многочисленными определениями и отношениями. Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала при своем возникновении. Экономисты XVII в., например, всегда начинают с живого целого, населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные общие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д.»*

Экономисты XVII в., о которых пишет Маркс, это меркантилисты, точнее — английские меркантилисты и представители разложения меркантилизма. Их роль в истории политической экономии заключается в том, что они впервые выделили из конкретного хаотического материала действительности основные абстрактные понятия, легшие в основу позднейшей системы политической экономии. В двойственном пути познания действительности (и это характерно для всякой науки, а не только для политической экономии) от чувственно-конкретного к абстрактному и на обратном пути от абстрактного к рационально-конкретному — меркантилистам и представителям разложения принадлежит заслуга движения по первой половине пути, попытки анализа действительности, что и сделало возможным синтез, который Маркс называет правильным в научном отношении. Вот эта-то сторона экономического мышления XVII в. никогда не подвергалась систематическому исследованию.

В настоящей статье мы ограничиваемся исключительно английским меркантилизмом XVII в. и периодом его разложения. Это обширная тема и огромный материал. Достаточно припомнить, что «Алфавитный и хронологический список книг и памфлетов по торговле», составленный неутомимым собирателем английской экономической литературы Иосифом Мессеи (Joseph Massie) и доведенный им до 1764 г., насчитывает 2377 названий. ** Вероятно только меньшая часть этого количества относится к XVII в., так как рост числа экономических памфлетов в Англии совершался в геометрической прогрессии, однако и составленный нами список экономических произведений XVII в. и первого десятилетия XVIII в. подходит к 500 названиям.

Не следует представлять себе этого движения теоретической мысли как самодвижение, происходившее путем логического углубления. Совершенно отчетливо можно проследить в движении

* «Основные проблемы политической экономии», 1922, стр. 24.

** П. едисловие Jacob H. Holland-г к перепечатке главного произведения J. Massie, *The natural rate of interest*, 1912.

идей, постепенно шедших от поверхности явлений к сущности, отражение развития экономической действительности и вытекавших из этого развития столкновений практических классовых и групповых интересов. Классовая борьба обнаруживает себя не только как движущую пружину объективного развития, но и прогресса теоретических идей.

ПРОБЛЕМА БОГАТСТВА В ПОСТАНОВКЕ МЕРКАНТИЛИЗМА

Основная проблема, поставленная меркантилизмом и образующая как бы красную нить, которая проходит через все остальные вопросы, — это есть проблема богатства. Апогей этой традиции мы находим в названии знаменитого произведения Адама Смита. Богатство выражается в изобилии драгоценных металлов в стране. «Деньги — богатство королевства», пишет Мезьянс в «England's views in the unmasking of two paradoxes» (1603). Истинное богатство — это золото и серебро. Иногда к ним присоединяют и драгоценные камни.

Некоторые наивно связывают характер богатства, присущий драгоценным металлам, с их физической природой, т. е. с их прочностью, сравнительной неизменяемостью и тому подобными свойствами, тогда как обыкновенные товары быстро портятся.

Большинство меркантилистов понимает, что драгоценные металлы — богатство в силу своей общественной функции, т. е. как деньги. Этим они отличаются от прочих товаров, которые в своем натуральном виде не способны выполнять общественной функции денег. «Money answers all things» (деньги все могут) — это изречение, приписываемое меркантилистами царю Соломону и ставшее названием произведения Вандерлинта (1734 г.), выражает характер денег, как всеобщего эквивалента, т. е. их специфически общественную сущность. Но меркантилизм не умеет связать общественной природы денег с их внешней формой, и некоторые приходят к представлению об условном характере денег, о том, что стоимость им придана общественным соглашением, в противоположность другим товарам, стоимость которых обусловлена их потребительной стоимостью.

У Рейнеля мы читаем: «В настоящее время деньги стали общепринятыми и мерилом для всех людей в торговле между собой; поэтому нация, которая имеет больше денег, сильнее и богаче» (Carew Reynell, 1674). *

Меркантилисты видели в деньгах общественную вещь, по преимуществу — всеобщий эквивалент. Неумение разглядеть в деньгах товар, выполняющий общественную функцию, приводило большинство к мысли о чисто условном характере стоимости денег.

Что деньги — богатство, — этот основной принцип меркантилизма находил себе опору в двух обстоятельствах. Во-первых,

* Carew Reynell, The true english interest, 1674.

это самая поверхностная, тем самым по необходимости исходная точка зрения политической экономии. Последняя, как и всякая наука, начинает свое историческое развитие с видимости (Schein), т. е. от фактов, непосредственно данных на поверхности общественной жизни, чтобы лишь значительно позже прийти к сущности. Всякий знает, если он даже ничего не знает, что деньги — богатство.

Второе, более важное, обстоятельство заключается в том, что меркантилизм родился на заре капиталистического общества, которое разлагало натурально-феодалные отношения. Власть денег, деньги как основная общественная сила, — вот что выступает на первый план. Особенно ярко потребность в деньгах, их превращение в важнейшую общественную силу, испытывает государство, например для ведения войны, для содержания армии и флота.

Эти обстоятельства и привели непосредственно к положению: деньги — богатство.

Деньги не только превращенная форма всех товаров, они также исходная точка *торгового* капитала, в отличие от промышленного капитала, кругооборот которого мы можем вести не только с D , но и с P или T_1 . Формула $D - T - D_1$ в ее простейшем виде, т. е. без опосредствующего ее процесса капиталистического производства, или в еще более сжатой форме $D - D$, исторически является исходным пунктом в движении капитала. Поэтому две проблемы — процента и внешней торговли — играют важнейшую роль в меркантилизме.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ КАК ИСТОЧНИК БОГАТСТВА

Классическая точка зрения меркантилизма заключается в том, что источником богатства, т. е. денег, является внешняя торговля. Льюис Робертс начинает свое произведение (1641 г.) с методов обогащения государства. Он находит, что таких методов существует три: война, колонии и внешняя торговля. Первые два — ненадежны, т. е. не всегда приводят к цели. «Но третий и последний — внешняя торговля — считается самым надежным и легким!». * Такое же рассуждение мы находим у Мена, самое название главного произведения которого выражает эту мысль: «Богатство Англии — во внешней торговле». Мы не станем приводить дальнейших примеров, так как эта мысль меркантилистов, занимающая в их теории центральное место, общеизвестна.

Источником богатства является не просто торговля, а именно внешняя торговля, которую многие меркантилисты сознательно противопоставляют внутренней, как бесплодной с точки зрения роста богатства страны.

Приведем выдержку из произведения писателя конца XVII в. Давенанта: «От того, что потребляется внутри страны, нация

* Lewis Roberts, The treasure of traffique, 1641.

в общем ничуть не становится богаче; что один теряет, то другой выигрывает. Но все, что вывозится за границу, есть очевидная и верная прибыль». * Отметим, что Давенант выражает эту мысль в терминах, соответствующих периоду, когда на первый план, как источник обогащения страны (через внешнюю торговлю), выступила мануфактура. Хотя и во внешней торговле прибыль одного — проигрыш другого, но здесь результат иной, поскольку соприкасаются представители различных стран. От того, что один выигрывает за счет другого, страна в целом становится богаче.

Меркантилисты в общем стояли на точке зрения profit upon alienation — прибыли от отчуждения (обмена неравных эквивалентов). Когда Маркс в 4-й главе первого тома «Капитала» анализирует противоречие общей формулы движения капитала $D - T - D_1$ и доказывает невозможность возникновения прибавочной стоимости из процесса обращения, его критика направлена прежде всего против меркантилистической вульгарной теории прибыли от отчуждения товаров.

Как мы указывали выше, внешняя торговля играет особенно важную роль в экономических теориях меркантилизма, потому что она рассматривается как единственный источник накопления богатства. В этой извращенной форме отразился тот факт, что внешняя торговля была наиболее ранним проявлением капиталистического накопления.

РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Быть может, еще более ранней формой был ростовщический капитал, но он занимает особое место. Ведь ростовщический капитал, по указанию Маркса, носит не столько конструктивный, сколько разрушительный характер. Сам по себе, если нет благоприятных условий для развития новых, более прогрессивных форм хозяйства, он создает вокруг себя пустыню в экономическом смысле слова. Припомним его роль в античном мире. Он в этом случае, как свинья в басне Крылова, подрывает свою собственную базу, т. е. те отсталые формы хозяйства, на основе которых он живет и с уничтожением которых он сам погибает. При этом возможны два исхода: либо ростовщический капитал уступает место новым, прогрессивным формам промышленного и торгового капитала, либо мы имеем переход к низшим формам натурального хозяйства. Последнее было в значительной части стран греко-римского мира классической древности.

В Англии XVI в. ростовщический капитал играет довольно значительную роль в связи с развитием товарно-денежного хозяйства. Об этом дают представление специальные памфлеты против ростовщичества, в изобилии появившиеся в конце XVI и начале XVII вв. Большинство этих памфлетов написано попами, вращающимися в кругу канонических законов против ростовщичества,

* Charles Davenant, An essay on the East-India trade, 1697.

но можно указать на такой памфлет, как Вильсона «Рассуждение о ростовщичестве» (1572 г.), автор которого был светским и довольно видным в политическом отношении лицом. В прекрасном предисловии к современному изданию этой книги английский экономист Толи (Tawney) сводит корни ростовщичества к четырем основным группам: ростовщические займы мелкому крестьянину и ремесленнику, предоставление ссуды жившему не по средствам дворянину-землевладельцу, финансирование капиталистической промышленности и торговли, валютное обращение. Первые два типа ростовщичества приводили к ускоренному разрушению феодальных отношений, расчищая почву для развивавшегося капитализма в промышленности и торговле. Поповские жалобы на ростовщичество были бессильным протестом отмиравших классов (преимущественно дворянства) против процесса, вырвавшего почву у них из-под ног. Автор трактата о ростовщичестве от 1611 г. поп Фентон пишет, быть может преувеличивая: «Город и деревня не только запятнаны грехом, но он настолько сплелся с каждым занятием и видом торговли, что структура и течение торговли должны быть изменены, раньше чем можно его уничтожить».* Однако ростовщический капитал, поскольку он проникал в торговлю и промышленность, свидетельствовал о развитии капиталистических предприятий, в первую очередь, конечно, торговых, определивших прогрессивное движение английского хозяйства.

ЗНАЧЕНИЕ ДЕНЕГ, КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ТОРГОВОГО КАПИТАЛА

Значение денег меркантилистами расценивается главным образом с точки зрения формулы $D - T - D_1$, т. е. как обращение торгового капитала. Именно это значение денег подчеркивает Мен своим утверждением, что деньги важны не сами по себе: «Я заявляю, что деньгами нужно пользоваться, чтобы расширить нашу торговлю, привозить в нашу страну больше иностранных товаров, чем мы делали до сих пор, для того чтобы перепродавать их в другие страны и этим путем заработать значительные суммы».**

Деньги, следовательно, важны не сами по себе, а как капитал. Но функционирование денег, как капитала, противоречит их накоплению в виде застывшего сокровища. Меркантилисты приходят таким образом к выводу, который противоречит их исходному основному положению: деньги — богатство.

Деньги, которые копят вместо того, чтобы пустить их в обращение, неизбежно уменьшаются. «Если денежный фонд, на который ведется народом торговля, постоянно увеличивается (предполагая, что люди не копят денег, как сокровище), то необходимо следует, что эти деньги, постоянно отталкиваемые... (словно плотиной), постепенно притянут к себе такое количество товаров... , что их богатство во всяких вещах значительно превзойдет

* Fenton, A treatise of usurie, 1611.

** T. Mun, Englands treasure by foreiegn trade etc.

их денежный фонд». * Поттер только развивает образную аналогию, которую проводит Мен между вывозом денег из государства в целях торговли и бросанием семян в землю при посеве.

Мы видим, как постепенно деньги из самоцели, из внутреннего существа торговли, как формы накопления сокровищ, превращаются в несущественный момент, играющий подчиненную роль в фазе процесса движения и метаморфоза стоимости, превращающего их в капитал. Но так как психология торгового капиталиста видит источник чудодейственной способности денег к самовозрастанию во внешней торговле, а не в производстве, он считает деньги богатством лишь как орудие внешней торговли. Поскольку деньги рассматриваются не изолированно а в их кругообороте, как капитал, естественно является следующая мысль: деньги привлекают товары, но последние в свою очередь снова привлекают деньги. В движении, приводящем к прибыли, последнюю дает только движение, важны не столько деньги сами по себе («деньги остаются неизменными и не приносят никакой прибыли», пишет Мен), сколько товары, являющиеся объектом торговли и действительным источником прибыли. Отсюда следующее рассуждение Папильона: «Это большая, хотя и очень распространенная ошибка — воображать, что обилие или недостаток денег — причина обширной или слабой торговли. Не столько деньги воздействуют на торговлю, сколько последняя открывает находящиеся в скрытом состоянии деньги». ** Многие меркантилисты ссылаются на Испанию, как на пример того, что деньги, достоящиеся стране не в результате торговли, не приводят к ее обогащению, а скорее к прямо противоположным результатам — разорению, поскольку превращают такую страну в покупательницу иностранных товаров. Таким образом богатства новооткрытых стран (Индия, Америка) перешли от Испании к Англии, Голландии и Франции.

БОРЬБА МЕРКАНТИЛИЗМА С ТЕОРИЕЙ ДЕНЕЖНОГО БАЛАНСА

Чтобы понять особенности меркантилизма, необходимо иметь в виду, что он возникает в процессе борьбы торгового капитала против так называемой политики денежного баланса. В противоположность последней его называют поэтому иногда политикой торгового баланса. Общим в системах денежного и торгового баланса является представление о деньгах, как единственном богатстве страны. На этом основании рассматривают иногда систему денежного баланса как ранний меркантилизм, а систему торгового баланса — как меркантилизм в собственном смысле слова. Так, Янжул пишет: «Для достижения этих целей установилась очень сложная система торговой политики, которую можно лучше всего назвать *системой денежного баланса*, так как деятельность госу-

* W. Potter, The key of wealth, 1650.

** T. Papillon, The East-India trade — a most profitable trade, 1677.

дарства и его контроль прямыми и незатейливыми способами направлялись к получению денежного перевеса в свою пользу при каждой торговой операции англичанина с иностранцем. Поэтому вывоз денег за границу был абсолютно воспрещен.

«Эта система, которая отличается от позднейшего *торгового баланса* только иными средствами для одной и той же цели, преследовала ее двумя способами: одни меры были направлены к усилению ввоза монеты, а другие — к предупреждению ее удаления из страны» (Янжул, «Английская свободная торговля», т. I, стр. 5).

Мы считаем, однако, что системы денежного и торгового баланса нельзя подводить под одно общее видовое понятие меркантилизма. Во-первых, их возникновение относится к различным эпохам и соответственно этому отражает различные ступени экономического развития. Во-вторых, система торгового баланса, как мы уже выше сказали, рождается в процессе борьбы, как антагонист системы денежного баланса, тем самым свидетельствуя о том, что обе системы представляют различные классовые интересы. Это было ясно для самих меркантилистов в собственном смысле слова. Исторически система денежного баланса складывается в Англии уже к концу XIV в. В царствовании Ричарда II (1377—1405 гг.) складывается законодательство, цель которого заключается в том, чтобы сначала привлечь как можно более монеты из-за границы, затем употребить все усилия, чтобы удержать ее в стране и помешать снова исчезнуть. Практическими средствами для этой цели были: система складочных мест, законы об истрачении (обо всем этом речь шла в начале), учреждение монетного двора и должности королевских менял.

Вывоз денег частными лицами был абсолютно запрещен.

Высшего развития эта политика достигла в Испании, где за вывоз золота и серебра закон карал смертью. Такая политика преследовала чисто фискальные цели и была мыслима лишь до тех пор, пока внешняя торговля не выходила из рамок средневековой гильдейской структуры, из рамок меновой торговли.

Система денежного баланса совместима, следовательно, лишь со средневековым строем торговли, со средневековыми торговыми гильдиями. Напротив, в системе торгового баланса выступает на сцену более высокая форма торгового капитала. Целью его деятельности является нажива, самовозрастание капитала. Оно происходит на основе внешней торговли по причинам, которые мы выяснили раньше. Необходимым условием для этого является постоянно расширяющаяся торговля, вывоз денежного капитала для купли товаров в одной стране и продажи их по выгодной цене в другой. Томас Мен, секретарь Ост-Индской торговой компании, доказывает в своем памфлете от 1621 г. «*A discourse of trade from England to East-India*», что вывоз денег должен быть разрешен компании, так как, применяя их для закупки индийских товаров, компания в конечном счете возвращает стране больше денег, чем их вывезла. Смысл денег не в том, чтобы накапливать их как сокровище, а в том, чтобы с их помощью увеличивать денежное богатство

страны, но это возможно лишь при условии, что деньги можно свободно вывозить для купли товаров там, где это выгодно.

Меркантилизм выступает против системы складочных мест, кодекса об истрачении, наконец против попытки государства регулировать валютный курс. В этом смысл полемики начала XVII в. между Миссельденом (Misselden), выражающим меркантилистическую точку зрения, и Мэляйсом (Malynes), который является еще сторонником системы денежного баланса. Это — борьба крупного торгового капитала против средневековой торговли.

Внешне дело, действительно, обстоит как будто так, что система денежного и система торгового баланса стремятся к одной и той же цели, к увеличению массы драгоценных металлов в стране, но видят путь к этому в различных средствах. Система денежного баланса стремится достигнуть этого путем непосредственного регулирования движения денег. Система торгового баланса стремится достигнуть того же путем регулирования движения товаров, их ввоза и вывоза.

Однако деньги для системы торгового баланса — это не просто деньги, а денежный капитал. Сохранение принципа системы денежного баланса меркантилизмом, а именно, что драгоценные металлы являются единственным богатством страны, предполагает совершенно иное содержание, выражает иные классовые интересы. В системе торгового баланса (или, что с нашей точки зрения — то же, — в меркантилизме) этот принцип становится выражением интересов торговых монополий, крупного торгового капитала.

Сохранение меркантилизмом основного принципа системы денежного баланса, стремление к возможно большему накоплению драгоценных металлов в стране, как богатства *par excellence* (по преимуществу), представляет собой своеобразный компромисс между фискальной политикой полуфеодалного государства, заинтересованной в росте своих денежных средств (с развитием товарного хозяйства), и интересами торгового капитала. Если политика денежного баланса представляла в наиболее чистом виде фискальные интересы этого государства, то в системе торгового баланса делается попытка примирить интересы фиска и интересы крупных торговых монополий. С одной стороны, целью торговли ставится увеличение денежного богатства страны, с другой — условием достижения этого объявляется разрешение вывоза денег из страны компаниями для торговых целей. Вместе с тем торговые компании используют фискальную цель государства для того, чтобы доказать выгодность для него ведения торговли монополиями, а не частными лицами. Тем самым принцип активного баланса превращается в оружие, направленное, с одной стороны, против преследующей чисто фискальные цели политики денежного баланса, а с другой стороны — против стремления частных купцов принять активное участие в выгодной внешней торговле и подорвать тем самым систему торговых монополий.

Если государство заинтересовано в увеличении массы драгоценных металлов в стране, то оно должно подчинить внешнюю

торговлю регламентации. Интересы государства и интересы частного торговца не всегда совпадают. Последний всегда выигрывает, так как, не получая барыша, он не стал бы и вести соответствующей торговли. Но выгодная для него данная отрасль торговли может быть невыгодной для государства. Так, например, торговля французским вином разоряет Англию, граждане которой расплачиваются полноценными деньгами за вино. Но купцы, ведущие эту торговлю, на ней получают такую же прибыль, как и от всякой другой торговли. Государство не может поэтому полагаться на свободный выбор купцом сферы деятельности, а должно подчинить торговлю своей регламентации. Легче всего это сделать путем предоставления права торговли торговым монополиям, деятельность которых легче можно контролировать. У упомянутого нами выше Уилера мы находим доводы в защиту монополии странствующих купцов. Он утверждает, что при свободной торговле сукном Англия вдвойне потеряет. Конкуренция английских торговцев сукном между собой заставит их дешевле продавать его за границей, и та же конкуренция поднимет цены на ввозимые в Англию иностранные товары. И то и другое значительно уменьшит актив торгового баланса и невыгодно для Англии. Так принцип, лежащий в основе меркантилизма, превращается в обоснование монопольной торговли и выражает интересы торговых монополий.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ТОМАСА МЕНА

Выяснив экономическую основу меркантилистических воззрений на роль денег и показав, почему именно внешняя торговля заняла центральное место в теории, перейдем к изложению взглядов самих меркантилистов. Одной из наиболее замечательных и самой ранней работой, в которой мы находим систематическое изложение теории торгового баланса, является памфлет Томаса Мена от 1621 г. «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией». Мен напоминает изречение Катона: *Patrem familias oportet esse vendacem non emacem*. * Это изречение на разные лады повторяется всеми меркантилистами. Почему же это так? — спрашивает Мен, и приводит следующее сравнение. Допустим, что владелец имения хочет разбогатеть. Как он должен поступать? Мен предполагает, что помещик находится в торговых связях с внешним миром, иначе, с его точки зрения, он не может ни разбогатеть, ни разориться. Если владелец имения живет выше своих средств, иными словами — проживает большую сумму денег, чем выручает в обмен на свои продукты, то он в конце концов разоряется. Когда Мен предполагает, что его помещик проживает большую сумму денег, он не имеет в виду обязательно того, что эти деньги тратятся непроизводительно, т. е. на личное потребление. Достаточно того, что вообще на покупки тратится больше

* Отцу семейства подобает быть продавцом, а не покупателем.

денег, чем выручается от продажи продуктов собственного имени. Если же собственник хочет разбогатеть, он должен, напротив, выручать больше, чем тратит, чего он может достигнуть путем максимального сокращения своего потребления. Излишек денег, который приобретает таким образом, является показателем обогащения нашего помещика. Пока он поступает таким образом, он богатеет и состояние его растет.

Проанализируем рассуждение Мена. Богатство заключается в деньгах. Оно получается в результате торговли, причем она должна давать активный баланс. Пример с помещиком взят Меном из жизни, при этом для английских помещиков из дворян XVII в. баланс часто оказывался пассивным и они разорались. Хозяйство, которое имеет в виду Мен, является уже в значительной степени товарным и имеет главной своей задачей не производство продуктов для собственного потребления, а производство продуктов, предназначенных для обмена, и накопление. С другой стороны, под образом помещика Мен представляет интересы и точку зрения торгового капиталиста. Изложив свой пример, Мен делает тот вывод, что и государство должно поступать таким же образом, как индивидуальное лицо, если желает разбогатеть. Оно должно стремиться к тому, чтобы его граждане как можно больше товаров вывозили за границу и как можно меньше сами покупали иностранных товаров. Избыток вывоза над ввозом по стоимости должен быть покрыт наличными деньгами и образует активный торговый баланс нации, в результате которого увеличивается ее богатство.

Мы уже выяснили выше значение, которое приобрели деньги для государства с развитием товарно-денежного хозяйства. Когда деньги начали становиться крупной общественной силой, государство стало обращать больше внимания на увеличение своих денежных доходов. Так как эти доходы зависели в свою очередь от высоты денежных доходов граждан государства, проблемы экономической политики стали играть важную роль и интересовать в немалой степени правительство. Об этом свидетельствует наличие правительственных советников по делам торговли и финансов при короле, которых мы встречаем уже с середины XVI в. Напомним о роли финансового советника Грешема при Елизавете, участие Коттона, Мелайнса, Поттера, Робинсона и других в специальных правительственных совещаниях по вопросам экономической политики и финансов. Конечно, это не было еще систематическим представительством торговой буржуазии в правительстве, вследствие чего мы почти с начала XVII в. встречаем у всех меркантилистов требование организации постоянного торгово-промышленного совета при правительстве (Council of trade), но все же нельзя сказать, что правительство не считалось с интересами и мнениями наиболее крупных торговцев, впрочем не столько в их интересах, сколько в своих собственных финансовых выгодах.

Это приводит нас к постановке вопроса о классовой природе английского государства конца XVI и XVII вв. Великая англий-

ская революция, начавшаяся во второй четверти XVII в., представляла собой форму, в которой протекала буржуазная революция в Англии. Монархия Стюартов, уничтоженная английской революцией, представляла собой своеобразную английскую форму абсолютной монархии, форму, которая получила общее распространение в других европейских государствах в эту эпоху, напр. во Франции со времени Генриха IV. Своеобразие английской формы этого государства заключалось в том, что здесь роль парламента (палаты общин) была гораздо более значительной и систематической, чем роль генеральных штатов во Франции, и это мешало укреплению абсолютной монархии. Английским королям приходилось не раз отступать перед сопротивлением палаты общин. Примером этого может служить вынужденный сопротивлением парламента отказ королевы Елизаветы от бесконтрольной выдачи промышленных и торговых монополий. Тем не менее общее направление развития государственной власти в Англии шло в сторону укрепления абсолютной монархии, которая достигла своего апогея при Стюартах (Карле I и Карле II).

Абсолютная монархия в европейских государствах сложилась на основе известного и временного равновесия сил между феодализмом и развивавшимся буржуазным хозяйством. В борьбе против политического значения феодалов королевская власть опиралась на развивавшуюся буржуазию, точкой опоры которой были городские коммуны (как их называли во Франции), растущие в своем политическом и экономическом значении города.

С другой стороны, буржуазия не была еще достаточно сильна, чтобы одержать верх в своей борьбе с феодалами и установить соответствующий ее интересам политический строй, как это произошло позже, в эпоху буржуазных революций.

Таким образом на основе более или менее длительного равновесия сил между феодалами и буржуазией, экономическим базисом которого было разложение феодального хозяйства и развитие товарно-капиталистического хозяйства, укрепляется абсолютная монархия.

Последняя, однако, остается по своей классовой природе феодальным государством, выражавшим интересы феодального землевладения. Борьба развивавшейся абсолютной монархии с феодалами преследовала лишь одну цель: сломить политическую самостоятельность и государственный суверенитет феодалов на своих вотчинах — явления, характерные для типичного средневекового феодализма. Абсолютная монархия отнюдь не ставила себе целью сломить экономический базис феодального землевладения, а стремилась лишь превратить феодалов в служилое, подчиненное королевской власти, сословие. Эта задача и была осуществлена укреплением абсолютной монархии.

Разложение феодализма и развитие товарно-капиталистического хозяйства содействовало укреплению королевской власти теми изменениями, которые они вносили в экономический строй общества. Растущее значение промышленности и денег укрепило

военную силу монархии и сломило значение средневековых феодальных дружин. «Введение огнестрельного оружия внесло коренные изменения не только в военное дело, но и в политические отношения господства и подчинения. Для того чтобы иметь порох и огнестрельное оружие, необходимы были индустрия и деньги; тем и другим располагают горожане. Поэтому огнестрельное оружие было с самого начала орудием городов и опиравшейся на них монархической власти в борьбе против феодального дворянства. Прежде неприступные стены дворянских бургов падали под ядрами пушек горожан, а пули бюргерских винтовок пробивали рыцарскую броню. Вместе с облаченной в рыцарские доспехи кавалерией дворянства рухнуло также и дворянское владычество» (Энгельс, «Анти-Дюринг», стр. 223—224).

Весь этот ход развития Энгельс резюмирует следующим образом: «Борьба буржуазии против феодального дворянства — это борьба города против деревни, промышленности против землевладения, денежного хозяйства против натурального, а решающим оружием бюргеров в этой борьбе была их экономическая мощь, постоянно возрастающая благодаря развитию сперва ремесленной промышленности, перешедшей потом в мануфактуру, в распространение торговли. Во время всей этой борьбы политическая власть была на стороне дворянства, за исключением одного периода, когда корона пользовалась бюргерством как орудием против дворянства, с целью держать оба сословия во взаимном равновесии, но с того момента, как политически все еще бессильная буржуазия, благодаря своему возрастающему экономическому могуществу, начала становиться опасной силой, — королевская власть вновь заключила союз с дворянством, вызвав этим сначала в Англии, а потом во Франции буржуазную революцию» («Анти-Дюринг», стр. 219—220).

Мы выяснили тем самым характер взаимоотношений королевской власти и буржуазии в Англии. Политика денежного баланса выступает как чисто фискальная политика, направленная к выгоде государственной власти. Политика торгового баланса, или меркантилизм, — как компромисс между королевской властью и торговыми монополиями, в котором на первом плане стоят интересы государства, но делается известная уступка развивающейся капиталистической торговле.

РАЗВИТИЕ АНГЛИЙСКОЙ ТОРГОВЛИ

Мы можем проследить по литературе XVI и XVII вв. основные этапы развития английской торговли. Начало поворота в сторону активного участия англичан во внешней торговле нужно отнести к тридцатым годам XVI в., по сообщению Клементя Армстронга. Это подтверждается также Джоном Гельсом, или его издателем Вильямом Стаффордом (1547 или 1581 г.). У позднейших писателей XVII в. именно эпоха Елизаветы рассматривается как тот период английской истории, когда было положено начало

блестящего расцвета торговли и промышленности XVII в., который выдвинул Англию на первое место среди европейских держав. В первой половине XVII в. примером для Англии в отношении промышленности и торговли все английские писатели приводят Голландию, начиная с Рэли, Дигса, Тобиаса, Кеймора и др. Даже Вильям Темпл в опубликованной им в 1672 г. работе и Вильям Петти в своих сочинениях все еще ставят Голландию в пример Англии, но уже на первое место выдвигается во второй половине XVI в. конкуренция Франции. Фортрей в 1663 г. сигнализирует об опасности англо-французской торговли, вследствие ее огромного пассива для Англии. Конец XVII в. ознаменован рядом войн с Францией, продиктованных как торговым соперничеством, так и борьбой против политической гегемонии Людовика XIV в Европе.

Вернемся однако к концу XVI в. В самой Англии правительство содействовало развитию суконной промышленности, принимало эмигрантов из Фландрии, бежавших от религиозных преследований со стороны Маргариты Пармской и герцога Альбы. Уже при Генрихе VIII были заложены основы суконной промышленности в Англии, при Елизавете вывоз шерсти был окончательно запрещен законом, хотя борьба с контрабандным вывозом продолжается еще целых два столетия, порождая большую памфлетную литературу.

Развивавшаяся торговля встала в противоречие с политикой денежного баланса и привела к формулировке теории торгового баланса.

Мы отметили значительное развитие уже к концу XVI столетия торговли сукном, с которой связаны были существование и расцвет Компании Странствующих Купцов. Во второй половине и конце XVI в. широко развивается английская внешняя торговля, представленная компаниями Левантийской, Московской, Эстляндской и, наконец, с 1600 г. — Ост-Индской. Прямое запрещение вывоза денег становится непереносимым тормозом для внешней торговли. Новая теория торгового баланса считает, что правительство должно прекратить политику непрерывного регулирования вывоза золота и серебра. Иногда такой вывоз только выведен стране, если он ведет в окончательном итоге к активному балансу. В XVII в. эта точка зрения вообще господствует в теории, если не всегда на практике. Конечно, и в памфлетах мы встречаемся иногда с рецидивом устарелых воззрений о необходимости запрещения вывоза золота и серебра, например у Милльса, Мелайнса, Томаса Вайолета.

Экономическая политика правительства в течение всего XVII в. требовала, чтобы вывоз драгоценных металлов производился каждый раз лишь с особого разрешения государственной власти, причем в принципе он мог происходить только за счет ввозимой иностранной монеты. Так, Ост-Индская компания могла вывозить только испанские серебряные реалы, полученные ею от продажи индийских товаров испанцам. Вывоз английских денег и пере-

плавка их в слитки с целью вывоза рассматривались как государственное преступление. Нет ничего удивительного в том, что одним из первых защитников свободного вывоза драгоценных металлов в торговых целях был Томас Мен. Он выражал своей позицией интересы Ост-Индской компании, торговля которой основывалась на большом по тому времени вывозе драгоценных металлов, особенно серебра. Не случайно Мен сравнивает купца, вывозящего драгоценные металлы (деньги), с хлебопашцем, бросающим семена в землю для посева. Мен, однако, вовсе не противник законодательного регулирования внешней торговли. Почти ни один из меркантилистов не объявлял себя безусловным сторонником внешней торговли *quand-même*, независимо от ее результатов. Все стояли только за такую внешнюю торговлю, которая дает непосредственно или в окончательном итоге активный баланс.

Развитие меркантилистических воззрений на регулирование внешней торговли отражает ход развития экономической жизни от эпохи торгового капитала до расцвета капиталистической промышленности и превращения Англии после промышленного переворота XVIII в. в капиталистическую мастерскую мира.

В общем и целом верно, когда считают классическую политическую экономию представительницей лозунга *laissez faire, laissez passer*, т. е. полной свободы экономической деятельности, в чем бы она ни проявлялась, и противопоставляют ее меркантилистической политике регулирования торговли и покровительственных тарифов. Но уже при меркантилизме можно видеть, как постепенно распространяется новое воззрение о необходимости большей или меньшей свободы торговли. Хотя мы находим даже в заголовках меркантилистических памфлетов выражение «свободная торговля», * а в их содержании — требование свободной торговли, но в начале XVII в. это выражение имеет иной смысл, чем впоследствии, и является преимущественно отражением борьбы против монополии торговых компаний. Того смысла, который это выражение имеет у классиков (невмешательство государства в экономическую деятельность частных лиц, отмена покровительственных пошлин), мы у меркантилистов почти не находим. Впрочем, проблема развития идеи свободной торговли может быть предметом самостоятельного исследования, которое отчасти выполнено в известной работе Янжула.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ГОСУДАРСТВОМ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Представления Мена о торговом балансе и связанные с ними мысли об экономической политике основаны на том положении,

* E. Misselden, *Free trade*, 1622.

Его же, *The circle of commerce, or the balance of trade in defence of free trade*, 1623.

Brent, *Discourses of motives for the enlargement of freedom of trade*, 1645.

Parker, *Of a free trade*, 1648.

что интересы государства и интересы купца не всегда совпадают. Прибыль торговца может означать убыток для государства. Так, например, когда торговец ввозит предметы роскоши, он может получать большие барыши, государство же терпит убыток, поскольку оно расплачивается за них золотом и серебром. После появления памфлета Фортрея * обвиняли в таком вредном для Англии действии французскую торговлю, пассив от которой Фортрей определял в 2 млн. фунтов стерлингов в год — колоссальные по тому времени деньги. Раз внешняя торговля сама по себе, в своем естественном течении, не обязательно приносит выгоду государству, возникает необходимость ее регулирования, поощрения выгодных видов внешней торговли, стеснения или даже запрещения невыгодных. Многие меркантилисты, особенно позднейшие (конец XVII — первая половина XVIII в.), детально исследовали разные направления внешней торговли с точки зрения выгоды или невыгоды их торгового баланса.** Безусловно выгодными считались: левантская, эстляндская, московская, норвежская торговля, торговля с Испанией и Португалией, Африкой и Вест-Индией, сомнительной представлялась ост-индская торговля, бывшая постоянно предметом памфлетных дискуссий. Наконец, определено невыгодной считалась, как мы указали выше, торговля с Францией.

Мы выяснили, почему меркантилисты были сторонниками активного торгового баланса. В этом отражалась точка зрения торгового капитала, стремящегося к накоплению. Какие же причины приводили меркантилистов к мысли о необходимости регулирования торговли? Ведь в отдельных случаях такое направление экономической политики несомненно сталкивалось с интересами довольно влиятельных торговых групп. Это заставляет нас поставить вопрос: чьи интересы находили отражение в практике законодательного регулирования торговли, которая характерна для эпохи меркантилизма? Мы уже указывали, что высокая оценка денег, как исключительной формы богатства, была связана с их ролью торгового капитала. Помимо этого мы знаем их значение для государства, которое всеми мерами поощряло прилив драгоценных металлов в страну и стесняло отлив их из страны. Уже в XVI в. мы находим целую систему соответствующих экономических мероприятий, вплоть до попыток монополизировать в руках государства exchange (торговлю валютой).

Напомним роль Грешема при Елизавете (середина XVI в.). Запоздалые отголоски этих попыток регулирования курса валюты, ограничить вывоз драгоценных металлов, нашли свое отражение у Милльса и в полемике Миссельдена и Мелайнса. В вопросе об активном денежном балансе меркантилисты таким образом как бы продолжают традиции прошлого века, стоявшего на позиции

* S. Fortrey, *England's interest and improvement, etc.*, 1663.

** Gee, *Trade and navigation of Great Britain*, 1730.

денежного баланса, вернее — перерабатывают ее в соответствии с интересами торгового капитала.

Каковы же были эти специфические интересы? Мы укажем на три основных момента, игравших, по нашему мнению, самую главную роль. С самого начала XVII в. мы встречаемся с борьбой между ранними сторонниками «свободной торговли» в вышеуказанном смысле и их противниками, высказывающимися за регулирование и ограничение доступа к внешней торговле.

Сторонники свободной торговли имели сильную правовую опору в том, что монополия противоречит «равенству прав свободно рожденных англичан». Во внутренней экономической жизни уже Елизавета была вынуждена уступить требованиям парламента и отказаться от всех торгово-промышленных монополий, утвержденных ею за отдельными лицами и группами лиц. С тех пор установилось правило, что законной силой обладают лишь те привилегии, которые подтверждены актом парламента. Торговые же привилегии, данные властью одного короля, незаконны. Отметим, что при Елизавете и частично при Стюартах, особенно при Иакове I, была широко распространена система монопольного предоставления отдельным лицам и группам лиц права производства и торговли различными продуктами широкого потребления (мыло, вино, окраска сукна, селитра). Эти привилегии оправдывались стремлением к насаждению и поощрению новых производств, на деле же Стюарты ими пользовались для финансовых целей или для награждения фаворитов. Это обстоятельство играло не последнюю роль в возраставшем раздражении буржуазии против Стюартов, приведшем к революции. Ост-Индской компании, несмотря на ее богатство и могущество, в течение всего XVII в. не удалось добиться парламентской хартии, признававшей за ней право исключительной торговли с Ост-Индией. Практика исключительных привилегий под разными соусами широко применялась до английской революции, соблазняя королей проистекавшими из нее доходами, независимыми от постановлений парламента.

Одним из важнейших доводов участников торговых компаний, особенно паевых товариществ, *joint-stock companies*, в пользу компаний был довод о несоответствии интересам Англии свободной, неупорядоченной торговли (*interlopers's trade*). Представители Ост-Индской компании подчеркивают в некоторых случаях, что они к невыгоде для себя часто вывозят сукно из Англии на большую сумму и тем поддерживают основной отечественный промысел (*staple trade*). К числу своих заслуг компании относят также постройку кораблей для заморского плавания, могущих быть использованными государством в случае войны, ввоз промышленного сырья и предметов военного снаряжения. Все эти положительные черты могут осуществляться будто бы только компаниями, которые сознательно исходят в своей деятельности из интересов государства и умеют, поскольку это нужно, приносить им в жертву собственные интересы, не так, как при анархической торговле инди-

видуального купца, который, конечно, в первую очередь заботится о себе. Именно таков объективный смысл рассуждений о возможном противоречии между интересами индивидуального купца и государства.

Сторонники свободной торговли примыкают к тому же кругу идей, но только доказывают, что свободная торговля была бы гораздо выгоднее для торгового баланса Англии. Напомним еще раз, в каком смысле мы употребляем здесь термин «свободная торговля» в соответствии со взглядами XVII в. Она противопоставляется ограниченной торговле, участие в которой предоставляется монопольно только членам торговых компаний, делившихся на регламентированные компании и паевые товарищества. Индивидуальные купцы (*interlopers*), стоявшие вне компаний, обвиняли одинаково и те и другие в монопольном характере. Сами же участники их оправдывали ту форму, к которой они принадлежали, и приписывали монопольную сущность другой форме. Участники регламентированных компаний (например Левантийской) заявляли, что в них может принимать участие каждый английский купец, уплачивая лишь небольшой вступительный взнос (5 фунтов стерлингов в Компании Странствующих Купцов) и сверх того периодические взносы для обслуживания организации. Защитники Компании Странствующих Купцов, оправдываясь от обвинения в монополии, указывали, что она включает свыше 3000 членов. Противники же ее говорили, что фактически вся власть в руках нескольких человек, которым принадлежат все выгоды от организации. Причину этого монопольного использования привилегии компании мы видим в том, что внешняя торговля требовала крупных капиталов и тем фактически ограничивала число участников. Она препятствовала свободной конкуренции между отечественными и иностранными купцами действовать повышательно на цены национальной продукции и понижательно на цены иностранных ввозных товаров. Монопольному характеру регламентированных компаний участники паевых товариществ противопоставляли якобы демократический характер последних. Они торговали на общий капитал, который получался путем публичной подписки на паи при организации компании. Когда капитал достигал заранее условленной величины, подписка закрывалась. Все подписавшиеся получали паи, соответственно сумме их подписки, и выбирали правление, которое вело все дела компании. После закрытия подписки новые лица могли войти в монополию лишь тогда, когда кто-нибудь из владельцев паев их продавал. Участники паевых товариществ видели демократию в том, что каждый человек, владевший большей или меньшей суммой денег, мог войти в компанию и участвовать во всех выгодах, даже если незначительные размеры капитала лишали его возможности вести индивидуальную торговлю или этому препятствовали личные обстоятельства (малолетние сироты, вдовы).

Ограничение доступа к торговле только владельцам паев они считали справедливым, указывая, что никаких препятствий для

участия в подписке при организации компании никому не ставилось. Если же они не подписывались в начале, и дела компании шли хорошо, новые участники должны оплатить достигнутые компанией выгоды в виде повышенной стоимости паев, передаваемых участниками компании. Нужно отметить, что паевые товарищества в своей торговой деятельности не всегда довольствовались собранным паевым капиталом. Они часто прибегали к более или менее крупным займам на денежном рынке того времени, получая таким образом в свое распоряжение средства зажиточных, но не торговых кругов населения. Им компании платили 5—6% на заемный капитал, сами же наживали, как писал один из противников, 50—60%. Все сказанное особенно применимо к Ост-Индской компании, которая на протяжении всего века играет важнейшую роль не только в хозяйственной, но и в политической жизни страны. Другие обвиняли Ост-Индскую компанию в том, что она вообще торгует не на свои, а на заемные средства. В случае торговых неудач страдают не официальные члены компании, а владельцы капитала, предоставленного ей в ссуду. Широкое пользование заемным капиталом делало членов Ост-Индской компании сторонниками законодательного понижения процента.

Представитель Ост-Индской компании сходилась в своей защите законодательного ограничения процента с идеологами помещичьих групп (например Кельпепер — отец и сын), хотя из совершенно других соображений.

Вся внешняя торговля XVII в., за исключением торговли с Испанией и Португалией, которую не удалось регламентировать, делилась между обоими видами компаний, и последние в одинаковой мере боролись с *interlopers*. Последние, стоя вне указанных компаний, высказывались за свободу торговли и ратовали против монополий. Впрочем, это стремление к свободе торговли едва ли было в достаточной мере искренним. Получив доступ к ост-индской торговле в конце XVII в. путем организации новой компании, они в свою очередь добивались исключительной монополии и ограничения доступа новых участников.

БОРЬБА МЕРКАНТИЛИЗМА С РАСТОЧИТЕЛЬНОСТЬЮ И РОСКОШЬЮ

Перейдем ко второй причине, побуждавшей к требованию законодательного регулирования внешней торговли. Это была борьба с роскошью, и особенно в отношении иностранных (ввозных) предметов роскоши. Борьба с роскошью была в известной мере программным требованием меркантилизма. Помещик, фигурирующий в памфлете Томаса Мена, должен был в целях накопления возможно меньше покупать и как можно больше продавать. Евангелие накопления требовало возможно большего ограничения личного потребления. Пуританизм был наиболее подходящей религией для фанатиков накопления. Борьба против роскоши, как экономически вредного явления, достигла, однако, наивысшего уровня не в Англии, а во Франции XVIII в. Особенно отрицательные су-

ждения о роскоши мы находим у французских материалистов XVIII в. И Гельвеций и Дидро видят в роскоши причину упадка государств и величайшее общественное зло. Объясняется это тем, что во Франции роскошь, которую громили материалисты, была придворной и дворянской роскошью. Буржуазия с возмущением видела, как деньги, выколоченные всякой правдой и неправдой * из нее и народных масс, паразитически проживались и расточались духовенством, дворянством и двором. В Англии борьба с роскошью не приняла таких широких размеров, так как общественные отношения были иными, пережитки феодализма далеко не имели такой силы, как во Франции. Старое феодальное дворянство Англии было уничтожено в войне Алой и Белой Розы, в новых же помещичьих кругах процесс капиталистического перерождения пошел несравненно дальше, чем во французском дворянстве XVIII в. Немалое значение сыграла аграрная революция XVI в. в Англии, разрушившая патриархально-феодальные отношения в сельском хозяйстве. Причины, по которым английские меркантилисты восставали против роскоши, отчасти отражали интересы торгового капитала, отчасти вытекали из новых соображений покровительства национальной промышленности, что приводит нас к третьей причине, обусловившей важное значение в XVII в. теории торгового баланса и идеи законодательного регулирования внешней торговли.

Мысль о вреде роскоши основана на теории торгового баланса. Особенно вреден ввоз предметов роскоши из-за границы. Для того чтобы торговый баланс был возможно активным, необходимо как можно больше вывозить и как можно меньше ввозить. Ограничение ввоза должно главным образом происходить за счет предметов роскоши. Как мы видели выше, борьба с роскошью не приняла широких размеров в Англии, особенно в первой половине XVII в., когда на первом плане стоят еще интересы торгового капитала, как такового. Большой размах борьба против ввозных предметов роскоши приобретает во второй половине XVII в., когда ее источником становится стремление к протекционизму по отношению к отечественной промышленности. Некоторые писатели утверждают, что роскошь вредна не сама по себе, а поскольку она влечет за собой ввоз иностранных товаров.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОТЕКЦИОНИЗМА

Перейдем к третьему и важнейшему пункту. Требования законодательного регулирования внешней торговли и борьба за активный торговый баланс получили широкую поддержку в потребностях и интересах развития национальной промышленности. Именно эти интересы были положены в основу борьбы против французской торговли во второй половине XVII в. и против ост-индской торговли в конце XVII и начале XVIII в. С интересами национальной

* Pierre de Boisguillebert, Le detail de la France, 1697.

промышленности связаны все детальные мероприятия экономической политики, разработанные меркантилистами в целях получения активного торгового баланса. Так старые идеи, являвшиеся руководящими в политике торговых монополий, постепенно проникаются новым экономическим содержанием. Мы видели, как это случилось с примитивной теорией денежного баланса, выражавшей фискальные интересы феодального государства на первых шагах развития товарно-денежного хозяйства. Мы увидим, как это теперь происходит с экономической политикой торгового капитала, постепенно преобразующегося в промышленный, вернее — постепенно отодвигаемого на задний план развитием промышленного капитала. Отметим, что экономическая политика протекционизма продиктована интересами промышленного капитала, а не ремесленной промышленности.

В конце XVI и начале XVII вв. борьба между торговыми компаниями и промышленностью (например суконщиками) несомненно имела место, как видно из памфлета Уилера и анонимного памфлета «*A true discovery...*» от 1623 г., но перевес в этой борьбе был на стороне торговых компаний, поскольку противниками в основном выступали ремесленные цехи. Иное дело в конце XVII — начале XVIII вв., когда с монополистическими торговыми компаниями сталкивается промышленный капитал. В этой борьбе терпит поражение даже сильнейшая и старейшая Ост-Индская торговая компания. Ее победители — производители шелка и хлопчатобумажных тканей.

Развивавшаяся внешняя торговля, с одной стороны, опиралась на промышленность страны, с другой — подталкивала ее в сторону капиталистического развития. В Англии, в отличие от Голландии, транзитная торговля в XVII в. все же не имела такого значения, как торговля продукцией отечественной промышленности. Причину этого английские экономисты справедливо видели в скудности Голландии естественными богатствами, в бесплодии почвы, и противопоставляли ей богатую природу Англии. Однако, в силу многих причин, английской промышленности приходилось выдержать тяжелую конкуренцию, и в первую голову с Голландией, чтобы занять достойное положение на иностранных рынках. Весь XVII в. проходит под знаком экономической борьбы с Голландией, что естественно приводило к литературным попыткам выяснения причин экономической, финансовой и морской мощи Голландии. Это косвенно содействовало развитию английской политической экономии.

Борьба с Голландией, отражение которой в экономической литературе мы рассмотрим позднее, толкала к покровительственным мерам по отношению к английской промышленности. Впоследствии такую же роль сыграла конкуренция с Францией и Индией.

Вся совокупность мероприятий экономической политики была направлена к тому, чтобы привлечь в страну как можно больше денег. Так как для государства, лишенного собственных рудников

драгоценных металлов, единственным способом их привлечения является активная внешняя торговля, теория торгового баланса заняла центральное место у экономистов-писателей XVII в. Мы установили, что в той преувеличенной роли, которая отводилась деньгам, последние все же рассматривались преимущественно не как непосредственная, натуральная форма богатства, а как денежный (торговый) капитал. Отсюда — связь, которую видели меркантилисты между деньгами и внешней торговлей. Если, с одной стороны, изобилие денег в стране — продукт активной внешней торговли, то, с другой стороны, сама торговля имеет своей предпосылкой обладание достаточным денежным капиталом. Последняя мысль особенно усиленно пропагандировалась представителями Ост-Индской компании, заинтересованными в свободном вывозе драгоценных металлов, а потому постоянно подчеркивавшими роль денег как капитала, т. е. как средства для извлечения прибыли путем торговли.

Связь, существующая между деньгами и товарами, приводит к постановке вопроса о способах умножения количества товаров, необходимых для торговли. Прибыль торговца пропорциональна при прочих равных условиях размерам его капитала, последний же связан в известной мере с физическим (вернее — стоимостным) объектом торговли. Следовательно, уже для торговцев и их идеологов вопрос об источнике товаров приобретает важное значение. Свойственный капиталистическому обществу фетишизм приводит экономистов к той извращенной точке зрения, при которой вещам приписываются свойства, вытекающие из общественных отношений. В наиболее резкой форме фетишизм проявляется, когда деньгам, как таковым, приписывается способность создавать дополнительные деньги, т. е. прибавочную стоимость. Особенно отчетливо дело представляется так ростовщику или представителю ссудного капитала. Купец видит, что получение прибыли связано с процессом $D - T - D_1$, т. е. постоянно повторяющимся превращением денег в товар и обратно. Купец, следовательно, склонен, в отличие от ростовщика, приписывать основное значение наряду с деньгами товару. Сама деньги для него — богатство лишь постольку, поскольку они — превращенная форма всех товаров.

Маркс различает в понятии богатства вещественное содержание и социальную форму. «Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости образуют всегда его содержание» («К критике политической экономии», стр. 60). В первой главе «Капитала» Маркс пишет: «Потребительные стоимости образуют *вещественное содержание* богатства, какова бы ни была его *общественная форма*» (стр. 2). Постоянное противоречие потребительной и меновой стоимости, вещественного содержания и общественной формы, разрешается в движении $D - T - D_1$. Соответственно этому мы находим у меркантилистов, наряду с представлением, что деньги — богатство, утверждение, что товары — богатство.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ БОГАТСТВА У МЕРКАНТИЛИСТОВ

Фортрей, определив богатство как избыток естественных и искусственных благ, также указывает на то, что «торговля — это средство, благодаря которому нация может получить все, в чем она нуждается извне, и продавать с наибольшей выгодой то, что может быть сбережено от своей собственной продукции». * «Поэтому мы должны заботиться главным образом о том, чтобы увеличить производство вещей, которые являются наименее обременительными для страны и обладают наибольшей стоимостью в чужих странах». ** Нетрудно усмотреть из этого подчеркивания значения торговли, что мы имеем высказывания представителей торгового капитала, которые признают все значение товаров, но лишь постольку, поскольку они — объект торговли, меновые стоимости, а не просто потребительные стоимости.

В интересах торговли возможно большее увеличение товарной массы. Какими же способами это может быть достигнуто? В изыскании этих способов заключается одна из существенных особенностей меркантилизма. Английские писатели большей части XVII в. брали в качестве образца для Англии Голландию. Мы очень часто встречаемся у англичан с постановкой и попытками разрешения вопроса: в чем причина экономического процветания Голландии? Голландия — страна, лишенная собственного сырья, не имеющая достаточной сельскохозяйственной продукции или ископаемых богатств. Почти всё, в чем она нуждается, она вынуждена привозить извне, в частности из Англии. Чем же она все это приобретает, и притом не беднеет, а обогащается с каждым днем? Мы не будем перечислять всех причин, указываемых различными английскими писателями начиная с конца XVI в. Отметим лишь важнейшие. Это — рыболовство, промышленность и транзитная торговля, особенно первые две. Они доставляют огромное количество богатства (товаров), в обмен на которое голландцы выручают за границей большие деньги.

Причиной процветания Голландии являлась высоко развитая по тому времени промышленность, которая поддерживалась почти исключительно на иностранном сырье, в частности на английской шерсти. Последняя до конца XVI в. вывозилась сравнительно свободно. Елизавета попыталась запретить ее вывоз и поощрять вывоз сукна. Но и в XVII в. голландцы получали контрабандную шерсть из Англии или же перерабатывали неотделанное и некрашеное сукно, которое вывозили англичане, не скоро научившиеся хорошо красить и отделывать сукна. Помимо суконной промышленности в Голландии процветала полотняная и шелковая промышленность.

* S. Fortrey, England's interest and improvement.

** Его же, стр. 11.

ЗЕМЛЯ И ТРУД, КАК ИСТОЧНИКИ БОГАТСТВА

Товары, которые страна производит и которыми она торгует, делятся на две группы: естественные и искусственные блага. Уже Мен, определив богатство как изобилие благ, необходимых для жизни, продолжает: «Это изобилие бывает двойного рода: одни блага являются естественными и имеют своим источником саму территорию; другие — искусственные и зависят от трудолюбия населения».*

В более позднем произведении Мен повторяет свое деление продуктов страны на естественные и искусственные. Национальный доход складывается, по Мену, из двух частей: 1) продуктов сельского хозяйства и 2) промышленных продуктов. Чтобы увеличить богатство страны, нужно расширить сельское хозяйство.

Перейдем к более детальному изложению значения, которое придавалось в XVII в. развитию промышленности.

Основным видом промышленности считалась суконная. Уже с конца XVI в. (со времени царствования Елизаветы) обращалось большое внимание на ее развитие. Всякие жалобы на плохое положение этой отрасли вызвали назначение специальных королевских комиссий для расследования. В памфлете Wheeler'a, вышедшем в 1601 г., сообщается, что по жалобам в 1577 г. была временно отменена монополия Странствующих Купцов на вывоз сукна из Англии. Вопрос о способах возможно большего развития суконной промышленности и монополизировании всех выгод от нее за Англией весьма часто является предметом специальных памфлетов, помимо того что ему уделяется немало места в более общих экономических произведениях. Главным средством для закрепления монополии в производстве сукон и шерстяных материй англичане считали строжайшее запрещение вывоза сырой шерсти из Англии. Английская шерсть (заслуженно или незаслуженно) считалась совершенно исключительной по качеству и единственно пригодной для изготовления тонких сортов сукна. Напротив, континентальная шерсть была гораздо грубее и считалась пригодной сама по себе лишь для изготовления простых, не экспортных сортов сукна. Только в смеси с английской (в отношении 1 части английской и 2 частей континентальной) она давала хорошее сырье для суконной промышленности. Английские памфлетисты считали, что удерживая английскую шерсть в стране, удастся значительно развить производство и экспорт сукна. На эту точку зрения стало под влиянием суконщиков и английское правительство, строго каравшее за вывоз шерсти и вспомогательных материалов, необходимых в суконном производстве (например сукновальная глина). Временами законы карали за вывоз шерсти как за государственную измену (felony).

Меркантилисты были сторонниками поощрения не одной суконной промышленности, а всех ее видов вообще, в частности полот-

* T. Mun, A discourse of trade from England to East-Indie.

няной, железоделательной, шелковой. Последняя приобрела особенное значение к концу XVII в., причем ее интересы пришли в резкое столкновение с интересами Ост-Индской компании, ввозившей большие количества дешевых шелковых изделий из Индии.

Мы показали то значение, которое придавали меркантилисты развитию промышленности и сельского хозяйства. Оно обусловлено было прежде всего стремлением елико возможно увеличить товарную массу, торговля которой была источником прибыли купца. Но необходимость развития промышленности и сельского хозяйства непосредственно обосновывалась тем соображением, что вывоз товаров увеличивает приток драгоценных металлов, делает торговый баланс активным. При этом особенно важную роль играет перерабатывающая промышленность, которая в данном отношении стоит выше сельского хозяйства и добывающей промышленности. Продукты сельского хозяйства, будучи подвергнуты промышленной переработке, представляют значительно большую стоимость и обмениваются на гораздо большее количество драгоценных металлов; следовательно в большей степени, чем вывоз продуктов сельского хозяйства, повышают активность торгового баланса. На этом вопросе останавливается подробно анонимный автор памфлета о суконной промышленности от 1623 г. Он делит все изложение на четыре части. В первой доказывается, что «организация цветущей и богатой торговли покоится на переработке отечественного сырья». * Продажа изготовленных промышленных изделий дает выгодный торговый баланс. «Приложение труда подданных государства к отечественному сырью и соблюдение должного порядка, чтобы промышленные изделия могли быть проданы... являются главным средством для получения активного торгового баланса». ** Это относится к промышленным изделиям в особенности. «В превращении сырья в промышленные изделия заключено такое выдающееся богатство и длительное сокровище, что это даже невыразимо. Ибо шерсть, стоящая не больше 2 шиллингов, превращенная в сукно даст 20, 30, даже 40 шиллингов». ***

Но этого мало. Вывоз и производство промышленных изделий важны еще в том отношении, что они дают содержание многим беднякам.

БОРЬБА С ПАУПЕРИЗМОМ

Не забудем, что Англия XVII в. уже страдала от избытка рабочей силы и имела много бедняков, лишенных средств существования. Ведь в середине XVI в. начался процесс экспроприации крестьянства, выбросивший десятки тысяч пауперов, бродяг, на улицу. Английский рабочий класс, пишет Маркс, цитируя Торнтон, из своего золотого века без всяких переходных ступеней

* A true discovery of the decay of trade, 1623.

** Там же.

*** Там же.

попал в железный век. «Законодательство было испугано этим переворотом. Оно еще не стояло на той высоте цивилизации, на которой национальное богатство, т. е. созидание капитала и беззащитная эксплуатация и пауперизация народной массы, считается последним словом всякой государственной мудрости». * Вопрос о применении труда бедняков много занимал экономистов XVII в., и в промышленности они видели один из наилучших способов для осуществления этого.

Стремление найти занятие для бедняков и тем избавиться от люмпен-пролетариата, а кетати заодно и от больших денежных затрат в виде налога для бедных, падавшего довольно тяжелым бременем на зажиточных прихожан, скоро заменяется новой точкой зрения: мыслью о выгодности труда бедняков. Она, а не филантропические соображения, толкает к тому, чтобы возможно больше использовать рабочую силу бедняков. Создаются проекты о том, как засадить за работу принудительно всех трудоспособных, начиная с четырехлетних детей и кончая глубокими стариками.

Большинство экономистов XVII в. относится неодобрительно к законам Елизаветы о бедных, продиктованным тоже не чувством филантропии, а страхом перед множеством разоренных и лишенных обычных средств существования бедняков. Закон Елизаветы превратил добровольные пожертвования в пользу бедных, собиравшиеся приходским священником, в обязательную повинность, падавшую на всех состоятельных членов прихода.

Мысль об огромной выгоде, доставляемой трудом бедняков в промышленности или в сельском хозяйстве, естественно приводит к постановке вопроса о труде, как источнике богатства, в его специфически товарной форме, т. е. меновой стоимости.

Но этот переход к представлению, что труд является источником буржуазного богатства, знаменует собой уже разложение меркантилизма и подготовку классической политической экономии. Основоположник теории трудовой стоимости Вильям Петти тем самым является отцом классической политической экономии.

Теория трудовой стоимости, перенося проблему создания богатства из сферы обращения, из которой выводят его меркантилисты, в сферу производства, становится исходным пунктом критики меркантилистических воззрений. Мы покажем подробнее противоположность между новой концепцией и взглядами меркантилистов в критике меркантилизма.

«Богатство государства заключается исключительно в применении труда бедняков и в превращении в рабочих тех, кто раньше не работал». ** Chamberlen яснее многих других формулирует положение, что труд — единственный источник богатства. Однако эта мысль в XVII в. становится общераспространенной и так или иначе признается всеми. Этот переход от чистой политики торгового капитала к поощрению промышленности и труда мы находим

* «Капитал», т. I, гл. 24.

** P. Chamberlen, *The poor man's advocate*, 1649.

в несколько общей форме уже у Мена. «Чтобы жить хорошо, процветать и стать богатыми, — пишет он, — мы должны найти способ сбыть наш избыток... И вот тут-то трудолюбие должно сыграть свою роль, не только в увеличении внешней торговли, но и в поощрении и умножении промышленности дома». *

РОЛЬ ТРУДА В СОЗДАНИИ БОГАТСТВА

Естественно, что огромное значение труда в создании богатства яснее всего видели промышленники, в частности суконщики. Уже неоднократно цитированный нами автор памфлета 1623 г. подчеркивает, какое огромное богатство скрыто в превращении сырья (шерсти) в промышленные изделия (сукно).

В своей основной работе Мен пишет «Мы должны елико возможно использовать как естественные богатства, так и промышленные изделия нашей страны, и так как страны, в которых живут только ремесленники, больше населены, чем другие, нужно стремиться иметь возможно большее количество бедняков, в труде которых заключается величайшая сила и все богатства короля и государства, ибо это неоспоримая вещь, что повсюду, где процветает промышленность, торговля также имеет значительные размеры». ** Potter, признавая важную роль в создании богатства за природой, все же считает, что на первом плане должен быть поставлен труд, «ибо очевидно, что как бы страна ни была плодородна сама по себе и как бы она ни была удобно расположена для рыболовства и торговли с другими нациями, однако продукты этой страны не могут быть умножены и их стоимости увеличены без труда ее населения в различных отраслях производства». ***

Поскольку меркантилизм остается верен своей позиции в вопросе об источниках богатства, он рассматривает труд как источник потребительной стоимости наряду с природой. Меновой стоимостью продукт труда становится лишь постольку, поскольку он превращается в объект внешней торговли, вывозится за границу и доставляет стране в качестве своего эквивалента драгоценные металлы. Поскольку же экономисты ставят вопрос о труде как создателе стоимости (меновой стоимости), они тем самым отрицают точку зрения меркантилизма и знаменуют переход к разложению меркантилизма. Этот переход совершается вначале до некоторой степени бессознательно. Рождение новой экономической концепции на первых порах не только не видит еще прямой противоположности вытекающих из нее выводов меркантилизму, но, напротив, внешне связывает себя с ним, как бы рождается из него. Этим объясняется то, что гениальнейший экономист XVII века Вильям Петти, основоположник классической политической

* T. Mun, A discourse of trade etc., стр. 745.

** T. Mun, England's treasure by foreign trade.

*** Potter, The key of wealth, 1650, стр. 2.

экономию, сочетает в своих произведениях свои новые экономические воззрения с рядом меркантилистических пережитков, не замечая внутреннего противоречия. К Петти, как отцу классической политической экономии, примыкает ряд экономистов, ставящих вопрос о труде как источнике стоимости. Лишь исторически внешне они еще связаны с меркантилизмом, теоретически они уже глубоко враждебны ему и выражают разложение меркантилизма.

ТЕОРИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Перейдем теперь к другому вопросу, который получил широкое развитие у меркантилистов и находится в связи с признанием ими роли труда в создании богатства. Мы имеем в виду теорию народонаселения меркантилистов, если, конечно, позволено говорить об их взглядах по этому вопросу как о теории.

Многим современным экономистам осталось совершенно непонятным значение населения в теории меркантилистов. Известный английский экономист Роджерс в статье о Robinson'e, помещенной в «Palgrave's Dictionary of political economy», пишет: «Робинсон хвалил торговлю, потому что она увеличивает количество народонаселения, тогда как Фортрей и последующие за ним экономисты перевернули и тем самым извратили это положение». * А между тем это положение, именно в перевернутой форме, т. е. большее народонаселение увеличивает богатство страны, является важнейшим элементом учения меркантилистов и ничего карикатурного для той степени развития капитализма, о которой идет речь, в себе не заключает.

В чем же заключались взгляды меркантилистов на значение населения? Мы видели, как меркантилисты, выражая интересы торгового капитала, выдвинули теорию активного торгового баланса. Для получения такого баланса необходимо вывозить как можно больше и как можно более ценные товары, и напротив, ввозить как можно меньше и менее ценные товары. Количество товаров определяется размерами производства. Товары бывают двух родов: естественные и искусственные. Для первых имеет значение естественное богатство страны, для вторых — основное значение имеет труд. Труд повышает в огромных размерах богатство страны. Но количество труда, затрачиваемого населением на производство, определяется количеством населения. Поэтому из положения: труд — источник богатства — вытекает положение: население — величайшее сокровище страны.

Какие же меры предлагались меркантилистами? Они были прежде всего сторонниками возможно широкой иммиграции иностранцев-протестантов, бежавших от религиозных преследований на родине, особенно гугенотов из Франции.

Поощрение иммиграции, очевидно, должно было дополняться отрицательным отношением к эмиграции, которая была связана

* Palgrave, Dictionary of political economy, том III, стр. 316.

с ростом колониальных владений Англии в Сев. Америке. Чайльд готов даже допустить натурализацию для евреев, что в XVII в. значило очень много. Интересно отметить еще один способ, имевший целью увеличение населения, вернее — противодействие его уменьшению. Мы имеем в виду предлагавшуюся многими писателями XVII в. отмену кровавых уголовных законов того времени, которые присуждали к смертной казни за незначительную кражу. Борьба с этими законами вызывалась не филантропическими соображениями, а стремлением сохранить нации возможно больше населения. Меркантилисты предлагали заменять смертную казнь в некоторых случаях принудительными работами.

Отметим автора «*Britannia languens*», который к вопросу о росте населения подходит с иной точки зрения, чем его современники. Он считает многочисленное население важным в том отношении, что оно понижает заработную плату. Поэтому нужно не просто обилие людей, но именно пролетариев, вынужденных продавать свою рабочую силу. «Обилие населения должно вызывать понижение и дешевизну зарплат; последняя же удешевляет промышленные изделия». * Но все, что удешевляет изделия промышленности, облегчает вывоз товаров за границу и конкуренцию на внешних рынках, что является источником богатства для страны. По поводу же необходимости не просто множества людей в стране, а именно множества пролетариев, автор пишет: «Население, которое я имею в виду и которое одно лишь может быть полезно для промышленности, это то избыточное население, которое не может найти применения своему труду ни в сельском хозяйстве, ни каким-нибудь иным способом в промышленности и торговле». ** Анонимный автор своим рассуждением как бы иллюстрирует одну мысль Маркса о меркантилизме. Маркс видел в стремлении меркантилистов к возможно большему ввозу драгоценных металлов способ понизить заработную плату рабочих. Во всяком случае автор «*Britannia languens*» именно с этой точки зрения рассматривает роль многочисленного народонаселения. В бедняках в современной автору Англии недостатка, очевидно, не было. «Наше недавно богатое крестьянство обнищало... Едва можно найти в графстве трех фермеров, могущих платить годичную аренду 300—400 фунтов стерлингов. Подсчитано, что число наших бедняков возросло вдесятеро по сравнению с прежним и что их содержание обходится нации в 400 000 ежегодных налогов». *** Другие меркантилисты также подчеркивают, что дело не просто в росте населения, а в росте числа работающих: ремесленников, промышленников и сельскохозяйственных рабочих. Автор «*Britannia languens*», перечисляя способы умножения товаров, на первом месте ставит «численность рабочих или ремесленников, и от этого прежде всего зависит изобилие произведенных товаров». **** То же подчер-

* «*Britannia languens*», 1680, стр. 163.

** Там же.

*** Там же, стр. 131—132.

**** J. Evelyn, *Navigation and commerce*, 1674, стр. 13.

кивает Evelin, который пишет: «Не размеры территории, не удобства положения, не обильное население, но его искусство и трудолюбие обогащают нацию». R. Coke подчеркивает важное значение торговли для создания богатства в противоположность розничной торговле, которую он считает паразитическим занятием и доступ к которой предлагает ограничить. «При существующей организации розничной торговли труд промышленных производителей (artificers), от которых зависит все богатство страны, встречает большие затруднения, и бедные труженики осуждены на лишения и бедность и неспособны улучшить свое личное положение». *

УЧЕНИЕ О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОМ ТРУДЕ

Вопрос о производительном труде ставился уже меркантилистами и находится у них в непосредственной связи с вопросом об источнике богатства.

У меркантилистов мы находим следующий взгляд на природу производительного труда. Они считают производительным труд в той мере, в какой он содействует увеличению денежного богатства страны, накоплению сокровища (treasure).

Внешняя торговля является непосредственным источником драгоценных металлов. Промышленность является условием получения активного баланса, если ее продукты экспортируются за границу, причем приложенный к отечественному или иностранному сырью труд промышленных рабочих значительно повышает его стоимость.

Вывоз сельскохозяйственных продуктов тоже является источником ввоза драгоценных металлов. Однако получать их путем вывоза сельскохозяйственных продуктов или сырья невыгодно, так как стоимость их невысока, а используемые иностранцами для развития собственной промышленности, они становятся тормом для развития отечественного промышленного экспорта. Выгоднее всего его перевозить в переработанном виде продуктов промышленности. Марк пишет об этой точке зрения меркантилистов следующее: «Их (меркантилистов) основным представлением было то, что труд производителен только в тех отраслях производства, продукты которых, будучи вывезены за границу, возвращают стране больше денег, чем они стоили или чем нужно было на них затратить, т. е., стало быть, дают стране возможность в усиленной мере присваивать себе продукты вновь открытых золотых и серебряных копей. Они видели, что в таких странах происходит быстрый рост богатства и среднего класса населения. Чем же на самом деле обуславливалось это влияние денег? Возрастание заработной платы не поспевало за ростом товарных цен; стало быть, она уменьшалась, а вместе с тем увеличивалась относительная прибавочная стоимость, повышалась норма прибыли, не потому, что рабочие становились производительнее, а потому, что уменьша-

* R. Coke. A treatise wherein is demonstrated etc., стр. 69.

лась абсолютная величина заработной платы (т. е. сумма получаемых рабочим средств существования), словом — потому, что ухудшалось положение рабочих. Таким образом труд действительно становился в этих странах производительнее для предпринимателей. Это обуславливалось притоком благородного металла, и это обстоятельство служило для меркантилистов, хотя и смутно понимаемым, побуждением считать производительным только тот труд, который затрачивался в этих отраслях производства.

КРИТИКА МЕРКАНТИЛИЗМА

Раньше чем перейти к систематическому изложению взглядов, характеризующих разложение меркантилизма и зарождение классической политической экономии, остановимся на критике меркантилизма, как он развивается у классических представителей этого направления — Мена, Фортрея, Чайлда и других. Меркантилизм представляет собой предисторию политической экономии. Он вырос непосредственно из практической деятельности торгового капитала в форме торговых монополий XVII в. и отражает их экономическую деятельность.

Поэтому меркантилизм является не столько экономической теорией, сколько экономической политикой. В вопросах теоретического обоснования этой политики он не возвышается над вульгарными представлениями, вытекающими из процесса обращения торгового капитала.

Для торгового капитала источник капиталистической прибыли представляется как результат процесса обращения, продажи товаров выше их стоимости или купли товаров ниже их стоимости. Эти представления подверглись всесторонней критике у Маркса в четвертой главе первого тома «Капитала». Меркантилизм не доходит до понимания производства, как действительного источника прибавочной стоимости. Переход к производству, как источнику прибавочной стоимости, является действительной предпосылкой научной политической экономии. Этот переход характеризует возникновение классической политической экономии, и первые шаги в этом направлении отражают разложение меркантилизма. Экономический базис последнего (разложения меркантилизма) — развитие промышленного капитала.

Торговые монополии, первая форма, в которой развивается крупный торговый капитал, появляются прежде всего во внешней торговле. В борьбе против индивидуальных конкурентов торговые монополии подчеркивают свое преимущество над ними: возрастание торгового капитала есть одновременно рост денежного богатства страны, находящийся в активном торговом балансе. Здесь меркантилизм в своем понимании богатства как денег непосредственно примыкает к теории денежного баланса, но в отличие от нее считает средством увеличения денежного богатства страны не регулирование движения (вывоза) денег, а ре-

гулирование торговли. Регламентация торговли, наилучшим образом обеспечиваемая торговыми монополиями, регулирование ввоза и вывоза товаров, может дать активный торговый баланс. В росте *treasure* (денежного запаса страны) меркантилизм видит рост буржуазного богатства, создание и увеличение прибавочной стоимости.

Эта точка зрения не имеет ничего общего с действительным ростом буржуазного богатства, с прибавочной стоимостью как результатом эксплуатации наемного труда. Поэтому зарождение правильного взгляда на источник прибавочной стоимости неизбежно приводит по всем линиям к критике меркантилизма. Если процесс производства является источником прибавочной стоимости, то внешняя торговля не играет здесь никакой роли, кроме того, что содействует реализации произведенной прибавочной стоимости. Хотя в процессе реализации капитал проходит необходимо через денежную форму, но действительным накоплением капитала не является накопление денег. Следовательно накопление капитала ничего общего не имеет с активным торговым балансом и не находит в нем ни своего выражения, ни показателя. Буржуазное богатство одинаково выражается как в деньгах, так и в товарной массе, обладающей меновой стоимостью.

Меркантилизму присуща фетишизация денег, как *исключительной* формы буржуазного богатства, но фетишизация денег неизбежно ведет к регламентации внешней торговли, которая (регламентация) является тормозом для развивающегося промышленного капитала.

При анализе меркантилизма мы видели попытку поставить вопрос о роли производства, о значении размеров товарного производства. При этом, однако, меркантилисты поставили проблему богатства в его вещественной форме и его источников: земли и труда. Однако в постановке этой проблемы меркантилизмом производство играет подсобную роль для торгового капитала. Не производство само по себе — источник буржуазного богатства, а лишь постольку, поскольку его продукция может обеспечить при надлежащей регламентации активный торговый баланс. Производство рассматривается меркантилизмом только с этой точки зрения. При переходе через разложение меркантилизма к классической политической экономии отношение внешней торговли и производства изменяется в диаметрально противоположном направлении: не производство для целей активной внешней торговли, а внешняя торговля (все равно — с активным или пассивным торговым балансом), как одно из средств реализации произведенной прибавочной стоимости. Не стеснение или регламентация внешней торговли, а возможно большая ее свобода. Развитие промышленного капитала наносит смертельный удар меркантилизму.

Меркантилизм, этот детский лепет возникающего капиталистического способа производства, зародышевая форма погони за меновой стоимостью и прибавочной стоимостью, смыкается с нео-

меркантилизмом современного капитализма эпохи империализма, старческим хрипением дряхлости капиталистического способа производства. Таможенные барьеры, наступательная таможенная политика, таможенные войны, стремление к автаркии, погоня за колониальными владениями, монопольными рынками сбыта и источниками сырья, формально сближают последний период капитализма с его первым периодом. Они свидетельствуют о том, что капитализм перезрел, что он вступил в стадию общего кризиса и мировой пролетарской революции, тогда как на первой стадии это были предпосылки мощного развития капиталистического способа производства, невиданного расцвета производительных сил. В неомеркантилизме современного капитализма находит свое выражение то, что производительные силы переросли капиталистические производственные отношения и нуждаются для своего дальнейшего мощного роста в уничтожении частной собственности на средства производства, в социалистических производственных отношениях.

Победоносные итоги первой пятилетки и первых лет второй пятилетки, мощный расцвет производства в СССР — являются наглядным доказательством гигантских возможностей развития производительных сил с уничтожением сковывающей их оболочки частной собственности.

ГЛАВА 3

РАЗЛОЖЕНИЕ МЕРКАНТИЛИЗМА

КЛАССОВЫЕ КОРНИ РАЗЛОЖЕНИЯ МЕРКАНТИЛИЗМА

В предшествующих главах мы познакомились с тем, что представляет собой меркантилизм в своей развитой и законченной форме. Это — определенная система экономической политики, имеющая своей основой определенные взгляды на природу буржуазного богатства. Практически меркантилизм требует всестороннего вмешательства государства в экономический процесс. Он исходит в этом вопросе из того положения, что интересы индивида, например частного купца, могут не совпадать с интересами государства и даже противоречить друг другу.

Мы читаем у Мена в его основном произведении «Богатство Англии во внешней торговле», в этом евангелии меркантилизма, как называет его Маркс: «Внешняя торговля дает нам пользу трех видов: во-первых, пользу государству, которая существует даже тогда, когда купец (который является главным действующим лицом в торговле) теряет. Во-вторых, прибыль самого купца, которую он иногда справедливо и заслуженно получает, хотя бы государство при этом и теряло. В-третьих, доходы короля, в которых он всегда уверен, даже когда и государство и купец теряют» (Т. Mun, «England's treasure by forreign trade»).

Рассматривая интересы государства как основные, которым должны быть подчинены интересы отдельных купцов, меркантилизм требует системы экономической регламентации, направляющей внешнюю торговлю и хозяйственную деятельность вообще (промышленность и сельское хозяйство) по такому руслу, которое обеспечивает государству возможно больший активный баланс. Это учение о несовпадении интересов индивида и государства является логической основой для защиты торговых монополий, как форм, обеспечивающих в наибольшей степени как интересы государства (как их понимают меркантилисты), так и контроль над торговлей со стороны государства.

Вот почему меркантилизм представляет собою идеологическое выражение политики торговых монополий. В международных отношениях меркантилизм не является сторонником политики «живи и живи давай другим». Он исходил из положения, что экономические интересы различных государств противостоят друг другу.

Торговая прибыль от отчуждения товара (*profit upon alienation*) требует, чтобы активный баланс одного государства получался за счет пассивного баланса другого. Точно также экономическая политика вывоза и ввоза, протекционизма и вывозных премий, сталкивала лбом друг с другом государства, проводившие меркантилистическую политику. XVII век — эпоха почти непрерывных торговых войн как в самой Европе, так и в колониальных владениях, особенно из-за ост-индской торговли.

Англия видит основную задачу в первой половине XVII века в том, чтобы вырвать торговое преобладание из рук Голландии, богатству которой она завидует. Только при Кромвеле, после ряда войн, Англии удастся победить. Но тут она сталкивается с новым противником — Францией, знаменитый министр которой Кольбер тоже проводит меркантилистическую политику, строит военный и торговый флот, создает колониальную империю в Северной Америке, протягивает жадные руки к Индии и ее богатствам. Во второй половине XVII в. начинается ряд войн между Англией и Францией.

Меркантилизм агрессивен не только во вне, но и внутри государства. Здесь он приносит в жертву интересам торговых компаний интересы производителей-промышленников, например суконщиков, примеров чему мы видели в предшествующем изложении немало, начиная с конца XVI в. Монопольные компании подавляют также своих конкурентов — частных купцов, которых они окрестили презрительной кличкой «контрабандистов» (*interlopers*).

Мы встречаемся в многочисленной экономической литературе эпохи с неоднократными жалобами частных купцов, которым иногда удается сломить монополию. Так, при Кромвеле в течение трех лет не функционировала монополия Ост-Индской компании.

Наконец, экономическая политика меркантилизма подавляет интересы сельского хозяйства, в частности землевладения.

Ведь одним из канонов меркантилизма является положение, что отечественное сырье, например шерсть, не может подлежать

вывозу из государства иначе как в переработанной форме продуктов промышленности, как-то: сукна, шерстяные изделия.

Такая политика естественно вела к снижению цен на сельскохозяйственное сырье, поскольку запрещение вывоза имело смысл лишь в том случае, если цены на шерсть вне Англии были выше, чем внутри страны. Можно было бы указать также на интересы денежных капиталистов, вступавшие в противоречия с меркантилистической политикой регулирования денежного процента в направлении понижения процента законом. Монополистический торговый капитал, тщательно следивший за соблюдением своих монопольных прав по части вывоза отечественных товаров и торговля ими за границей, мало считался, однако, с национальной промышленностью в своей ввозной политике. В конце XVII в. мы имеем острое столкновение между Ост-Индской компанией, ввозившей из Индии шелковые и хлопчатобумажные материи, с ткачами шелка и бумажных материй в самой Англии. Эти столкновения привели к драматическому парламентскому разбирательству вопроса о взятках, раздававшихся Ост-Индской компанией высокопоставленным лицам, и к временной отмене ее монополии. Мы перечислили ряд противников монопольных компаний, причем некоторые из них, как например промышленность и ростовщический капитал, выросли в значительной степени под крылышком и покровительством меркантилистической политики. Ведь торговый капитал был заинтересован в росте отечественной промышленности, в увеличении ссудного капитала.

Об этом свидетельствуют почти все памфлеты. Размеры торговли, а следовательно и торговой прибыли, зависят не только от величины денежного капитала, находящегося в руках у торговцев, но и от товарной массы, могущей быть предметом внешней торговли. Можно торговать не только товарами отечественного производства, но и товарами других стран, т. е. заниматься транзитной торговлей, но Голландия была примером ненадежности такой торговли. Навигационный акт Кромвеля, запретивший ввоз в Англию товаров на судах иного происхождения, чем сами товары, был направлен против Голландии и в значительной степени сломил ее торговое могущество. Но даже и в том случае, когда ввозящими странами не принималось особых мер против транзитной торговли других стран, все же и в этом случае гораздо труднее было осуществить монополию. Так последовательно, шаг за шагом, была сломлена монополия Португалии в Ост-Индии и на островах Южного моря голландцами, затем монополия голландцев — французами и другими народами Европы. Иное дело отечественные продукты, если их производство опиралось на могущее быть монополизированным национальное сырье, как шерсть, лес, шелк, лен и т. п. Для Англии такую роль играла суконная промышленность.

Как известно, торговый капитал исторически предшествует промышленному капиталу. При своем возникновении торговый капитал сталкивается с докапиталистическими формами произ-

водства в промышленности и в сельском хозяйстве и с докапиталистическими формами собственности. Это — ремесло и крестьянское хозяйство, это — феодальная собственность. Торговый капитал подчиняет себе эти докапиталистические формы производства и при определенных исторических и экономических условиях разрушает их, создавая на их месте капиталистический способ производства.

Процесс разорения мелкого производителя, попадающего в зависимость от скупщика — представителя торгового капитала, превращение домашних крестьянских промыслов и производства самостоятельного ремесленника в домашнюю капиталистическую промышленность и мануфактуру — этот процесс прекрасно освещен Лениным в его труде «Развитие капитализма в России», и мы не будем его касаться. Мы могли бы привести немало примеров по истории английского хозяйства, иллюстрирующих этот процесс; поскольку это частично было сделано раньше, мы к этому вопросу также не будем возвращаться.

В своей борьбе против эксплуатирующего и разоряющего его торгового капитала мелкий производитель-ремесленник оказался бессильным: не помогли ни петиции в парламент с жалобами против скупщиков-суконщиков, ни декреты, запрещавшие купцам-суконщикам ставить станы в деревне и привлекать крестьян в качестве рабочей силы вне сферы действия цеховых статутов.

Уже в XVI в. процесс развития капиталистических форм производства находится на полном ходу благодаря наличию экспропрированных крестьян, которых государство насильем загоняло в возникавшие капиталистические мастерские. Мелкий производитель был также бессильен в борьбе против монополистического торгового капитала. Государство, нуждаясь в деньгах, вынуждено было раздавать монополии, еще больше ухудшавшие положение мелких производителей, ускорявшие их разорение и возникновение капиталистической промышленности. Таким образом под прикрытием экономической политики меркантилизма совершается развитие капиталистической промышленности. Но тот же процесс протекает быстрым темпом и в сельском хозяйстве. Экспроприация крестьян в начале XVI в. имела другой своей стороной переход от средневекового потребительского сельского хозяйства к хозяйству, направленному к получению возможно большей прибыли и ренты. Этот процесс уничтожения мелкого крестьянского хозяйства и создание фермерского, капиталистического, хозяйства не завершился в XVI в.: он растянулся больше чем на два столетия, и только во второй половине XVIII в., после введения законов об огораживании, покончил с мелким самостоятельным крестьянином — *yeomanry*, игравшим еще такую большую роль в английской революции XVII в.

Развитие фермерского хозяйства изменяло природу земледелия. Землевладелец конца XVI и начала XVII вв. — еще полуфеодалный земельный собственник, проматывающий свое имение в расточительной жизни сверх средств. Он — желанная и беспо-

мощная жертва ростовщика, который захватывает постепенно его поместья, несмотря на анафемы, расточаемые против ростовщиков попами, идеологами феодального землевладения. Новый владелец земли смотрит на нее как на область наиболее надежного помещения капитала.

Новые землевладельцы, вышедшие из презираемых ростовщиков, недовольны тем, что правовые отношения собственности на землю сохраняют еще феодальные пережитки, стесняющие мобилизацию земельной собственности. В ряде памфлетов их представители добиваются введения земельного кадастра, что намного облегчит переход земли из рук в руки. Отношение к земле как к источнику дохода, специфически капиталистическое отношение, выступает уже в проводимом экономистами (например у Петти) сравнении между земельной рентой и процентом на капитал. Уже до Петти Кельпепер рассматривает цену земли как капитализированную из обычного денежного процента земельную ренту. Так меняется отношение к земле, уходящей из рук феодалов и переходящей к разбогатевшей буржуазии: к ростовщикам, купцам. Наряду с капиталистом-фермером и параллельно с ним появился землевладелец-капиталист. Первая революция XVII в. ускорила этот процесс уничтожения и разорения прежней знати и дворянства и перехода земли в новые руки.

О том, насколько далеко пошел этот процесс, свидетельствует установленная в 1689 г., после второй «достопадной революции» — *glorious revolution*, система хлебных законов, просуществовавших в Англии почти до 1849 г., когда она была отменена пришедшей к власти промышленной буржуазией.

Образцом новых землевладельцев является авантюрист и гениальный экономист Вильям Петти. От людей этого рода ведет главным образом свое происхождение современная английская аристократия, как это показал Маркс на примере лорда Лендсдоуна, потомка Вильяма Петти. Когда монополист-торговец и промышленник сталкивались с крестьянином и феодальным землевладельцем в вопросе о вывозе сельскохозяйственного сырья, им легко удавалось одержать верх. Промышленности давалось предпочтение перед интересами крестьянства, так как она имела большее значение для прилива денег в страну и пополнения пошлинами государственного казначейства. Для землевладельца полуфеодального типа вопрос о защите интересов сельского хозяйства не играл большой роли. Его доходы от земли давно получал не он, а ростовщик.

Главными источниками средств для него являлись государственная служба и подачки короля, но с развитием нового капиталистического землевладения и фермерского хозяйства усиливается сопротивление землевладельца политике, приносившей сельское хозяйство в жертву промышленности. Доход землевладельца капиталистического типа — это рента, остающаяся за вычетом из цены сельскохозяйственных продуктов стоимости капитала и средней прибыли. Здесь рента не может быть повышена за счет на-

жима на арендатора, если последний — капиталист, а не мелкий крестьянин. Вопрос о ценах на сельскохозяйственные продукты приобретает первостепенную важность.

Но раньше чем мы перейдем к рассмотрению вытекавших отсюда последствий, остановимся на оппозиции индивидуальных купцов торговым монополиям. Само собой понятно, что они — наиболее ранняя по времени оппозиция. Она выдвигает лозунг свободной торговли, «free trade», — термин, который мы находим уже в заголовках и содержании очень ранних памфлетов. В этих ранних памфлетах, однако, термин «свободная торговля» часто имеет чисто меркантилистический смысл и противопоставляется не монопольным компаниям, а монетарной системе, защищавшей законы против вывоза денег и все те меры, которые, по их мнению, могли вести к этой цели. Так, чистым меркантилистом является Misselden, хотя он и защищает «свободную торговлю». Однако наряду с чистыми меркантилистами появляются авторы, защищающие свободу торговли против монопольных привилегий крупных компаний.

Напомним точный смысл этого термина в рассматриваемую нами раннюю эпоху. Он вовсе не означает отмены правительственной регламентации, покровительственной системы, всего арсенала экономической политики меркантилизма. Этот смысл он приобретает лишь значительно позже, особенно у классиков. Рассматриваемые нами писатели XVII в. сами стоят на меркантилистических позициях, но они за то, чтобы все английские купцы пользовались одинаковыми льготами в области торговли, как и торговые компании, т. е. они — сторонники уничтожения монополистических компаний, причем они аргументируют теми соображениями, что от такой политики повысится активный баланс. С новыми нотками мы встречаемся, когда защитниками свободы торговли выступают представители другого класса — землевладения. В этом отношении очень интересен памфлет анонимного автора под названием «Доводы в пользу ограничения вывоза шерсти» («Reasons for a limited exportation of wool», 1677). Автор с самого начала выявляет свои классовые симпатии. Он пишет о «справедливых жалобах лендлордов и фермеров нашей страны, которые приписывают основную причину своей скудости дешевизне шерсти» (стр. 3). Памфлет написан против таможенного досмотрщика по борьбе с контрабандой шерсти Вильяма Картера, автора нескольких памфлетов по этому вопросу, в частности памфлета «Утверждение интереса Англии в торговле» («England's interest by trade asserted»). На заявление Картера, что мануфактуры дают занятия беднякам, аноним отвечает, что мануфактуры увеличивают число бедняков. «Я не могу согласиться, — пишет он, — с тем, что мануфактуры делают бедняков менее бедными; думаю, что скорее — наоборот. Хотя они и дают имеющимся беднякам работу, но они при этом создают еще большее число бедняков. При этом капиталисты (masters) дают такую ничтожную заработную плату, которая лишь позволяет беднякам не умирать с голоду, пока они

в состоянии работать; когда же возраст, состояние здоровья или смерть отнимет у них возможность работать, их жены и дети чаще всего поступают на попечение прихода. Вот почему в тех городах, где исчезла суконная промышленность, как например в графстве Кентском, имеется теперь меньше бедняков, чем было раньше» (стр. 41). Нельзя отказать автору в очень тонко подмеченной черте капитализма.

Вместе с тем невольно вспоминается позднейшая борьба в XIX в. между землевладельцами и промышленными капиталистами, в которой каждая сторона вскрывает слабые стороны другой. Так, землевладельцы писали о безудержной эксплуатации рабочих на капиталистических фабриках и выступали сторонниками сокращения рабочего дня, конечно в промышленности. Промышленники в свою очередь рекомендовали посмотреть на положение сельскохозяйственных батраков. Так и автор нашего памфлета, защищая интересы землевладельцев, подчеркивает отрицательные стороны капиталистической промышленности: низкую оплату труда, необеспеченность существования рабочих, люмпен-пролетариат.

Само собой разумеется, что интересы землевладельцев представлены у него как совпадающие с интересами всей нации в целом. Он пишет: «Величайший интерес и забота государства должны быть направлены к тому, чтобы охранять знать, дворянство и вообще тех, кому принадлежат земли в нашей стране, во всяком случае в гораздо большей степени, чем немногих промышленников, занятых переработкой избытка нашей шерсти, или купцов, которые получают барыши на вывозе наших промышленных изделий» (стр. 51). В аргументации автора в защиту землевладельцев мы находим некоторые мысли, которые внешне напоминают те, что впоследствии развиваются физиократами. Автор говорит о землевладельцах, что «они являются собственниками и хозяевами земли, которая представляет основу всякого богатства народа, так как всякая прибыль происходит от земли (*all profit arising of the ground*). Они оплачивают все налоги и несут на себе все бремя государства (единый налог физиократов. — *И. П.*); ведь все оплачиваются только теми, кто покупает, но ничего не продает. Все же продавцы могут повысить цены на свои товары или понизить их качество в зависимости от высоты налогов... Они (землевладельцы. — *И. П.*) содержат большие семьи, что очень содействует потреблению продуктов нашей промышленности. Много народу зависит от них, быть может столько же, сколько зависит от состояния суконной промышленности» (стр. 51). Автор подсчитывает убытки, которые терпит землевладение от запрещения вывоза шерсти, введенного в 1647 г. До этого запрещения шерсть продавалась по средней цене 12 фунтов стерлингов за тюк в 240 фунтов. Теперь (т. е. в 1677 г.) цена — 4—5 фунтов стерлингов. Очень характерно, и мы полагаем, что автор памфлета не ошибается, когда он считает акт 1647 г. революционным, результатом политической борьбы и победы в этой борьбе буржуазных классов над помещи-

ками. «Правительство того времени (периода английской революции. — *И. П.*) получило поддержку в гражданской войне со стороны большого числа рабочих-суконщиков, которые больше предпочитали грабить и воровать за полкроны в день, * чем заниматься монотонной работой за 6 пенсов в день; чтобы поощрить и вознаградить их и чтобы ослабить дворянство, они установили это запрещение, как я утверждаю» (стр. 8). В других своих высказываниях автор последовательно защищает политику, выгодную землевладельцам. Он пытается доказать, что низкая цена шерсти невыгодна даже производителям-суконщикам, труд которых оплачивается ниже. Выигрывает только небольшая группа, которых автор называет посредниками-суконщиками: «Род людей, которые сами именуют себя купцами складочного места (*the merchants of the staple*), но в действительности являются лишь спекулянтами; эти столпы торговли являются заклятыми врагами бедняков. Они получают свои барыши главным образом на человеческой нужде. Они зарабатывают на продавцах и на покупателях, которые от этого теряют. Суконщику (производителю. — *И. П.*) они плачутся, что сукно не находит сбыта, что шерсть настолько дешева, что сукно почти ничего не стоит. Когда же они его купили по низкой цене и намерены его продать торговцу или суконщику (оптовому купцу), тогда они начинают петь по-иному. Шерсть, мол, настолько дорога, что бедные суконщики с трудом могут выручить достаточные цены за сукно» (стр. 17). Автор памфлета вообще высказывается против суконной промышленности на том основании, что там, где много мануфактур, там всегда, или по большей части, больше и бедняков... «Справедливо, что при возникновении мануфактур последние применяют много бедняков, но так продолжается недолго» (стр. 19). Что касается практических предложений самого автора, то они довольно умеренны и мало расходятся с общим духом меркантилизма. Он добивается свободной торговли шерстью внутри страны и разрешения вывозить излишек ее за границу. Мы привели большие выдержки из этого замечательного трактата потому, что он дает представление о наиболее раннем литературном проявлении оппозиции землевладения против экономической политики меркантилизма, удавшего по карману землевладельцев.

Автор анонимного памфлета «*Reasons for a limited exportation of wool*» — не одиночка в своей оппозиции меркантилизму. Отметим другого интересного писателя, автора ряда памфлетов, — Рожера Кука. В его произведении «Трактат, в котором доказывается, что английская церковь и государство находятся в равной опасности с торговлей страны» («*A treatise wherein is demonstrated that the church and state of England are in equal danger with the trade of it*, 1671) переплетаются меркантилистические аргументы с критикой традиционной меркантилистической политики. Он

* Плата, которую они получали в армии.

выступает против колоний и Навигационного акта Кромвеля. В ряде мест Кук выказывает себя защитником сельского хозяйства; в частности, он противник запрещения вывоза шерсти. Он пишет: «Пусть читатель посмотрит на положение бедного сельского хозяина (country-man). Ведь считается государственной изменой вывезти шерсть, вследствие чего она превратилась в малоценную дрянь в нашей стране. Поскольку сельский хозяин не может продать у себя в стране своей шерсти, он разорен; если же он попытается доставить себе пропитание путем вывоза ее на внешний рынок, он подвергается наказанию» (стр. 18). Против Навигационного акта Кук также выступает с точки зрения интересов сельских хозяев. Мы находим также у Кука возражение против монополистических торговых компаний и требование свободы торговли. «Продукты сельского хозяйства и промышленности Англии, вывозимые за границу, достаются небольшому числу английских купцов, которые могут покупать что им угодно и на условиях, какие они пожелают. Остальное же они оставляют на руках у бедных соотечественников, лишенных возможности облегчить свое положение каким-нибудь способом. 1) Поэтому наши отечественные товары не имеют той стоимости, которую они имели бы, будь торговля свободной. 2) Как в отношении отечественных, так и иностранных товаров купец-экспортер и местные торговцы могут установить любую цену» (стр. 49). Кук неоднократно подчеркивает, что свобода хозяйственной деятельности способствует расцвету хозяйства. «Торговля тем в лучшем состоянии, чем она свободнее» (стр. 64). Специально он выступает против монополии. «Английские корпорации препятствуют улучшению наиболее ценных отраслей хозяйственной деятельности в Англии» (стр. 70). В свободе торговли он видит причину процветания Голландии, которую ставит, конечно, в пример Англии. «Причина того, что голландское хозяйство более развито и голландцы работают дешевле, заключается в свободе торговли; торговля в Англии ограничена только англичанами, а среди последних — привилегиями корпораций. Если вы хотите получить какой-либо продукт, вы должны его оплачивать по той цене, как заблагорассудится немногим англичанам, производящим его. Свобода торговли в Соединенных Королевствах Нидерландов увеличивает число рабочих рук и делает население более трудолюбивым: так как множество людей конкурирует друг с другом, возникает стремление у каждого превзойти других» (стр. 113—114). Мы привели последнюю цитату из другого памфлета Кука: «Причины роста голландской торговли» («Reasons of the increase of the Dutch trade», 1671).

Мы ограничимся этими соображениями Кука. То, что мы хотели показать, это — факт возникновения оппозиции, выражающей интересы землевладения, против экономической политики меркантилизма; главным практическим требованием этой оппозиции является свобода торговли и вообще хозяйственной деятельности. В отношении сельскохозяйственных продуктов и осо-

бенно сельскохозяйственного сырья (например шерсти) это было требование свободы вывоза их.

Подведем итоги. Разложение меркантилизма обусловлено дальнейшим развитием товарно-капиталистического хозяйства и глубокими экономическими переменами, которые оно вызвало в структуре сельского хозяйства, промышленности и торговли. Эти перемены обусловили изменения в классовой структуре английского общества, в соотношениях различных классов между собой и к государству.

В сельском хозяйстве происходит переход земельной собственности в руки нового класса — капиталистов, для которых земля представляет лишь выгодное применение капитала. Возникает капиталистическое сельское хозяйство, начинает развиваться класс фермеров-капиталистов, хотя до полного оформления его и вытеснения крестьянства в XVII в. еще далеко.

В промышленности развивается капиталистическая мануфактура, дополняемая домашней капиталистической промышленностью. Ремесло вытесняется или попадает в полную зависимость к скупщикам-капиталистам.

Рамки торговых монополий становятся тесными для растущего производства в промышленности и в сельском хозяйстве. Интересы капиталистической промышленности и капиталистического сельского хозяйства вступают в противоречие с интересами монополии и жесткой государственной регламентацией внешней торговли.

Сама торговля выходит за рамки торговых монополий. Увеличивается число *interlopers*, добивающихся уничтожения монополий и свободы торговли. Наряду с этим появляются тенденции к уничтожению оков государственной регламентации по отношению к торговле.

Буржуазия, окрепшая как в экономическом, так и в политическом отношении, не довольствуется прежним компромиссом с государственной властью, приводившим в таможенной политике и в экономическом регулировании к ее подчинению интересам фиска.

Таким образом мы можем наметить три классовых струи в движении против меркантилизма: со стороны землевладения, промышленной буржуазии и самой торговой буржуазии.

Критика меркантилизма со стороны указанных групп идет в следующих направлениях: во-первых, она направлена против монополий, государственной регламентации экономической жизни, идет под лозунгом свободы торговли в том смысле, в каком этот лозунг нашел свое завершение у классиков. Во-вторых, мы видим критику учения меркантилистов о деньгах, как богатстве по преимуществу, и о решающем значении активного торгового баланса для роста богатства.

Наконец, в-третьих, эти критические тенденции противопоставляют меркантилизму учение о труде, как источнике стоимости,

и о присвоении прибавочного труда (прибавочной стоимости) как действительной сущности буржуазного богатства.

* Само собой разумеется, о последней струе мы можем говорить лишь в ограниченном и, в известной мере, условном смысле. В ней находит свой исходный пункт зарождение классической политической экономии, получившей свое дальнейшее развитие в учении А. Смита и Д. Рикардо.

Перейдем теперь к рассмотрению ряда авторов, в произведениях которых находят свое выражение все эти элементы разложения меркантилизма. Исходным пунктом являются в этом отношении экономические воззрения Вильяма Петти, гениальнейшего экономиста XVII в.

Вильям Петти.

Центральной фигурой, представляющей начало разложения меркантилизма и возникновения классической политической экономии, является Вильям Петти. Время появления основных экономических произведений Петти относится к периоду расцвета английского меркантилизма.

У Петти, как и вообще в экономической литературе этой эпохи, мы не находим оформленной экономической системы в собственном смысле слова. Больше того, теоретические вопросы политической экономии не занимают большого места в его произведениях. Теоретических вопросов он касается лишь вскользь, среди статистических, описательных работ, по поводу статистических подсчетов. Не следует забывать, что Петти является основоположником статистики, политической арифметики, как он ее называл. Опровергая мнение Дюринга о «легкомысленном образе мысли» Петти, «отсутствии понимания более глубоких и тонких различий понятий» и т. д., Маркс пишет: «Да это, ведь, вполне в порядке вещей, что напыщенная посредственность может относиться только с ворчливым недовольством к гениальнейшему и оригинальнейшему экономисту-исследователю за то, что яркие искры светлой теоретической мысли не выступают у него сплошь, как готовые аксиомы, но рассеяны в глубине грубого практического материала, например «налогов». (Энгельс, «Анти-Дюринг», ч. 2, гл. 10).

Современники и последующие экономисты считали Вильяма Петти статистиком, а не экономистом. Так, Девенант (экономист конца XVII столетия) называет Петти родоначальником «политической арифметики» в вопросах торговли и финансов. Теоретические же заслуги Петти прошли мимо современников и даже экономистов XIX столетия; понадобилась глубокая эрудиция Маркса, чтобы стряхнуть пыль веков с теоретического наследия В. Петти.

Эта странная участь, постигшая гениального экономиста, несомненно объясняется тем, что его идеи, дающие Марксу безусловное право считать его «отцом политической экономии», у самого Петти, как мы уже говорили, не систематизированы. Прошло около столетия, раньше чем они приняли более или менее систематический облик у Адама Смита, который оказал такое

сильное влияние на развитие политической экономии, что заслуги его предшественников были забыты.

В. Петти принадлежит ряд произведений, посвященных экономическим вопросам. В 1662 г. появилось его первое экономическое сочинение: «*A treatise of taxes and contributions*» («Трактат о налогах и податях»). В 1672 г. вышли: «*Политическая анатомия Ирландии*», «*Политическая арифметика*», «*Опыты по политической арифметике*», «*Трактат об Ирландии*». Произведение Петти «*Quantulumcumque concerning money*» («Кое-что о деньгах») написано в 1682 г. в связи с предполагавшейся денежной реформой.

Петти открывает своими произведениями период разложения меркантилизма и кладет начало классической политической экономии. В этом его важнейшая черта и специфическая роль в истории политической экономии. Тем не менее необходимо отметить, что, наряду с этими основными чертами экономического творчества Петти, мы находим у него ряд меркантилистических пережитков. В этом отношении Петти несколько напоминает А. Смита. Подобно тому как Смит не удалось полностью изжить физиократические воззрения (например в теории земельной ренты, в вопросе об особенно высокой производительности земледельческого труда), так и Петти сохраняет не мало меркантилистических пережитков, не замечая их внутреннего противоречия с теми взглядами, которые характеризуют его как основоположника классической политической экономии. Мы начнем с краткого изложения меркантилистических элементов у Петти.

ЭЛЕМЕНТЫ МЕРКАНТИЛИЗМА В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ПЕТТИ

Как мы уже отметили выше, элементы меркантилизма зачастую переплетаются у Петти с его правильными, т. е. идущими по линии классической политической экономии взглядами, причем он сам не замечает этого противоречия. Так, мы находим у него меркантилистическое понимание богатства как денег (драгоценных металлов), притом обосновываемое совершенно вульгарным образом. Петти пишет:

«Важнейший и конечный результат торговли — не богатство в широком смысле слова, но главным образом изобилие серебра, золота и драгоценных камней, которые не гибнут, не так изменчивы, как прочие товары, но являются всегда и повсюду богатством, тогда как обилие вина, хлеба, дичи, мяса и т. п. — богатства лишь *hic et nunc* (здесь и теперь), так что производство и торговли такими товарами, которые наполняют страну золотом, серебром, драгоценными камнями и т. п., выгоднее всех других». *

Петти сводит преимущества драгоценных металлов и камней к их естественным свойствам, фетишизирует драгоценные металлы

* W. Petty, *Political arithmetic* (Economic writings), т. I, стр. 259—260.

как форму стоимости. Но он признаёт, как и другие развитые меркантилисты, что деньги важны не сами по себе, не своим количеством. «Не является ли страна более бедной, когда у нее меньше денег? Не всегда; подобно тому как самые деловые люди держат при себе мало денег или совсем их не держат, но обращают их на покупку и продажу всяческих благ для извлечения наибольшей прибыли, так может обстоять дело и с целым народом, который есть не что иное, как множество людей». * Как и Мен, Петти указывает на средство заменить недостающие стране деньги, — а именно на организацию банка. Выше было цитировано мнение Петти о том, что нужно производить такие товары, вывоз которых может снабдить страну драгоценными металлами, т. е. дать активный торговый баланс. По общему мнению меркантилистов, активный торговый баланс является преимущественно результатом вывоза промышленных изделий. Чем больше развита промышленность, тем ценнее вывоз, тем больше активность баланса. Меркантилисты, вообще говоря, не отрицали, что и вывоз сельскохозяйственных продуктов может быть выгоден стране, но относительно выгоднее вывоз промышленных изделий. Сукно имеет гораздо большую стоимость, чем шерсть; выгоднее вывозить сукно, чем шерсть. Вообще меркантилисты считали, что надо всячески стремиться развивать национальную промышленность, перерабатывать сырье в фабрикаты и вывозить главным образом последние. Напротив, если ввоз неизбежен, то надо стараться ввозить как можно меньше или совсем не ввозить фабрикатов, а главным образом ввозить промышленное сырье для поощрения национальной промышленности. На этой точке зрения, в общем, стоит и Петти. «Можно больше заработать промышленностью, чем сельским хозяйством, а торговлей больше, чем промышленностью». ** Под торговлей Петти понимает транзитную и внешнюю торговлю. К вопросу о роли налогов Петти подходит и с другой стороны, а именно с точки зрения их влияния на богатство страны. В основном Петти становится тут на меркантилистическую точку зрения. Поскольку налоги не влияют на количество денег в стране и на богатство страны, т. е. не увеличивают и не уменьшают количества денег в ней, они не уменьшают богатства страны.

В отличие от большинства меркантилистов, выступавших против расточительства и роскоши, Петти считает, что они не приносят ущерба богатству страны, поскольку ограничиваются продуктами отечественного производства, т. е. не влекут за собой вывоза денег за границу.

По этим двум вопросам Петти пишет в «Трактате о налогах и податях».

Он начинает с утверждения, что как бы велики ни были налоги, «если взятые деньги не выходят из страны, последняя остается

* W. Petty, *Quantulumcunque concerning money*, 1682, вопрос 23-й и ответ на него (W. Petty, *Economic writings*, edited by Hull, т. II, стр. 446).

** W. Petty, *Political arithmetic*, стр. 256.

неизменно богатой по отношению ко всякой другой стране). * Поэтому Петти считает неправыми тех, кто ворчит по поводу того, «что деньги тратятся на увеселения, великолепные зрелища, триумфальные арки и т. п.; на это я отвечаю, что это, собственно, означает переход денег к промышленникам, которые изготовляют соответствующие вещи; и хотя эти промыслы кажутся суетными и обслуживающими только потребности в украшениях, они влекут перелив денег к наиболее полезным промыслам, а именно к пивоварам, пекарям, портным, сапожникам и т. п.» **

Следующим важным пунктом, в котором Петти примыкает к меркантилистам, является вопрос о двух источниках богатства: земле и труде, соответственно чему богатство делится на естественное и искусственное, т. е. на продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности, с одной стороны, и на продукты обрабатывающей промышленности — с другой.

Новое у Петти — в том, что он в связи с этим делением делает попытку выразить *стоимость* продукта в обоих составных факторах; затем он переходит к сведению их к единому источнику — труду; тем самым Петти становится основоположником теории трудовой стоимости, о чем речь будет идти дальше.

Вопрос о роли труда, как одного и важнейшего источника богатства, приводил, как мы видели, меркантилистов к их теории народонаселения и его влияния на рост богатства страны. Аналогичные взгляды на народонаселение мы находим у Петти. В IV главе «Политической арифметики» Петти мы читаем: «Если бы в Англии жил только один человек, вся территория страны давала бы лишь столько, сколько необходимо для существования одного человека; если бы к этому человеку присоединились и другие люди, рента или выгода от той же земли была бы двойной (при присоединении к первому человеку второго), тройной (при прибавлении двух человек) и т. д., пока на этой территории не будет жить столько человек, каковому количеству она сможет только доставить пищу» *** В «Трактате о налогах» Петти резюмирует свои взгляды на население: «Малочисленность народонаселения — действительная бедность. Народ, состоящий из 8 000 000 душ, более чем вдвое богаче, чем народ из 4 000 000 душ, живущий на такой же территории». И Петти особенно ярко выражает связь между населением и трудом, говоря о десятинах (налоге в пользу церкви): «Десятина возрастает на определенной территории по мере того, как возрастает труд этой страны; а труд страны должен расти по мере того, как растет население» **** Все указанные соображения объясняют нам, почему меркантилисты были сторонниками всех мер, ведущих к увеличению населения. К тому же Англия XVII в. далеко не страдала от избытка народонаселе-

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 32.

** Там же, стр. 63.

*** W. Petty, Political arithmetic, стр. 286.

**** Там же, стр. 77.

ния, определявшегося, по весьма приблизительным подсчетам современников (King), в 6—7 миллионов человек.

Мы находим у Петти также меркантилистические воззрения на производительный труд. Поскольку меркантилисты считают причиной роста богатства страны активный торговый баланс, они рассматривают как непосредственно производительный труд (т. е. труд, увеличивающий богатство страны) тот, который приводит к активному торговому балансу. Это прежде всего и непосредственно — труд, занятый во внешней торговле, косвенно лишь — труд в производстве. На первом месте стоит промышленность, второе место занимает сельское хозяйство.

Эту градацию производительного труда с точки зрения его роли в активном торговом балансе мы находим также у Петти.

Последний вопрос, в решении которого мы находим некоторые черты сходства у Петти с меркантилистами (например с Чайльдом), это — вопрос о проценте.

Вместе с Чайльдом Петти разделяет тот взгляд, что высота процента влияет на цены товаров, а тем самым — на внешнюю торговлю и развитие промышленности. «В Ирландии уровень процента равен 10, что является большим препятствием для торговли, поскольку процент повышает цену ирландских товаров и дает возможность другим нациям конкурировать с Ирландией, продавая свои товары дешевле». По указанию Маркса, называющего Петти, наряду с Буагильбером, основоположником классической политической экономии, меркантилистические воззрения сильнее выступают в его ранних произведениях. «Совершенно законченный, как бы отлитый из одного куска труд представляет собой сочинение Петти «Кое-что о деньгах», опубликованный в 1682 г. Здесь совершенно уже исчезли последние следы меркантилистических воззрений, которые встречаются в других его сочинениях». * Мы выяснили, в каких отношениях можно считать Петти меркантилистом. Если бы вышеуказанным ограничивались взгляды Петти, он не выделялся бы ничем из массы современников-экономистов. Но наряду с обычными меркантилистическими воззрениями мы встречаем у Петти глубоко оригинальные мысли, которые делают из него основателя классической политической экономии. При этом он затрагивает почти все важнейшие вопросы науки: теорию стоимости, теорию денег, проблему прибавочной стоимости, земельной ренты, процента, заработной платы. Этого перечня достаточно для того, чтобы показать, насколько широки интересы Петти и его значение почти для всех проблем политической экономии.

ПРОБЛЕМА СТОИМОСТИ

Роль Петти, как основоположника теории трудовой стоимости, должна быть особенно подчеркнута. До Петти теории стоимости в собственном смысле слова нет; мы не находим ни

* Энгельс, Анти-Дюринг.

у одного меркантилиста даже такого простого вопроса: чем определяется меновая стоимость данного товара? Не нужно смешивать, рассматривая историю вопроса, проблемы стоимости и проблемы цены. Уже в конце XVI столетия Боден формулирует теорию, которая впоследствии получила название количественной теории денег. Она была непосредственно подсказана революцией в ценах, происшедшей в связи с огромным приливом драгоценных металлов из новооткрытой Америки. Но утверждая, что цены товаров пропорциональны количеству золота и серебра в стране и обратно пропорциональны массе товаров, Боден далек от того, что мы понимаем под теорией стоимости. После Бодена и до Петти мы не находим ни у одного из меркантилистов (французских, английских или итальянских) даже попытки двинуться дальше в вопросе о цене и стоимости.

Довольно значительную экономическую литературу вызвали столь обычные в XVI и XVII вв. порча и «повышение» монеты, но и тут даже у наиболее проникательных экономистов (например у Роберта Коттона) дело шло не дальше положения: стоимость монеты зависит не от наименования, а от количества содержащегося в ней драгоценного металла. Издатель собрания экономических произведений Петти Null в предисловии, посвященном характеристике экономических воззрений Петти, считает возможным указать на Гоббса как на автора, натолкнувшего Петти на теорию трудовой стоимости. Null отмечает ошибочно XXIV главу книги Гоббса «О гражданине». На самом деле речь идет о XXIV главе «Левиафана». Кое-что можно найти для характеристики экономических взглядов Гоббса в главе XIII «О гражданине». Мы покажем, путем анализа Гоббса, насколько ошибочно указание Null'я, оспаривающее оригинальность Петти.

Глава XXIV «Левиафана» носит название «О питании и размножении государства». «Питание государства, — говорит Гоббс, — заключается в изобилии и распределении пригодных для жизни веществ. Это изобилие ограничено природой теми благами, которыми нас снабжают две груди нашей общей матери (природы) — земли и море, или же которые она продает человечеству в обмен на труд». Гоббс поясняет дальше смысл последнего выражения: «Материю питания, заключающуюся в животных, растениях и минералах, бог свободно предоставил нам на поверхности земли или вблизи нее; так что мы не нуждаемся ни в чем, кроме труда и трудолюбия, для получения их, поскольку обилие зависит, помимо божьего благоволения, исключительно от труда и трудолюбия людей». Нет страны, которая не обладала бы излишком какого-нибудь продукта. Этот излишек перестает быть таковым, если он выменивается на продукты, производимые в других странах. Последние могут быть получены или путем обмена на собственный излишек продуктов, или посредством войны, или, наконец, в обмен на труд, «так как человеческий труд — тоже товар, который можно выгодно выменять, как и всякую другую вещь». Гоббс имеет в данном случае в виду факты, характерные для Голландии, на которую

вообще в XVII в., начиная уже с Рели, указывало, как на образец для Англии, большинство английских экономистов. Именно к Голландии относятся преимущественно слова Гоббса о странах, которые, «имея не большую территорию, чем необходимо было населению для жилья, не только сохранили, но и увеличили свое могущество отчасти трудом, выражающимся в транзитной торговле, отчасти же продажей промышленных изделий, сырье для изготовления которых было доставлено из других мест». Труд, как мы видим, рассматривается как источник потребительной стоимости, материального богатства.

Обмен труда на товары фактически имеет место уже у ремесленника, работающего из материала заказчика.

Еще более элементарны экономические рассуждения Гоббса в опубликованном значительно раньше произведении «О гражданине». Видеть в приведенных нами рассуждениях даже зародыш трудовой стоимости — совершенно несостоятельно, иначе пришлось бы честь открытия приписать не Гоббсу, а имеющему несравненно больше прав на нее писателю первой половины XVI в. Клементу Армстронгу. В его небольшом произведении мы читаем: «Все богатство государства имеет своим источником труд простого народа».

О выгоде вывоза сырья, превращенного уже в самой стране в промышленное изделие, знают даже самые ранние меркантилисты, т. е. они уже проповедают обмен труда на товары. Тот же Армстронг: «Если бы вся шерсть была обработана в самом королевстве, труд (изделия) народа имел бы гораздо большую стоимость для королевства, чем ныне вся шерсть вместе с дающими ее овцами». Мы могли бы процитировать аналогичные места из знаменитых диалогов Джона Гельса, относящихся к 1547 г. Можно ли проводить хоть какую-нибудь параллель между крайне тощими экономическими мыслями Гоббса, который в этом отношении несколько не интересен, и замечательными взглядами Петти на стоимость и труд, как создателя стоимости? После Петти вопрос о причинах стоимости в той или иной постановке уже не сходит со сцены. Им занимаются в конце того же века, в котором писал Петти, Локк, Барбон, Чемберлен, причем Барбон впервые набрасывает теорию спроса и предложения. Но Петти, повторяем, является первым в истории экономической мысли, кто поставил проблему стоимости и дал в сущности наиболее правильное ее решение, не превзойденное никем до Адама Смита. При этом Петти не бредет бессознательно по никем до него не проложенному пути, а отдает себе ясный отчет во всей важности проблемы. В «Политической анатомии Ирландии», где Петти подходит к стоимости как к производному земли и труда, он считает необходимым выразить стоимость в одном из двух факторов, для чего нужно найти соотношение между ними. Выражение соотношения между землей и трудом, т. е. в конечном итоге выражение стоимости в труде, Петти называет важнейшей проблемой в политической экономии.

Мы находим у него различие цены и стоимости. Первая —

это так называемая «политическая» цена, стоимость же он называет естественной ценой. Излагая теорию стоимости, Петти заключает свое изложение фразой, свидетельствующей о том, что он видел в стоимости не непосредственную внешность явлений, а их глубокое основание, скрытое под сложной надстройкой.

Что стоимость определяется трудом, затраченным на производство, и только им, видно по следующей цитате из «Трактата о налогах»: «Если бы кто-нибудь добыл из рудников Перу и привез в Лондон унцию серебра, затратив на это то же самое количество времени, в какое он мог бы произвести бушель зерна, то одно было бы естественной ценой другого; если бы, благодаря новым, более богатым рудникам ему удалось бы так же легко добыть две унции, как прежде одну, то зерно, при цене в 10 шиллингов за бушель, было бы теперь так же дешево, как прежде при цене 5 шиллингов *ceteris paribus*». * Совершенно также определяет Петти в другом месте того же сочинения сравнительную стоимость хлеба и серебра, но только вводит в свои расчеты земельную ренту: «Представим себе, что какой-нибудь человек в состоянии обработать собственными руками определенное пространство земли, вспахать, заборонить, засеять, снять и свезти зерно, обмолотить, провеять, — словом, сделать все, чего требует земледелие, и что у него есть достаточное количество семян, чтобы засеять поле. Если он вычтет из урожая семена, а равно и все то, что он потребил сам и отдал другим в обмен на платье и другие необходимые ему предметы, то остаток зерна составит естественную и действительную ренту за данный год». **

Если мы выразим современным экономическим языком расчет Петти, то можно сказать, что он представляет продукт (стоимость) как сумму двух частей, так как его рента в сущности есть прибавочная стоимость. Петти ставит вопрос, как выразить эту ренту (прибавочную стоимость) в деньгах: «Следующий, хотя несколько особняком стоящий вопрос, может быть: в каком количестве английских денег выражается стоимость этого зерна или ренты? Я отвечаю: она равна сумме денег, которую другой человек мог бы сберечь в то же самое время за покрытием своих расходов, если бы он всецело занялся производством денег. Предположим, что этот другой человек отправляется на серебряные прински, добывает там серебро, очищает его, перевозит его в то место, где первый производит свое зерно, чеканит из серебра монету и т. д. Предположим далее, что это лицо во все время производства серебра приобретает также необходимые средства пропитания, одежду и т. д. Серебро второго должно быть равно по стоимости зерну первого; если серебра имеется, положим, 20 унций, а хлеба 20 бушелей, то цена одного бушеля зерна будет равна одной унции серебра». *** Петти приравнивает стоимость всей добытой массы се-

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 43.

** Там же, стр. 50—51.

*** Там же, стр. 43.

ребра за вычетом того количества, которое было затрачено на существование производителя, к количеству хлеба, произведенного такой же затратой труда, за вычетом средств существования производителя. Петти мог бы обойтись без расчленения стоимости на заработную плату и прибавочную стоимость, но в данном случае его интересовало определение прибавочной стоимости в хлебе.

Петти не только определяет стоимость затратой труда, но попутно отмечает трудности количественного приравнивания качественно разнородных видов труда и разрешает эту задачу: «Поскольку производство серебра, быть может, требует большего умения и сопряжено с большими случайностями, чем производство зерна, все же это сводится к одному: пусть сто человек занимаются в течение десяти лет производством зерна, и столько же народу в течение того же времени — производством серебра. Я утверждаю, что совокупный чистый продукт серебра равен совокупному чистому продукту зерна и что цена определенной части одного продукта равна цене такой же части другого».*

Задача сведения сложного труда к простому также остроумно разрешена Петти, который рассматривает сложный труд как более производительный. Ведь в конце концов важно не правильное решение Петти той или иной частной проблемы, а самое дерзание «найти равенство между искусством и простым трудом».

Хотя стоимость определяется трудом, однако непосредственно она измеряется двойной мерой: землей и трудом. «Но то, что я должен сказать по этому поводу, это — то, что все вещи должны измеряться двумя естественными мерами; таковыми являются земля и труд, т. е. мы должны сказать, что овца или одежда стоит такого-то количества земли и такого-то количества труда; так как и овцы и одежда — продукт земли и человеческого труда на ней». Тут мы сталкиваемся с мыслью, которая нашла хороший прием у ряда крупнейших экономистов после Петти, особенно у Локка и Кантильона.

Определение стоимости товара землей и трудом свидетельствует о том, что Петти видит в труде только его конкретный характер, а в товаре — потребительную стоимость. Как потребительные стоимости, все товары для своего создания нуждаются в материале, непосредственно данном природой, землей, и в различных видах производительного, полезного труда, видоизменяющих природу. В этом именно смысле нужно понимать сведение всякого товара к земле и труду. Особенно ярко эта мысль выступает у одного из «верных» (наиболее заимствовавших) последователей Петти — английского философа Джона Локка. У самого же Петти мысль о сведении стоимости к земле и труду не получает дальнейшего развития. Таким образом Петти обнаруживает верный экономический инстинкт, не развивая в сущности неправильной линии в вопросе о стоимости, после того как он дал правильное решение вопроса.

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 43.

Локк, уже после Петти, пытается установить отношение между стоимостью как продуктом земли, и той долей стоимости, которая является продуктом труда. Петти, следовательно, как мы уже говорили, не случайно наряду с выражением стоимости через труд применяет также определение стоимости трудом и землей. Он в этом отношении частично примыкает к меркантилистам, и его правильное чутье сказалось в том, что он сумел перейти от этого определения к истинному. Если Локк еще оставляет для стоимости, созданной землей, одну десятую или одну сотую всей стоимости товаров, то Петти ничего не оставляет стоимости из земли в своем втором определении.

Отметим еще пару замечаний Петти. Он пишет: «Пропорция между хлебом и серебром означает лишь искусственную стоимость, а не естественную по причине сравнения между вещью естественно полезной и вещью самой по себе бесполезной».* Очевидно это место нужно понимать так, что выражение стоимости хлеба в серебре не есть адекватное выражение стоимости. Последнее же мы получаем, когда рассматриваем выражение стоимости в труде. Поэтому вышеприведенную цитату он через несколько слов так продолжает: «Естественная дешевизна или дороговизна зависят от большего или меньшего количества рук, необходимых для получения средств существования: хлеб дешевле, когда один человек производит для десяти, чем тогда, когда он производит для шести». ** В вопросе о стоимости денег, т. е. драгоценных металлов, мы находим у Петти также двойственную позицию, причем наряду с неправильным взглядом, характерным для его предшественников, и более правильное решение.

Наконец, у Петти мы находим также представление о меновом обществе, как целом, которое лежит в основе теории трудовой стоимости у Смита: «Если на определенной территории живет тысяча человек, — пусть сто из них производят пищу и одежду для всей тысячи; двести производят товары в таком количестве, сколько можно выменять у других народов на товары или деньги; четыреста заняты украшениями, предметами комфорта и благолепия для целого; допустим, что есть еще двести правителей, священников, судей, врачей, оптовых и розничных торговцев, всего 900 человек».***. Хотя эта таблица имеет целью показать наилучшее применение для сотни лишенных средств к существованию бедняков путем использования их труда в постройке дорог и прочих общественных работах, но она вместе с тем показывает, какое представление имел Петти об общественном разделении труда и о структуре товарного хозяйства, в котором каждое звено общественного разделения труда вырабатывает товары для всего общества и получает необходимые товары, производимые другими, путем обмена на свои. Это неизбежно приводит к труду как основе

* W. Petty, A treatise of taxes and contributions, стр. 89 — 90.

** Там же.

*** Там же, стр. 30.

стоимости, поскольку представляет обмен товаров, как обмен трудовых затрат.

Не лишне будет отметить, что Петти и в вопросе о деньгах стремился провести точку зрения теории трудовой стоимости и выгодно отличается этим не только от своих непосредственных преемников, но даже от Смита и Рикардо. Мы имеем в виду объяснение у Петти соотношения стоимости золота и серебра. Обычная для этой эпохи и для количественной теории денег вообще точка зрения выводит отношение стоимости обоих драгоценных металлов из их сравнительных количеств. Петти же объясняет пропорцию стоимости из относительной производительности занятого в их производстве общественного труда, т. е. из сравнительной затраты труда на их производство. «Пропорция стоимости между чистым золотом и серебром меняется, когда земля и человеческий труд производят больше одного, чем другого». * Несмотря на такой способ выражения, совершенно очевидно, что земля здесь фигурирует не как нечто самостоятельное, а как естественный элемент, обуславливающий производительность труда.

Мы рассмотрели все рассеянные по произведениям Петти отрывки, имеющие непосредственное отношение к теории стоимости. Нам остается остановиться на особняке стоящем у Петти определении стоимости товара не трудом, затраченным на его производство, а заработной платой (точнее — количеством дневных пайков) произведшего его рабочего. «Я оценил ирландскую хижину количеством дневных пайков, которые мастер потребил во время ее производства». ** Маркс замечает по этому поводу, что для Петти этот способ выражения не имеет непосредственной связи со стоимостью, а аналогичен цене (т. е. денежному выражению). Подобно тому как стоимости двух товаров пропорциональны их ценам, так они пропорциональны и приведенному у Петти мерилу (количеству дневных пайков). Это — удобное мерило сравнительной стоимости, в силу своего постоянства, такое же удобное, как денежное мерило, «вследствие чего средний дневной паек человека, а не дневной труд — обычное мерило стоимости и кажется столь же регулярным и постоянным, как и стоимость чистого серебра». *** Напомним, что у Смита мы также встречаемся с двойственным определением стоимости товара. Маркс подводит такое резюме теории стоимости Петти: «У него имеются три определения стоимости, перекрещивающиеся друг с другом: а) величина стоимости, определяемая равным количеством рабочего времени, причем труд рассматривается как источник стоимости; б) стоимость как форма общественного труда; поэтому деньги представляются действительным выражением стоимости; в) смешение труда как источника меновой и потребительной стоимости, причем он предполагает естественный материал (землю). В действительности же

* W. Petty, The political anatomy of Ireland, стр. 183.

** Там же, стр. 182.

*** Там же, стр. 181.

Петти разрушает отношение равенства между землей и трудом, так как он представляет цену первой как капитализированную ренту и, следовательно, говорит о земле не как об естественной основе реального труда.*

ТЕОРИЯ ДЕНЕГ

Денежная проблема была у экономистов XVII в. не столько теоретическим, сколько практическим и злободневным вопросом. Государственная власть часто вмешивалась в регулирование денежной системы, причем это вмешательство носило грубый и бесперомонный характер, часто становясь поперек интересам торговой буржуазии. В XVI и даже в начале XVII вв. в правительстве еще господствуют представления, получившие название системы денежного баланса. Основной принцип государственной политики сводился к тому, чтоб удержать в стране деньги путем запрещения их вывоза и всячески поощрять ввоз денег в страну. Эта политика характерна для первых ступеней денежного хозяйства при слабом развитии международного обмена. Уже в начале XVI в. Клемент Армстронг жалуется на то, что английские купцы перестали следовать принципу продажи шерсти во Фландрию за наличные деньги, благодаря чему государство всегда имело в изобилии драгоценные металлы. Вместо этого они стали ввозить товары и прибегать к векселям в своих расчетах.

Хотя, как мы видим, система денежного баланса устарела для XVI в. (начала), она была еще распространена до известной степени и в XVII в. Так, Ост-Индской компании, основанной в 1600 г., приходилось часто брать разрешение на вывоз испанских серебряных реалов — наиболее ходкой европейской монеты в Ост-Индии, причем это разрешение ей давалось на определенную, строго ограниченную сумму. Такая политика рано разошлась с потребностями торгового капитала, нуждавшегося в вывозе денег для прибыльных торговых операций в колониях и на внешних европейских и внеевропейских рынках. На место системы денежного баланса вырабатывались система и теория торгового баланса. Вывоз денег должен быть свободным, если в итоге страна получит больше денег. Запрещение вывоза денег наряду с грубыми полицейскими формами дополнялось и более тонкими псевдо-экономическими мерами. Чтобы деньги не уходили из страны вследствие колебаний вексельного курса, считалось необходимым последний регулировать: все расчеты по векселям производить по строго установленному курсу через правительственную расчетную палату. Наконец, как один из способов удержания денег в стране рекомендовались порча и «повышение» монеты; и то и другое сводилось в основном к тому, что количество драгоценного металла в монете понижалось, при сохранении неизмен-

* К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 21.

ного наименования, путем примеси большей лигатуры или деления одного фунта чистого серебра на большее количество шиллингов.

У писавшего в 1635 г. Вогана мы находим подробный анализ всех доводов за и против перечисленных операций с монетой. Рассмотрим, в частности, то значение, которое придавали повышению монеты. Одним из важных соображений политики денежного баланса было, как мы видели, стремление удержать деньги в стране. Поскольку экономистами того времени стоимость монеты связывалась с ее наименованием, считалось, что при повышении монеты иностранным купцам выгодно будет ввозить свои деньги в страну с повышенной валютой, так как перечекавив ее в национальную монету, они могли купить больше товаров. То же соображение должно было помешать отливу национальной монеты в чужие страны. Совершенно такими же доводами обосновывалась порча монеты или взимание особой платы за чеканку.

Порча или повышение монеты возбуждали страстные споры, потому что задевали экономические интересы различных социальных групп. Это было широко распространенным методом пополнения государственной, точнее — королевской, казны. Как в Англии, так и особенно во Франции короли широко злоупотребляли этим методом, несмотря на то, что это было орудие с двух концов. Если оно временно увеличивало (до повышения товарных цен) покупательные средства казны и соответственно сокращало ее долги, то оно впоследствии понижало всяческие поступления в государственную казну (налоги, платежи за землю) соответственно падению покупательной силы монеты. Повышение денег тяжело отражалось на кредиторах — рантье и на землевладельцах, рентные платежи которым имели установленную договорами или обычаям денежную величину, наконец, на ремесленниках и рабочем классе, заработная плата которых отставала от роста цен. Это вызывало жалобы на дороговизну. Если основной причиной дороговизны в XVI в. было влияние прилива драгоценных металлов в Европу в связи с открытием Америки, то все же немалое значение имела и порча монеты, как на это указывает Джон Гельс, для которого второй причиной (прилива драгоценных металлов) еще не было. Замечания о влиянии притока драгоценных металлов в сочинении Гельса представляют позднейшую вставку, быть может, издателя Стаффорда под влиянием Бодена.

Теоретические взгляды Петти на деньги высказаны им в связи с намечавшимися в Англии начиная с восьмидесятых годов XVII столетия планами денежной реформы, обусловленными принявшей грандиозные размеры стрижкой монеты и выросшей на этой основе спекуляцией полновесной серебряной монетой. Сама реформа была осуществлена только в 1695 г., причем она затрагивала самые разнообразные экономические интересы и послужила поводом к чрезвычайно ценной теоретической дискуссии о деньгах (Барбон, Норе, Локк, Лоундес и т. д.). Гвоздем реформы был вопрос о том, за чей счет должна быть произведена пере-

чеканка монеты, т. е. кто должен взять на себя потери от превращения старой неполноценной монеты в новую полноценную с соответственно понизившимся наименованием.

Однако раньше чем перейти к постановке проблемы денег у Петти, мы кратко коснемся разработки вопроса у двух предшественников Петти — Роберта Коттона и Вогана. В относящемся к 1609 г. произведении первого: «Какими способами и средствами английские короли периодически поддерживали и улучшали свой бюджет» — мы находим такую оценку установившейся практики повышения монеты: «Этим некоторые короли как будто выигрывали, но на деле этот способ чреват опасностями и недоверием к государству, и в конечном итоге он даже невыгоден королю. Поскольку государственные доходы заключаются по преимуществу в ренте определенного размера, они должны в истинной своей стоимости, если не словесно (т. е. в наименовании), понизиться в той же пропорции, в которой понижены деньги. И каждый человек будет оценивать свой товар при продаже не соответственно количеству пенсов или фунтов, но по весу чистого серебра, содержащегося в ходячей монете». К этому Коттон добавляет: «Деньги оцениваются не просто по чеканке или наименованию, но по весу металла в монете. Серебро является таким же товаром, как и другие, и свою оценку подучает от своего качества».

В другом произведении, относящемся к 1627 г., — «Речь Роберта Коттона об изменении монеты», мы находим объяснения причин, требующих неизменности содержания металла в монете. «Чтобы избежать хитростей, связанных с обменом, деньги были установлены как показатель и мерило для товара; если они непостоянны, никто не может с уверенностью сказать ни что он имеет, ни что он должен; никакой договор не может быть прочным; как общественная, так и частная торговля неизбежно будет разрушена, и люди будут снова вынуждены обмениваться вещами, не подверженными обману»... «Короли не могут, — говорит Коттон, — изменить ценность денег к ущербу для подданных, не подвергаясь упреку в изготовлении фальшивой монеты». В другом месте того же произведения он впервые устанавливает различие между внутренней и внешней стоимостью денег. «Я должен различать золотые и серебряные деньги, поскольку они деньги или товар и поскольку они — мера: одно, внешнее качество, подлежит наименованию в зависимости от произвола короля, подобно другим мерам; другое, внутреннее содержание чистого металла, подлежит оценке купца. Соответственно тому как мера уменьшается или увеличивается, так изменяется и количество измеряемого в ней товара. Отсюда необходимо следует, что все вещи первой необходимости, равно как предметы роскоши, должны повыситься в цене. Кто же потерпит от повышения монеты? Король, знать и вообще все те, кто имеет ранее установленные ренты, годовые доходы, пенсии и займы. Точно также пострадают рабочие и ремесленники в силу реального уменьше-

ния установленной статутом заработной платы». Наконец приведем другую цитату: «Золото и серебро имеют двойную оценку: внешнюю, поскольку они монета, т. е. королевские меры, данные народу, и это — прерогатива короля устанавливать их; внутреннюю, поскольку они товары, оценивающие себя взаимно (т. е. золото оценивает серебро и наоборот), соответственно их обилию или редкости, а также все другие товары оцениваются ими; и эта оценка исключительно во власти торговли. Предложение повысить монету подсказано, по мнению Коттона, ювелирами, заинтересованными в том, чтобы выигрывать на вывозе из страны старой полноценной монеты. Нужно иметь в виду, что ювелиры до учреждения Английского банка в 1694 г. играли большую роль в торгово-промышленной жизни страны в качестве банкиров, сосредоточивавших у себя огромные денежные средства. Достаточно напомнить конфискацию Карлом II их заемных средств, хранившихся в Тоузаре.

Воган свое единственное произведение «Рассуждение о деньгах и чеканке» целиком посвящает теории денег. Он не скрывает сложности этой проблемы, но самонадеянно собирается раскрыть внимательному читателю все тайны денег. Поскольку знакомство с двумя авторами (Воганом и Коттоном) имеет целью лишь раскрыть место, занимаемое в истории теории денег Петти, мы не будем останавливаться подробно на Вогане, а дадим лишь краткую характеристику его взглядов. Воган объясняет, почему золото и серебро стали выполнять функции денег. Это объясняется, во-первых, тем, что они полезны и, следовательно, обладают стоимостью. Лучшее же других товаров они подходят к роли денег потому, что обладают определенными естественными свойствами: не слишком распространены, делимы, их части снова соединяются в единое целое, легко принимают любую форму, что облегчает чеканку, не изменяются в своем качестве от времени. Воган целиком принимает ту точку зрения, что внутренняя стоимость монеты не зависит от чеканки и определяется исключительно содержанием драгоценного металла. «Я хочу затем опровергнуть важную и широко распространенную ошибку, заключающуюся в убеждении многих, будто короли могут дать золоту и серебру такую стоимость, какую пожелают, повышая или понижая монету; на деле золото и серебро сохраняют то же отношение к другим вещам, какое придадо им общее согласие прочих народов, с которыми существуют торговые сношения; благодаря такой торговле всякое повышение цены золота или серебра тотчас же соответственно повышает цены всех товаров». Всеобщую стоимость драгоценных металлов, т. е. ту их стоимость, которая устанавливается в международной торговле, Воган называет внутренней. Она зависит исключительно от содержания драгоценного металла в монете. Внешней же стоимостью Воган называет ту, которую дает монете чеканка. Чеканка монеты первоначально имела назначением только свидетельствовать о пробе, наименование же монеты

обозначало вес драгоценного металла. Впоследствии чеканка стала обозначать не только пробу, но и вес. При желании можно найти у Вогана намек на различие потребительной и меновой стоимости. «Польза и удовольствие, или мнение о существовании таковых, — вот причина, почему вещи получают цену и стоимость, и их относительная цена или стоимость целиком определяется их редкостью или изобилием; поэтому относительная стоимость золота и серебра должна быть различна в разное время и в разных местах, соответственно редкости или изобилию этих металлов». Воган впервые ставит вопрос о количестве денег, необходимых для обслуживания обращения, и считает, что их может быть недостаточно или слишком много. В заключение Воган считает, что деньги должны цениться и приниматься исключительно по весу.

Итак, оба виднейшие предшественники Петти бесповоротно осудили манипуляции с монетой, исходящие из неправильного представления, что стоимость монеты определяется правительственной чеканкой, а не действительным содержанием драгоценного металла. Но вопрос о собственной стоимости денег остался совершенно нерешенным или был решен неправильно. Единственной теорией до Петти является взгляд, высказанный еще в 1576 г. Боденом, по которому цена товаров определяется соотношением между количеством товаров и денег. Его принимает издатель сочинений Гельса Вильям Стаффорд. Наконец, его формулирует один из крупнейших авторитетов начала XVII в. Герард Меляйнс в следующей форме: «Изобилие или количество товаров, и много или мало покупателей, или недостаток в товарах — вызывает повышение или понижение цен; и точно также изобилие денег делает вещи дорогими, а недостаток денег делает их очень дешевыми, в силу свойства, присущего монете как истинному мерилу».* У Вогана мы находим более отчетливую формулировку количественной теории, которая сочетается с определением относительной цены товаров их сравнительной редкостью или изобилием. У Петти же, как нам уже известно, вопрос решается в том смысле, что стоимости товаров определяются сравнительным количеством затраченного на их производство труда, причем такое определение стоимости относится как к товарам в собственном смысле слова, так и к деньгам, которые Петти также считает товаром. Следовательно, количественной теории денег у Петти нет.

Главным произведением, содержащим мысли Петти о теории денег, является «Кое-что о деньгах», кроме того отдельные, иногда очень важные замечания рассеяны по всем другим произведениям Петти. Эта небольшая брошюра написана в связи с проектом денежной реформы и представляет собой ответ на 31 вопрос. Даже в это время вопрос, не является ли пониженная монета (т. е. содержащая меньше драгоценного металла) гарантией против плавки и вывоза в другие страны серебра и золота, возбуждал серьезное внимание. Поскольку, с точки зрения Петти, реальная

* G. Maly nes, The unmasking of two paradoxes etc., 1601.

стоимость монеты определяется исключительно весом металла, а не чеканкой и наименованием, последние не могли оказать никакого влияния на вывоз монеты. В вопросе 9-м спрашивается: «Если бы шиллинг при новой чеканке был доведен до $\frac{3}{4}$ своего теперешнего веса, то не будем ли мы вследствие этого иметь на $\frac{1}{3}$ больше монет и не будем ли мы во столько же раз богаче?» Ответ отрицателен. Власть не может придать уменьшенной монете прежней покупательной силы. Поэтому Петти высказывается с неодобрением обо всех попытках государственной власти испортить или повысить монету, называя их государственным банкротством. Он также противник всех законов (английских), запрещающих вывоз монеты, считая их противоречащими законам природы.

Нам остается заняться еще одной проблемой, если не впервые поставленной, то, по крайней мере, впервые решенной Петти, а именно вопросом, сколько денег нужно стране для обслуживания обращения. Ответ Петти замечателен. Мы находим его в «*A treatise of taxes and contributions*». Он исходит из двух моментов: размера расходов и скорости обращения. Рассчитав, что годичный расход нации составляет 40 000 000 фунтов стерлингов, и исходя из того, что огромное большинство бедняков (ремесленников и рабочих) получает зарплату раз в неделю, Петти устанавливает потребность в деньгах для этой цели в $\frac{40}{32}$ от одного миллиона фунтов стерлингов. Дальше, принимая во внимание, что платежи за землю и налогов производятся четыре раза в год, если бы необходимо было в такие сроки уплатить сумму в 40 000 000 фунтов стерлингов — понадобилось бы десять миллионов. Петти в заключение берет среднюю арифметическую обоих чисел, что составляет $5\frac{1}{2}$ миллионов.

Нами уже рассматривались взгляды Петти на денежную реформу. Мы у него находим правильные, вполне современные представления о биметаллизме, который применялся в современной ему Англии. Уже в «Трактате о налогах» мы читаем: «Люди измеряют вещи золотом и серебром, но преимущественно последним; не может быть двух мер, и следовательно лучшая из двух должна быть единственной». Второй металл, т. е. золото, уже не является деньгами, а только товаром. Наконец мы находим у Петти правильное понимание сущности билонной (разменной) монеты. Количество ее должно быть строго ограничено потребностью, поскольку она не полиоценна. А эта потребность зависит от нужд размена и от размера наименьшей серебряной монеты. Поэтому если мы, скажем, уменьшим наименьшую серебряную монету с шести до двух пенсов, потребность в разменной монете значительно сократится. Общая теория денег у Петти представляет несомненный прогресс по сравнению со всеми предшественниками и значительно превосходит то, что дали преемники Петти. Некоторое преувеличенное представление о роли денег в хозяйстве страны и в связи с этим теория торгового баланса общи Петти со всеми меркантилистами.

ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ И ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕНТА

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс начинает с Петти, как основоположника учения о прибавочной стоимости. Маркс совершенно прав в этой оценке Петти. Основные вехи учения о прибавочной стоимости, как известно, могут быть сведены к следующим: 1) теория трудовой стоимости; 2) стоимость рабочей силы; 3) прибавочная стоимость; 4) ее подразделения (прибыль, рента и процент). Для правильной оценки значения Петти необходимо иметь в виду, что до него теории прибавочной стоимости, как и теории стоимости, — нет. Впрочем, и после Петти теория прибавочной стоимости существует даже у Смита и Рикардо в неразвитой форме, причем они ее смешивают с ее подразделениями: прибылью и рентой.

Мы показали выше, что Петти впервые формулирует теорию трудовой стоимости. То же можно сказать в отношении теории прибавочной стоимости. Однако и здесь мы можем указать на некоторые зачатки представлений о прибавочной стоимости, как продукте труда. Прежде всего отметим особняком стоящую фигуру Питера Чемберлена, автора «Poor man's advocate». Как и многие меркантилисты, он указывает на труд бедняков как на важнейший источник общественного богатства. «Всеякое богатство происходит из труда и трудолюбия бедняков». В другом месте он пишет: «Единственное богатство государства заключается в применении труда бедняков и в превращении тех, кто не работал, в трудящихся». Мы сказали, что эти мысли не представляют ничего исключительного для эпохи меркантилизма, но Чемберлен от них переходит к прибавочному продукту. Он — автор полу-социалистического проекта организации труда бедняков, который столетия спустя нашел себе горячего защитника в лице Джона Беллера. Предлагая создать капитал для организации коммунистических общин, он заранее отводит возражения о непроизводительности такого применения капитала: «Бедняки не только не уменьшают капитала, но, напротив, улучшают и увеличивают его». Особенно же замечательно следующее место: «Все должны заметить, особенно это относится к государственным людям, что на бедняков не следует смотреть как на бремя, но как на величайшее сокровище нации, если труд их правильно и хорошо организован. Это особенно становится очевидным, если мы, во-первых, примем во внимание, что хотя бедняки размножаются быстрее богачей, они не только кормят и одевают самих себя, но сами богачи получают пищу, одежду, и становятся богатыми за счет того, что дает труд бедняков сверх необходимого для их собственного содержания». Если приводимая нами цитата, совершенно недвусмысленно указывающая на прибавочный продукт, который дает труд бедняков, покажется недостаточной или жалким намеком человеку, избалованному знакомством с марксовой теорией, то мы только напомним, как тщательно Маркс собирал у своих ближайших предшественников выра-

жения на эту тему, едва ли превосходящие определенностью и четкостью приведенную нами цитату.

С противопоставлением труда, как источника прибавочной стоимости, внешней торговле, которая реализует существующие богатства, мы встречаемся уже после Петти в трактовке производительного труда, как труда, создающего прибавочную стоимость. Приведем несколько примеров такого понимания. Reynell считает некоторые профессии производительными потому, что занятые в них зарабатывают больше денег, чем расходуют. «Существуют некоторые ремесла и занятия, что даже женщины и восьми — девятилетние дети зарабатывают больше, чем они тратят».* Отчетливее это понимание выступает у R. Coke'a. При разделении труда последний становится высокопроизводительным. «Провидение так заботится о трудолюбивых людях, что едва ли найдется такой человек, который не мог бы своим трудом заработать больше, чем необходимо для удовлетворения его потребностей, и поскольку человек, будучи трудолюбивым, зарабатывает сверх необходимого для удовлетворения своих нужд, это выгодно для него самого и его семьи и обогащает государство».** Однако представление о прибавочной стоимости чаще встречается у позднейших представителей разложения меркантилизма. В этом отношении особенно замечательны взгляды Bellers'a, который резко расходится с меркантилистами в оценке внешней торговли: «Земля и труд — основа богатства, и чем меньше у нас незанятых рабочих рук, тем быстрее возрастает наше богатство; расходовать меньше, чем мы производим, гораздо более надежное средство стать богатыми, чем какое бы то ни было сравнение импорта и экспорта».** Специально на вопросе о производительном труде останавливается T. Dalby. Он делит население страны на три группы: 1) людей, которые потребляют больше, чем зарабатывают; 2) людей, потребляющих столько же, сколько они зарабатывают, и, наконец, 3) людей, потребляющих меньше, чем они зарабатывают. Относительно первых он говорит: «Такой человек является меньшим бременем для страны, чем тот, кто ничего не делает». Вторую группу он не считает бременем. Относительно же третьей он говорит: «Но тот человек, который своим трудом не только содержит себя и семью, но и обогащается сам, в меру своего обогащения увеличивает внутреннюю стоимость государства»****.

Особенно интересны рассуждения о производительном и непроизводительном труде Pollexphen'a: «Хотя во всех нациях всегда были различные сословия и группы людей, но нельзя достаточно подчеркнуть то обстоятельство, что дворянин, хотя бы он имел земли, приносящие 10 000 или 20 000 фунтов стерлингов в год,

* Reynell, The true english interest, стр. 53.

** R. Coke, A treatise wherein is demonstrated etc., стр. 2—3.

*** J. Bellers, Essays about the poor, manufactures etc., стр. 12.

**** T. Dalby, An historical account of the rise and progress etc., 1695.

или даже золотые рудники, а также священники, юристы, врачи, каковы бы ни были их заслуги или притязания на доход, вовсе не обогащают нации. И хотя они сами обладают богатством, но остались бы без помощи работающих без всяких средств к существованию и денег для приобретения их... Если те, чье богатство и все необходимое зависят от пота и труда других людей, многочисленнее по сравнению с теми, чей труд снабжает их всем необходимым, то существует опасность, что богатство нации будет потреблено, в результате чего возникнут недостаток и бедность.*

В приведенных нами выдержках характерно стремление связать рост богатства с трудом, а не непосредственно с внешней торговлей. Все же в большинстве случаев можно допустить, что их авторы еще не выходят за пределы меркантилистических представлений. Ведь и у Мена и у Миссельдена, правоверных меркантилистов, трудолюбие и бережливость, избыток производства над потреблением, рассматриваются как условия роста богатства. Однако, в некоторых случаях мы имеем четкое противопоставление роста богатства от прибавочного труда (прибавочного продукта) активному торговому балансу. Таковы взгляды Беллера и Полекефена. Эти новые представления, приближающиеся к взглядам классической политической экономии, значительно учащаются после Петти.

Перейдем к изложению взглядов Петти на прибавочную стоимость. Последняя представлена у него только в двух частных формах: земельной ренты и денежной ренты (процента).

Петти земельная рента представляется истинной и первоначальной формой прибавочной стоимости. Она еще не обособилась от прибыли и не выделилась в особую от нее категорию. Но по существу то, что Петти называет земельной рентой, не есть земельная рента в современном смысле слова, а скорее прибыль и рента, т. е. вся прибавочная стоимость.

Приведем определение ренты, которое мы находим в первом произведении Петти от 1662 г.: «Представим себе, что какой-нибудь человек в состоянии обработать собственными руками определенное количество земли: вспахать, заборонить, засеять, снять с десятии зерно, обмолотить, провеять, словом — сделать все, чего требует земледелие, и что у него есть достаточное количество семян, чтоб засеять поле. Если он вычтет из урожая семена, а равно и все то, что он потребил сам и отдал другим в обмен на платье и другие необходимые ему предметы, то остаток зерна составит естественную и действительную ренту за данный год, а среднее за семь лет или, лучше, за целый ряд лет, в течение которых чередуются недороды с обильными урожаями, даст обычную земельную ренту, выраженную в зерне». То, что Петти называет рентой, есть весь прибавочный продукт или натуральное выражение прибавочной стоимости. Он представляет его в денежном выражении, приравнивая к прибавочной стоимости,

* Pollexphen, Of trade, стр. 44—45.

заклученной в добытом за то же рабочее время серебре. Петти заранее предполагает однородность этих различных видов труда или сведение их к одинаковому труду.

В приведенной нами выдержке Петти рассматривает земельную ренту, т. е. прибавочную стоимость, как продукт труда. Но мы у него находим другое место, в котором он принимает наличие ренты от земли (а не труда) и устанавливает отношение между землей и трудом. Это место находится в «Политической анатомии Ирландии». «Вопрос об определении стоимости земли, — говорит Петти, — приводит меня к важнейшему вопросу политической экономии, а именно: как провести сравнение и установить равенство между землей и трудом так, чтобы выразить стоимость одного через другое». Способ, к которому прибегает Петти для разрешения этой проблемы, сводится в основном к следующему. Допустим, что мы помещаем на огороженную пахотную площадь в два акра теленка для откорма и что он за год увеличивается в весе на известную величину. Это количество мяса плюс процент за год на сумму, представляющую первоначальную цену теленка, есть годичная земельная рента. Если же мы приложим труд человека к этому участку и получим большее количество пищевых рационов для откорма теленка, то избыток и представит стоимость, созданную трудом и выраженную в тех же единицах, т. е. в кормовых рационах, для теленка. С этой точки зрения земля создает стоимость сама по себе, без вложенного в нее труда. Труд и земля — два источника стоимости, существования материальных благ. Петти, как видим, стоит здесь на той точке зрения, которая выражена впоследствии Локком в его «Двух трактатах о гражданской власти»: «Акр земли, который приносит здесь 20 бушелей пшеницы, и другой — в Америке, который при том же ведении хозяйства доставляет такой же урожай, несомненно обладают одинаковой естественной внутренней стоимостью. Но выгода, которую человечество получает от одного в год, составляет 5 фунтов стерлингов, а выгода, предоставляемая другим, быть может меньше одного пенса, если бы мы ее расценили и продали здесь, или, можно сказать, едва ли составляет одну тысячную. Следовательно, труд дает наибольшую часть стоимости, получаемой от земли, которая без него едва ли имела бы какую-нибудь ценность. Ему мы обязаны наибольшей частью всех продуктов земли, ибо все сено, хлеб от посеянного акра, поскольку он превосходит продукт акра столь же хорошей земли, если она не обработана, есть результат труда».

Вторым моментом, который необходимо рассмотреть в проблеме прибавочной стоимости, является вопрос о стоимости рабочей силы. Но Петти, труд обладает способностью давать, за вычетом стоимости рабочей силы, еще избыток, который есть прибавочная стоимость. Это относится не только к земле и сельскому хозяйству, но и ко всем другим продуктам, в частности к драгоценным металлам. Что представляет собой заработная плата? Говоря о влиянии повышения денег на заработную плату, Петти пишет: «Если бы

было объявлено, что заработная плата не должна повыситься вследствие повышения денег, то такой акт был бы только налогом на рабочих, принуждая их терять половину своей заработной платы, что было бы не только несправедливо, но и невозможно, если они не в состоянии жить на эту половину (чего нельзя предположить), ибо в этом случае закон, определяющий заработную плату, был бы плох, так как он должен предоставлять рабочим ровно столько, сколько необходимо для жизни; если вы дадите рабочему вдвое больше, он будет работать вдвое меньше времени и сделает половину прежней работы. Мы не останавливаемся подробно на проблеме прибавочной стоимости, поскольку вопрос исчерпывающе представлен у Маркса.

Перейдем к определению цены земли у Петти. Отметим прежде всего, что связь, существующая между ценой земли и процентом на денежный капитал, установлена до Петти. У Кельпепера-старшего, писавшего в 1624 г., мы находим впервые следующее изображение о соотношении процента и цены земли: «То, что имеет большее значение, чем все остальное, и является величайшим грехом против земли, это — то обстоятельство, что высокий процент делает землю дешевой». В другом месте того же произведения он еще отчетливее выражает эту мысль: «Я рекомендую им (ростовщикам) припомнить, что то, что они теряют на деньгах (от низкого процента), они выигрывают на земле; земля и деньги всегда находятся в противоположном отношении, и там, где деньги дороги (т. е. процент на денежный капитал высок), земля дешева, и наоборот, где деньги дешевы — земля дорога». Петти за исходный пункт берет цену земли, а высоту денежного процента определяет, исходя из соотношения между ценой земли и земельной рентой. «После того как мы нашли ренту или ценность (*usu-fruit*) за год, вопрос заключается в том, в какой сумме годовых рент выразится естественная ценность свободной земли. Если мы скажем: в бесконечном числе, то в таком случае один акр земли по ценности будет равен тысяче акров такой же земли, что, конечно, нелепо. Бесконечность единиц равна бесконечности тысяч. Следовательно мы должны указать более ограниченное число, и я думаю, что таким будет число лет, которые рассчитывают прожить одновременно живущие: 50-летний, 28-летний и 7-летний, следовательно — дед, отец и сын. Только у небольшого числа лиц существуют причины, заставляющие их заботиться о более отдаленном потомстве, ибо кто является прадедом — уже так близок к смерти, что обыкновенно в непрерывном ряде нисходящих одновременно живут только три поколения... Поэтому я считаю сумму годовых рент, составляющих естественную ценность какого-либо земельного участка, равной естественной продолжительности жизни трех указанных лиц. В Англии мы считаем эту продолжительность в 24 год, и потому ценность земли приблизительно равна такой же сумме годичных рент». * В про-

* W. Petty, A treatise of taxes etc., стр. 45.

тивоположность Чайлду, который выводит повышение земельной ренты из повышения цены земли, Петти совершенно правильно за исходный пункт принимает земельную ренту и выводит из нее цену земли. По этому поводу Маркс пишет: «Определив таким образом ренту, которая у него (Петти) равна всей прибавочной стоимости, включая и прибыль, и найдя ее денежное выражение, Петти приступает к определению цены земли, что опять-таки чрезвычайно гениально». * Тот способ определения цены земли, который мы находим у Петти, ошибочен. Маркс объясняет эту ошибку тем, что поскольку Петти фактически в виде земельной ренты берет всю прибавочную стоимость, он не может предположить данным процент на капитал, а наоборот, должен выводить его из ренты, как особую ее форму. Он называет процент на капитал денежной рентой и определяет его тем процентом, который образует земельная рента к цене земли. «Что же касается процента, то величина его должна быть, по крайней мере, не меньше ренты с такого количества земли, которое может быть куплено на эти деньги, где обеспеченность несомненная; там же, где обеспеченность менее надежна, там род страховки должен переплетаться с простым естественным процентом, что может значительно поднять уровень процента по сравнению с капиталом». **

Вторым вопросом, связанным с проблемой процента, был вопрос о том, должен ли процент (уровень его) регулироваться законодательным путем... Нужно иметь в виду, что денежный процент в XVI и даже в XVII вв. еще рассматривался как нечто предосудительное, несовместимое с христианством. Особенно в конце XVI в., когда ростовщичество чрезвычайно распространилось в Англии, как результат аграрного переворота и возникновения домашней капиталистической промышленности, публиковалось множество памфлетов, преимущественно написанных попами, против ростовщиков и ростовщичества. Кельпепер, о котором мы выше говорили, желая отделить свою брошюру от поповских памфлетов, указывает в начале ее, что он представляет попам заниматься религиозными доводами против ростовщичества, сам же он стремится привести некоторые аргументы, чтобы выявить, какой огромный ущерб оно причиняет королевству, которое не обладает золотыми и серебряными рудниками, но изобилием товаров, а также многочисленными и большими торговыми преимуществами; для торговли же высокий уровень процента — большое неудобство».

У Чайльда та же позиция продиктована стремлением крупного торгового капитала (Ост-Индской компании) получить необходимый для оборотов ссудный капитал по возможно более низкому проценту. Но уже довольно рано в литературе возникает течение, представители которого выступают сторонниками отмены всякого законодательного нормирования процента, политики «laissez faire, laissez

* Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 17.

** W. Petty, A treatise etc., стр. 48.

passer» в этом отношении. Конечно, ростовщики всегда были заинтересованы в возможно более высоком проценте и довольно легко обходили рогатки законов. Но в XVII в. впервые возникает, как мы уже сказали, течение, которое, уже не довольствуясь голой практикой, выступает с теоретической и притом довольно удачной защитой своей позиции.

Таков анонимный автор (не Manley ли?) цитируемого Марксом памфлета «Interest of money mistaken». Он утверждает в 1668 г., что «понижение процента — следствие, а не причина богатства нации». Мы у него находим тот взгляд, что уровень процента не во власти людей и не поддается регулированию. «Понизить процент постановлением закона до 4 или даже до 3 на сто, что одно лишь якобы в состоянии нас сделать богатыми, привести к расцвету торговли и в общем позволить нам противостоять Голландии, — я отрицаю все это, так как он (Чайльд) предлагает насилловать природу, которая, как он сам признаётся, не допускает над собой насилия; если в Англии все подготовлено для понижения процента, так что этого нельзя избежать, как он сам утверждает, то мы не нуждаемся в законе для проведения этого, так как природа у нас будет действовать, как и в других странах». У этого же автора мы находим закон, определяющий уровень процента и сформулированный следующим образом: «Изобилие денег и надежное обеспечение — истинная причина, почему они (голландцы) получают не больше 3 или 4%». Петти примыкает к этой точке зрения. В памфлете «Кое-что о деньгах» на вопрос 32-й: «Что вы думаете о наших законах, ограничивающих уровень процента?» — он отвечает: «То же, что и о законах, ограничивающих вывоз денег, и то же, что о законах, регулирующих курс валюты».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели основные проблемы, которыми занимается Петти. Сравнение, проведенное нами между Петти и его предшественниками, несомненно, позволяет видеть в нем крупнейшего мыслителя, который впервые дал теоретическое выражение взглядам, вошедшим в фонд классической политической экономии.

Петти хотя и занимается теоретическими вопросами не систематически, а среди своих статистических исследований, но стремится сознательно создать экономическую науку. Это изложено им в предисловии в «Политической анатомии Ирландии», впервые опубликованной в 1691 г.: «Сэр Фрэнсис Бэкон в своем «Приращении науки» провел разумную параллель во многих отношениях между естественным и политическим организмом (body) и между способами, пригодными для предохранения здоровья и силы обоих. Настолько же разумно, что как анатомия является наилучшим основанием одной науки, так же она (политическая анатомия) является лучшим основанием и другой: действовать в политической области, не зная симметрии, структуры и про-

порций ее — дело столь же случайное, как практика старых баб и эмпириков».

Маркс, рассматривая заслуги А. Смита в истории политической экономии, указывает на две стороны его научной деятельности. С одной стороны, Смит дал систематическое описание экономических явлений, с другой — сделал попытку проникнуть во внутреннюю структуру капиталистического хозяйства. Вильям Петти ценен именно в этом последнем отношении. Он — первый теоретик товарно-капиталистического общества, и вплоть до Адама Смита и физиократов — крупнейший и гениальнейший его теоретик. Задолго до Смита, а по мнению Маркса — лучше, чем Смит, он дал картину разделения труда и его значения для товарного хозяйства. Понимание товарного хозяйства, как обширной системы разделения труда, представляло несомненно теоретическую основу для проникновения в его внутреннюю структуру: «В таком большом городе промышленные предприятия порождают друг друга, и каждое предприятие дробится на столько подразделений, сколько возможно, вследствие чего труд каждого производителя становится простым и легким. Например в производстве часов один человек изготавливает колеса, другой — пружину, третий — штампует коробку, четвертый — вставляет в нее механизм; в итоге часы лучше и дешевле, чем если бы вся работа выполнялась одним человеком. Мы видим это также в городе. На улицах большого города, жители которого почти все принадлежат к одной профессии, присущей данному месту, товары изготавливаются лучше и дешевле, чем в других местах».

Перейдем теперь к другому крупному представителю периода разложения меркантилизма — Дэдди Норсу. Последний выступил идеологом торгового капитала, борющегося против торговых монополий, и развивает преимущественно взгляды в защиту свободы торговли.

Дэдди Норс.

Мак Кулох впервые познакомил с Норсом Рикардо, и последний был поражен глубиной его взглядов для той эпохи. Эти взгляды изложены Норсом в памфлете «Очерки о торговле» («Discourses upon trade», 1691 г.). Установка автора в основном дана им в резюме предисловия к памфлету. Норс там пишет: «Может показаться странной речь о том, что весь мир в отношении торговли является лишь одним народом или страной, нации которого все равно, что отдельные люди; что не может быть торговли невыгодной для общества, так как если какая-либо область торговли оказывается невыгодной, то люди ее прекращают, когда же купцы процветают, то общество, часть которого они составляют, процветает также; что если заставлять людей действовать по предписанному способу, то это может принести пользу лишь тем, кому случайно такой способ подходит, но общество от этого не выиграет ничего, так как то, что отнимается у одного подданного, отдается другому; что никакие законы не могут устанавли-

вать цены на товары, размеры которых должны и будут устанавливаться сами (но если такие законы издаются и действуют, то они служат препятствием торговле, а потому пагубны); деньги — это товар, которого может быть как слишком много, так и недостаточно, даже до затруднений; что деньги, вывозимые за пределы страны при торговле, увеличивают богатство страны, но тратимые на войну и платежи за границу — приводят к обеднению. Короче: все, что делается в пользу одной отрасли торговли или одних интересов против других, является злоупотреблением и уменьшает доход общества» (Норс, «Discourses upon trades»).

Взгляды Норса по существу, как видно из некоторых приведенных нами положений, уже тождественны со взглядами Адама Смита на свободу торговли. В отличие от меркантилистов, для которых международные экономические отношения покоятся на принципе: «выигрыш одной нации есть потеря другой», — Норс отождествляет отношения между нациями с отношениями между членами одного и того же государства. Нации служат рынком друг для друга. Выигрыш одной невозможен без выигрыша другой. Но отсюда следует, что нелепо устанавливать таможенные рогатки между нациями, как нелепо было бы поощрять торговлю между гражданами одного и того же государства, препятствуя им торговать друг с другом.

Если первые робкие высказывания о свободе торговли имели в виду мысль об ограничении торговых монополий, но отнюдь не выступали против святая-святых меркантилизма — регламентации торговли с помощью системы торговых пошлин с целью осуществления активного торгового баланса, — то первое положение Норса заключает в себе многообещающее требование полной свободы экономической деятельности.

Мы видели, какое значение меркантилисты придавали положению, что интересы индивида и государства могут не совпадать. Торговля, которую ведет купец, может быть выгодной для него, но невыгодной для государства. Мы видели также, как Мен пытался доказать, что Ост-Индская компания ведет торговлю разорительную для ее участников, но крайне выгодную для государства; последний случай, однако, мало вероятен. Первый же, поскольку выгодной для государства считалась лишь торговля, дающая активный баланс, вполне возможен. В зависимости от политических и экономических интересов дня, а также той или иной группы торговцев или промышленников, разорительными для государства объявлялись различные виды торговли. То это была торговля с Францией, то ост-индская торговля и т. д.; но это положение Норса, что не существует торговли невыгодной для общества, так как если бы торговля была невыгодна для ведущего ее купца, он прекратил бы ее, — это положение представляет собой настоящую революцию. При этом Норс прямо указывает, что процветание общества тождественно с процветанием его членов. Совершенно аналогичное положение мы находим у Смита. Признание его означает, с одной стороны, утвержде-

ние индивидуалистического понимания общества, как простой суммы составляющих его членов. Поэтому интересы общества в целом тождественны с интересами составляющих его членов. Но каждый индивид лучше чем государство знает, в чем заключаются его интересы. Он не нуждается в руководстве и регламентации со стороны государства. Государство может предоставить ему полную свободу выбора вопреки экономической деятельности, и оно может быть уверено в том, что то, что он выберет, будет в конечном итоге наиболее выгодным для него, а следовательно и для государства. Это то же положение Смита, согласно которому общая гармония вытекает из эгоистических стимулов, лежащих в основе деятельности каждого индивида.

Такой вывод из приведенных нами положений мы находим уже у самого Норта, который выступает против попыток заставить людей действовать в области хозяйства по предписанному им государством способу. Норт конкретизирует свою мысль, выступая против пагубной политики регулирования цен. Он провозглашает великий принцип, что цены должны устанавливаться сами. Этот принцип выражает действительное существо товарно-капиталистического общества, основанного на анархии общественного производства. Цены товаров (но то же относится и к другим экономическим категориям) не являются и не могут быть искусственно установлены. Они естественно складываются, независимо от воли людей. Перед нами два основных положения классической политической экономии: 1) экономические категории являются естественными категориями; 2) принцип невмешательства в экономическую деятельность.

Если отвергается государственная регламентация, то необходимо отбросить также положение, что деньги — единственное богатство страны. Признание необходимости активного торгового баланса требовало, в качестве необходимого дополнения, государственной регламентации хозяйственной деятельности. Норт становится на ту точку зрения, что нет никакой разницы между товарами и деньгами, что деньги — такой же товар, как и все товары, могущий найти себе применение лишь в определенной пропорции к остальным товарам. Эту мысль мы находим также у Барбона, который пишет: «Количество железа или свинца на 100 фунтов стерлингов имеет такую же меновую стоимость, как количество серебра или золота на 100 фунтов стерлингов» («A discourse of coining the new money lighter»). Это положение, цитируемое Марксом и представляющее собой тоже очевидную истину, исторически сыграло огромную роль. Оно направлено было против меркантилизма с его фетишизацией денежной формы богатства.

Подрывая это основное положение меркантилизма (что только деньги — богатство), борясь против него, они, быть может, даже не отдавали себе ясного отчета, что они подрывают всю систему во всех ее проявлениях. В самом деле, отрицание денег, как единственного богатства, делает ненужной политику активного тор-

гового баланса и регламентацию хозяйственной жизни, по крайней мере, поскольку последняя имеет своей целью достижение активного торгового баланса. Тем самым падают: вся экономическая политика меркантилизма и соответствующие ей фрагменты экономической теории. Но это создает потребность в новой теории, которая должна быть противопоставлена экономическим воззрениям меркантилистов.

Но раньше чем перейти к той теории, которая вырастает из критики меркантилистов, сделаем еще некоторые замечания относительно характера этой критики. Норс — идеолог купечества. Барбон — идеолог землевладения. В борьбе против меркантилизма у каждого со своей классовой позиции создается аргументация, закладывающая основы новых теоретических воззрений. В зависимости от классового различия автора мы наблюдаем известное различие аргументов и вообще теоретических взглядов при общности врага — меркантилизма.

Наиболее близок к классикам Норс. Основная линия, которую он защищает в ряде своих очерков, составляющих содержание памфлета «О проценте, чеканке, обрезывании монет, умножении денег», это — линия свободы экономической деятельности. В очерке о понижении процента он разбирает доводы тех, кто стоит за законодательное понижение процента (очень распространенная, по разным соображениям, точка зрения в XVII в.). В критике этого положения Норс, быть может, исходит из интересов представителей денежного капитала. Правда, он заявляет: «Я не выступаю в роли защитника прав ростовщиков» («Discourses upon trade»). Норс защищает свободное установление уровня процента на основании спроса и предложения ссудного капитала, причем ссудный капитал он защищает, уподобляя его землевладению. «Но точно так же, как владелец земли сдает ее в аренду, так и владельцы капиталов дают их взаймы. Они получают за свои деньги проценты, которые являются тем же самым, что и рента за землю... Таким образом, быть владельцем земли или владельцем капитала — одно и то же» («Discourses upon trade»). Рассматривая доводы сторонников законодательного понижения процента, Норс кончает следующим заявлением: «Для страны лучше будет предоставить заемщикам и работодателям самим выработать условия сделок в соответствии с обстоятельствами».

Во втором очерке о чеканке монеты Норс рассматривает и критикует взгляды меркантилистов на природу денег. Первым долгом он доказывает, что деньги не имеют самодовлеющего значения, не являются богатством *par excellence*. «Во всех тех случаях, когда торговец или производитель считает, что он нуждается в деньгах, он по существу нуждается не в деньгах, а в сбыте своих товаров. Последний же ограничен не недостатком денег, а недостатком покупателей внутри страны и за границей. При трудолюбии нации и достаточном количестве товаров народ никогда не будет испытывать недостатка в деньгах, которые отличаются от других товаров»... «Золото и серебро не отличаются

от других товаров, но берутся у тех, кто имеет их много, и передаются тем, кто в них нуждается и желает иметь их с хорошей пользой, как и от других товаров... Но это положение, такое простое и единственно правильное, редко настолько хорошо понимается, чтобы быть принятым большинством человечества. Люди думают силой законов удержать в своей стране все золото и серебро, которые приносит торговля, и таким путем разбогатеть немедленно. Все это глубоко ошибочно и является лишь препятствием росту богатства во многих странах» («Discourses upon trade»). Норс против регламентации торговли, так как отрицает вообще значение активного торгового баланса, как единственного способа обогащения страны. Он выступает противником законов против роскоши и расточительности. Норс — противник регулирования законом количества денег в стране. Он заканчивает свой памфлет фразой, прямо направленной против меркантилистов: «Ни один народ никогда еще не разбогател с помощью политики, лишь мир, трудолюбие и свобода приносят торговлю и богатство — и больше ничего». Норс — один из самых последовательных сторонников свободы экономической деятельности среди ранних экономистов.

Николай Барбон.

У других экономистов этого направления, например у Барбона, идеолога землевладения, мы встречаемся с менее последовательными и логически выдержанными взглядами. В предисловии к своему очерку о торговле («Discourse upon trade», 1690) Барбон выступает против меркантилистов, в частности называет Мена. Он пишет: «Как ни убедительны и хороши могут показаться вступительные части их доводов в пользу расширения и продвижения торговли, — заключительные части, призывающие к ограничению числа лиц и мест, прямо противоположны условиям, необходимым для расширения торговли».

Чрезвычайно интересны доводы, приводимые Барбоном против известной аналогии Мена между купцом и земледельцем, бросающим семена в землю. Барбон — противник положения, что страна может разбогатеть лишь на основе бережливости и умеренности. «Разница между богатством индивида и богатством страны, — утверждает Барбон, — заключается в том, что первое конечно, а второе бесконечно. Бесконечны естественные богатства страны, а это значит, что бесконечны и ее искусственные богатства, т. е. продукты ее промышленности». Главной причиной хозяйственного упадка Англии (модная тема в XVII в.) Барбон считает множество запретительных законов и высокий денежный процент: «Запретительные законы в торговле являются причиной ее упадка, так как все заграничные товары привозятся в обмен на отечественные товары нашей страны, так что запрещение ввоза какого-нибудь товара из-за границы препятствует производству и вывозу соответствующего количества отечественных, какие должны были бы быть произведены и обменены на них». Этот довод

предвосхищает положение классиков: товар обменивается на товар, — он совершенно аналогичен положению Норса, что народы в отношениях между собой — то же, что отдельные индивиды внутри каждого народа.

Барбон считает, что меркантилистическая политика была обусловлена стремлением к защите отдельными группами торговцев и промышленников своих узко эгоистических интересов в ущерб интересам общества в целом. Выступая сторонником свободной торговли, Барбон не остается верен себе и высказывается за законодательное понижение уровня процента до 3. Этим он стоит ниже Норса и напоминает Кельнепера тем, что аргументирует в пользу понижения процента ссылкой на повышение цены земли. Неправильна и другая установка Барбона, выводящего стоимость, вернее — покупательную силу денег, из государственной чеканки. «Деньги — это стоимость, созданная законом». В дискуссии о денежной реформе конца XVII в. Барбон стоит на стороне тех, кто считает необходимым «повышать» деньги, т. е. чеканить новую монету по весу старой обрезанной и сохранять за ней, несмотря на уменьшение веса драгоценного металла, то же название. Этому посвящен памфлет «Очерки о чеканке новой более легкой монеты» («A Discourse of coining the new money lighter», 1696).

Каковы бы ни были исходный пункт и классовая позиция противников меркантилизма, все они в большей или меньшей степени, с теми или иными ограничениями, — сторонники свободы экономической деятельности. Все они считают, что процветание страны достигает наибольшей степени, когда каждый человек действует соответственно с собственными интересами. Все они одинаково отрицают основное положение меркантилизма о том, что только деньги — богатство. Но тем самым отвергается основной принцип экономической политики меркантилизма — достижение активного торгового баланса. Вопрос о природе буржуазного богатства и о способах его достижения должен быть поставлен по-иному. Должна быть создана теоретическая система, которая явилась бы основанием политики невмешательства государства в хозяйственную жизнь. Меркантилизм не нуждался в теоретической системе, выражавшей познание действительности, поскольку для него процветание государств является результатом правильной политики, т. е. зависит от законодателя. Но для представителей разложения меркантилизма экономическая жизнь государства должна складываться без вмешательства со стороны государства, есть дело природы, а не человеческого произвола. Поэтому она должна быть объектом научного исследования.

В каком направлении разрешается эта задача? Мы показали, как, начиная с Петти, складывается теория трудовой стоимости. Она становится основой теоретической системы, с помощью которой обосновывается экономическая политика *laissez faire, laissez passer*. Для ее истории характерно то, что основоположником

ее является Вильям Петти — отец политической экономии (т. е. классической школы, этой первой системы политической экономии), одновременно еще в ряде существенных пунктов стоящий на позициях меркантилизма, иногда даже в самой грубой форме. Вместе с тем мы находим у него в основном ряд теоретических воззрений классической политической экономии. Помимо теории трудовой стоимости мы находим у Петти основанную на теории трудовой стоимости теорию денег, замечательным изложением которой является памфлет «Кое-что о деньгах» («Quantulumcumque concerning money», 1682). У него же наряду с вульгарным меркантилистическим представлением прибыли от отчуждения товаров (*profit upon alienation*) мы находим зародыш правильного понятия о природе прибавочной стоимости. Точно также у Петти переплетаются меркантилистические представления о регламентации торговли и промышленности в целях получения активного торгового баланса с представлениями об обществе как естественном организме (*body natural*), с глубоким учением об общественном разделении труда. В отдельных случаях он становится на позицию защиты невмешательства государства в хозяйственную жизнь. Так он рассуждает в отношении уровня процента и правительственных махинаций с деньгами. Петти — основоположник классической политической экономии, достигшей своего наивысшего развития у Адама Смита и особенно у Давида Рикардо. Но то, что нам хотелось показать, это — историческую обусловленность классической школы, ее возникновение из борьбы против экономической политики меркантилизма за свободу экономической деятельности, классовые интересы, лежавшие в основе ее возникновения.

АНТОНИО СЕРРА
(КАЛАБРИЕЦ ИЗ КОЗЕНЦЫ)

КРАТКИЙ ТРАКТАТ

*о средствах
снабдить в изобилии золотом
и серебром*

КОРОЛЕВСТВА ЛИШЕННЫЕ РУДНИКОВ
ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

ANTONIO SERRA
(CALABRESE DI COSENZA)

BREVE TRATTATO

*delle cause
che possono far abbondare
li regni d'oro e d'argento*
DOVE NON SONO MINIERE

1613

Мы начинаем сборник трактатом Антонио Серра — этим первым произведением, в котором излагаются основные положения меркантилизма. «Краткий трактат» Серра направлен против Сантиса, который защищал положение, что недостаток денег в Неаполе обусловлен низким курсом иностранной валюты. Это был один из излюбленных доводов сторонников системы денежного баланса. В Англии, например, специально этому вопросу посвящена полемика между Мелайнсом и Миссельденом в начале двадцатых годов XVII века. Мелайнс занимает в этом споре позицию Сантиса, а Миссельден защищает ту же позицию, что и Серра.

Суть спора заключалась в следующем. Сторонники системы денежного баланса утверждали, что повышение курса иностранной валюты и понижение курса национальной валюты соответственно должны привести к приливу иностранных денег в страну. Деньги идут туда, где они ценятся выше всего. Отсюда делали вывод, что государство обладает мощными средствами для привлечения иностранных денег. Для этого достаточно установить законом более высокий курс иностранной валюты. Трудность заключалась лишь в том, что каждое государство могло применить то же средство.

Эта мысль — целиком в духе системы денежного баланса, которая пыталась непосредственно влиять на движение денег различными средствами: понижением курса национальной валюты, «повышением» денег, запрещением вывоза их. Меркантилисты же защищали ту мысль, что единственным средством увеличить приток золота в страну является благоприятный торговый баланс. Отсюда они делали вывод о необходимости регламентации движения товаров, а не денег. В этом духе именно написан памфлет Серра, первую часть которого мы печатаем здесь. Серра выступает в духе меркантилизма против запрещения вывоза денег и попыток регулировать курс валюты. Этому посвящено содержание второй и третьей частей его трактата.

О жизни автора мы не знаем ничего, кроме того, что он сам упоминает в своем трактате. Последний написан им в неаполитанской тюрьме, где он сидел, как кажется, по обвинению в изготовлении фальшивой монеты одновременно с знаменитым итальянским утопистом Кампанеллой. Памфлет появился в 1613 г. и не привлек вначале к себе внимания. Лишь позже он был оценен по заслугам.

АНТОНИО СЕРРА

калабриец

КРАТКИЙ ТРАКТАТ

о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром

КОРОЛЕВСТВА

ЛИШЕННЫЕ РУДНИКОВ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

О средствах, благодаря которым королевства могут иметь в изобилии золото и серебро

Насколько важно для государства иметь в изобилии золото и серебро как для народов, так и для государей, какие это дает выгоды и насколько это является мощным средством, предотвращающим многие преступления, хотя некоторые в силу своих капризов хотели бы противоположного, — обо всем этом я не счел нужным говорить; точно также — и о том, какой ущерб причиняет бедность, так как мне кажется, что это — каждый понимает, если и не отчетливо, то, по крайней мере, смутно. Считая поэтому это положение доказанным, я буду рассматривать средства, которые могут привести к изобилию драгоценных металлов. Эти средства распадаются на два рода: естественные и искусственные. Естественным средством можно считать только тот случай, когда в государстве имеются золотые и серебряные рудники. В этом случае государь должен действовать иначе, чем в том случае, если бы их не было. Об этом я не стану говорить, поскольку этот случай не имеет места ни в нашем государстве, ни во всей Италии, в которой нет никаких рудников драгоценных металлов, за исключением Саварца в великом княжестве Тосканском. Следовательно речь будет идти лишь об искусственных средствах, которые можно применить преимущественно в нашем королевстве и во всей Италии. При сравнении как сходных, так и противоположных вещей в одних и тех же обстоятельствах легче будет вскрыть истину.

ГЛАВА II

Об искусственных средствах и о специфических средствах

Искусственные средства подразделяются на специфические и обычные. Специфические средства — это те, которые присущи определенному государству и не встречаются или не могут встре-

чатся в других государствах. Специфические средства, которые могут доставить государству изобилие золота и серебра, сводятся преимущественно к двум: во-первых — это избыток продуктов сельского хозяйства, производимых в стране, над количеством, необходимым для удовлетворения потребностей самой страны; если эти товары вывозятся в страны, где их не хватает, или если приезжают за ними из этих стран, или из других мест, то необходимо оплачивать их золотом и серебром.

Мы называем это средство специфическим потому, что не всякое государство может иметь избыток сельскохозяйственных продуктов; такой избыток, как известно, существует в нашем государстве в большей степени, чем в какой-либо другой части Италии.

Другим специфическим средством является местоположение государства в отношении других государств и частей света. Это местоположение может быть важнейшим условием и даже причиной большой торговли государства как с другими частями света, так и внутри самой страны и является тем самым причиной изобилия золота и серебра. Это средство должно рассматриваться как одно из специфических средств. Мы будем говорить о нем, когда будем рассматривать обычные средства торговли. На первом месте в этом отношении стоит Венеция не только в Италии, но даже вообще в Европе и Азии, тогда как, напротив, наше государство больше всякого другого лишено этого средства, как об этом подробнее будет сказано в надлежащем месте.

ГЛАВА III

Об обычных средствах

Обычные средства делятся на четыре главные группы, а именно: количество ремесел, характер населения, размеры торговли и политика правителей. Мы называем их обычными средствами потому, что они могут иметь место во всякой стране. Действуя в каком-нибудь месте даже в том случае, если бы страна не рождала даже никаких сельскохозяйственных продуктов сверх собственного потребления, но нуждалась бы в снабжении ими извне, эти средства могли бы создать в ней изобилие драгоценных металлов и при отсутствии рудников.

Многочисленные и различные ремесла доставят государству или городу в изобилии деньги, если они производят необходимые средства существования, предметы комфорта и роскоши в таких размерах, которые превышают потребности страны. Это средство не только должно быть поставлено во главе общих средств, но во многих отношениях должно предпочитаться перед специфическим средством избытка сельскохозяйственных продуктов вследствие его большей надежности. Ведь более уверенным является барыш, когда он получается от занятия тем или иным ремеслом, чем доход крестьянина или других лиц, обра-

батывающих землю или производящих продукты сельского хозяйства. Доход последних зависит не только от труда человека, но и от климатических условий и погоды. Земли нуждаются в различных атмосферных условиях, в одних случаях они требуют дождя, в других — солнца. Если нет необходимых условий или наступает непогода, то труд не только не приносит никакой выгоды, но зачастую люди теряют вместо того, чтобы выиграть. Напротив, в ремесле выигрыш всегда надежен.

Во-вторых, в ремеслах продукция может умножаться и соответственно увеличиваться барыш, что невозможно в сельском хозяйстве, поскольку его продукция не может по желанию умножаться. Так, например, если на определенной площади можно посеять 100 мер пшеницы, то никто на этой площади не сможет посеять 150 мер. В промышленности же дело обстоит как раз наоборот. Ее продукция может быть не только удвоена, но даже возрасти сторицей и с пропорционально меньшими издержками. В-третьих, вывоз промышленных изделий более надежен, чем вывоз сельскохозяйственных продуктов; следовательно и барыш обеспеченнее. Вывоз их более надежен уже потому, что, как очевидно, сельскохозяйственные продукты могут с трудом быть предохранены от порчи. Отсюда видно, как их опасно вывозить в отдаленную страну. Если от них нельзя отделаться сейчас же и их необходимо сохранять продолжительное время, то неизбежна опасность порчи. Совсем иначе дело обстоит в промышленности, продукты которой очень легко сохраняются не только в течение короткого, но и весьма продолжительного времени и по этой причине могут с удобством вывозиться в любую отдаленнейшую страну. Искусство мореплавания в настоящее время так усовершенствовалось, что только в этом отношении современные народы превзошли древних. Они ведут торговлю не только между Западом и Востоком, Югом и Севером, но даже между одним и другим полушариями, причем товары легко перевозятся из одного в другое. Кто же не согласится с тем, что по этой причине более надежен вывоз промышленных изделий, чем сельскохозяйственных продуктов, а следовательно, и получение барыша от торговли промышленными изделиями. В-четвертых (и в-последних), чаще всего гораздо больше выручают от продажи промышленных изделий, как это можно видеть в отношении шерстяной промышленности, особенно тонких сукон, в промышленности полотняной и шелковой, в производстве оружия, картин, статуй, гравюр, во всех отраслях, относящихся к колониальным товарам, и в бесчисленном количестве других отраслей, перечислять которые излишне. В каждой отрасли промышленности изобилие ее продуктов должно быть предпочтительно по сравнению с избытком продуктов сельского хозяйства. Если эти отрасли промышленности достигают совершенства в каком-нибудь городе или государстве, то они являются одной из могущественнейших причин изобилия в государстве золота и серебра, в значительно большей мере, чем избыток продуктов сельского хозяйства.

В Италии занимает первое место и достигает наибольшего совершенства в этом отношении город Венеция, где ремесленниками производится множество товаров, от продажи которых поступают, как известно, деньги.

Напротив, город Неаполь окажется позади, так как он далек от совершенства в этом отношении: там не только отсутствуют все или большая часть ремесл, но и те, что в нем имеются, за исключением производства шелка, распространены недостаточно для вывоза за границу их изделий, что необходимо для привлечения денег. Более того, их производство даже недостаточно для Неаполя и королевства в такой мере, чтобы не приходилось оплачивать иностранную промышленность. Это будет доказано путем сравнения Неаполя с Венецией в отношении изобилия денег.

ГЛАВА IV

О характере населения

На втором месте мы перейдем к средствам, находящимся в связи с характером населения. Мы будем считать, что такое средство существует в каком-нибудь королевстве или городе, если жители этой страны по своей природе трудолюбивы и изобретательны, так что торгуют не только у себя в стране, но и с другими странами, и ищут, где и каким способом они могли бы применить свой труд. Благодаря их труду город несомненно будет иметь в изобилии золото и серебро, так как они будут извлекать деньги из промышленной деятельности не только в своей стране, но и из других стран. Это средство занимает первое место скорее в качестве специфической причины изобилия денег в государстве или городе, чем в качестве обычной причины. В этом отношении первым городом в Италии является Генуя, где это средство достигает наибольшего совершенства, вследствие чего там такое обилие денег, как ни в каком другом итальянском городе; на втором месте стоит Флоренция, а затем Венеция. Хотя торговля Венеции превышает торговлю всех других итальянских городов, вместе взятых, но в рассматриваемом нами отношении она занимает лишь третье место. С другой стороны, Неаполь вместе со своим королевством является тем городом, где мы не находим этого средства: жители страны так ленивы, что не торгуют за пределами своей страны, — не только с другими странами Европы, например с Испанией, Францией, Германией и пр., но даже в самой Италии с другими провинциями. Они не производят также достаточно промышленных изделий для самой страны. Поэтому в страну приезжают иностранцы из других итальянских провинций, главным образом для занятия ремеслом, как генуэзцы, флорентийцы, жители Бергама, венецианцы и другие. Несмотря на то, что жители Неаполя видят, как иностранцы, занимаясь промышленной деятельностью в их стране, обогащаются, — они не подражают им и не следуют их примеру, т. е. не работают у

себя дома. В этом отношении они прямо противоположны генуэзцам, которые не довольствуются той деятельностью, какаю может выполняться в их провинции или даже в Италии, не жалеют трудов и не боятся опасностей, путешествуя с этой целью по всем странам Европы и других частей света, вплоть до Новой Индии, если могут получить разрешение на въезд туда от его католического величества. По следствиям этого можно судить о том, насколько важно средство, связанное с характером населения, так как генуэзцы, несмотря на то, что их страна совершенно бесплодна, имеют множество денег, тогда как неаполитанцы при всем плодородии их страны бедны.

ГЛАВА V

О значительной торговле

На третьем месте стоит средство, заключающееся в значительной торговле, самым могущественным условием и отчасти причиной которой является местоположение, т. е. средство, которое мы упоминали в главе о специфических средствах. Торговля доставит стране в избытке деньги, если она ведется иностранными товарами в большей степени, чем отечественными. В самом деле, торговля, которая ведется путем вывоза избытка собственных товаров, не может быть значительной. К тому же в этом случае обилие денег должно приписываться не самой торговле, а избытку отечественных товаров. Если же происходит ввоз иностранных товаров для удовлетворения потребностей страны, то торговля ими не только не дает стране избытка денег, но, напротив, приведет к ее обнищанию. Отсюда мы можем сделать заключение, что значительная торговля лишь в том случае вызовет обилие денег в стране, если она ведется товарами, приобретаемыми в одних странах, для вывоза их в другие страны, а не в нее, что привело бы к противоположному следствию. Как уже было сказано, самым важным условием и причиной такой торговли является местоположение. Что там, где происходит значительная торговля, необходимо должно быть обилие денег, не приходится доказывать, поскольку торговля без денег не может происходить и только ради них ведется.

Как уже было сказано в предыдущей главе, город Венеция занимает первое место не только в Италии, но и во всей Европе в смысле местоположения. Из опыта видно, что все товары, которые прибывают из Азии в Европу, проходят через Венецию и оттуда распределяются по другим местам; точно также все товары, которые направляются из Европы в Азию, одинаково проходят через Венецию. Вследствие этого там имеет место величайшая торговля, поскольку из нее товары направляются в столько различных мест. И это обусловлено не только удобством местоположения на пути из Азии в Европу и наоборот, но и в самой Италии, поскольку большинство итальянских рек впадает в море близ Венеции, что облегчает перевозку товаров в различные места.

Кроме того, Венеция расположена почти в самом боку Италии и находится на небольшом расстоянии как от северной, так и от южной оконечностей, что дает преимущество для вышеуказанных перевозок. Этому же обстоятельству содействует множество ремесел в Венеции, каковая причина обуславливает огромное стечение людей, приезжающих туда впрочем не только ради ремесел, но и в силу действия этих двух причин, из коих одна усиливает другую, а именно: там имеет место большое стечение людей как вследствие торговли, так и вследствие удобства местоположения. Значительная торговля ведет к многочисленности ремесел, а их многочисленность ведет к большому развитию торговли.

Напротив, город Неаполь и его королевство не имеют внешней торговли, а только ту, которая предназначена для самого государства. Из опыта известно, что кроме сельскохозяйственных продуктов, которые растут в Неаполитанском королевстве, немногие товары вывозятся через него за границу. Причиной этого является неудобное местоположение Неаполитанского королевства. Италия имеет форму руки, протянутой из тела; поэтому она и названа была полуостровом. Неаполитанское же королевство расположено в крайней оконечности этой руки. Это делает неудобной перевозку товаров в Неаполь для вывоза их в другие места. Поэтому местоположение королевства является невыгодным, поскольку никто не имеет нужды проехать через Неаполь для того, чтобы отправиться в другие страны, из какой бы части мира и в какую бы часть его он ни намерен был бы ехать, если только не делает этого по собственному желанию для того, чтобы удлинить путь, или же если он не отправляется туда по собственным делам. Вследствие этого не только торговцам неудобно посылать туда свои товары для вывоза их в другие места, но это причиняет им настоящий ущерб; и если сочетать указанное неудобство местоположения королевства с преобладанием в нем людей, не занимающихся никаким трудом, и с нищетою ремесленников, то это неизбежно обуславливает отсутствие торговли, кроме той, что предназначена для самого Неаполя. Но такая торговля не может быть значительной и она не может также обуславливать изобилие денег, но скорее вызывает их недостаток, если исключить вывоз избыточных сельскохозяйственных продуктов, о чем речь шла выше.

ГЛАВА VI

О политике правителя

Последним средством является политика правителя, который руководится местоположением своего государства, различными присущими ему обстоятельствами, равно как обстоятельствами соседних и отдаленных государств, с которыми оно имеет или может иметь торговлю, и, исходя из этого, устанавливает средства, которые могут доставить в изобилии деньги его государству, равно как и те, которые могут помешать отливу денег. Государь при-

меняет различную политику в зависимости от различных результатов, которых хочет достигнуть, устраняя препятствия на пути к поставленной им цели. Но, как уже было сказано в предисловии, не так легко применять это средство тому, кто управляет: приходится при этом внимательно рассматривать не одну только вещь, но многие вещи, обратить внимание на неудобства и всякие другие следствия, которые могут быть вызваны его политикой, не обманываться насчет основных средств, так как из-за трудностей зачастую разум наш принимает одно обстоятельство за прямо противоположное. Особенно сложным это является вследствие того, что следствия политики зависят не от какой-либо необходимой, но лишь от случайной причины, каковой является человеческая воля. Для того чтобы правильно направлять эту волю, необходимо предусматривать многие вещи, так как одна и та же причина зачастую вызывает различные следствия у разных людей, подобно тому, как солнце высушивает грязь и размягчает воск, а легкий свист раздражает собак и успокаивает лошадей. Как уже было сказано, соблюдение политики государя зависит от воли людей, и если государь может принудить к этому своих подданных, то необходимо предусмотреть, чтобы они не воспрепятствовали его воле каким-нибудь косвенным путем, которых имеется в их распоряжении очень много; трудность заключается не только в этом, она существует и в отношении тех людей, которые не являются его подданными: их он должен либо привлечь своей политикой, либо действовать таким путем, чтобы они содействовали ему из собственных интересов. Таким образом он должен рассматривать, как те или иные средства могут применяться в его государстве, что, как уже было выше сказано, является чрезвычайно трудным. Лишь немногие дошли до этого совершенства, и среди них, по моему мнению, должен считаться одним из первых как в древности, так и в настоящее время папа Сикст V, который хорошо знал обстоятельства своих владений, то, что могло улучшить их положение, средства, необходимые для устранения недостатков, и который незамедлительно эти средства применял. Трудность заключается не только в этом, но и в том, что если даже известна правильная политика, то государь не должен соблазняться никакими стремлениями, которые помешали бы правильному пути.

Если это средство осуществляется в совершенстве в каком-нибудь государстве, то нет сомнения, что оно является наиболее могущественным для достижения изобилия золота и серебра в государстве, так как его можно назвать действующей причиной и высшим фактором среди всех других средств. Оно может обеспечить действие всех других средств при различных бесчисленных обстоятельствах и сохранить благоденствие государства, устраняя все препятствия, причем позволяет достигнуть этого не только в тех странах, где имеют место вышеназванные условия, но даже и в таких странах, где не существует ни одного из этих условий.

Из опыта известно, что во время пребывания на папском престоле Сикста V в городе Риме не было ни одного из названных нами выше средств, не было также удобства местоположения. Деньги, которые там находятся, привезены приезжающими туда иностранными государями и князьями святой церкви, а также послами, которые приезжают ко двору папы. Туда стекается весь христианский мир по различным делам. Но все это вещи, играющие подчиненную роль по сравнению с торговлей. Только политика Сикста V обусловила собою то, что, несмотря на тяжелые времена, когда он вступил на папский престол, он сумел не только в одно мгновение создать спокойствие и изобилие во всем государстве святой церкви, восстановить правосудие в такой степени, которой оно редко достигало, украсить и значительно увеличить Рим, израсходовав на это огромные средства, как это можно видеть в настоящее время, но он увеличил средства папского казначейства до 5 миллионов золотом, чего, может быть, никогда не было в Риме в течение многих сотен лет. Не думаю также, чтобы столько там было средств в настоящее время, так как деньги были израсходованы по многим причинам.

Из всего этого можно сделать вывод относительно того, какое значение имеет политика правителя. Она производит особенно удивительные последствия в такое время, когда, вследствие бдительности правителя, не допускается ее нарушения, в отличие от тех времен, когда беспорядки в государстве делают затруднительным осуществление этой политики, особенно когда эти беспорядки сильны и закоренелы.

Итак я скажу, что это средство, поскольку оно надлежащим образом действует, является величайшим из тех, которые могут применяться в государстве, и подобно тому, как правосудие заключает в себе все другие добродетели, будучи их госпожой и заставляя их действовать для достижения своей цели, как говорит святой Фома, точно также это средство, т. е. политика государя, содержит в себе все другие средства, их сохраняет и заставляет их надлежащим образом действовать. И если мне скажут поэтому, что я ошибся, поместив не это средство на первом месте, а многочисленность ремесл в государстве, то я отвечу, что сделал это, имея в виду то обстоятельство, что действие последнего средства совершенно надежно, тогда как первое средство не всегда надежно. Оно ненадежно не само по себе, но в отношении правителя, проводящего его, учитывая трудности, связанные с ним, и в этом отношении я следую мнению тех, кто предпочитает надежность вещи ее благородству.

ГЛАВА VII

Не существует никаких других средств, кроме вышеназванных

Не существует никаких других средств, кроме вышеназванных, которые не были бы подчиненными им средствами или обстоятельствами. Так, например, если указывают в качестве важной

причины на низкий курс валюты, то я считаю, что это лишь обстоятельство, подчиненное общей причине — торговле; точно также низкая цена ввозимых товаров равно является лишь подчиненным торговле обстоятельством, точно так же, как высокий курс денег является частью средства, заключающегося в политике правительства. Как это средство, так и подобные им не могут рассматриваться даже как средства второстепенные, но лишь как обстоятельства, потому что они вызывают соответствующее следствие не необходимо. Напротив, по мнению де-Сантиса, низкий курс валюты представляется не только главным и могущественным средством, но даже единственным, точно также и высокий курс денег, о чем мы будем говорить во второй и третьей части. Для того чтобы доказать, что нет других основных средств, кроме вышеуказанных, мы, для примера, сопоставим средства, применяемые городом Неаполем, с некоторыми другими городами Италии.

ГЛАВА VIII

Сравнение города Неаполя с городами Венецией и Генуей в отношении вышеуказанных средств

Венеция и Генуя являются итальянскими городами, которые не только не отличаются избытком сельскохозяйственных продуктов, но где, скорее, имеет место прямо противоположное, так как ни в одном из них эти продукты не производятся в достаточном количестве, хотя бы даже частично; напротив, Неаполь является городом, в котором сельскохозяйственные продукты имеются в избытке, так что они даже вывозятся из государства, по подсчетам де-Сантиса, приблизительно на шесть миллионов в год. Впрочем, для меня мало важно — так ли это или не так. Тем не менее, первые города имеют огромное количество денег, а Неаполь крайне беден.

Поэтому мне казалось, что я должен сравнить между собой эти итальянские города с Неаполем в отношении причин, вызывающих избыток монеты. Причем я должен был выбрать именно эти города, прямо противоположные Неаполю в отношении избытка сельскохозяйственных продуктов, для того чтобы установить причины противоположных следствий. Из сравнения указанных городов с Неаполем каждому легко будет сделать вывод в отношении всех других итальянских городов, так как это сравнение делается мною лишь для большей ясности. Поскольку Венеция в наибольшей степени противоположна Неаполю в отношении указанных средств, а также противоположны и другие обстоятельства, которые могут обусловить избыток денег, мы предварительно сравним Неаполь с Венецией, после чего будет яснее сравнение его с Генуей. Для этого мы противопоставим прежде всего особенности Венеции и Неаполя.

ГЛАВА IX

Условия Неаполя и Венеции в отношении к рассматриваемому средству

Неаполитанское государство имеет не только все необходимое для существования его жителей, но оттуда даже ежегодно вывозится сельскохозяйственных продуктов почти на 6 миллионов. Венеция не имеет никаких сельскохозяйственных продуктов в достаточном количестве для существования ее граждан, и оттуда не только ничего не вывозится за границу, но ей приходится, напротив, ежегодно тратить приблизительно 8 миллионов или даже больше на ввоз средств потребления для своих граждан. Как золото, так и серебро в Неаполе расцениваются выше, чем во всей Италии, а следовательно выше, чем в Венеции, так что из какой бы части Италии ни были привезены деньги в Неаполь, — тот, кто их привозит, зарабатывает на серебре приблизительно 5% или даже больше, на золоте же, которое не имеет твердой цены и не имеет, можно сказать, хождения в качестве монеты, зарабатывает еще больше. Напротив, если деньги везти из Неаполя в какую бы то ни было часть Италии, то на этом теряют приблизительно 8%. Если кому-нибудь покажется, что дело обстоит не так, то он сможет свою ошибку понять, поработав немного для того, чтобы уяснить себе истину.

Как золотые, так и серебряные деньги в Венеции, по сравнению с Неаполем, оцениваются по низкому курсу, так что если привести деньги из Венеции в Неаполь, то на серебре, как уже было сказано, зарабатывают приблизительно 5%, а на золоте — в зависимости от существующего курса. Напротив, если отвезти деньги из Неаполя в Венецию, то теряют, как уже было сказано. Если вывезти деньги из Венеции в другие места Италии или из этих мест в Венецию, то при этом теряется лишь стоимость чеканки.

Из Неаполя запрещено вывозить как иностранные деньги, так и национальную монету, золотую и серебряную, под страхом сурового наказания и потери этих денег, а также оплаты (в настоящее время) тройного штрафа. Из Венеции можно вывозить любое количество местной монеты, но не иностранные деньги, и почти ежегодно из Венеции вывозят на Восток около 5 миллионов. В Неаполе ввозные пошлины низки, так что можно заработать на ввозе товаров от 7 до 8 или 10%; учитывая большое количество старых долгов и недостаток денег, там можно с выгодой применить любую крупную сумму. В Венеции ввозные пошлины высоки, так что там нельзя заработать больше 4 или 5% на ввозе товаров. Поэтому тот, кто хотел бы применить в Венеции свои деньги, мог бы заработать лишь немного.

В Неаполе доходы от ввозных пошлин поступают его величеству католическому королю. Они все расходуются в этом же королевстве. Никакая часть этих доходов не отсылается королю; напротив, очень часто туда еще посылаются миллионы наличными деньгами, однако и они почти не остаются в казне, так как цели-

ном превращаются в степенди привилегированных лиц или идут на содержание армии в королевстве. В Венеции же не расходуются все деньги, поступающие в государственную казну, но больше остается в ней, а после оплаты займа, заключенного в 1570—71 г. для содержания армии прокуратором Фруля, ежегодно в государственном казначействе остается около 600 тысяч дукатов, помимо доходов, поступающих на монетный двор.

Таким образом, при сравнении условий того или другого города мы видим, что Неаполь обладает всеми средствами и обстоятельствами, которые обуславливают изобилие денег. Напротив, условия Венеции являются скорее причиной и обстоятельством ее обнищания; однако, на деле мы видим противоположное, а именно — Венеция изобилует деньгами, а Неаполь беден. Рассмотрим же, чем обусловлены эти противоположные следствия.

Г Л А В А X

Как, несмотря на вышеуказанные условия, Венеция изобилует золотом и серебром, и почему?

Все условия Венеции, как было уже сказано, имеют большее значение для отлива денег; напротив, условия Неаполя — для прилива денег, так что первый город должен был бы быть беден, а последний — богат деньгами; на деле же мы видим противоположное положение. Мы должны, следовательно, найти причину этих противоположных следствий.

Начнем с Венеции. Так как отлив денег предполагает их предварительный прилив (в противном случае отлив был бы невозможен), трудность следовательно заключается в том, чтобы найти такой источник прилива денег, который был бы не только достаточен для обеспечения их отлива, но и превосходил бы его настолько, чтобы обусловить в стране изобилие денег; если мы его установим, то исчезнут удивление и указанное противоречие. Нет сомнения, что поскольку мы находим в Венеции три вышеустановленные нами обычные средства, т. е. многочисленность ремесел, большую торговлю и соответствующую политику правителей, мы можем заключить, что именно указанными средствами обусловлен прилив денег, которого не только хватает на покрытие отлива, но достаточно и для изобилия денег в стране.

В отношении первых двух средств, указанных нами, не приходится даже доказывать их наличия, так как это всем известно. Что же касается третьего средства, то его существование вытекает уже из наличия последствий. Ведь мы говорили о том, что политика правителя является главным действующим средством, которое обуславливает и сохраняет все остальные средства. Именно политика правителя создает порядок, без которого ничто в мире не может быть хорошим, и напротив, из смуты, в противоположность порядку, рождается всякое зло. Вышеуказанные средства находятся в таком хорошем состоянии в Венеции, что

обеспечивают большой прилив денег, который создает большее изобилие монеты даже за вычетом тех денег, которые вывозятся из государства, чем во всяком другом государстве не только Италии, но даже в таких, где существуют рудники драгоценных металлов. Положение в Венеции таково, что одно средство содействует и улучшает другое. Так, значительная торговля содействует и улучшает средство, заключающееся в многочисленности ремесел, а многочисленность и развитие ремесел улучшают и содействуют внешней торговле. Точно также политика правителей сохраняет и направляет к общему благу эти средства, устраняя препятствия и одновременно обеспечивая условия, чтобы ремесленники и торговцы, которые живут в этом городе, могли продолжать свое ремесло и свою торговлю настолько, чтобы даже из других стран они стекались туда.

В отношении торговли и политики правителей указанный город обладает некоторыми преимуществами по сравнению с другими местами, где хотели бы применить те же средства. С одной стороны, он имеет для торговли удобное местоположение, как сказано было выше, с другой стороны, в отношении политики правителей там есть то преимущество, что его правительство может считаться всегда одним и тем же, чего никогда не было ни в монархиях, ни в республиках. Во всяком королевстве одно и то же правительство не может существовать больше 50 лет в среднем, что имеет место в том случае, если там правит все это время один и тот же государь и если он от начала до конца обладает теми же знаниями и опытом; там же, где нет государя, неизменность политики существует лишь в течение того времени, пока вице-король остается на своем месте. Ведь в королевстве, как известно, лишь постольку может существовать одинаковое правление, поскольку жив тот же король. Когда он умирает, все равно — будет ли его сын его преемником или другое лицо, — правительство, которое приходит на смену, не бывает никогда таким же, как прежнее. Поэтому даже существует поговорка: новый король — новые законы. Ведь новый король не сходитя во всех мнениях со своим предшественником и не может также знать, что его предшественник считал бы беспорядком в государстве, какую политику он вел бы, что он сделал бы для устранения беспорядка; поскольку же новый король начал бы действовать по-своему, то не может быть уверенности, что его опыт удался бы. Вот в силу какой причины подданные Папского государства, вследствие постоянных перемен в правительстве, не обладают таким хорошим правительством, каким они могли бы обладать, если бы власть носила более устойчивый характер.

Но в Венеции, где правительство с самого начала стремилось управлять хорошо и имеет своей целью общественное благо, были установлены многие различные учреждения и создавались постоянно все новые, улучшая или устраняя прошлые учреждения, чего мы никогда не находим в других монархиях и республиках. Как доказал опыт, не существует никакого государства или респуб-

лики в мире, которое просуществовало бы столько же времени, сколько существует Венеция, которая, можно сказать, еще девственница, а между тем прошло уже около 1200 лет с того времени, как она была выстроена после нашествия Атиллы.

В Венеции способ выбора правителей достиг такого совершенства, что невозможно, чтобы кто-либо мог стать правителем путем подкупа или лести и чтобы он мог достигнуть высшей ступени, если не обладает опытом в делах малых и средних и если в этом опыте он не достиг хороших результатов.

Совет старейшин является высшим учреждением в Венеции, как в древности сенат в Риме. Он имеет право издавать и изменять законы, объявлять войну и мир. В этом совете постоянно имеется около 150 сенаторов и даже больше. Они как бы бессмертны; их опыт переходит к новым властям, и не существует никаких властей, которые обладали хотя бы в течение кратчайшего времени высшей властью без согласия совета старейшин.

Такое устройство правительства неизбежно должно было привести к тому последствию, что оно всегда остается одинаковым, поскольку сенаторы там многочисленны и как бы бессмертны. Не может случиться, чтобы одновременно умерли все или большинство сенаторов, чтобы те, которые становятся сенаторами, не знали, что предшественники их считали беспорядком или какие средства они предлагали для устранения недочетов, или, чтобы, зная это, они хотели разойтись с ними в своем мнении; напротив, те, кто становятся сенаторами, оказываются постоянно среди несравненно большего числа старых сенаторов, от которых знакомятся с прошлыми беспорядками или настоящими недочетами, а также с возможными будущими недостатками и средствами к их устранению. Даже если бы они хотели разойтись с ними в мнениях, они не могут установить других законов. Для этого надо было бы, чтобы они были единодушны или, по крайней мере, чтобы большинство шло за ними.

Итак, в этом государстве все происходит постепенно, и можно сказать по указанной причине, что там всегда существует одно и то же правительство, что чрезвычайно важно. Врач, который будет обладать более надежным опытом, вообще будет достигать хорошего излечения и его действия будут наиболее успешными. Тот, кто много раз лечил больного, знает лучше его организм и его свойства, чем тот, кто лечит его впервые. Тот, кто лишь впервые лечит больного, может лишь догадываться об его организме и не имеет достаточного опыта для успешного действия применяемых им лекарств.

Мне кажется, существует такое же различие между политикой, которую проводит человек, впервые управляющий государством, и политикой, которую проводит человек, давно уже находящийся у власти, знакомый с прошлыми беспорядками и средствами, примененными для устранения недочетов в государстве.

Итак, установив, откуда происходит этот прилив денег, и видя следствия, которые он вызывает, я могу считать это действи-

тельным доказательством того, что я не ошибся, предпочти обычное средство, состоящее в многочисленности ремесл, специфическому средству, каким является избыток сельскохозяйственных продуктов. Мне остается лишь перейти к влиянию условий, в которых находится Неаполь.

ГЛАВА XI

Почему, принимая во внимание условия Неаполя, последний беден золотом и серебром?

Мы выяснили условия Венеции, благоприятствующие отливу денег, и источник прилива драгоценных металлов в нее; условия Неаполя, напротив, благоприятствуют приливу и мешают отливу денег. Трудность здесь заключается не в вопросе о приливе драгоценных металлов. Чтобы разрешить ее, необходимо, чтобы одно из двух положений было ложным: либо отрицание отлива металлов, либо отрицание их прилива, что включало бы в себе противоречие; так как это затруднение вызывало во всех удивление и так как де-Сантис не мог его разрешить иным способом, то он приписал высокому курсу валюты недостаток прилива и рост отлива драгоценных металлов; об этом мнении речь будет во второй части; там станет ясным, какие причины в Неаполе обуславливают ничтожный прилив драгоценных металлов или полное отсутствие его, а также куда происходит отлив их, без того, чтобы это вызвано было высоким или низким курсом валюты.

Желая отыскать истину, необходимо знать, что известная доля истины имеется и в первом и во втором положении; не делая предположений относительно ненадежных вещей, мы должны знать истину относительно прилива драгоценных металлов, каковой, как было сказано выше, согласно мнению де-Сантиса, равняется ежегодно пяти миллионам, за вычетом стоимости сельскохозяйственных продуктов, потребность в ввозе которых составляет ежегодно, согласно его мнению, приблизительно 600 тысяч дукатов. Принимая во внимание, что пошлины, сданные в аренду иностранцам, приносят им приблизительно такую же сумму, поскольку мы допустили, что вывоз сельскохозяйственных продуктов за границу равен 6 миллионам, и отнимая вышеназванные 1200 тысяч, которые составляют стоимость ввозимых товаров и пошлин, мы должны каждый год иметь остаток денег в 5 миллионов. Мы допустили, что сельскохозяйственных продуктов вывозится на 6 миллионов, чем обусловлен соответствующий прилив драгоценных металлов, причем мы не будем спорить — так ли это или нет, но лишь о том — действительно ли имеет место прилив, а если он имеет место, то необходимо установить — чему равен отлив драгоценных металлов; таким образом, дело сводится к тому, чтобы знать, не существует ли какого-либо другого отлива и действительно ли происходит прилив денег в страну. Так как отлив драгоценных металлов значительно отличается от выше-

приведенной суммы, тогда как ввоз товаров и доходы иностранцев, вместе со стоимостью сельскохозяйственных продуктов, привозимых извне, значительно превосходят названное количество, то отсюда следует, что приведенное выше мнение неверно, чем и разрешается трудность: почему Неаполь беден золотом и серебром, несмотря на то, что оттуда ежегодно вывозятся сельскохозяйственные продукты приблизительно на сумму в 6 миллионов. Чтобы знать это, нужно прежде всего установить, в каких товарах Неаполь нуждается, являются ли они предметами необходимости, комфорта или роскоши. Следует затем рассмотреть — на какую сумму ввозят эти товары и с какой целью, поскольку необходимо вычесть стоимость экспортируемых товаров, чтобы не считать их дважды. Начнем прежде всего с совершенно очевидной вещи, а именно с того, что в государстве отсутствует суконная промышленность, производящая тонкие сукна, и что предметы одежды ввозятся в Неаполь (с чем соглашается де-Сантис). Если судить грубо, исходя из того, что в государстве имеется приблизительно миллион домов, если учесть число лиц в каждом доме и сколько из них могут употребить тонкое сукно для одежды (ведь помимо знати, купцов и богатых горожан, каждый, даже средний ремесленник, хочет быть одетым в тонкое сукно, по крайней мере в праздник), если сосчитать, во сколько обходится платье и сколько времени оно носится; одним словом, если все это учесть, то мы получим итог в 3 миллиона. Но я удовольствуюсь тем, что допущу отлив драгоценных металлов, обусловленный куплей сукна, меньше чем в 2 миллиона. Кроме того, необходимо считать всех священников и монахов, большинство которых одевается в иностранное сукно, которое, ведь, кое-что тоже стоит. Следовательно приведенная мною выше сумма скорее мала, чем велика.

Помимо этого государство нуждается во всяких приносах. Я назову главнейшие из них, как горчица, грибы и прочие растения, или некоторые сложные составы, как противоядия, которые почти все приходят из Венеции; точно также всякие ароматические вещи, как перец, сахарный тростник, кардамон, мускатный орех, мирро, стиракс и бесчисленные другие, не считая сахара. Учитывая, как уже было сказано, величину государства и количество названных вещей, в частности перца, так как не существует ни одного дома, где не потреблялось бы ежегодно его на полдуката и на равную сумму всех этих специй, — так вот, если учесть соответственно эти расходы, они, может быть, составят по размерам такую же сумму, как та, которая тратится на сукно, или немногим меньшую.

Мы должны еще рассмотреть также аптекарские продукты — как искусственные, так и естественные. Все они приходят также из-за границы и большей частью из Венеции, как например серная кислота, ртуть, сулема, киноварь, аммиак, сурьма, мышьяк, окись свинца, камфора, алуны и всякие другие вещи, необходимые красильщикам, а также многие другие аптекарские продукты,

которых имеется огромное количество. И хотя и кажется, что эти вещи нужны лишь в ничтожном количестве, поскольку все они не являются необходимыми, но интересующими лишь отдельных лиц, тем не менее большая часть названных вещей и других служит для нужд ремесел, а учитывая величину государства, количество этих вещей становится довольно значительным; но даже и те вещи, которые не нужны для ремесел и не являются предметами необходимости или комфорта, а только каприза, учитывая опять-таки величину государства, также требуются в довольно значительном количестве, как например суклема, которая главным образом служит для натирания лица женщин; сделав таким образом подсчет и приняв во внимание величину государства, мы найдем, что все это достигает, по меньшей мере, суммы в один миллион. Точно также в государстве нет никаких руд, кроме железных, причем даже их недостаточно для собственного потребления; большая часть металлов приходит из-за границы, как например вся медь, свинец, олово, и если принять все это во внимание, то количество, которое необходимо ввозить, учитывая повседневное потребление этих металлов, особенно меди и олова для артиллерии и колоколов, кроме потребления частных лиц, весьма значительно, точно также из-за границы приходит вся бронза и всякого рода стекла. Затем нужно учесть также и все книги в различных отраслях знаний и искусств, ибо хотя в Неаполе и имеется типография, тем не менее книги этого рода печатаются там лишь в ничтожном количестве, так как в Неаполе нет достаточно бумаги. Иногда мы также нуждаемся в привозе пшеницы из-за границы, как это было в последние годы, вследствие чего вообще не осталось полновесной монеты и ее стоимость поднялась на 10 процентов.

Точно также из-за границы приходят всякого рода предметы роскоши, как голландское полотно, французские материи и грубые полотна, всякое оружие; хотя теперь и установилось производство аркебузов и другого оружия, но лишь в небольшом количестве. Точно также, вследствие отсутствия трудолюбия у жителей, не только названные вещи и другого рода продукты промышленности имеются в недостаточном количестве, но имеется также и много таких продуктов, которые хотя и создаются в государстве, но так как их не умеют достаточно искусно изготовлять, приходится привозить их из-за границы и оплачивать, как например рафинад, который привозят из Венеции; хотя сахар изготавливается в королевстве, а также из него производится карамель, но производство так незначительно, что не имеет смысла научиться искусству очищать его, поэтому рафинад привозится из Венеции по двойной цене. То же самое относится к очищенному воску. Если даже иногда та или иная промышленность и вводилась в королевстве, то это происходило под влиянием иностранцев и не продолжалось долго.

Если бы мы пожелали рассуждать обо всех вещах, которые привозятся из-за границы, и в частности о ремеслах, то пона-

добилась бы целая книга, и если мы все это взвесим, то мы найдем размеры отлива драгоценных металлов. Но я допущу даже, что отлив драгоценных металлов меньше, чем прилив их. Придется однако принять во внимание не только доходы иностранцев от пошлин в королевстве, но также продукты сельского хозяйства и промышленности, которые производят в королевстве. Большая часть этих товаров производится иностранцами вследствие пренебрежения, лучше сказать — неаккуратности граждан страны, которые не только не занимаются промышленностью за границей, но даже в собственной стране не умеют готовить нужных им товаров, хотя и видят, как производят их иностранцы. Я скажу, следовательно, что необходимо рассмотреть все эти вещи, потому что, поскольку иностранцы получают в королевстве доходы от пошлин или от промышленной деятельности, они не нуждаются в ввозе денег из-за границы для вывоза сельскохозяйственных продуктов из страны, а покупают эти продукты на указанные выше доходы, хотя де-Сантис и утверждает, что эта сумма не превышает 600 тысяч дукатов; даже если бы это относилось к одним пошлинам, а не ко всем вышеназванным вещам, не приходится говорить о том, насколько он ошибся. Говоря о доходах иностранцев от пошлин, он упустил из виду то, о чем сам писал в другом месте. А именно, касаясь вопроса о том, почему иностранцы не превращают своих доходных бумаг в капитальную сумму, он приводит тот довод, что им нечего больше вывозить из страны, так как они уже выжили всю кровь граждан государства.

Отсюда можно сделать тот вывод, что если бы иностранцы пожелали извлечь из страны и извлекали бы насколько возможно те деньги, которые они получают от пошлин или от промышленной деятельности, то отлив драгоценных металлов превзошел бы сумму в 6 миллионов, которую мы получаем за вывозимые за границу сельскохозяйственные продукты, тем более, если бы мы присоединили к этому стоимость тех, в которых мы нуждаемся; и если вычесть 6 миллионов за вывозимые сельскохозяйственные продукты, то мы не видим оснований, по которым еще должны были бы поступать в государство деньги. Но так как иностранцы не употребляют для вывоза товаров все их доходы от пошлин и промышленной деятельности, а стремятся их употреблять дальше, то им выгодно иметь больше денег в государстве, чтобы быть в состоянии вложить их в большей степени в промышленность или в аренду государственных пошлин. Отсюда и вытекает, что государство не остается полностью без денег. При всем том, если бы его величество католический король или частные лица, в своих интересах, не привозили бы некоторое количество серебра или золота, то королевство неоднократно оставалось бы совершенно без денег; в частности в прошлом году, если бы частные лица не привезли небольшого количества золотой и серебряной монеты, то всем известно, какой огромный недостаток ее ощущался бы; хотя привезенные суммы и были незначительными, они показали очень большими и до известной степени устранили

недостаток денег в королевстве, а это является очевиднейшим показателем большой нищеты.

Поскольку вышесказанным разрешается упомянутая трудность, почему в Неаполе нет денег, то, по указанным причинам, остается только удивляться тому, что их имеется хотя бы и небольшое количество. Причину эту нельзя видеть в высоком или низком курсе валюты, но единственной причиной недостатка денег следует считать указанные нами обстоятельства. Поэтому и средством излечить его является что угодно, только не курс валюты, о чем будет сказано полнее во второй и третьей частях.

Что же касается высокого курса золотых или серебряных денег, то, как уже было сказано, это не может являться причиной, а скорее является обстоятельством, зависящим от других, и оно никогда не создавало в государстве само по себе изобилия денег, о чем сказано также в третьей части; то же нужно сказать о высоких пошлинах.

Другие условия касаются сохранения, а не прилива денег. В третьей части мы скажем также о том, надлежит ли запрещать вывоз денег. Итак, разрешается также и та трудность, почему, при вывозе ежегодно из государства вышеназванной суммы, в нем не остается денег, несмотря на их прилив. Тем более их не может быть по другим причинам. Ведь в стране, как уже было сказано, отсутствуют те обычные средства, которые могли бы вызвать изобилие золота и серебра, а также там нет и рудников драгоценных металлов. Поэтому, несмотря на то, что деньги поступают в страну вследствие вывоза избытка сельскохозяйственных продуктов, но поскольку отсутствуют все другие причины их притока, остается только удивляться тому, как еще там есть небольшое количество денег, которым поддерживается торговля с помощью банков, применяющих бумажные деньги.

ТОМАС МЕН

РАССУЖДЕНИЕ

о торговле Англии с Ост-Индией

ОТВЕТ НА РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ,
*которые обычно делаются
против нее*

THOMAS MUN

A DISCOURSE

*of
trade from England to the East-Indies*

ANSWERING TO DIVERS OBJECTIONS
*which are usually made against
the same*

1621

Томас Мен (1571—1641 гг., в своем памфлете «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» (1621 г.) впервые формулирует основные принципы меркантилизма в Англии. Маркс писал о Мене в гл. 10 второй части «Анти-Дюринга»: «Это произведение («Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией». — *И. П.*) имеет уже в первом издании то специфическое значение, что оно направлено против первоначальной, защищаемой еще тогда в качестве государственной практики, монетарной системы, поэтому является сознательным обособлением меркантилизма от материнской системы. Уже в своем первоначальном виде это произведение выдержало много изданий и оказало непосредственное влияние на законодательство. В совершенно переработанном автором и появившемся лишь после его смерти издании 1664 г. под названием «Богатство Англии во внешней торговле» («England's treasure by foreign trade») оно осталось для последующего столетия *евангелием меркантилизма* (курсив наш. — *И. П.*). Если у меркантилизма можно найти создающее эпоху произведение, то им несомненно является это произведение» (стр. 247). Мен был членом правления знаменитой Ост-Индской компании и правительственного торгового комитета (Commission of trade). В предисловии к «England's treasure by foreign trade» Джон Мен писал о нем: «В свое время он пользовался большой славой среди купцов и хорошо известен был большинству деловых людей, благодаря большому опыту в делах и глубокому пониманию торговли». Его основное произведение — «Богатство Англии во внешней торговле» (6 изданий в XVII и XVIII вв.) — А. Смит упоминает в «Богатстве народов», где пишет: «Само название книги Мена... стало основным положением политической экономии (той эпохи. — *И. П.*) не только в Англии, но и во всех других торговых странах». Кроме двух названных нами и помещенных в сборнике произведений Мена, ему же принадлежит содержащая те же основные идеи «Петиция лондонских купцов, торгующих с Ост-Индией», представленная палате общин в октябре 1628 г. Между двумя произведениями Мена: «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией» и «Богатство Англии во внешней торговле» — большое различие не только внешнее, но и внутреннее. Первое произведение в основном представляет апологию и защиту ост-индской торговли против нападков на нее с разных сторон (сторонников монетарной системы и защитников торговли с Левантом). Основные положения меркантилизма высказываются лишь попутно. Напротив, во втором памфлете автор не касается непосредственно ост-индской торговли, а систематически излагает меркантилистическое credo, критикуя сторонников монетарной системы. Первый памфлет представляет интерес еще в том отношении, что он дает довольно отчетливое представление о первых двух десятилетиях английской торговли с Ост-Индией (первая поездка в Ост-Индию была организована в 1600 г.). Сравнение Меном двух путей следования индийских товаров в Европу (по суше от Персидского залива до берегов Малой Азии через турецкие владения и морской путь вокруг Африки от Персидского залива) ясно показывает тот переворот в торговых путях, который привел к упадку итальянские города (а заодно и Левантийскую компанию в Англии) и к экономическому возвышению европейских государств, примыкающие к Атлантическому океану. Интересны также сведения о размерах этой торговли, ее содержании, ценах и т. п.

Рассуждение
О ТОРГОВЛЕ АНГЛИИ
С ОСТ-ИНДИЕЙ

ОТВЕТ НА РАЗЛИЧНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ,
КОТОРЫЕ ОБЫЧНО ДЕЛАЮТСЯ ПРОТИВ НЕЕ

Написана Т. Меном (Т. Мит)

Торговля товарами является не только похвальной практикой, которая так достойно осуществляет общение между народами, но и, как я бы сказал, поистине пробным камнем процветания государства, если только при этом заботливо соблюдаются известные правила.

Рассматривая хозяйство частных лиц, мы можем считать, что только тот человек процветает и богатеет, который, имея больший или меньший доход, соответственно соразмеряет свои расходы; он может в таком случае ежегодно производить сбережения для своего потомства.

То же происходит в тех государствах, которые с большой заботой и бережливостью стараются продать больше своих отечественных товаров, чем ввозят и потребляют иностранных товаров; ведь вследствие этого остаток несомненно возвращается к ним в виде денег. Но если вследствие легкомыслия и расточительности поступают иначе, чрезмерно тратят свои и чужеземные товары, то необходимо вывозить деньги, как средство оплаты этих излишеств; и так, из-за распущенного образа жизни, многие богатые страны крайне обеднели.

Поэтому трудолюбие, которое увеличивает богатство, и бережливость, которая его сохраняет, являются поистине верными стражами богатства государства даже в тех случаях, когда сила и боязнь королевских запретов не в состоянии удержать его.

Совершенно ясно, что в ввозе иностранных товаров всегда должна быть соблюдаема известная пропорциональность, точно также необходимо учитывать их качество и назначение.

Так, например, нужно отдавать преимущество предметам первой необходимости, каковы пища, одежда и припасы для войны и торговли, изобилие чего является великим благословением для страны. На следующем месте за ними должны стоять товары, нужные для здоровья и ремесел, и наконец на последнем — те, которые служат для удовольствия и украшения.

Поскольку провидение одарило Английское королевство изобилием дорогих товаров, которым оно долгое время пользова-

лось, оно имеет не только множество вышеупомянутых благ, но еще также, благодаря их избытку, значительно увеличило свои денежные богатства за счет ввоза денег из чужих стран. Это дало жизнь многим видам торговли, в числе их Ост-Индской компании. Хотя она и пользуется широкой славой по всему миру, однако же здесь дома по поводу нее раздаются такие громкие сетования и жалобы, что и мне самому, как участнику компании, немало приходилось испытывать смущение и задумываться, чтобы понять причины и действительные основания этих недоразумений.

Наконец я решил, что большая часть этих жалоб вызвана незнанием, неумением разобраться в столь важных делах, завистью со стороны тех, кто не участвует в компании или испытывает из-за нее (как они думают) затруднения в своих делах.¹

Другие лица, совершенно ослепленные своим пристрастием, не только сами пребывают в этом ошибочном убеждении, но и старательно распространяют его, смущая других. Так что то, что является благом и славой нашего королевства, то, чего ни хитрость, ни слава иностранцев не могли бы так легко уничтожить, разрушается нами же самими.

Пришло время дать отпор такой несправедливой точке зрения верным изображением ост-индской торговли и ответить на многие возражения, которые делаются против нее.

Об этих недоразумениях и ошибках должно стать известно всему населению королевства, которое в настоящее время наиболее достойно представлено благородными собранием палаты общин, где, я надеюсь, значение этой торговли будет исчерпывающе обследовано, и она таким образом получит, наконец, доверие и одобрение.

ПЕРВОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ

Было бы счастьем для христианства (так говорят многие), если бы морской путь в Ост-Индию через мыс Доброй Надежды никогда не был открыт, так как туда ежегодно из Англии, Португалии и Нидерландов вывозятся кораблями для покупки бесполезных товаров золото, серебро и христианская монета. А в особенности много денег уходит из нашего королевства.

ОТВЕТ

Это возражение слишком веско и потому нуждается в подробном ответе. Я разделю его на три части.

Во-первых, я рассмотрю необходимость потребления товаров, которые обычно привозятся из Ост-Индии в Европу; таковы: лекарства, пряности, шелк-сырец, индиго и хлопчатобумажные ткани.

Во-вторых, я изложу способы, какими эти товары приходили раньше и доставляются теперь в Европу.

В третьей и последней части я докажу, что денежные фонды Англии вследствие этой торговли не только не уменьшаются, а скорее увеличиваются.

Первая часть касается потребления индийских товаров.

Приступая к первому вопросу, спросим: кто же так мало сведущ, что не согласился бы с умеренным потреблением полезных лекарств и приятных приностей? Они являлись желанными во все времена и для всех народов, не для того, чтобы пресыщать или угождать сластолюбивым вкусам, как фрукты или вина, но скорее как вещь, необходимая для сохранения здоровья или лечения болезней, как это отмечено многими учеными, которые писали по этому вопросу. Поэтому совершенно бесполезно здесь спорить об их большом значении и ценности, принимая во внимание, что тот, кто хочет, легко может получить все сведения о них. Достаточно прочесть томы, которые написаны учеными для блага всех, кто будет ими пользоваться.

Сэр Т. Элиот — его «Замок здоровья». Додоннеус — его «История растений». Французская Академия, ч. II, и др.

Если бы кто-нибудь все же настаивал на том, что различные народы живут, не потребляя лекарств и приностей, то мы бы ответили, что или этот народ не знает их пользы и поэтому очень страдает от недостатка столь целебных товаров, или же они крайне бедствуют, не имея средств получить вещи, в которых так нуждаются. Но так как я намереваюсь быть кратким, и не буду более останавливаться на этом пункте. Мои противники также могут отрицать потребление сахара, вина, оливкового масла, винограда, вишневых ягод, изюма и с еще большим основанием могли бы возражать против табака, тканей, шитых золотом и серебром, батиста, бумажного батиста, золотых и серебряных кружев, бархата, сатины, тафты и разных других тканей, ежегодно доставляемых в нашу страну на бесконечно большую сумму.

Несомненно, что потребление этих вещей пожирает наше богатство.

Однако, несмотря на это, умеренное потребление всех этих товаров всегда великолепно уживалось с богатством и величием королевства.

Теперь я перейду к шелку-сырцу и индиго, которое так великолепно красит наши шерстяные материи, поэтому столь ценные во всех странах света.

Англия и Нидерланды в последние годы производят много шелковиз материй, которые они раньше получали из Италии, Франции, Южной Бельгии и других стран.

Эти украшения являются вместе с тем и большим облегчением жизни и поддержкой для многих сотен бедняков, ² постоянно занятых кручением, прядением и тканьем этих материалов.

Тем более что благодаря покровительству этому делу (так как его величество со своей стороны милостиво соизволил снизить налоги на шелк) можно надеяться, что в короткое время наша шелковая промышленность будет процветать с неменьшей пользой для этого королевства, чем это происходит (и уже много лет) в

различных государствах Италии и, наконец, в последнее время — во Французском королевстве и в Соединенных Штатах Нидерландов.

Теперь перейдем к торговле бумажными тканями различных сортов, которой недавно стали заниматься англичане. Хотя и нельзя наверное сказать, что эти товары выгодны вообще для христианского мира (так как они вырабатываются неверными и большей частью потребляются христианами), однако, не взирая на это, эти товары также чрезвычайно полезны, в особенности для нашего государства.

Они полезны не только для увеличения торговли с соседними странами, но еще и потому, что очень снижают чрезмерно высокие цены на батист, голландское полотно и на другие льняные ткани, которые ежегодно ввозятся в это королевство на очень большие суммы денег.

Этого достаточно для доказательства необходимости потребления индийских товаров. Дальше я изложу способы и средства их ввоза в Европу.

Вторая часть показывает виды и способы, какими индийские товары доставлялись раньше и теперь в Европу.

Те, кто думает, что ост-индская торговля с Европой началась только с открытием морского пути вокруг мыса Доброй Надежды, ошибаются.⁴ Ведь за много лет до этого времени торговля этих стран шла таким образом: морским путем из различных частей Индии товары доставлялись в Мошу на Красном море и Бальзаеру в Персидском заливе.

Из обоих этих мест товары (с большими расходами) перевезлись по суше турками на верблюдах в течение 50 дней пути до Алеппо в Сирии и Александрии в Египте. Они являются рыночными городами, из которых как турецкие, так и христианские купцы развозят эти товары по морю в различные страны Европы.

На этом пути общий враг христиан (Турция) был хозяйном торговли, которая давала занятие и обогащала ее подданных, а также наполняла денежные сундуки их таможен пошлинами, которые они взыскивали в очень высоком размере.

Но, промыслом всемогущего бога, открытие морского пути в Ост-Индию через мыс Доброй Надежды (теперь так часто используемого англичанами, португальцами и голландцами) не только привело к упадку⁵ торговлю между Индией и Турцией в Красном море и в Персидском заливе, к бесконечному ущербу для них и к большому росту христианской торговли, но создало еще и дальнейшие благоприятные условия для христианского мира вообще, в особенности же для Английского королевства, для продажи большого количества английских товаров; и вообще для вывоза меньшего количества серебра. Его вывозится теперь ежегодно из Европы к неверным на многие тысячи фунтов меньше, чем это делалось в прежние времена, и я докажу это более ясно ниже-следующим.

Во-первых, необходимо выяснить количества пряностей, индиго и персидского шелка-сырца (которые ежегодно потребляются

Европой) и по всем видам принять в соображение цену, с расходами погрузки этих товаров на борт кораблей из Алеппо, и сравнить с теми же товарами, как они обычно отправляются из портов Ост-Индии. Отсюда станет ясной выгода ост-индской торговли, против которой многие выступают, особенно наши земляки, под предлогом интересов государства. Либо по незнанию, или вследствие враждебного отношения, они не только сильно сами ошибаются, но и побуждают других препятствовать насколько возможно тому, что служит славе и благополучию этого королевства. Я перейду теперь к вопросу о количестве и ценах вышеназванных товаров, во-первых, в Алеппо.

В АЛЕППО

Количество приностей, индие и персидского шелка сырца, ежегодно потребляемого в Европе.

Шесть миллионов фунтов перца, считая по два шиллинга за фунт, стоят шестьсот тысяч фунтов стерлингов. Четыреста пятьдесят тысяч фунтов гвоздики, по четыре шиллинга девяти пенсов фунт, стоят сто шесть тысяч восемьсот семьдесят пять фунтов десять шиллингов. Сто пятьдесят тысяч фунтов мускатного цвета, по четыре шиллинга девять пенсов за фунт, стоят там тридцать пять тысяч шестьсот двадцать шесть фунтов. Четыреста тысяч фунтов мускатного ореха, по два шиллинга четыре пенса за фунт, стоят сорок шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть фунтов тринадцать шиллингов четыре пенса. Триста пятьдесят тысяч фунтов индиго, по четыре шиллинга четыре пенса за фунт, стоят семьдесят пять тысяч восемьсот тридцать три фунта шесть шиллингов восемь пенсов. Один миллион фунтов персидского шелка-сырца, по двенадцати шиллингов за фунт, стоит шестьсот тысяч фунтов. Вся сумма составляет 1 465 001 фунт 10 шиллингов. Рассмотрим теперь цены тех же товаров в том же количестве и того же качества при покупке и погрузке.

В ОСТ-ИНДИИ

Шесть миллионов фунтов перца стоят, по два с половиной пенса за фунт, шестьдесят две тысячи пятьсот фунтов. Четыреста пятьдесят тысяч фунтов гвоздики, по девяти пенсов за фунт, стоят шестнадцать тысяч восемьсот семьдесят пять фунтов.

Сто пятьдесят тысяч фунтов мускатного цвета, по восьми пенсов за фунт, стоят пять тысяч фунтов. Четыреста тысяч фунтов мускатного ореха, по четыре пенса за фунт, стоят шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть фунтов тринадцать шиллингов четыре пенса. Триста пятьдесят тысяч фунтов индиго, по четырнадцать пенсов за фунт, стоят двадцать тысяч четыреста шестьдесят фунтов двенадцать шиллингов четыре пенса. Миллион фунтов персидского шелка-сырца, по восьми шиллингов

за фунт, стоит четырехста тысяч фунтов. Вся сумма составляет пятьсот одиннадцать тысяч четырехста пятьдесят восемь фунтов пять шиллингов восемь пенсов (511 458 фунтов 5 шиллингов 8 пенсов).

Из существа вопроса и из приведенных расчетов вполне выясняется, что покупка указанного количества шелка-сырца, индиго и пряностей может быть произведена в Индии примерно за третью часть наличной монеты, которая обычно за это уплачивалась Турции.

*Ежегодно с ере-
даются 953 543
фунтов стерлин-
гов уплачива-
вшиеся раньше
христианами
Турции.*

Тем самым сберегаются каждый год девятьсот пятьдесят три тысячи пятьсот сорок три фунта четыре шиллинга четыре пенса наличной монетой, которая раньше вывозилась из христианских стран в Турцию. Это является делом такого значения и имеет такие последствия, что даже кажется невероятным, пока все обстоятельства должным образом не взвешены. Для того чтобы не оставалось сомнений, необходимо выяснить некоторые частности.

Отнюдь не следует думать, будто бы большая выгода, о которой мы говорили, поступает исключительно купцам в качестве барыша. Христианские государства получают от этого тоже очень большую выгоду в виде дешевизны товаров, как мы покажем (с божьего соизволения) в надлежащем месте.

Во-вторых, время ожидания торговцами возврата капитала и процентов по нему очень велико. Расходы по перевозке и страховке значительно больше. Иными словами, расходы на корабли, жизненные припасы, заработную плату моряков и торговых агентов много больше, чем при поездке в Турцию. В виду этого отмеченная нами прежде большая разница в ценах должна быть отнесена к этим особенностям. Мы должны заметить к нашему удобству, что материалы королевства и применение труда его подданных (вместо наличной монеты) являются очень большой частью цены, которую мы платим за ост-индские товары. Но это не может повредить государству,⁶ как некоторые ошибочно полагают, но, напротив, очень выгодно для него, как я еще лучше докажу это дальше.

Прежде всего, я считаю несомненной истиной, что персы, мавры, индийцы, которые торгуют с Турцией в Алеппо, Моша и Александрии шелком-сырцом, лекарствами, пряностями, индиго и хлопчатобумажными тканями, всегда получают плату наличными, так как имеется очень мало таких товаров, которые они хотели бы получить из-за границы. Это лишь некоторое количество камелота, кораллов, шелковых изделий, шерстяных материй и еще разные безделушки, в общем в год не больше, чем на сорок или пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, что является совершенно незначительной суммой, если принять во внимание деньги, которые вывозятся из Алеппо и Константинополя в Персию за шелк-сырец, что составляет по меньшей мере пятьсот тысяч фунтов стерлингов ежегодно.

Десять шиллингов, затраченные на покупку перца в Ост-Индии, превращаются в тридцать пять шиллингов, с чем тая все расходы по доставке его в Лондон.

Большая сумма денег, ежегодно вывозимая из Индии и Персии в Турцию.

Ост-Индская компания берет на себя доставлять шелк-сырец из Персии прямо по морю. Марсель посылает ежегодно в Алеппо и Александрию по крайней мере 500 000 фунтов стерлингов и очень мало товаров. Венеция вывозит около 100 000 фунтов стерлингов и очень много товаров.

Нидерланды вывозят деньгами 50 000 фунтов стерлингов и очень мало товаров. Мессина — 25 000 фунтов стерлингов монетой.

А из Моши вывозится ежегодно свыше шестисот тысяч фунтов стерлингов (также в Индию) за ситец, лекарства, сахар, рис, табак и другие вещи. Таким образом, торговля между этими неверными еще очень велика, и не только хлопчатобумажными тканями разного рода и другими товарами, которые ими же потребляются, но также и шелком-сырцом из Персии, который почти весь перевозится в христианские страны.

Сколь же почтенным предприятием является вследствие этого английская Ост-Индская компания?

Чьими усилиями теперь создается обоснованная надежда направить большую часть этой ценной торговли в Англию путем прямой перевозки этих товаров морем из Персидского залива? Благодаря этому положение турецких торговцев и доходы их таможен будут все более ухудшаться, а денежная наличность христианского мира будет меньше тратиться, как это уже произошло в торговле пряностями и индиго.

А кто же будет сомневаться в том, что мы нуждаемся в серебре, чтобы поддерживать торговлю? Ведь мы таким путем получаем шелк, который с большей выгодой и удобством будет привлекать деньги к нам, чем к отдаленному Турецкому государству, как это было раньше.

И пусть не думают, что покупка персидского шелка христианами в Турции производится путем обмена на другие товары или на деньги, вырученные от продажи большого количества дорогих товаров в Алеппо, Александрии, Константинополе и других местах. Ни Венеция, ни Франция, ни Голландия не продают в тех местах столько своих товаров, сколько сами покупают для своих нужд турецких товаров, каковы, например, тонкий шелк-сырец в Сирии, камелот, грогоран, хлопок, хлопчатобумажная пряжа, чернильные орешки, лен, конопли, овечья шерсть, рис, кожа, воск и различные другие вещи, — так что все же персидский шелк-сырец должен покупаться на наличные деньги. Только англичане имеют больше преимуществ, чем какая-либо другая нация, в этой торговле, так как они продают такое большое количество тонких сукон, олова и других английских изделий, что вырученные от продажи суммы не только позволяют купить достаточное количество турецких товаров, подходящих для их нужд, но также около трехсот больших персидских мер шелка-сырца ежегодно.

И если в каком-либо году им случится купить больше шелка, тогда им приходится доставлять его за наличный расчет из портов Марселя, Генуи, Ливорно, Венеции или Нидерландов. Но это не единственный способ, которым Турецкая империя так обильно снабжается золотом и серебром для ведения торговли с Индией.

Ведь много христианских кораблей ежегодно грузится в Архипелаге ⁷ зерном, покупаемым за наличные деньги. Большую торговлю турки также ведут с Польшей, Венгрией, Германней, получая золото и талеры за камелот, грогран и другие вещи. Но что особенно замечательно, это — громадное количество золота и некоторое количество серебра, хранимые в Великом Каире, которые двумя особыми караванами в слитках ежегодно доставляются туда из Абиссинской страны (Эфиопии) в оплату за множество дорогих товаров, как например бархат, сатины, золотые ткани, тафта, шерстяные материи, полированный коралл и другие вещи.

Абиссинцы — народ в Эфиопии, тупой, ленивый, без ремесл. Они имеют много золотых россыпей и одну серебряную, продукт которых оплачивают из потребности в чужеземных товарах.

Итак, обрисовав турецкую торговлю с христианами, персами и индийцами, я показал и виды и способы, которыми ост-индские товары доставлялись, а отчасти еще и теперь доставляются, в христианские страны. Но чтобы не показалось невероятным, что турки позволяют такому громадному количеству денег ежегодно проходить через их владения к индийцам и персам, их отъявленным врагам, я разъясню этот вопрос еще более

обстоятельно.

Относительно шелка-сырца мы уже показали, что турки за него получают от христиан деньги. Помимо пошлин, которые они пожинают в своих таможнях, турки получают от торговли еще не мало занятий для своих подданных. Что же касается хлопчатобумажных тканей (все Турецкое государство не имеет совсем, или имеет очень мало, льняных тканей), то оно не может обходиться без них, хотя это и очень сильно опустошает денежные фонды государства.

Турция имеет мало возможности производить шелковую ткань и получает его только из Индии.

Они не имеют хлопчатобумажной промышленности, в отличие от христиан, которые организовали производство шелковых материй к большой выгоде неисчислимого количества бедняков, обеспеченных правильной политикой благоустроенных и процветающих государств.

Как в этом, так и в других подобных случаях я мог бы привести в пример Геную, Флоренцию, Лукку, которые для поддержания ремесел и торговли покупают шелк-сырец из Сицилии на сумму, по меньшей мере, в пятьсот тысяч фунтов стерлингов ежегодно. И для оплаты его они продают в Неаполе, Палермо, Мессине известное количество флорентийской тисненой кожи и других товаров на сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов в год.

Выгоды некоторых государств Италии от поддержки ремесел. Наличные деньги, которые ежегодно возятся из некоторых государств Италии в Сицилию.

А остаток в триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов уплачивается наличными деньгами, с которыми они охотно расстаются для того, чтобы вести торговлю. Опыт их научил, что торговля, их профессия, всегда вознаграждает им деньги. Ведь с помощью денег, вырученных за этот шелк (когда его переработают, перевезут и продадут во

Франкфурте или на других рынках), они смогут лучше исполнить свои договоры с испанским королем во Фландрии. И таким образом из Испании серебро вернется обратно в Италию.

Но если я буду уклоняться в эти и другие подробности (не относящиеся к нашей цели), это будет очень утомительно для читателя и поведет меня за пределы моей цели — быть кратким.

Теперь я постараюсь выяснить некоторые сомнения тех людей, которые, по всей вероятности, не имея сведений об иностранных государствах, могут думать, что ни у Венеции, ни у Марселя нет ни средств, ни намерений вывозить ежегодно столько наличных денег. Особенно это касается Марселя, являющегося частью Франции. Благодаря соседству с нею мы знаем, что золото и серебро не могут вывозиться из этого королевства на сколько-нибудь значительную сумму, большую, чем это дозволено для необходимых расходов путешественников. Однако, несмотря на это, опыт также учит нас, что для осуществления этой торговли, о которой мы теперь говорим и которую они так высоко ценят, там обеспечен свободный вывоз как золотых, так и серебряных денег; почему с деньгами там нет затруднений: ведь указанные товары доставляют их в изобилии.

Как Марсель и Венеция снабжаются наличными деньгами.

Во-первых, в Марсель деньги идут не только из Генуи, Ливорно, Картагены, Малаги и многих других портов Испании и Италии, но и из Парижа, Руана, Сент-Мало, Тулузы, Рошели, Диеппа и других городов Франции, у которых немало возможностей получать большие количества реалов и талеров из Испании и Германии.

Подобным же образом венецианцы вывозят указанный шелк-сырец и другие товары в различные государства Италии, Германии и Венгрии (которые имеют очень мало товаров, подходящих для обмена, но имеют лишь деньги) и обильно ими снабжаются деньгами; ведь рудники Венгрии и Германии доставляют большое количество золота и серебра. Подобным же образом и города Италии, в особенности Генуя, Флоренция и Милан, имеют всегда запасы из Испании, представляющие оплату многих больших закупок, которые их купцы делают по поручению испанского короля в Италии и Фландрии. По всем этим вопросам я мог бы написать целую книгу, но думаю, что сказал уже достаточно, чтобы показать, как торговля с Ост-Индией велась и ведется христианами вообще, как деньги ежегодно вывозятся и кем; указал также возможности и способы ведения этой торговли.

В ближайшем месте я дам удовлетворение возражающим мне и покажу, что не ост-индская торговля приводит к обеднению золотом, серебром, деньгами, — наше королевство, в частности.

Кто не знает, что золото в Ост-Индии не имеет установленного законом отношения к серебру! Английская серебряная монета не находится там в том же отношении по стоимости к испанским реалам, что и здесь.

Третья часть покажет, как ост-индская торговля обогащает наше королевство.

Как много денег и товаров Ост-Индская компания вывезла с начала своей торговли.

Его величество не разрешил Ост-Индской компании вывозить за границу ни золотой, ни серебряной английской монеты, но лишь некоторую ограниченную сумму иностранного серебра ежегодно, которой она не осмеливается превышать. Она даже до сих пор никогда не использовала этой нормы. Из ее книг ясно, что с начала возникновения ост-индской торговли в 1601 г. до июля 1620 г. она отправила за границу только пятьсот сорок восемь тысяч девяносто фунтов стерлингов, в испанских реалах и талерах, хотя по лицензии имела право вывезти за это время семьсот двадцать тысяч фунтов стерлингов.

Она вывезла также за границу в течение этих девятнадцати лет на двести девяносто две тысячи двести восемьдесят шесть фунтов стерлингов тонких сукон, кашемира, свинца, олова, вместе с другими английскими и заграничными товарами, что являлось хорошим добавлением к вывозу наших товаров в эти далекие страны, где до сих пор они совершенно не имели сбыта.

Рост вывоза английских товаров в Индию.

Заметьте, насколько время и развитие промышленности улучшили эту торговлю: ведь за три последних года в Индию было вывезено больше товаров, чем за шестнадцать лет до этого; однако нас это еще не удовлетворяет, так как эта новорожденная торговля с Красным морем и Персидским заливом дает нам надежду на большее.

Так, например, мы недавно узнали по письмам из Испании о больших количествах шелка-сырца, заготовленного английскими агентами, который мы можем (с божьей помощью) ожидать здесь к августу месяцу, с уведомлением о возможности также продать наши английские сукна и кашемир в больших количествах; то же предполагается относительно железа, олова и других вещей, ценность которых (на основании прежних продаж) достаточно доказана опытом.

Теперь мы пропустим много вопросов о возможностях каботажной торговли между различными портами Индии их же собственными товарами. Этим может быть значительно увеличено использование наших кораблей одновременно с ростом вывоза на них из Англии денежных сумм и товаров.

Наш капитал может быть значительно увеличен каботажной торговлей между различными портами Индии (см. предшествовавшие сообщения о торговле из Сураба в Аден и во всей восточной Индии, а также между Индией и Красным морем).

В заключение я хочу показать, как его величество в патенте, жалованном Ост-Индской компании, тщательно позаботился о том, чтобы члены компании ежегодно ввозили столько же серебра, сколько они вывозят. Это всегда честно соблюдалось даже с избытком, что вело к увеличению денежных фондов королевства. Мало вероятно, чтобы иностранное серебро, закупаемое компанией по определенной цене, с обязательством поставки к установленному сроку, было ввезено в Англию, если бы не было такого контракта. Не будь уверенности в возможности продать эти деньги по хорошей цене, купцы несомненно предпочли бы закупить на них товары, избыточное потребление которых,

как я постараюсь показать дальше, было бы менее выгодно для государства.

В Индию вывозится только иностранная монета. Ост-Индская компания обязана везти в Англию столько же денег, сколько она вывезла опшуда.

Табак, виноград, растительное масло и вина — в них нет необходимости, скорее от них слишком много дыма, чада.

Размеры такой торговли и количества товаров, которые, как надеются, ежегодно будут доставляться в государство из Ост-Индии.

Предположим, что Ост-Индская компания может ежегодно вывозить сто тысяч фунтов стерлингов; несмотря на то, что торговля будет вестись наличными деньгами, она не только не уменьшит, но скорее увеличит денежные фонды государства. Чтобы доказать это, я кратко изложу существо английской торговли с Ост-Индией по количеству различных товаров, ежегодно привозимых из Индии в Англию, и приведу обычные цены их в обоих местах.

Начнем с их цен франко-борт в Ост-Индии.

В О С Т - И Н Д И И

Два миллиона пятьсот тысяч фунтов перца, по два с половиной пенса за фунт, стоят двадцать шесть тысяч сорок один фунт стерлингов тринадцать шиллингов четыре пенса.

Сто пятьдесят тысяч фунтов гвоздики, по девяти пенсов за фунт, стоят пять тысяч шестьсот двадцать шесть фунтов. Сто пятьдесят тысяч фунтов мускатного ореха, по четыре пенса за фунт, стоят две тысячи пятьсот фунтов стерлингов. Пятьдесят тысяч фунтов мускатного цвета, по восьми пенсов за фунт, стоят тысячу шестьсот шестьдесят шесть фунтов стерлингов тринадцать шиллингов четыре пенса. Двести тысяч фунтов индиго, по четырнадцати пенсов за фунт, стоят одиннадцать тысяч шестьсот шестьдесят шесть фунтов стерлингов тринадцать шиллингов четыре пенса.

Сто семь тысяч сто сорок фунтов китайского шелка-сырца, по семи шиллингов за фунт, стоят тридцать семь тысяч четыреста девяносто девять фунтов стерлингов. Пятьдесят тысяч штук хлопчатобумажных тканей разного рода, по семи шиллингов в среднем за штуку, стоят пятнадцать тысяч фунтов. Итого — сто тысяч фунтов стерлингов.

Все эти товары часто покупались приблизительно по указанной нами цене. И мы надеемся с нашей стороны (помимо торговли шелком-сырцом с Персией) ежегодно доставлять из Индии такое количество различных сортов товаров, как здесь указано (если его величеству будет угодно оказывать нам покровительство и защищать нас на основании соглашения, заключенного с Голландией). Все эти товары будут продаваться в Англии по следующим ценам:

В А Н Г Л И И

Двести пятьдесят тысяч фунтов перца, по двадцати пенсов за фунт, стоят двести восемь тысяч триста тридцать три фунта шесть шиллингов восемь пенсов. Сто пятьдесят тысяч фунтов гвоздики,

по шести шиллингов за фунт, стоят сорок пять тысяч фунтов стерлингов. Сто пятьдесят тысяч фунтов мускатного ореха, по два шиллинга шести пенсов за фунт, стоят восемнадцать тысяч семьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Пятьдесят тысяч фунтов мускатного цвета, по шести шиллингов за фунт, стоят пятнадцать тысяч фунтов стерлингов. Двести тысяч фунтов индиго, по пяти шиллингов за фунт, стоят пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Сто семь тысяч сто сорок фунтов китайского шелка-сырца, по двадцати шиллингов за фунт, стоят сто семь тысяч сто сорок фунтов стерлингов. Пятьдесят тысяч кусков хлопчатобумажных тканей разного рода, по двадцати шиллингов за штуку в среднем, стоят пятьдесят тысяч фунтов. Итого — четыреста девяносто четыре тысячи двести двадцать три фунта шесть шиллингов восемь пенсов.

Таким образом, мы вернем не только наши собственные деньги, но даже больше на триста девяносто четыре тысячи двести двадцать три фунта шесть шиллингов восемь пенсов. На эту сумму и увеличивается денежный фонд королевства.

Насколько денежный фонд королевства может ежегодно увеличиваться от торговли с Ост-Индией. Корабли, вместимостью в 2500 тонн, доставляют домой все товары из Ост-Индии.

Сырье, доставленное одним рейсом, стоит более 15 000 фунтов стерлингов. Индийские товары будут доставлять королевству наличные деньги. Нет иных способов получить деньги, кроме торговли. Французы и венецианцы вывозят ежегодно 600 000 фунтов стерлингов наличными деньгами в Турцию. Торговля делает очень богатыми некоторые государства, которые имеют мало других способов разбогатеть. Если стоимость вывоза из нашего государства будет превышать стоимость ежегодного ввоза товаров, денежный фонд страны будет увеличиваться. Вывоз в Ост-Индию составляет ежегодно 480 000 фунтов стерлингов, а ввоз — 120 000 фунтов стерлингов. Так что пассив торгового баланса с Индией составляет 360 000 фунтов стерлингов. Однако каждая операция должна рассматриваться с точки зрения ее итога.

От продажи индийских товаров на континенте выручаются деньги, которые могли бы быть доплатены в наше королевство, если бы не употреблялись на другие виды нашей торговли.

Турции и в других местах, где их можно продать с наибольшей выгодой, — деньги может вывозить любой во всякое время.

Подобно тому, как с помощью вывоза некоторых других товаров из Англии были получены вышеупомянутые сто тысяч фунтов

Хотя Ост-Индская компания будет расходовать большую часть этой суммы на оплату пошлин и налогов, а также на заработную плату торговых агентов, офицеров и моряков, на перевозку съестных припасов, снаряжение, страховку и тому подобное, все это (за исключением оборудования кораблей) только видоизменение, а не потребление товарных фондов нашей страны.⁸

Но если кто-либо возразит (как уже было отмечено), что эти товары, будучи доставлены в Англию, либо будут потреблены в самой стране, либо выменены за границей на другие товары, и мы все-таки потеряем нашу сотню тысяч фунтов стерлингов наличными, то мы ответим: во-первых, в нашем случае мы должны будем считать, что эти товары полезны государству лишь постольку, поскольку ими можно торговать.

Во-вторых, хотя эти товары и выменены на другие товары за границей, все же мы должны считать, что они увеличивают товарный фонд страны и дают работу подданному государству.

Наконец, если бы мы решили перестать потреблять их, кто же усомнится в том, что мы могли бы получить целиком их стоимость наличными деньгами? Ведь в Италии,

стерлингов наличными деньгами, предназначенные, как выше было указано, для торговли с Ост-Индией, — и индийские товары обладают способностью доставлять государству наличные деньги.

Пусть не сомневаются, что деньги следуют за товарами, так как деньги — цена товаров, и покупка товаров и есть подлинное назначение денег, — их связь неразрывна.

Если бы Франция и Венеция хотя бы сколько-нибудь сомневались в этом, они не разрешали бы так охотно ежегодно вывозить в Турцию шестьсот тысяч фунтов стерлингов, или более, в испанских реалах или талерах, из которых по меньшей мере три четверти употребляются только для закупки персидского шелка-сырца, каковой товар и дает им сейчас же возможность получать из различных государств наличные деньги для ведения торговли. Вследствие этих операций их богатство растет, и население этих стран находит значительное применение своему труду.

Итак, в заключение, я только добавлю, что одна лишь ост-индская торговля (хотя она и ведется не в больших размерах, чем выше описано) способна доставить королевству больше денег, чем все другие виды торговли (в том виде, как они сейчас ведутся), взятые вместе, если только верно правило, гласящее: когда ценность нашего вывоза превышает ценность иностранных товаров, которые потребляются в стране, то разница неизбежно вернется к нам в виде денег.

Я уверен, что после тщательного и честного обследования будет найдено, что активный баланс всех других видов торговли, взятых вместе, не достигает той суммы денег, которую дает одна ост-индская торговля.

Как уже было указано, на вывезенные сто тысяч фунтов стерлингов можно ввезти ост-индских товаров приблизительно на пятьсот тысяч фунтов стерлингов. Мы должны считать только ту часть ввезенных товаров в собственном смысле слова ввозом, которая потребляется в самом государстве, и она составляет около ста двадцати тысяч фунтов стерлингов ежегодно. Разница в триста восемьдесят тысяч фунтов стерлингов составляет экспорт в другие страны в виде сукна, свинца, олова и других отечественных товаров, что содействует значительному увеличению товарных фондов государства и его денежных средств.

Поскольку все человеческие действия имеют конец и определенную цель, подобным же образом мы должны установить цели и для ост-индской торговли, которые тогда только действительно могут быть признаны осуществленными, когда наше государство обслужено, остаток товаров послан за границу и продан там за наличные деньги, при условии, что эти деньги могут быть свободно вывезены оттуда.

Многим хорошо известно, что мы получаем деньги от продажи индийских товаров с барышом в Турции, Ливорно, Генуе, Нидерландах, Марселе и других местах; если даже все эти деньги или некоторая часть их не будут ввезены в Англию, но использованы каким-нибудь другим способом или на другие дела, все же

придется признать, что вышеуказанные товары Индии имеют свой значительный баланс в монете.

Но достаточно нагромождать доказательства для подтверждения того, что уже настолько ясно. Постараюсь теперь дать ответ на следующее возражение.

ВТОРОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ

Бревна, толстые дубовые доски и другие материалы для сооружения кораблей расходуются в чрезмерных количествах и цены на них растут, так как Ост-Индская компания для своей торговли строит ежегодно большое количество крупных кораблей; государство же не имеет возможности ими в случае надобности пользоваться: ведь они либо вне Англии, либо если и возвращаются, то поврежденными, негодными для пользования.

ОТВЕТ

Эта ост-индская торговля, повидимому, какое-то чудовище, которое опустошает и тратит все и не приносит никакой пользы.

1) Но это возражение в известной части — слабо. 2) В остальном же оно основано на недоразумении.

Первая часть — Во-первых, — разве наши леса и хорошие деревья *о глупости возра* предназначены для того, чтобы на них любоваться? *жения.*

Можно было бы с равным успехом запретить выработку шерсти и вывоз за границу нашего сукна; ведь и то и другое одинаково является средством для получения необходимых стране товаров. Разве они не знают, что деревья живут и растут и, вырастая, со временем гибнут и гниют, если только не дать им лучшего применения?

А какое же применение может быть более благородно или более выгодно, чем использование их на постройку хороших торговых и военных кораблей? Разве они не житницы нашего богатства и изобилия и не оплот мира и счастья? Разве их стройка не дает заработок многим сотням бедняков и не увеличивает значительно число ремесленников, которые так нужны государству? Не строятся ли корабли с помощью доставляемых ежегодно из Ирландии леса и других материалов? Ну, где же тогда опустошение и вздорожание? Я уверен, что Ост-Индская компания этого не находит; она делает закупки материалов только в Гэмпшире, Эссексе, Кенте и Беркшире, и во всех этих местах она покупает и бревна и доски для корпуса, доски для обшивки и деревянные нагели и т. п., все это хорошего качества и за дешевую цену, так же дешево (и даже дешевле), как пятнадцать лет тому назад.

Забора Ост-Индской компании о бревнах и досках. Ост-индская торговля не удорожает материалов для постройки кораблей.

За все это время книги компании ясно показывают, что цена этих материалов не изменяется значительно; если цена их несколько повышалась в течение одного года, то на другой год она падала до прежнего уровня. Кроме того, посмотрите, помимо кораблей Ост-Индской компании, сколько больших и хоро-

ших кораблей ежегодно строится частными купцами (каких Англия никогда не имела раньше). И что особенно замечательно, это — постоянная новая стройка на верфях его величества, которая ежегодно увеличивает силу и славу несравненного королевского флота. Так что, как мы видим, предполагаемые опустошение и недостаток лесных материалов не так уже велики.

*Вторая часть
показывает ошиб-
ки возражения.*

Да, говорят они, но ост-индские корабли никогда не бывают на месте, если встретится в них надобность. Если же они и дома, то не в порядке и не годны для службы.

*Военные запасы
Ост-Индской
к. компании.*

В торговом транспорте суда уходят и приходят, они не сделаны для того, чтобы стоять в гавани. Однако, несмотря на это, Ост-Индская компания хорошо подготовлена во всякое время нести службу его величества и королевства, имея большие запасы военного снаряжения, которые она всегда держит в готовности. Таковы: бревна, доски, железные изделия, мачты, такелаж, якоря, бочки, артиллерия, порох, бомбы, готовые припасы продовольствия, вино, сидр и целый склад всяких других вещей, нужных для постоянной стройки кораблей, их ремонта и отправки в море. Это можно видеть на верфях и складах компании в Депфорде и особенно в Блеквале. Они стали так знамениты, что ежегодно посещаются иностранцами для осмотра — как посланниками, так и другими лицами, испытывающими большое удивление перед мощью и славой его величества, у которого одна лишь компания купцов способна по первому сигналу выставить флот большой силы и могущества.

*Сила его величе-
ства в одной
лишь Ост-Инд-
ской компании.*

Всею людям, желающим знать правду, достаточно хорошо известно, что Ост-Индская компания (по имени собственного флота из кораблей, отбывающих и прибывающих, а также плавающих в Индии) постоянно строит, чинит, оснащает такелажем, снабжает провиантом и снаряжает всеми необходимыми для длительного плавания материалами от семи до восьми больших судов в год.

Эти корабли можно видеть на якоре на Темзе; они с большой поспешностью снаряжаются в течение пяти — шести месяцев, прежде чем отправляются в Индию, что бывает в марте месяце; тотчас же после их отхода от берега Англии — приходят корабли, возвращающиеся из Индии. Эти корабли, однако, вовсе не возвращаются домой настолько поврежденными, как некоторым хотелось бы представить их. Как часто эти корабли совершают два или три последовательных путешествия в Ост-Индию! Теперь, после их возвращения, их ставят в док, они снова обшиваются, приводятся в порядок, и их опять спускают на воду, вполне пригодными для таких же поездок, меньше чем за два месяца. Но бесполезно тратить больше времени на опровержение этого возражения. Поэтому я перейду к рассмотрению следующих.

ТРЕТЬЕ ВОЗРАЖЕНИЕ

Корабли, возвращающиеся из Ост-Индии, могут быть исправлены в очень короткий срок.

Поездки в Ост-Индию потребляют много провианта, губят моряков, после которых остается много бедных вдов и детей без помощи, помимо того, что из многих кораблей, отправляющихся в Ост-Индию, мало возвращается обратно. Торговля с Ост-Индией привела к упадку торговлю и судоходство с Дарданеллами.⁹ Наконец, вышеуказанная торговля с Ост-Индией очень невыгодна для купцов; равно как и государство не получает больше прежнего выгод от дешевизны индийских приностей.

ОТВЕТ

Где же это мы живем? В каком же это мире, полном несчастий, дороговизны, смертности, разорения, нищенства и т. д.?

Поистине целый поток несчастий, ведущих нас к нищете. Разве не пора уже искать средство против них? И это тем легче сделать, что эти беды никогда в действительности (по крайней мере до сих пор) не причинялись Ост-Индской компанией, как я покажу, отвечая на все части возражения по порядку. Во-первых, относительно дороговизны.

Во-первых — относительно дороговизны.

Ведь совершенно естественно и справедливо, чтобы каждое государство кормило и заботилось о своих сочленах, независимо от их общественного положения, в соответствии с их средствами.

Это относится не только к тем из них, кто находится дома, но и к тем, кто отправляется в чужие страны ради собственного пропитания и блага государства.

Что касается снабжения провиантом (который ежегодно заготавливается для кораблей, отплывающих в Ост-Индию), то многим хорошо известно, что он всегда рассчитывается на восемнадцать месяцев, тогда как обычно путешествие продолжается на год больше. В течение этого времени они снабжаются продовольствием, закупаемым за границей.

Хлеб и сухари для этих кораблей делаются из французского зерна, специально для этого доставляемого сюда (и притом по дорогой цене) только для того, чтобы обеспечить изобилие нашего собственного хлеба. И разве совсем недавно фермеры не начали кричать, что дешевизна зерна не позволяет им платить высокую ренту? Не приспосаблиает ли Ост-Индская компания всеми способами свои действия ко благу государства?

Разве напитком для экипажа не является по большей части вода, немного вина и сидра и совсем мало пива?

Мясо состоит из говядины и свинины из расчета на три раза в неделю, остальные дни пищей экипажа является рыба, немного масла, сыр, горох, овсяная мука и другие вещи. Все это рассчитано по очень скудной норме на каждого человека. Здесь нет

излишества или расточительности и ничего такого, что вызывало бы дороговизну и недостаток пищевых продуктов (внутри страны), как некоторые ошибочно предполагают. Скорее такой способ действия увеличивает изобилие в стране. А теперь я дам ответ на следующий пункт — относительно смертности и гибели моряков.

Жизнь человека так драгоценна, что не следует ее подвергать опасности. И все же мы знаем, что все течение нашей жизни — только переход к смерти, причем ничто не может его ни остановить, ни замедлить, но все люди идут к ней одинаковым образом и с одинаковой скоростью.

Эту-то длительность жизни определяет природа, а государство стремится обеспечить ее достойным людям. Но никто не может считать столь достойным, как те, кто работает по своему призванию в интересах общества и к своей собственной выгоде.

Мы должны считать хороших моряков людьми очень полезными для общества, но если мы оторвем их от их привычной деятельности из-за отсутствия потребности в них, посмотрите, какие отчаянные поступки они совершают, соединяясь даже с турками и неверными, чтобы грабить и вредить всем христианским народам. Мы можем отсюда заключить, что мы должны не только воспитывать моряков, но также и искать способов торговлей давать им содержание и работу.

Пусть будет так, говорят некоторые, но Ост-Индская компания не воспитывает, не кормит, а уничтожает нужные нам кадры моряков.

Как может это быть, когда достоверно известно, что Англия (помимо ост-индского флота) никогда не имела больше кораблей, чем теперь. Ведь ни один корабль не оставался в Англии из-за нужды в моряках, даже в то время, когда много сотен моряков находится на службе его величеству в королевском флоте; помимо большого количества наших лучших моряков, которых ежедневно убивают и берут в плен турки. Где же тогда этот недостаток моряков? Не есть ли это скорее недостаток в точных сведениях у тех, кто плохо относится к нашей компании.

Разве неизвестно, что путешествие в Ост-Индию продолжается долго, так что по естественному ходу вещей многие могут умереть в течение этого времени, даже если бы они оставались и дома. Разве в возмещение тех, кто умирает, Ост-Индская компания не принимает во флот ежегодно, по меньшей мере, четыреста человек, которые в одно путешествие становятся хорошими моряками для службы королю и государству. Многие из них были тяжелым бременем для государства.

Таким образом государство освобождается от отчаянного и беззаконного элемента, который держат в повиновении суровой дисциплиной на море, так что они часто меняют свой прежний образ жизни и достигают благосостояния.

Вторая часть — о смертности.

Хорошие моряки считаются ценными членами общества.

Компания подготавливает ежегодно 400 моряков. Благодаря смерти не может нас остановить или помешать нам совершить почетное дело для службы королю и государству. Беспорядочный образ жизни наших моряков губит многих из них.

Наконец, эти путешествия вовсе не так опасны и не сопровождаются такой смертностью, как об этом говорят. Ведь много наших кораблей возвращается из Индии, не потеряв и пяти процентов экипажа.

Другие, правда, испытали больше трудностей вначале, когда климат местности и присущие ему заразные болезни не были так хорошо известны; с тех пор мы уже научились многому как в отношении сохранения здоровья, так и более быстрого переезда.

Но порядок моего изложения требует, чтобы я главным образом писал об этом в следующей части: «О гибели». Я разделю изложение этого вопроса на две части. Сначала я рассмотрю недостаток кораблей, которые погибли в Индии.

А во второй части я отвечу на вопрос о так называемом подрыве торговли и морских сношений с Турцией.

Третья часть касается убитых кораблей, посланных в Индию. О захваченных голландскими кораблями и причинном или ущербе (ср. прислане дописания Спураса, Гора, Норландиса, а также показание различных лиц о приходе всех этих путешествий в Индию). Двенадцать кораблей были: Лебедь, Защита, Соломон, Визитация (все захвачены в Банда оттого, как сэр Томас Дэй начал войну), Верочика, Звезда, Дракон, Медведь, Экспедиция, Роза, Самсон и Собака. Наши столкновения голландцами. Размеры торговли с Индией с начала торговли составляют 356 288 фунтов стерлингов. Стоимость товаров, привезенных за них из Ост-Индии, составила 1214 600 фунтов стерлингов.

Итак, во-первых, относительно гибели наших кораблей в Индии; нельзя отрицать, что им был нанесен большой ущерб за последние три года, но не опасностями моря и не силой врагов, но грубой и неожиданной ссорой с нашими соседями голландцами, которые внезапно захватили 12 наших кораблей в разное время и в различных местах. Это причинило нам невыразимый вред. Вместе с тем было убито много наших лучших моряков, а многие из них умерли в плену, и это еще более увеличило слухи о большой смертности среди них. Но я не хочу здесь изображать вещи хуже, чем они есть, а хочу только дать краткий ответ на возражение. Наш недавний союз ¹⁰ с Голландией обещает нам двойную выгоду на будущее время.

Те, кто изображает эту торговлю столь бедной и невыгодной, очень сильно ошибаются в подсчете. Настоящие потери, которые привели в отчаяние многих торговцев, объясняются не существом торговли, а несчастными обстоятельствами. Чтобы сделать это янее, я должен коснуться некоторых подробностей, в числе которых я собираюсь очень кратко изложить размеры торговли англичан в Ост-Индии до настоящего времени.

Во-первых, я должен заметить, что с начала ¹¹ этой торговли до июля прошлого, 1620, года было отправлено в разное время семьдесят девять кораблей. Из них тридцать четыре уже вернулись в целости и богато нагруженными домой, четыре были выведены из строя продолжительной каботажной службой в Индии, два были разбиты, шесть кораблей потонули, двенадцать были неожиданно захвачены голландцами, из них некоторые были настолько изношены, что немногого будут стоить, пока их не восстановят; а двадцать один хороший корабль еще остается в Индии. Вот правильный отчет о наших кораблях.

После этого перейдем к вопросу о нашем капитале.

Совершенно верно, что на всех этих кораблях было вывезено в чистой монете как из нашего государства, так и изо всех других мест пятьсот сорок восемь тысяч девяносто фунтов стерлингов в чужеземной монете.

Кроме того, было вывезено на двести девяносто две тысячи двести восемьдесят шесть фунтов стерлингов различного рода английских и иностранных товаров. Всего денег и товаров было вывезено на восемьсот сорок тысяч триста семьдесят шесть фунтов, судьба которых такова:

Во-первых, было потеряно тридцать одна тысяча семьдесят девять фунтов стерлингов на шести потерпевших крушение кораблях, а на тридцати четырех кораблях, вернувшихся в целости, было доставлено в Англию триста пятьдесят шесть тысяч двести восемьдесят фунтов стерлингов различного рода товарами, которые дали здесь в общем итоге миллион девятьсот сорок четыре тысяч шестьсот фунтов стерлингов; ведь расходы, производимые здесь, — это только превращение одной ценности в другую, как уже было указано раньше в этом сочинении.

В Индии остается еще и скоро приобретет в Англию четыреста восемьдесят четыре тысячи восемьдесят восемь фунтов стерлингов. Мы не думаем, чтобы наши расходы и убытки из-за Голландии превзошли восемьдесят четыре тысячи восемьдесят восемь фунтов стерлингов, так что еще остается четыреста тысяч фунтов стерлингов в хорошем состоянии в виде объединенного капитала компании.

А как велика может быть стоимость индийских товаров, которые с божьей помощью мы сумеем вскоре привезти на наших кораблях в Англию, — это может показать приведенный нами пример. Итак, несмотря на большие расходы, связанные с открытием новых стран, потери вследствие кораблекрушений, войн и бесконечных трений с Голландией, все же наше королевство получит свой капитал со значительным приростом, хотя барыши купцов на последние два объединенных капитала окажутся незначительными при сравнении с предыдущими экспедициями, которые не встретились с такими трудностями.

Так в немногих строках нами изложен большой материал, собранный не без труда из различных книг Ост-Индской компании. Теперь, что касается упадка торговли и судоходства с Турцией, — не сомневаемся, что современем также будут утверждать, что Ост-Индская компания помешала продаже нашего некрашеного сукна в Нидерландах.

*Относительно
упадка судоход-
ства и торговли
с Турцией.*

На деле же мы видим большой прирост числа кораблей, применяемых купцами, ведущими торговлю с Турцией, которые продают английского сукна больше (по крайней мере, на одну треть), чем до начала ост-индской торговли.

Но (говорят они) зато мы потеряли торговлю пряностями и индиго, шедшую через Алеппо.

С этим я согласен. Но зато государству удобнее другой путь, а они получили компенсацию в увеличении торговли, в вывозе

отсюда тех же самых товаров в Италию, Турцию и другие места. Не менее выгодно также для государства прекращение торговли шелком-сырцом через Аленпо и доставка его из Персидского залива по более дешевой, по крайней мере на одну треть, цене, чем он сейчас стоит в Турции.

Помимо того, деньги, которые мы выручаем за наше английское сукно, олово и прочие товары в Турции (не находя там товаров, пригодных для ввоза в Англию), несомненно будут ввезены в Англию в виде золота, как это всегда случалось до этого времени, когда получался избыток стоимости пряностей и английских товаров. Торговцы, закуная на них достаточное количество турецких товаров, привозили в те годы домой разницу в виде золота на большую сумму.

Купцы, содействующие торговле с Турцией, могут подтвердить это.

Таким образом очевидно, что этот переворот в торговле совершился и совершается ко благу государства. Никогда ост-индская торговля не наносила ущерба другой торговле, судоходству или морякам нашей страны, но, напротив, содействовала их росту. Рассмотрим теперь тот прирост силы и славы королевства, который она обеспечивает.

Я должен показать число наших английских кораблей, находящихся ныне в Индии или недавно ушедших туда. За последние три года они почти все скопились там, за исключением только пяти кораблей. Остальные оставались там, чтобы дать отпор ярости голландцев. Но теперь мы имеем с ними союз и мы можем (с божьей помощью) ежедневно ожидать возвращения различных больших кораблей с дорогими товарами.

Мощь ост-индского флота.

На будущее время эта торговля, как я думаю, будет постоянно употреблять флот, емкостью в десять тысяч тонн великодушных кораблей, считая как отбывающие и возвращающиеся из Индии корабли, так и суда, находящиеся там.

Этот флот даст работу, по меньшей мере, двум тысячам пятистам моряков. А постройка и ремонт этих кораблей будут требовать еще в Англии пятьсот человек плотников, резчиков, столяров, кузнецов и других рабочих, не считая большого числа служащих и около ста двадцати торговых агентов в различных местах Индии; а теперь перейдем от этих вопросов чрезвычайной важности к вопросу о нищенстве.

Четвертый раздел касается нищеты, вдов и т. п. Ост-индская торговля дает работу многим беднякам и беспутным людям, которых не принимают на работу другие предприятия. Жалование в других поездках не выдается вперед и нигде не бывает так велико, как в Ост-Индской компании.

Бедность вдов и сирот, конечно, заслуживает большого сострадания и всегда побуждала христианские сердца к соболезнованию и милосердию. Многие получают поддержку и помощь от тех, кого бог благословил большими средствами; однако представляется не только трудным, но и невозможным делом совершенно предупредить бедность. Ведь помимо несчастных случаев и бедствий, которым может подвергаться каждый человек, мы видим, как много людей ежедневно (по своему безумию и своеправью) безнадежно погружаются в несчастья.

А как велико число тех, которые обременены женами и семьями и лишены средств существования и возможности доставить их себе. Некоторые из них, не получая поддержки, совершают отчаянные поступки и преждевременно погибают.

Другие ищут работы, но не находят ее совсем или же находят лишь с большим трудом; ведь кто же станет охотно принимать на работу бедного, несчастного, обремененного семьей и, несомненно, испорченного человека.

Никто из наших купцов, ведущих торговлю с чужими странами, не принимает новичков, которые никогда не были на море. Так что когда все двери милосердия закрыты, ворота Ост-Индской компании широко открыты для нуждающихся и бедняков. Компания дает им хорошее содержание, жалование авансом за два месяца, чтобы они могли сделать необходимые запасы для дороги. За время их отсутствия их жены получают на жизнь, кроме того, еще двухмесячное жалование за каждый год службы. Если он случайно умрет в дороге, жена получает все заработанное ее мужем (если он не распорядился в своем завещании иначе), и это часто составляет большую сумму денег, чем они когда-либо имели в своем распоряжении.

Разве не получают много бедных вдов, жен и детей в Блэкуолле, Лаймхоузе, Ратклиффе, Шедуелле и Ваппинге часто от Ост-Индской компании в большом количестве хорошую говядину и свинину, сухари и небольшие суммы наличными деньгами?

Разве многие из этих детей не получают работу от компании, подходящую к их возрасту или способностям? Разве не следует упомянуть о ремонте церквей, о содержании юных школьников, поддержке многих бедных проповедников значительными суммами денег и о различных других актах милосердия, которые выполняются компанией аккуратнейшим образом, даже в нынешние плохие времена? За все это, я надеюсь, компания и ее участники будут награждены.

Перехожу к пятому разделу третьего возражения.

Здесь я должен показать, как сильно обманываются те, кто думает, что пряности и индиго не дешевле в Англии теперь, чем в прежнее время, до начала ост-индской торговли. Ведь несомненно верно, что мы в те дни часто платили шесть шиллингов или больше за фунт перца и редко или никогда не платили меньше чем три шиллинга и шесть пенсов за фунт. Со времени же, как мы торгуем непосредственно с Индией, цена перца колеблется от шестнадцати пенсов и до двух шиллингов за фунт.

Разница в цене выступает еще яснее, если мы покажем все количество пряностей и индиго, ежегодно потребляемое в Англии, и сравним низшие цены, по которым мы их покупали в Турции или Лиссабоне, с теми ценами, по которым мы их привозим прямо из Ост-Индии.

Кто же из этих вдов просит милостыни в церкви, как это часто делают другие?

Пятый раздел касается дешевизны пряностей и индиго по сравнению с прежним временем.

Цены пряностей и индиго в настоящее время.

Четыреста тысяч фунтов перца из Турции, по три шиллинга шести пенсов за фунт, составляет семьдесят тысяч фунтов стерлингов; сорок тысяч фунтов гвоздики, по восьми шиллингов за фунт, составляет шестнадцать тысяч фунтов; двадцать тысяч фунтов мускатного цвета, по девяти шиллингов за фунт, — девять тысяч фунтов; сто шестьдесят тысяч фунтов мускатного ореха, по четыре шиллинга шести пенсов за фунт, — тридцать шесть тысяч фунтов; сто пятьдесят тысяч фунтов индиго, по семи шиллингов за фунт, — пятьдесят две тысячи пятьсот фунтов. Итого — сто восемьдесят три тысячи пятьсот фунтов стерлингов.

Цена на пряности и индиго в последнее время.

Рассмотрим то же самое количество и те же виды товаров по нынешним ценам. Четыреста тысяч фунтов перца, по двадцати пенсов за фунт, составляет тридцать три тысячи триста тридцать три фунта стерлингов шесть шиллингов восемь пенсов; сорок тысяч фунтов гвоздики, по шести шиллингов за фунт, — двенадцать тысяч фунтов; двадцать тысяч фунтов мускатного цвета, по шести шиллингов за фунт, — шесть тысяч фунтов; сто шестьдесят тысяч фунтов мускатного ореха, по два шиллинга шести пенсов за фунт, — двадцать тысяч фунтов; сто пятьдесят тысяч фунтов индиго, по пяти шиллингов за фунт, — тридцать семь тысяч фунтов. Итого — сто восемь тысяч триста тридцать три фунта стерлингов шесть шиллингов восемь пенсов.

Так что на одних лишь пряностях и индиго мы экономим ежегодно семьдесят четыре тысячи девятьсот шестьдесят шесть фунтов стерлингов тринадцать шиллингов четыре пенса, что заслуживает быть отмеченным, тем более что менее чем четвертая часть этой суммы денег достаточна для того, чтобы купить в Индии такое количество всех этих вышеописанных товаров, которого хватит на удовлетворение годовой потребности Английского государства.

Нужно иметь еще в виду, что таможенные сборы, налоги, жалование, провиант, расходы по судоходству и прочие расходы (которые нужно добавить) будут составлять большую сумму, чем то, что мы уплатили за эти товары в Индии. Но как я уже заметил раньше, эти расходы не истощают денежных средств государства, хотя и сильно уменьшают прибыль купцов.

Меньше чем на восемнадцать тысяч фунтов можно купить в Индии пряностей и индиго для удовлетворения потребностей государства в течение года. Это меньше половины той суммы, которая тратится на покупку только одному или другому. Одни лишь товары, вывозимые нами в Ост-Индию, обладают достаточной стоимостью, чтобы снабдить наше государство с избытком всеми видами индийских товаров (за исключением только персидского шелка-сырца).

И в заключение я добавлю к тому, что было сказано, следующее: товары, которые мы вывозим ежегодно в Ост-Индию и Персию, обладают достаточной стоимостью, чтобы получить в обмен на них индиго, пряности, лекарства и все другие виды индийских товаров (за исключением персидского шелка-сырца) для годового потребления Англии или даже больше.

Так что все деньги, которые мы вывозим, доставляют избыток сверх указанного количества для ведения торговли с Индией и

другими странами, что дает работу большому числу подданных государства и ведет к обогащению его товарами и деньгами. Перейду к четвертому и последнему возражению.

ЧЕТВЕРТОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ

Было вообще замечено, что королевский монетный двор стал очень мало работать с тех пор, как началась торговля с Ост-Индией; отсюда ясно, что единственное средство против этого и многих других бедствий — это уничтожить эту торговлю. Какое же другое средство может быть найдено для блага государства?

ОТВЕТ

Первая часть касается королевского монетного двора. Двадцать пять тысяч фунтов серебра по весу (по меньшей мере) ежегодно переплавляется на посуду, кроме старой посуды, переделанной на посуду, как видно из достоверных сведений. На монетном дворе его величества с тех пор как началась ост-индская торговля, было отчеканено большое количество за отой и серебряной монеты.

Это четвертое возражение может быть разделено на три части: 1) говорится о вреде, 2) предлагается средство против него, 3) просят дать совет.

Что касается нужды в серебре, я думаю, это является общей болезнью всех стран и так будет продолжаться до конца мира. Ведь и бедные и богатые жалуются, что денег никогда не хватает. Эта болезнь, как утверждают, развилась в смертельную с появлением Ост-Индской компании, и поэтому требуют средств против нее.

Полагаю, что мы больны лишь в воображении, раз все у нас является здоровым и сильным. Кому неизвестны неисчислимые денежные богатства нашего королевства, которыми в виде посуды владеют почти все классы народа и в таком размере, в каком этого никогда не было в прежние годы. Точно также хорошо известно, что на монетном дворе его величества в течение пяти лет с начала работы Ост-Индской компании было отчеканено шесть тысяч двести сорок четыре фунта золота и триста одиннадцать тысяч триста восемьдесят четыре фунта серебра, что составляет в общем итоге миллион двести тринадцать тысяч восемьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Почему же утверждают, что ост-индская торговля лишила работы монетный двор?

В некоторые годы, когда Ост-Индская компания вывозила очень мало денег, — чеканка также очень мало серебра.

Но, быть может, скажут, что мы должны обратиться к настоящему времени (монетный двор работает теперь вяло)? На это я отвечу, что монетный двор равным образом не имел работы по чеканке серебряной монеты и в прежние времена, когда эта компания вывозила не больше пятнадцати или двадцати тысяч фунтов стерлингов максимум в год, и даже в 1608 и в 1612 г., когда она вывезла (в 1608 г.) за границу только шесть тысяч, а в последнем (1612 г.) только одну тысячу двести пятьдесят фунтов стерлингов.

А с другой стороны, мы видим, что монетный двор имел очень много работы пять лет под ряд с тех пор, как Ост-Индская компания

начала свою деятельность, тогда как он был без работы, когда Ост-Индская компания вывозила лишь ничтожные суммы. Очевидно должны быть какие-то другие причины, почему наше серебро не только не вывозится, но и не ввозится в страну в таком разmere, как в прежнее время.

Некоторые причины ввоза серебра в государство ныне отсутствуют.

Так, мы не имели ни достаточно высокого урожая в собственной стране, ни неурожая у наших соседей (за последние четырнадцать лет), что дало бы нам возможность отправлять сотни кораблей, груженных зерном, как это было в прежнее времена, и ввозить взамен серебро.

За последние годы, скорее (чего очень следует опасаться), большое количество наших денег вывозилось из королевства за зерно, которое доставлялось нам из восточных стран и других мест, чтобы покрыть нашу потребность в нем. Так времена меняются и наше положение меняется вместе с ними. Не буду больше останавливаться на тех средствах, которые раньше доставляли нам деньги даже из Франции и из других мест, что теперь прекратилось.

Перейду теперь к средству, которое некоторые предлагают, а именно — к ликвидации Ост-Индской компании.

Вторая часть касается упразднения Ост-Индской компании.

Большим удобством для нас является то, что те, кто нам возражает, не являются нашими судьями, чья мудрость и бескорыстие, работая на славу его величества и для блага королевства, скоро бы заметили вредные последствия предлагаемого средства.

Ост-Индская торговля вызывает большой интерес со стороны других христианских государств.

То воображаемое зло, которое многие так хитро стремятся уничтожить, является скорее великим благом, которое другие народы стараются удержать надлежащей политикой или силой, или же приобрести этими способами. В этом отношении нам следует особенно подражать практике голландцев, которые с большой радостью забрали бы в свои руки всю торговлю с Ост-Индией; почему же нам отказываться от той части, которую мы теперь имеем? Ведь наш отказ от Индии не помешает нашему серебру уходить туда, поскольку голландцы туда ездят.

Когда их корабли вернутся из Индии, разве наше серебро не уйдет к ним, причем нам придется платить двойную цену, или какую они запросят, за все те товары, в которых мы нуждаемся.

Это позволит голландцам увеличить свою славу, богатство и силу, тогда как мы придем в упадок, обеднеем и ослабеем на море из-за отсутствия торговли. И вы это называете средством?! Скорее назовите это разорением, гибелью или как вы хотите.

Голландцы могут лишь стать сильнее и богаче от нашего разорения.

Перехожу к заключению, или последней части.

Третья часть касается советов, которых у нас просит противники.

Здесь я должен признаться в своем собственном банкротстве. Этот вопрос слишком сложен для меня. Во всяком случае, я уже исполнил свою задачу — оправдать ост-индскую торговлю от нападков, кото-

рым она подвергается, что за недостатком учености я сделал без лишних слов и без красноречия, но со всем бескорыстием правды в каждой мелочи, как я готов доказать при всяком случае.

Раньше чем закончить, признаюсь, что хотя я и не мог удовлетворить желание каждого в такой мере, как это необходимо, однако я думаю, что не худо выполнил свою задачу, поскольку знаком с практикой и имею немалый опыт в торговле, которая является моей профессией.

*Богатство государства бывает двоякого рода.*³²

Богатство государства, как всем известно, состоит в обладании такими вещами, которые необходимы для жизни. Оно состоит из вещей двоякого рода: во-первых — из естественных продуктов территории, во-вторых — из искусственных продуктов труда его граждан.

Английское государство (благодарение богу) к счастью обладает и тем и другим. Во-первых, мы имеем большое количество естественного богатства: продуктов моря — рыбы, и суши — шерсти, скота, хлеба, свинца, олова, железа и многих других вещей для пищи, одежды и снаряжения; и настолько, что в случае необходимости эта страна может жить без помощи других стран. Но чтобы жить хорошо, процветать и богатеть, мы должны найти способы продавать наши избытки и таким путем снабжать и украшать себя деньгами и необходимыми товарами, которые производят другие страны. В этом деле труд должен сыграть свою роль не только в том отношении, чтобы увеличить и наладить нашу торговлю за границей, но и в том, чтобы поддерживать и умножить ремесла внутри страны. Если торговля или ремесла приходят в упадок, или не выполняются с надлежащим искусством, государство идет к упадку и беднеет.

Труд делает некоторые страны, которые сами по себе бедны, более богатыми и сильными; с помощью других стран, которые имеют больше возможностей, но менее трудолюбивы. Четыре главных причины, почему происходит отлив золота и серебра.

Не всегда это легко заметить сразу, пока какой-нибудь несчастный случай не побудит наш ум искать действительную причину этого; и только устранив ее, мы прекратим ее последствия. Таков предмет нашего обсуждения в том, что следует.

Все, что я до сих пор приводил, носило скорее отрицательный характер: я защищал и доказывал положение, что Ост-Индская компания не нанесла ущерба государству; а теперь я должен установить действительную причину бедствий, которые мы стремимся устранить.

Этих важнейших причин существует (как я думаю) четыре:

1. Помехи торговле со стороны чужих стран.
2. Злоупотребления при обмене иностранной валюты.
3. Пренебрежение своим долгом со стороны некоторых подданных.
4. Наш убыток от торговли с иностранцами.

Обо всем этом я мог бы написать большую книгу, но моя цель — только объяснить значение каждого пункта, по порядку, так кратко, как я могу.

По вопросу о помехах торговле со стороны чужих стран. Под этим я подразумеваю те народы, которые либо понизили свой стандарт, либо повысили цену своих денег против того эквивалента, который раньше у них существовал по отношению к стандарту и деньгам нашего государства.¹⁴ Им приходится допускать, чтобы не только их собственные деньги, но и деньги других стран (а особенно нашего государства) обращались у них по более высокой цене, чем нормальная. Этим мероприятием (которое прямо направлено против торговли) создается основание для вывоза денег из Англии в большем размере, чем было бы в ином случае. Хотя вывоз денег и сопряжен с большой опасностью для тех, кто этим занимается (как проступок против законов страны), однако, несмотря на это, алчность, всегда проявляющаяся в беззаконных проступках, не видит ничего преступного в том, что сулит некоторую прибыль. Не так легко найти способ борьбы с этим делом. Ведь снижение стоимости денег или повышение их разоряет частных лиц и¹⁵ в конце концов оказывается бесцельным. Кто же не понимает, какие последствия вызовет за границей подобное изменение монеты у нас? Таким образом, зло останется, пока мы не найдем против него какого-нибудь другого лекарства.

Вторая причина касается обмена иностранной валюты. Действия иностранцев, занимающихся у нас в стране торговлей валютой.

Размен валюты, применяемый в торговых сношениях между разными странами, при правильном пользовании им очень похвальное и необходимое дело для содействия торговым операциям и помощи путешественникам в их нуждах, позволяющее избежать перевозки денег из одной страны в другую, неизбежной при этом опасности потери и ущерба как для частных лиц, так и для государства.

Однако, злоупотребление этим делом наносит большой ущерб, и особенно нашему государству. Тем временем возникает выгода для других стран, которые, внимательно следя за курсом валюты, могут получить барыш от вывоза золота и серебра из Англии. Это будет тогда, когда курс серебряной монеты ниже стандарта в том месте, куда ее вывозят.

Поскольку курс валюты повышается или падает, в зависимости от изобилия или недостатка для целей платежа, размен валюты превратился скорее в особую отрасль торговли для людей с крупными денежными средствами, чем в помощь подлинным торговым операциям купцов, как это должно бы быть при правильном обмене валюты.

Заграничные товары покупаются на наши наличные деньги, вывезенные из Англии.

Заграничные товары.

Таким образом английские деньги часто вывозятся иностранцами с большой выгодой для себя за границу, с тем, чтобы там получить вторично барыш, но зло этим еще не кончается.

Ведь скупщик денег должен по необходимости вести тоговлю с тем местом, из которого он вывозит деньги. Таким образом они нас наводят на иностранные товары, препятствуя продаже наших собственных товаров. Но против этого большого зла имеется легкое средство;

поэтому я перейду к ближайшей причине, заключающейся в пренебрежении долгом.

Третьей причиной считается пренебрежение долгом.

Моя намерением не является писать о долге во всем его многообразии, но только о том виде долга, которым, как мы думаем, пренебрегают люди разных призваний. Так бывает, например, с теми, кто работает на королевском монетном дворе по чеканке золотой или серебряной монеты, если не позаботятся о том, чтобы размер каждой монеты в точности соответствовал ее установленному весу. Хотя при одновременном взвешивании многих вместе взятых монет их вес может быть признан соответствующим требованиям и условиям закона, несмотря на это многие из этих монет могут быть слишком легкими, а другие слишком тяжелыми. Это дает большую выгоду некоторым¹⁶ при вывозе тяжеловесных монет, причем они оставляют нам легкие (если только они вообще нам что-нибудь оставляют). И это не единственное злоупотребление.

Точно также и ювелиры, соблюдая более свои выгоды, чем свой долг, с особой готовностью переплавляют тяжелые монеты — как золотые, так и серебряные — в посуду и украшения.

Наша тяжелая монета уходит за границу и переплавляется в посуду в нашем королевстве.

Но что же мы должны сказать о тех людях, которым дана власть и должности его величеством, если они не будут добросовестно выполнять свой долг в применении замечательного закона, которым повелевается, чтобы все деньги, вырученные иностранцами от продажи своих товаров, были затрачены на покупку английских товаров?¹⁷

Год 17-й царствования Эдуарда IV.

Надлежащее исполнение этого закона не только предотвратило бы вывоз золота и серебра, но и явилось бы способом увеличить продажу наших товаров, о чем я предполагаю написать немного больше в ближайшей части, касающейся нашей торговли с иностранцами.

Четвертая причина: торговля с иностранцами.

А теперь я перехожу к последней части, которая, как я опасаясь, не есть наименее важная среди причин недостатка денег (поскольку таковой может иметь место). Пусть никому не покажется странным, что торговля может нанести ущерб и разорить государство, хотя она повсюду признается лучшим способом его обогащения. Нельзя этого отрицать. Но ведь одинаково несомненно, что неумелое ведение торговли очень часто вызывало громадные убытки у тех народов, у которых случались такие ошибки.

Разве не часты такие примеры и среди наших купцов, которые теряют свое состояние не только из-за кораблекрушений или подобных им несчастий, но и вследствие неумения вести свои дела?

Неискусные купцы подрывают нашу торговлю.

Мы не можем назвать это только их потерей, но скорее государство несет на этом убыток.

Поэтому было бы желательно, чтобы ведение торговли было предоставлено только тем, кто получил соответствующее обучение.

Для ведения внешней торговли пригодны лишь купцы, получившие соответствующее обучение.

Надо, чтобы внешней торговлей не занимались те, кто, оставив свою специальность, разоряет из-за неумения самих себя и других, кто лучше осведомлен в этом деле.

Наша внешняя торговля может причинить еще большее несчастье, если окажется, что в страну ежегодно ввозится заграничных товаров на большую сумму, чем та, на которую мы вывозим наши собственные товары, что неизбежно сопровождается разорением нашего государства. Подобно тому, как существует определенный путь к обогащению как товарами, так и деньгами, — это вывоз наших товаров на большую сумму, чем мы ввозим иностранных товаров, — точно также противоположный образ действий должен с необходимостью вызвать обратный эффект.

Как богатое государство может обеднеть. Иностранцы, доставляющие для страны табу, не могут нанести ущерба государству, но, наоборот, очень выгодны. Расчет на увеличение торговли путем вывоза индийских товаров за границу.

Однако это относится лишь к товарам, которые потребляются в этом государстве. Все товары, которые ввозятся для вывоза в другие страны, не наносят ущерба, но выгодны государству, увеличивая таможенные доходы и торговлю, и дают занятия подданным. Это в особенности и составляет славу ост-индской торговли, которая доставила королевству в течение пятнадцати месяцев не только такое количество приностей, которое соответствует его потребности для этого времени, но также и излишек на сумму более двухсот пятнадцати тысяч

фунтов стерлингов, который был вывезен за границу. Так пусть же все люди судят, насколько больше мы сможем впоследствии вывозить, когда к приностям мы присоединим (с божьей помощью) бесконечную стоимость шелка-сырца, индиго, хлопчатобумажных тканей и другие товары, которые мы можем получить в обмен на сукно, свинец, олово и другие наши товары к обогащению нашего государства и увеличению его товарных фондов.

В заключение скажем: мы не должны избегать ввоза иностранных товаров, но скорее взнуздать наши собственные склонности, чтобы быть умеренными в потреблении товаров.

Торговля с Ост-Индией доставит этому королевству большое количество денег, если вся торговля Англии в целом не будет препятствовать этому и приодеть к отливу денег из страны.

В противном случае, хотя ост-индская торговля, в частности, является великолепным способом увеличить количество денег, которые мы туда ежегодно вывозим и которые мы выручаем в пятикратном размере в виде богатых товаров, могущих быть быстро превращенными в деньги, однако, если мы не сумеем быть экономными в потреблении этих индийских товаров и вывозить излишек их за границу для получения денег, наша торговля не сумеет обеспечить нас деньгами.

Вывоза индийских и наших местных товаров будет в этом случае недостаточно, чтобы покрыть наши излишества и чрезвычайное потребление заграничных товаров.

Чрезмерное потребление иностранных товаров приведет к перевесу ввоза над вывозом.

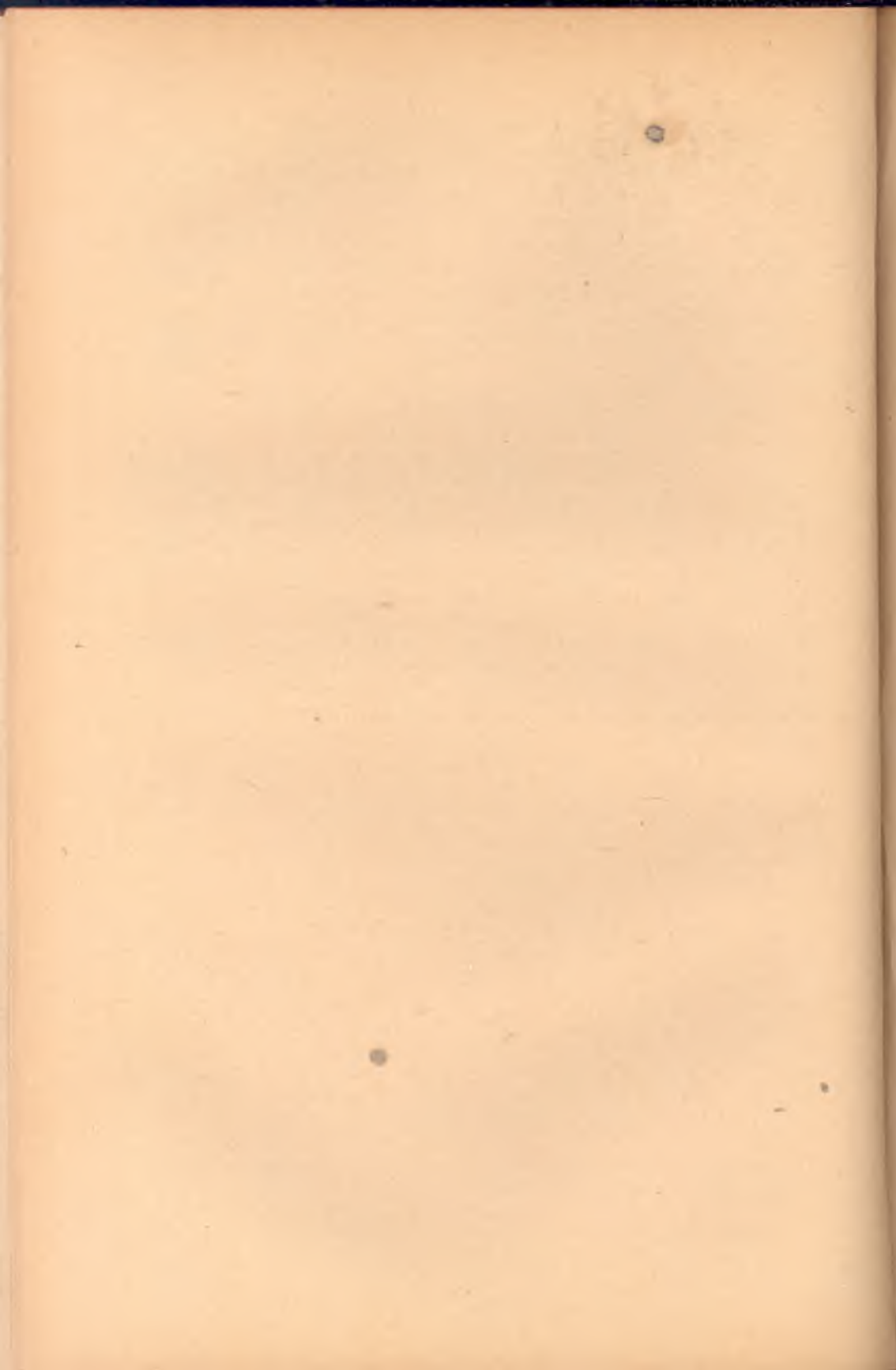
Поскольку за последнее время число населения в этом государстве быстро увеличивается (как за счет англичан, так и иностранцев), то вследствие этого потребляется и тратится все большее количество отечественных и иностранных товаров — двойкий способ уменьшения богатства государства,¹⁸ постольку всем нам в целом и каждому в отдельности следует напрячь все силы ума и сообразительности для того, чтобы помочь увеличению естественного богатства страны с помощью труда и развития ремесел: ведь у нас достаточно сырых материалов для производства материй и других вещей, которые ежедневно ввозятся к нам из чужих стран к большой выгоде иностранцев и к немалому ущербу для нас. Не должны мы пренебрегать и богатствами, которые нам дают наши моря, тем более что другие народы своим трудом добывают из морей большие богатства.¹⁹

В частности, голландцы, как говорят, пожинают ежегодно так много денег от рмбаловства, что без более достоверных сведений я даже не смею назвать эту сумму, настолько она покажется невероятной. Смотри по этому вопросу книгу Ди, а также кн. Смита.

Заботливое осуществление всех этих мероприятий полностью обеспечит бедняков и очень увеличит запасы товаров в нашем королевстве. Кроме того, мы должны тщательно избегать излишеств в еде и одежде,²⁰ которые выросли до такого размера почти у всех классов народа, превышая их возможности, что это не имеет примера в прежнее время.

Мне не нужно излагать подробно эти злоупотребления, так как они слишком хорошо известны. Я уверен, что мудрость нашего правительства постарается это увидеть и исправить к вящей славе божией, чести короля и ко благу государства.

Аминь.

ПРАВДИВОЕ РАСКРЫТИЕ

причин упадка торговли

и

УМЕНЬШЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ В СТРАНЕ

с указанием средств против этого

A TRUE DISCOVERY

of

the decay of trade and decrease of money

WITH THE REMEDIES THEREOF

1622

Настоящий памфлет представляет, как видно из него, докладную записку, поданную королю Якову I автором, очевидно суконщиком, как можно видеть из текста. Он интересен во многих отношениях и в свое время не был опубликован в печати. Во-первых, совершенно отчетливо выступает в нем борьба между суконщиками-производителями и монополистами по продаже сукна вне Англии — Компанией Странствующих Купцов (Merchants Adventurers). Во-вторых, ясно виден капиталистический характер суконной мануфактуры. Автор говорит о сотнях маленьких людей, зависящих от среднего суконщика. В некоторых отношениях автор стоит на позиции монетарной системы. Это видно из того, что он защищает статут об «истрачении», запрещавший иностранным купцам вывозить из Англии вырученные от продажи ввезенных товаров деньги. С другой стороны, в духе меркантилизма он выступает против вывоза шерсти. В отличие от собственно меркантилистов, идеологов торговых монополий, автор ставит на первое место покровительство промышленности. При этом он высказывает ту мысль, что наибольшая часть цены сукна — продукт человеческого труда. Памфлет этот в подлиннике впервые напечатан в сборнике, посвященном Георгу Вайцу, «Historische Aufsätze», и снабжен предисловием Эмануила Лезера.

П Р А В Д И В О Е
РАСКРЫТИЕ ПРИЧИН УПАДКА ТОРГОВЛИ
И УМЕНЬШЕНИЯ
КОЛИЧЕСТВА ДЕНЕГ В СТРАНЕ
С УКАЗАНИЕМ СРЕДСТВ ПРОТИВ ЭТОГО

Чтобы сделать это рассуждение проще и понятнее, его необходимо разбить на четыре части. В первой части будет показано, что создание цветущей и богатой торговли достигается главным образом тем, что подданных заставляют постоянно перерабатывать сырье отечественного происхождения.

Во второй части будет разъяснено, как продукты мануфактур этой страны могут регулярно продаваться на наиболее выгодных условиях либо внутри страны, либо за границей, либо тут и там одновременно.

В третьей части мы сочли подходящим изложить направление политики, которое проводилось королем Эдуардом III, разумным и мудрым монархом, который, живя большей частью за границей (вследствие постоянных войн во Франции) и наблюдая, как другие страны процветают вследствие доброго и мудрого управления, имел полную возможность лечить неурядицы своего королевства.

Наконец, в последней части будут показаны большой ежегодный доход и благополучие, которые будут возрастать у его величества вместе с великой любовью к нему его подданных, если его величество удостоит последовать примеру своих благородных предшественников.

Для этого необходимо привлечь подданных к переработке сырых материалов этого королевства, позаботиться о том, чтобы продукты их труда могли быть проданы, чтобы деньги, вырученные от продажи иностранных товаров, привезенных в королевство, были употреблены на покупку отечественных товаров,¹ что и будет главным способом добиться выгодного торгового баланса, как это будет изложено.

1. Если сырые материалы этого королевства будут обрабатываться руками своего же народа, то королевство станет богатым и счастливым.

В превращении сырых материалов в промышленные изделия заключается такое огромное богатство и устойчивое накопление денежных средств, что это не поддается изображению. За шерсть, не стоящую больше двух шиллингов, можно, если ее превратить в сукно, получить 20, 30 и 40 шиллингов.

То же можно сказать про лен, превращенный в батист, также и шелк-сырец. Полученное таким путем богатство превосходит золото, добытое из рудников. Оно помогло Нидерландам ² вести их войны, несмотря на невероятные расходы, блестяще вести свои дела, благодаря лени и бездеятельности других наций, не знающих ремесл и носящих главным образом ткани, выработанные голландцами. Это и было главной причиной большого количества денег в Нидерландах и низкого уровня богатства в других странах.

В дальнейшем, если его величество запретит вывоз своего сырья, Нидерланды должны будут постоянно покупать у нас промышленные изделия, так как их земля (почва) производит очень мало или почти что ничего. И какое это невежество — продавать такие товары, которые сравнительно с продуктами мануфактур являются в отношении прибыли лишь бледной тенью их. Ведь 10 фунтов шерсти, перерабатываемой в промышленные изделия, дают работу большему числу людей, чем 300 фунтов стерлингов в виде шерсти на спинах овец, а прибыль от них одинакова.

Это и было причиной большого спроса на нашу шерсть, которая в прошлые времена покупалась на наличные деньги и приносила пошлин королю, из расчета 10 шиллингов за мешок (364 фунта), почти что 70 тысяч фунтов стерлингов в год, а позже — по 50 шиллингов за мешок — 250 тысяч фунтов стерлингов в год. Тем не менее наша страна была бедна, подвергалась различным волнениям, бунтам и восстаниям подданных, происходившим частью от недостатка работы в виду слабого использования английской промышленностью отечественного сырья, частью же от ввоза иностранных товаров. Эти товары далеко превосходили по цене стоимость ранее вывезенных материалов, выкачивали деньги, и вследствие потребления этих товаров на местных жителей перекладывались все налоги, ранее уплаченные за вывезенную шерсть.

Та же практика в настоящее время повергает страну в нищету ввозом иностранных материй, которые не могли бы быть сделаны без помощи нашей шерсти, в чем и заключается великая тайна получения прибыли, помимо обеспечения работой большого числа рабочих, чем при выработке простых сукон.

Для устранения этого должен быть строго воспрещен вывоз шерсти, овечьих шкур с шерстью и корваллийского волоса не только из Англии, но и из Шотландии, за исключением вывоза в Англию, все равно, побуждает ли вывозить нашу шерсть ее хорошее качество или дешевизна; в первом случае нашему сукну будет обеспечен лучший сбыт, во втором случае это позволит нам продавать его дешевле, чем иностранцам, за границей.

Для того чтобы сохранить за собой возможность переработки 10 фунтов шерсти, было бы выгоднее уничтожить 100 фунтов шерсти или прекратить ее прирост, чем дозволить вывезти за границу 5 фунтов. Вывоз шерсти мешает продаже отечественного сукна за границей и тем самым ввозу денег, уменьшает рост числа

кораблей, население королевства, мешает сбыту торговцев и лавочников, из чего возникает богатство и величие государства.

То же можно сказать о таких материалах, как сукновальная глина, без которой иностранцы не могут вырабатывать хорошее сукно и запрет вывоза которой будет содействовать большему развитию мануфактур внутри страны.

Чтобы наши сукна легче продавались, а наши подданные имели изо дня в день работу, необходимо применить следующие меры: когда иностранцы или получившие право гражданства чужеземцы ввозят сюда товары, их следует принуждать на вырученные деньги закупать местные товары, не согласно с нормами таможенной книги,³ но сообразно с количеством денег, действительно вырученных за продажу своих товаров, с тем лишь различием, чтобы за мануфактуру не вывозить сырых материалов, но получать за мануфактуру — мануфактуру, что было бы своего рода эквивалентом в торговле.

Для того чтобы достигнуть такого результата, нужно было бы назначить комиссию из избранных лиц, занимающих определенное положение, для наблюдения за честным исполнением этих правил, и это имело бы очень большое значение как для службы его величества, так и для блага государства, приводя торговлю к должному балансу.

Нужно, чтобы за свои льняные материи иностранцы брали наши шерстяные, но нельзя позволить им на штуку английского сукна ценою в 20 фунтов, считая все расходы, выменивать матерью, не превышающую по цене 5 фунтов, и тем обесценивать наши отечественные товары по сравнению с иностранными. Только та торговля выгодна, которая снабжает нас полезными и необходимыми вещами, как например деньгами и таким сырьем и материалами, которые содействовали бы росту нашей промышленности, как например шелк-сырец, лен и т. п. А та торговля губительна и невыгодна, которая не только выкачивает от нас деньги, но и мешает их притоку, ввозя только деликатесы и предметы роскоши: пряности, вина, фрукты и т. п., не дающие работу народу; шерстяная мануфактура, ценностью в 3000 фунтов стерлингов, займет больше народу, чем пряности и другие подобные товары, ценностью на 300 000 фунтов стерлингов, ведь они в той стране, из которой вывозятся, никогда не стоят, при покупке из первых рук, дороже 10 000 фунтов стерлингов. Мануфактура в таких странах, как Нидерланды, окружена особой заботой и покровительством государства для лучшего содействия ее развитию и поощрения подданных. Они позволяют вывозить изделия, совершенно не обременяя их налогом и пошлинами.

Сукна и другие промышленные изделия в этом государстве могут быть проданы на лучших условиях за границей.

В предыдущей части была указана необходимость запрещения вывоза шерсти, кож с шерстью и корнваллийского волоса из Англии, а также шерсти и шкур с шерстью из Шотландии и Ирландии, как главное средство для развития мануфактур в Англии и

для того, чтобы предотвратить снабжение других наций нашими сырыми материалами.

Но поскольку этого одного для достижения намеченной цели оказывается недостаточно, необходимо не забывать, что имеются и другие помехи и препятствия, мешающие сбыту нашего сукна. Эти препятствия мы вкратце изложим.

Прежде всего налоги и недавно введенная пошлина, наложенная на сукно сверх старой пошлины в 6 шиллингов 8 пенсов за штуку, всеми считаются одной из главных причин плохого сбыта сукна. Отмена ее, поэтому, чрезвычайно увеличила бы продажу сукна за границей, позволяя нашим купцам продавать его дешевле, чем иностранным купцам.

Во-вторых, те налоги и сборы, которые налагают на вывозимое ими сукно Merchants Adventurers («странствующие купцы»), являются не только причиной увеличения цены, но также и поводом к тому, чтобы снижать цену суконщикам, отнимая у них интерес продолжать свою деятельность.

В целях изменения этого было бы очень хорошим мероприятием запрещение «странствующим купцам» самовольно налагать сборы и пошлины на сукно, без разрешения лордов из Тайного Совета, не считаясь при этом с содержанием жалованных им грамот.

В-третьих, за границей, где живут «странствующие купцы», иностранцы для поощрения и содействия продаже своего отечественного сукна взимают с каждого куска нашего сукна пошлину в 40 шиллингов, обременяя тем самым его сбыт непосильной тяжестью и давая тем возможность своим купцам продавать сукно дешевле нашего.

В-четвертых, почтительнейше выражаем наше пожелание, чтобы для более свободной продажи сукна были отменены все налоги и ничего не взыскивалось бы с сукна, кроме прежней пошлины в 6 шиллингов 8 пенсов.

Годовая потеря от этого может быть самым несомненным и широким образом возмещена его величеству вместе с любовью к нему его подданных, как мы это покажем более ясно в последнем отделе этого трактата.

В-пятых, когда сукно будет освобождено и очищено от всех пошлин и налогов, тогда уже «странствующие купцы» не будут иметь повода сбивать цену суконщика, но будут согласны платить им сходную цену, то и иностранцы начнут тоже брать сукно у купцов, так как последние смогут его доставить по более сходной и низкой цене, чем они в состоянии сделать это теперь.

Это и будет главным побудительным мотивом, который в прежние времена позволял регулярно продавать наше сукно без затруднений.

В-шестых, в случае, если «странствующий купец», после того как налоги будут отменены, не примет сукно от торговца, вопреки действительному смыслу первоначального установления этой компании, тогда, если его величеству будет угодно развить

торговлю сукном в широких размерах, нужно дать разрешение всем английским купцам покупать и вывозить его, не считаясь с привилегиями «странствующих купцов».

Это несомненно повлечет за собой очень обширную и свободную торговлю без каких-либо затруднений, подобно имеющимся теперь, из-за боязни, как бы его величество не дал бы подобную свободу торговли — покупать и вывозить без каких-либо ограничений — иностранным купцам, как это делали некоторые предки его величества в ответ на подобные же жалобы, как мы покажем в ближайшей части.

В-седьмых, если указанные два способа не приведут к цели в деле продажи сукна, то его величество соблаговолит дать понять голландцам, что он откажется от складочного места в Дельфте⁵ и нападет на них за то, что они тормозят продажу английского сукна путем установления пошлины в 40 шиллингов со штуки. Они скорее, чем допустить наш отказ от складочного места в Дельфте, которое приносит им такой значительный доход вследствие большого стечения туда торговцев, охотно согласятся покупать наше сукно в обмен на свои промышленные изделия, ничуть этим не смущаясь. Ведь эта торговля очень выгодна для них, и она очень обогатит его величество и его подданных, если его величество склонится к другому решению относительно выбора складочного места для торговли сукном.

3. Примеры и наблюдения (как при короле Эдуарде III, так и при других королях этого королевства), касающиеся производства сукна в королевстве и его продажи с большим притоком денежных средств.

Король Эдуард III нуждался в больших денежных средствах для покрытия своих военных расходов и не имел другого средства привлечь деньги в свое королевство, как путем широкого вывоза шерсти. Но ему в этом препятствовали «купцы складочного места»⁶ в интересах их личного обогащения. Для устранения этого он должен был ликвидировать складочные места как в Англии, так и за границей, сделав торговлю свободной для всех купцов, как иностранных, так и других, несмотря ни на какие уставы или привилегии, и этим самым чрезвычайно увеличил вывоз шерсти и других английских товаров. Однако все же королевство оставалось бедным, вследствие бесконечного ввоза промышленных изделий, значительно превосходивших стоимость всех вывозимых товаров. Тогда, чтобы увеличить богатство и население страны, этот король попытался создать мануфактуры, принимая во внимание печальные последствия лености. Несмотря на большие доходы, получаемые им от пошлин и налогов на шерсть, в 11-м году своего царствования он запретил вывоз шерсти, под страхом лишения жизни или членов тела; хотя народ и не знал, как изготовлять сукно, но несмотря на это, вследствие запрещения вывоза шерсти, труд и мануфактуры за границей сократились и пришли в упадок. Тогда его величество объявил иммунитет и привилегию всем иностранцам-суконщикам, которые тогда стали стекаться

в большом числе, так как иначе не могли найти себе средств к существованию.

Для того чтобы лучше поощрять их и выразить свою заботу о них, он снабжал их средствами к жизни и деньгами из казначейства для организации этого промысла и повелел всем своим подданным для увеличения потребления сукна носить только отечественное сукно.

Таковы были единственные в своем роде заботы для получения сукна отечественного производства, которое до его царствования никогда не производилось. Это привело к увеличению его доходов и благосостоянию его подданных. Такая же политика практикуется (принося нам громадный вред) в Нидерландах.

На 18-м году его царствования по настоянию палаты общин был отменен прежний закон, который оказался очень вредным, так как допускал (с некоторыми ограничениями) свободу торговли как для иностранцев, так и для местных жителей и свободу провоза всех товаров по морю, а за это ему платили (уступали) две пятнадцатых частные купцы и две десятых города и местечки, вследствие чего промышленность и торговля увеличились. На 27-м году его царствования, чтобы усилить приток денег в свою страну, он снова издал закон о свободе торговли — как оптовой, так и розничной, как для иностранцев, так и для уроженцев страны, во всех местах королевства, не считаясь ни с какими хартиями или привилегиями.

И так как в ином случае складочные места не могли бы приносить надлежащие доходы, он запретил скупать товары, барышничать, отменил законы, изданные в 9-м году его царствования об установлении цен на сукно, отменил конфискации для тех купцов, которые отошли от дела.

За это, в знак примирения, они предоставили ему новые подати на сукно, помимо его прочих податей, отменили все патенты, как вредящие общему благу, предписали законом виды этих пошлин по отношению к иностранцам и лицам, получившим право гражданства, и уничтожили все находящиеся за морем складочные места, как вредные по причине далекого расстояния.

В 31-м году его царствования, для общего благополучия государства, как чужестранцы и получившие право гражданства, так и другие лица могли свободно торговать дома и за границей, а для охраны нашей домашней торговли и для покровительства мануфактуре он установил пошлины: на мехок шерсти 50 шиллингов и на 30 овечьих шкур — 50 шиллингов.

В 37-м году его царствования складочное место было перенесено в Калэ.⁷

В 43-м году его царствования складочные места были опять перенесены в Англию, для увеличения торговли было предоставлено право свободной торговли для всех — как для иностранцев, так и других.

А в 45-м году его царствования было постановлено, что купцы не имеют права без разрешения парламента устанавливать

какие-нибудь налоги на шерсть или другие товары складочного места.

Во втором году царствования Ричарда II, в ответ на жалобы на перерывы торговли, король, рассчитывая получить выгоду от свободного приезда купцов, постановил, что все могут свободно приезжать, не считаясь ни с какими привилегиями.

В 7-м году царствования Эдуарда IV в ответ на жалобу об упадке торговли, разоряющей суконщиков вследствие неправильных действий компании лондонских торговцев сукном, препятствующей суконщикам продавать товары купцам-иностранцам, принуждающей их продавать сукно только лондонским купцам, к бесконечному ущербу для общего благополучия, было издано постановление всем свободно торговать, не взирая ни на какие льготы и привилегии.

А в 9-м году его царствования, в силу увеличения количества шерстяных товаров, для содействия их продаже за границей, было приказано, чтобы всякого рода дешевые сукна были освобождены от каких бы то ни было пошлин, иностранцам было предписано, чтобы все полученные деньги употребляли на покупку товаров этой страны для вывоза их за границу.

Георгие VII дал полную свободу торговле, борясь с практикой «странствующих купцов», которые нарушили свободу торговли, налагали штраф в 40 шиллингов на каждого англичанина, торговавшего сукном, почему они сами устранились от участия в торговле, чем подрывался промысел суконщиков и что приводило к сокращению королевских пошлин и к уменьшению флота.

Георгие VIII, чтобы помешать вывозу шерсти, не только запретил его, для содействия мануфактурам, но и определил число овец, которое каждый должен держать, привлекал подданных к посеву льна и конопля, чтобы делать полотно и веревки, запретил ввоз дугласа и локрэма (грубого холста), если только они не будут обмениваться на шерстяные материи.

Королева Мария с целью увеличения торговли сукном назначила 6 шиллингов 8 пенсов пошлины на кусок, приравняв этим пошлину на сукно к пошлине, уплачиваемой в те времена на шерсть.

Во времена королевы Елизаветы, когда складочное место было в Антверпене, там ежегодно продавалось свыше 100 000 кусков сукна, но теперь, вследствие недавно введенных пошлин, которыми обложены сукно и перевозка наших материалов, и злоупотреблений в частных интересах Компании Странствующих Купцов, эта главная и важнейшая отрасль промышленности королевства доведена до крайнего упадка и разорения, так что теперь в год продается не больше 40 000 кусков сукна, что составляет только третью часть того, что продавалось прежде. Это понизило доходы его величества и разоряет его подданных. Несмотря на это, если его величеству будет угодно дать ход выше предложенным мерам, суконная промышленность снова расцветет и будет так же богата, как была ранее, что будет большой честью и доходной статьей для

его величества и невыразимым благополучием для его подданных, как я подробно выясню в следующей части.

4. Громадное увеличение ежегодных доходов, которые получает его величество, вместе с любовью его подданных, вследствие забот о мануфактурах внутри королевства и особенно о старинной суконной промышленности.

В трех предыдущих частях было по преимуществу указано, что было бы со стороны его величества полезным и необходимым пожаловать для блага подданных, чтобы сделать государство богатым и цветущим; в этой же части мы разберем, как потери его величества могут быть возмещены с прибылью, согласно смиренным чаяниям и желаниям его подданных.

Если производитель сукна не будет окружен вниманием в его производстве, то дворянин не сможет продать шерсти, фермер и земледелец никогда не сможет благоденствовать и платить свою ренту, купец не сможет вести в значительных размерах заграничную торговлю, не говоря уже о тысячах менее имущих лиц, как например ткачи, каменщики, валяльщики сукна, шерстобиты, чесальщики, красильщики и различные другие рабочие, которые не имеют других средств в существованию, кроме своей работы на суконщика; ⁸ последний является жизненным центром и краеугольным камнем всей торговли и промышленности внутри королевства, под чьим покровительством они существуют и получают средства к пропитанию.

Ведь если суконщик не сможет регулярно продавать сукна и других шерстяных материй, тогда не будет денег ни у дворянина, ни у земледельца, и бесконечное количество мужчин, женщин и детей будет погибать вследствие отсутствия пищи.

В наши дни это выступает с особенной очевидностью: ведь вследствие малых размеров производства и продажи сукна и шерстяных товаров шерсть в течение этих трех лет упала в цене вдвое, земля упала в цене на одну треть, фермеры отказываются от аренды, и нет ни одного дворянина, который бы не жаловался, по большей части, на упадок ренты, которая, повидимому, будет понижаться все больше и больше, пока быстро не будут приняты меры, чтобы суконщик имел возможность продавать свои материи выгоднее, чем он это делает, так как он является большим колесом в часах, ходом которого приводятся в движение все другие меньшие колеса.

Суконщики возлагают большую вину на «странствующих купцов» ⁹ за их неповоротливую и медленную продажу сукна. «Странствующие купцы» пытаются снять с себя вину: то они говорят суконщикам, что королевские налоги являются причиной того, что они не могут покупать сукно, не будучи в состоянии продать его без убытка; другие уверяют, что Германия или другие заморские страны, куда вывозят сукно, так переполнены английским сукном, что не будут нуждаться в его покупке в течение двух или трех лет; то заставляют суконщиков ждать себя в Лондоне целыми неделями, стесняя их в выборе места и времени, к не-

выносимому огорчению и тяжести. Все они стремятся сбить цену на сукна и заставить суконщика нести все виды налогов и расходов прежде чем он, наконец, получит за свое сукно деньги, без которых, хотя бы это причиняло ему убытки, он не может возвратиться, так много бедного народа зависит от него. Ему приходится эти деньги раздавать им, так как каждый обыкновенный суконщик дает работу многим сотням бедняков.¹⁰

Если бы суконщик был освобожден от гнета перевозок и торговой монополии «странствующих купцов», что легко можно было бы осуществить, держа наши сырые материалы внутри страны и побуждая иностранцев применять все вырученные деньги на покупку местных товаров, а также должным соблюдением хороших и полезных правил, ранее установленных для надлежащего изготовления сукна, — то суконщик охотно согласился бы платить налог за каждый кусок сукна в 6 шиллингов и 8 пенсов, согласно старой пошлине на вывозимое сукно.

Положим, что его величество потеряет 20 000 фунтов стерлингов в год (отменой «скрытой» пошлины и других налогов). Вместо этого его величество будет получать, помимо укрепления государства вследствие роста торговли, 100 000 фунтов стерлингов и больше. Это было бы подходящим и необходимым мероприятием, совмещающим выгоды его величества с общим благосостоянием, соперничающим с прежними мероприятиями его собственных царственных предков и с другими странами, как Испания, Франция, Италия, Нидерланды и т. п.

Если будет признано, что мною упущено объяснение пути, как эти деньги могут быть получены, то пусть знают, что это отложено до того, как станет известно, что благоволение его величества будет им уделено любящим и преданным долгу лицам, которые для блага его величества и его страны изложили это выгодное средство и в настоящее время покорно умоляют его величество соблаговолить прочесть и сохранить в тайне этот трактат.

ТОМАС МЕН
БОГАТСТВО АНГЛИИ

во внешней торговле

или

БАЛАНС НАШЕЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

как

РЕГУЛЯТОР НАШЕГО БОГАТСТВА

THOMAS MUN
ENGLAND'S TREASURE

by forraign trade

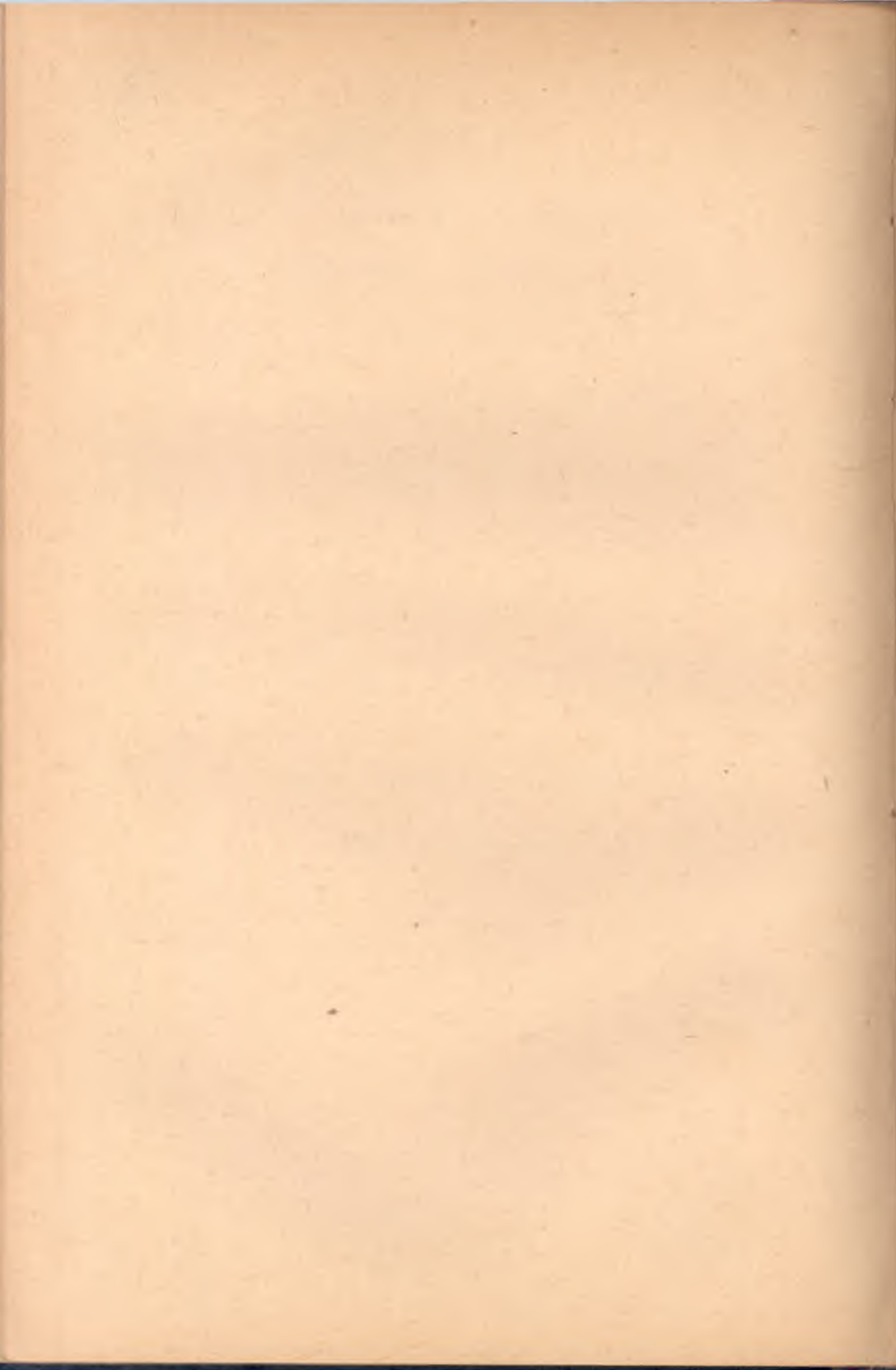
or

THE BALLANCE OF OUR FORRAIGN TRADE

is

THE RULE OF OUR TREASURE

1664

БОГАТСТВО АНГЛИИ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ

или

БАЛАНС НАШЕЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

КАК РЕГУЛЯТОР НАШЕГО БОГАТСТВА

Написано Томасом Меном, лондонским купцом, и теперь опубликовано для общего блага его сыном Джоном Меном, эсквайром, из Борстеда в графстве Кент

ГЛАВА II

Способы обогащения нашего королевства и увеличения количества денег в стране

Xотя королевство может быть обогащено дарами, полученными от других стран, или их грабежом, все же эти пути обогащения ненадежны и имеют малое значение.

Поэтому обычным средством для увеличения нашего богатства и денег является внешняя торговля. При этом мы должны постоянно соблюдать следующее правило: продавать иностранцам ежегодно на большую сумму, чем мы покупаем у них. Предположим, что наше королевство обильно снабжено сукном, свинцом, оловом, железом, рыбой и другими отечественными товарами, избыток которых мы ежегодно вывозим за границу на сумму 2 200 000 фунтов; и в то же время мы покупаем за границей и ввозим к себе иностранных товаров для собственного потребления на 2 000 000 фунтов. При соблюдении этого правила в нашей торговле мы можем быть уверенными, что королевство будет обогащаться ежегодно на 200 000 фунтов, которые будут ввозиться к нам в виде денег, так как та часть наших товаров, за которую мы не получим в обмен товары же, будет по необходимости ввезена в виде денег.

В этом случае деньги переходят в сокровище королевства. Предположим, что кто-нибудь имеет тысячу фунтов дохода в год и две тысячи фунтов в виде денег в кассе. Если такой человек будет тратить ежегодно 1500 фунтов, то весь его запас денег израсходуется в четыре года, но в такой же срок его запас удвоится, если он будет экономно расходовать только 500 фунтов в год. Это также верно и относительно государства в целом, за исключением некоторых случаев (не имеющих большого значения), о которых я буду говорить ниже, когда я покажу, кем и каким способом должен выводиться баланс королевства ежегодно или так часто, как государству понадобится знать, сколько мы выигрываем или теряем на нашей внешней торговле. Но сначала я рас-

Внешняя торговля — регулятор количества денег в стране.

скажу кое-что, относящееся к путям и средствам, какими можно увеличить наш вывоз и уменьшить ввоз иностранных товаров, а затем я приведу некоторые другие аргументы — как положительные, так и отрицательные, в подкрепление высказанных здесь положений, и тем покажу, что все другие средства, какие обычно предлагаются для обогащения королевства деньгами, вообще недостаточны и ошибочны.

ГЛАВА III

Пути и средства увеличения вывоза наших товаров и уменьшения нашего потребления иностранных товаров

Масса товаров королевства, в обмен на которые мы снабжаемся иностранными товарами, делится на естественные и искусственные. Естественное богатство представляет собою лишь то, что мы можем уделить, сверх необходимого для нашего собственного потребления, и вывезти за границу.¹ Искусственное богатство состоит из продуктов нашей промышленности и зависит также от торговли иностранными товарами, о чем я буду говорить ниже в подробностях, которые могут послужить нашей цели.

1. Во-первых, хотя наше государство чрезвычайно богато от природы, все же его богатство можно было бы еще увеличить, обрабатывая обширные пустоши (которые бесконечны) под такие культуры, которые не помешали бы доходам других обработанных земель, но помогли бы нам избавиться от ввоза таких товаров, как конопля, лен, снасти, табак и различные другие предметы, которые теперь мы привозим из-за границы к великому нашему разорению.

2. Мы можем также уменьшить наш ввоз, если мы откажемся от чрезмерного потребления иностранных товаров в нашем питании и одежде, что при частой смене моды только увеличивает расточительность и расходы, каковые пороки в настоящее время распространены среди нас больше, чем в прежние времена. Эти недостатки легко можно исправить введением таких законов, какие практикуются в других странах против подобных излишеств, где существование приказов о потреблении товаров собственного производства препятствует ввозу иностранных, без каких бы то ни было запрещений или оскорблений для иностранцев в их взаимных торговых отношениях.

3. При нашем вывозе мы должны принимать во внимание не только наши излишки, но также и нужды наших соседей. За те товары, которые им нужны и которые они нигде в другом месте достать не могут, мы можем (помимо продажи сырья²) много выиграть на переработке их и продаже полученных изделий по столь высоким ценам, какие возможны без уменьшения сбыта этих товаров. Но излишки таких наших товаров, которые хоть и нужны иностранцам, но могут быть получены ими также и из других стран, либо таких товаров, потребление которых они могут прекра-

тить, заменив их подобными же, но более дешевыми товарами из других мест, — мы должны продавать по возможности дешево, лишь бы не терять сбыта таких товаров. Опыт последних лет показал нам, что, имея возможность продавать наше сукно в Турцию дешево, мы сильно увеличили наш вывоз туда, а Венеция настолько же потеряла вывоз своего, потому что оно оказалось дороже нашего. А с другой стороны, несколько лет тому назад, когда из-за высоких цен на шерсть наше сукно было очень дорогим, мы потеряли по крайней мере половину нашего сбыта за границу, который после того мог быть восстановлен не иначе, как сильным понижением цен на шерсть и сукно. Мы нашли, что снижение цены на

Государство в некоторых случаях выигрывает много, в то время как частные лица получают малые доходы.

эти и некоторые другие товары на 25% уменьшает доходы отдельных лиц, но повышает более чем на 50% вывоз этих товаров, что является благом для государства в целом. Когда сукно дорого, другие народы начинают сами выделывать его, и мы знаем, что они не нуждаются ни в мастерах,

ни в материалах для этого. Когда же сукно дешево, они прекращают это производство, и это длится до тех пор, пока повышение цен не заставит их снова прибегнуть к этому средству. Такие изменения научили нас тому, что напрасно стали бы мы ожидать больших доходов от наших товаров, чем условия других стран позволяют им дать нам. И лучше нам приложить все усилия к тому, чтобы внимательной и старательной работой, без обмана, улучшить выделку нашего сукна и других промышленных товаров, что повысит оценку их и увеличит их потребление.

4. Стоимость вывозимых товаров точно также может быть сильно повышена, если мы сами будем вывозить их на наших собственных судах, так как тогда мы получим не только стоимость наших товаров у нас в стране, но также и ту пользу, которую получает иностранный купец, покупающий их у нас для перепродажи у себя на родине, а также сумму расходов на страховку и фрахт за перевозку их за море. Например, если итальянские купцы приедут сюда на своих собственных судах за нашим зерном или нашими сельдями или чем-нибудь в таком же роде, то королевство получит только 25 шиллингов за четверть пшеницы и 20 шиллингов за баррель сельдей; если же мы сами повезем эти товары в Италию по тем же ценам, то возможно, что мы получим 50 шиллингов за пшеницу и 40 шиллингов за сельдей, что составит уже большую разницу в доходах королевства. И хотя верно, что торговля должна быть свободной для иностранцев, чтобы они могли привозить и вывозить все, что пожелают, все же во многих местах вывоз провизанта и военных припасов либо запрещен, либо, по крайней мере, ограничен правом производить его только подданным и на судах той страны, где эти товары производятся.

5. Точно также экономное потребление нашего естественного богатства² сильно повысило бы ежегодный вывоз его за границу. И если уж мы хотим быть расточительны в своей одежде, то пусть она будет сделана из наших собственных материалов и промышлен-

ных продуктов, как сукно, кружева, вышивки и т. п., тогда наличества богатых могут дать работу бедным, хотя их работа могла бы быть более прибыльной для государства, если бы она производилась для иностранцев.

6. Рыба в морях его величества в Англии, Шотландии и Ирландии является нашим естественным богатством, и добыча ее не требует ничего, кроме труда, который голландцы охотно затрачивают и тем ежегодно получают очень большую прибыль для себя, снабжая многие места христианского мира нашей рыбой; на средства, полученные от этого, они удовлетворяют свои нужды как в иностранных товарах, так и в деньгах, помимо того, что множество голландских моряков и судовладельцев получает также пользу. Но об этом надо много говорить, чтобы показать, как вести это важное дело. Точно также наши колонии в Новой Англии, Виргинии, Гренландии, на Летних островах и Ньюфаундленде обладают большими рыбными богатствами и могут дать работу для поддержания большого числа бедных и для увеличения нашей падающей торговли.

Как некоторые государства разбогатели.

7. Если мы станем складом ⁴ иностранного зерна, индиго, пряностей, шелка-сырца, хлопка или какого-либо другого товара, возимого из-за границы, то это увеличит судоходство, торговлю, количество денег в стране и королевские таможенные пошлины при вывозе этих товаров снова в места, где в них нуждаются. Такого рода торговля послужила главной причиной возвышения Венеции, Генуи, Нидерландов и некоторых других стран, а Англия для такой цели расположена наиболее удобно и не нуждается для этого ни в чем, кроме прилежания и старания своих подданных.

8. Мы должны также ценить и отдавать должное тем отраслям торговли, которую мы ведем с отдаленными странами, так как, помимо увеличения судоходства и числа моряков, товары, посылаемые туда и получаемые оттуда, дают гораздо больше выгоды для королевства, чем торговля с ближайшими странами.⁵ Напри-

Торговля с Ост-Индией является наиболее выгодной для короля и для королевства.

мер: предположим, перец стоит здесь два шиллинга за фунт; если купец привозит его из Голландии, из Амстердама, то, заплатив там 20 пенсов за фунт, он здесь хорошо заработает на нем. Но если тот же купец привезет этот перец из Ост-Индии, он там заплатит за него самое большее 3 пенса за фунт и получит огромную выгоду не только на перце, который нужен нам для удовлетворения наших потребностей, но также и на том огромном количестве его, которое мы вывозим ежегодно в различные другие страны для продажи там по более высоким ценам. Из этого

Мы получаем больше пользы на индийских товарах, чем сами индусы.

ясно, что мы получаем гораздо большую выгоду от этих индийских товаров, чем те страны, где эти товары произрастают и которым они, собственно, принадлежат, являясь естественным богатством этих стран. Но для лучшего понимания этой подробности мы должны различать выгоду королевства и пользу

*Разница между
выгодой для коро-
левства и пользой
купца.*

купца, так как хотя королевству этот перец стоит не больше, чем ранее указано, либо какой-либо другой товар, купленный за границей, не дороже того, что иностранный купец получает от нас за него, — но купцу он стоит дороже, так как он, помимо указанной цены, платит также фрахт, страховку, таможенные пошлины и другие расходы, которые чрезвычайно велики в этих длительных путешествиях. Но все это не отражается на платежном балансе королевства, являясь лишь переходом средств от одного подданного к другому и не составляя убытка для королевства.⁶ Если все это принять во внимание, а также учесть, что такая торговля является поддержкой других видов нашей торговли и нашего судоходства во Францию, Италию, Турцию и восточные страны и другие места, благодаря доставке и продаже им товаров, которые мы ежегодно ввозим к себе из Ост-Индии, то это заставит нас приложить наивысшие старания к тому, чтобы поддерживать и расширять это великое и благородное дело, имеющее такое большое значение для блага, силы и счастья страны. И не менее честно разбогатеть (таким путем) за счет торговли товарами другой страны, чем на трудолюбивом увеличении наших собственных средств, особенно если эти последние развиваются с помощью первых, как это происходит в Ост-Индии, благодаря продаже туда больших количеств нашего олова, сукна, свинца и других товаров, причем с каждым днем увеличивается вывоз их в эти страны, которые недавно вовсе не знали употребления наших товаров.

9. Очень выгодно было бы также вывозить наши деньги, как и товары, так как если это делается только в целях торговли, то это увеличивает наше богатство,⁷ но об этом я поговорю более подробно в следующей главе.

10. Правильной политикой и выгодной для государства будет допускать, чтобы товары, изготовленные из иностранного сырья, как бархат и другие шелка, бумажен, крученный шелк и т. п., вывозились беспошлинно. Эти производства дадут работу множеству бедного народа и сильно увеличат ежегодный вывоз таких товаров за границу, благодаря чему увеличится ввоз иностранного сырья, что улучшит поступление государственных пошлин. Я упомяну здесь о замечательном увеличении только одного нашего производства, а именно — кручения и витья иностранного шелка-сырца, которое 35 лет тому назад занимало не больше 300 человек в Лондоне и его окрестностях, а за эти годы на моих глазах выросло так, что в настоящее время этой работой занято свыше 14 000 человек, как мы узнали у королевских уполномоченных по торговым делам. И несомненно, если бы упомянутые иностранные товары могли вывозиться отсюда беспошлинно, это производство увеличилось бы еще больше и очень сильно, и также быстро уменьшилось бы в Италии и Нидерландах. Если же кто-нибудь сошлется на голландскую поговорку: «живи и дай жить другим», — то я отвечу, что голландцы, несмотря на свою собственную поговорку, не только

в нашем королевстве вырывают у нас средства к существованию, но и в нашей внешней торговле они мешают нам в наших законных способах добывания средств к существованию (где только они имеют силу), отнимая у нас кусок хлеба изо рта, чему мы никогда не будем подражать, вырывая горшок из-под их носа, как за последние годы слишком многие из нас практикуют к великому ущербу и бесчестью нашей славной нации. Нам следовало бы лучше подражать прежним временам, усваивая умеренные и достойные пути, более приятные богу и подходящие для нашей старинной репутации.

11. Необходимо также не обременять слишком большими пошлинами наши отечественные товары, чтобы не удорожать их слишком для иностранцев и не пренебрегать этим их продажей. И особенно это относится к иностранным товарам, ввезенным для дальнейшего вывоза, так как в противном случае этот вид торговли (столь важный для благосостояния страны) не сможет ни процветать, ни существовать. Но потребление таких иностранных товаров в нашем королевстве может быть обложено большими пошлинами, что составит выгоду для королевства в отношении торгового баланса и тем даст возможность королю больше средств сберегать из его ежегодных доходов. Об этом я намерен поговорить более подробно в надлежащем месте, где я покажу, сколько денег государь может сберечь, не нанося ущерба своим подданным.

12. И, наконец, мы должны стараться изготовить как можно больше своих собственных товаров, будь то естественные или искусственные. А так как людей, живущих ремеслами, гораздо больше, чем тех, кто добывает плоды земли, то мы должны старательнее всего поддерживать те усилия множества, в которых заключается наибольшая сила и богатство и короля и королевства, так как там, где население многочисленно и ремесла процветают, там торговля должна быть обширной и страна богатой. Итальянцы дают работу большому числу людей и получают больше денег на обработке сырого шелка королевства Сицилии, чем король Испании и его подданные имеют доходов от этого же товара. Но зачем нужны нам такие отдаленные примеры, когда мы сами знаем, что наши собственные естественные товары не дают нам столько доходов, как наши промышленные предприятия? Железная руда в рудниках не многого стоит по сравнению с пользой и работой, которые она дает, когда она вырыта, перевезена, куплена, продана, отлита в артиллерийские орудия, мушкеты и многие другие военные орудия для нападения и защиты, выкована в якоря, болты, клинья, гвозди и т. п., употребляемые для судов, домов, телег, карет, плугов и других орудий для обработки земли. Сравните нашу сырую шерсть с нашим сукном, для получения которого требуется стрижка, мытье, чесание, прядение, тканье, валянье, окраска и прочая отделка, и вы найдете, что эти ремесла более выгодны, чем естественные богатства. Я мог бы привести еще другие примеры, но я не буду скучен, потому что если я буду останавливаться на этом и других ранее упомянутых моментах слишком

долго, то материала окажется достаточно на то, чтобы написать толстую книгу; моим же желанием является доказать с краткостью и простотою только то, что я предлагаю на обсуждение.

ГЛАВА IV

Вывоз наших денег в торговле является средством увеличить наше богатство

Этот взгляд настолько противоположен обычному мнению,⁸ что требует многих и сильных доводов для того, чтобы он был принят множеством людей, горько сетующих, когда они видят, как деньги вывозятся из нашей страны, считая, что мы теряем окончательно это количество из наших средств и что это прямо противоречит давно существующим законам, введенным и подтвержденным мудростью нашего королевства в лице парламента, и что во многих местах, даже в самой Испании, которая является источником денег, вывоз их воспрещен, за исключением лишь некоторых случаев. На это я могу ответить, что Венеция, Флоренция, Генуя и Нидерланды и некоторые другие государства разрешают вывоз денег, их народы одобряют это и находят в этом большую выгоду. Но все это лишь разговоры, никого не убеждающие, а потому мы должны привести здесь такие доказательства, которые касаются поднятого нами вопроса.

Во-первых, я принимаю, как установленное, — и ни один разумный человек не станет этого отрицать, — что мы не имеем другого средства разбогатеть, как только с помощью внешней торговли, так как золотых и серебряных рудников мы не имеем для этого. А как получить эти деньги с помощью нашей внешней торговли, я уже показал: это достигается тем, что вывоз наших товаров должен превосходить стоимость ввозимых нами для собственного потребления иностранных товаров. Теперь остается только показать, как присоединить наши деньги к нашим товарам и как совместный вывоз их увеличит во много раз наше богатство.

Мы уже высказали раньше предположение, что если бы наше ежегодное потребление иностранных товаров составляло 2 000 000 фунтов, а наш вывоз превосходил бы ввоз на 200 000 фунтов, то для уравнения баланса эта сумма была бы ввезена в нашу страну в виде денег. Если же мы прибавим еще 300 000 фунтов в виде наличных денег к тому количеству товаров, которое мы вывозим ежегодно, то какую выгоду можем мы иметь от этого (скажут некоторые), хотя мы и ввезем при этом настолько же больше наличных денег, чем раньше, насколько больше мы вывезли.

На это я отвечаю, что когда мы готовим товары для вывоза и отправляем каждого товара столько, сколько мы можем уделить, сверх необходимого

для нас, то мы не хотим сказать, что для того мы должны вывозить наши деньги, чтобы ввозить обратно сейчас же эти деньги, но для того, чтобы сначала расширить нашу

Деньги порождают торговлю, а торговля увеличивает деньги.

торговлю, закупаая больше иностранных товаров, которые мы затем снова вывозим и таким путем увеличиваем количество денег нашей страны.

И хотя таким образом мы ежегодно увеличиваем наш ввоз для поддержания нашего судоходства и моряков, для увеличения пошлин его величества и других выгод, все же наше потребление иностранных товаров не увеличивается. Так что это увеличение ввоза товаров с помощью наших наличных денег, в конце концов, после вывоза этих товаров снова за границу, превращается в ввоз гораздо большего количества денег, чем было в свое время вывезено, что подтверждается следующими тремя примерами:

1. Я предполагаю, что 100 000 фунтов, посланные на наших судах в восточные страны, дадут возможность закупить там один миллион четвертей пшеницы франко судно. Если затем эта пшеница будет привезена в Англию и будет храниться на складах для продажи ее в подходящий момент в Испанию или Италию, то она будет продана не меньше, как за 200 000 фунтов, что даст большую прибыль купцу, и в то же время мы видим, что королевство при этом удвоит отправленную за границу сумму.

2. Опять-таки прибыль будет гораздо больше, если мы будем вести торговлю в отдаленных странах, как например если мы пошлем 100 000 фунтов в Ост-Индию для покупки там перца, привезем его сюда и отсюда пошлем его в Италию или Турцию, где мы получим за него, по крайней мере, 700 000 фунтов, если принять во внимание огромные расходы, которые несут купцы в этих длительных путешествиях на оплату судов, жалования, провизанта, страховки, процентов, таможенных пошлин, сборов и т. п., — все, что получит все же король и королевство.

3. Если же поездка коротка и товары дороги, то они не займут много судов, и прибыль на таких товарах будет гораздо меньше. Так что если мы вывезем 100 000 фунтов в Турцию и закупим там шелк-сырец, привезем его в Англию и затем вывезем во Францию, Нидерланды или Германию, то купец будет иметь хороший заработок, хотя продаст его только за 150 000 фунтов. Таким образом, если мы возьмем средний размер путешествия, то вывезенные деньги вернутся обратно более чем в тройном размере. Некоторые могут возразить, что они возвращаются в виде товаров, а не в виде наличных денег, как вывозятся.

На это я отвечу (стоя на прежней почве), что если наше годовое потребление иностранных товаров будет не больше того, о котором мы уже говорили, а наш вывоз так мощно увеличится описанным способом торговли наличными деньгами, то само собой понятно, что весь излишек или разница вернется к нам либо в виде денег, либо в таких товарах, которые, как уже ясно показано, будут еще лучшим средством увеличить наше богатство.

С капиталом королевства дело обстоит так же, как с имуществом частных лиц: ведь ни королевство, ни имеющие запас товаров частные лица не говорят, что они не рискнут или не будут торговать

Торговля с отдаленными странами более выгодна для государства.

своими деньгами (что было бы смешно), но превращают их в товары, чем они умножают свои деньги и таким образом непрерывным и упорядоченным обменом денег на товары и товаров на деньги

Поговорка говорит: «Кто имеет товары, будет иметь в году и деньги».

богатеют, а когда пожелают, превращают все свое состояние в деньги, так как те, кто имеет товары, не могут испытывать недостаток в деньгах.

Нельзя также сказать, что деньги — это жизнь торговли, как будто бы торговля не может существовать без денег. Ведь мы знаем, что существовала большая торговля путем обмена, так называемая меновая торговля, когда денег было очень мало. Итальянцы и некоторые другие народы имели такие средства против этого недостатка, что он не мешал им и не приводил к упадку их торговлю: они переводили долговые расписки и имели банки государственные и частные, где они производили ежедневно свои взаимные расчеты на очень большие суммы с легкостью и вполне удовлетворительно для всех с помощью одних только записей, в то время как их деньги, которые лежали в основе этих кредитов, использовались во внешней торговле как товар, и таким путем в этих странах им приходилось очень мало пользоваться деньгами, помимо обычных расходов. Следовательно, не противодействие отливу денег из нашего королевства, но нужда в наших товарах в других странах и их использование и наша нужда в их товарах создают вывоз и потребление с обеих сторон, что вызывает быструю и обширную торговлю. Если мы были некогда бедны, а теперь имеем некоторый запас денег, которые решили хранить у себя в королевстве, то заставит ли это другие страны потреблять больше наших товаров, чем прежде, и сможем ли мы сказать, что наш торговый оборот ускорился и расширился? Конечно, нет, мы не скажем, что это так, но даже скорее можем ожидать обратного, так как все люди знают, что обилие денег в королевстве делает отечественные товары дороже, что хотя, может быть, и выгодно некоторым частным лицам, но прямо противоположно благу государства в отношении размеров торговли.⁹ Если обилие денег делает товары дорогими, то дороговизна заставляет уменьшать потребление и использование их, как было ясно показано в предыдущей главе на примере нашего сукна. И хотя это — жестокий урок для некоторых наших крупных землевладельцев, все же это урок полезный для всех, а то как бы не случилось, что мы потеряем вновь тот небольшой запас денег, который мы приобрели торговлей, если откажемся вложить наши деньги в торговлю. Я знаю одного знаменитого итальянского государя, Фердинанда Первого, великого герцога Тосканского, который, будучи очень богатым, пожелал с помощью своих сокровищ расширить торговлю, отдавая купцам большие суммы денег на очень малые проценты. Я сам получил у него 40 000 крон без процентов на целый год, хотя он знал, что я сразу же пошлю их в звонкой монете в Турцию, чтобы превратить их в товары для его страны, так как он был вполне уверен, что в этой торговой сделке они вернутся к нему снова (согласно старой поговорке) с уткой во рту. Этот благородный и

трудолюбивый государь, благодаря его заботливой и внимательной поддержке и милости к купцам в их делах, так расширил круг купцов, что едва ли был дворянин или другой благородный человек во всех его владениях, который не торговал бы сам или в компании с другим, благодаря чему в течение последних тридцати лет торговля в его порту Ливорно настолько увеличилась, что из бедного маленького города (каким я сам знал его) он стал теперь красивым и сильным городом, будучи одним из наиболее значительных мест торговли во всем христианском мире. И все же заслуживает нашего внимания то, что множество судов и товаров, которые приходят сюда из Англии, Нидерландов и других мест, почти не имеет возможности уйти отсюда иначе как с наличными деньгами, которые они могут и действительно увозят отсюда свободно во всякое время, к невероятной выгоде упомянутого великого герцога Тосканы и его подданных, которые сильно обогащаются благодаря непрерывному большому скоплению купцов из всех соседних государств, привозящих им ежегодно изобилие денег для удовлетворения их нужд в вышеуказанных товарах. Таким образом мы видим, что торговля, при которой их деньги вывозятся, превращается в поток, несущий их обратно и в еще больших количествах.

Имеется еще одно-два возражения, таких же слабых, как и все остальные, а именно: если мы будем торговать нашими деньгами, мы будем вывозить меньше товаров; как будто бы те страны, которые до сих пор потребляли наше сукно, свинец, олово, железо, рыбу и т. п., будут теперь пользоваться нашими деньгами вместо этих товаров, что, конечно, просто нелепо было бы утверждать; или будто бы купец не станет скорее вывозить товары, на которых он может надеяться получить какую-то выгоду, чем деньги, которые остаются тем же, чем они были, без увеличения в количестве.

Наоборот, существует много стран, которые могут дать нам очень выгодную торговлю за наши деньги и которые в противном случае не имели бы с нами никакой торговли вообще, потому что они не потребляют наших товаров вовсе, как например *Ост-Индия* в самом начале нашей торговли с нею, хотя благодаря нашим стараниям эти страны уже начали потреблять много нашего свинца, сукна, олова и других предметов, что является ценным приращением к предыдущему экспорту наших товаров.

Опять-таки, некоторые люди ссылаются на то, что те страны, которые позволяют вывозить деньги, делают это потому, что они имеют мало или не имеют совсем товаров для торговли ими, у нас же имеется огромный фонд товаров, а потому их действия не могут быть примером для нас.

На это ответим коротко, что если мы имеем такие количества товаров, которые полностью снабжают нас всеми необходимыми нам вещами из-за границы, то почему мы должны сомневаться в том, что наши деньги, вывезенные для торговли, не вернутся к нам обратно снова в виде денег вместе с большой прибылью, как мы это описали ранее? А с другой стороны, если те страны,

которые вывозят свои деньги, делают это потому, что у них мало собственных товаров, то как же получается, что они имеют так много денег, как мы постоянно видим это в тех местах, которые свободно разрешают вывозить деньги во всякое время и кому угодно? Я отвечаю: просто торговлей. Не то каким же еще другим путем могут они добыть деньги, не имея ни золотых, ни серебряных рудников?

Таким образом ясно видно, что в том случае, когда это важное дело внимательно обсуждено до конца, — а так следует обсуждать каждое человеческое дело, — мы приходим к выводам, как раз обратным тем, какие делает большинство людей, так как они смотрят не дальше начала этого дела, что и приводит их к неправильным выводам. Ведь если мы будем судить о фермере по его действиям только во время посева, когда он бросает в землю много хорошего зерна, мы сочтем его сумасшедшим; если же мы посмотрим на то, что получилось из его трудов, при жатве, которая является завершением его стараний, мы увидим достойный и обильный результат его действий.¹⁰

О делах человеческих нужно судить по их результатам.

ГЛАВА V

Внешняя торговля является единственным средством повысить цену нашей земли

Всем известна пословица, что обилие или недостаток денег делают все вещи дорогими или дешевыми.¹¹ Как я уже показал, количество денег либо увеличивается, либо уменьшается при внешней торговле — в зависимости от того, имеем ли мы в ней активный или пассивный баланс. Мое рассуждение опирается на то, что я различаю кажущееся обилие денег от действительного, которое одно только существенно и способно расширять внешнюю торговлю. Ведь существуют различные пути и средства, с помощью коих можно наводнить королевство деньгами, но которые не обогащают, а скорее разоряют его целым рядом всегда возникающих при этом затруднений.

Во-первых, если мы переплавим наши золотые и серебряные изделия на монеты (что не подходит для величия такого большого королевства, за исключением случаев большой крайности), то это даст обилие денег на время, но богаче мы от этого не станем, и даже в таком виде наши деньги окажутся более удобными для вывоза из королевства в том случае, когда мы разоряем себя ввозом излишка иностранных товаров, либо будем вести войну на море или на суше в тех местах, где мы не можем кормить и одевать солдат и снабжать армию нашим собственным отечественным провантом; и таким путем наши деньги скоро истощатся.

Затем, если мы думаем накопить много денег, разрешая принимать иностранную монету по более высокому курсу, чем ее внутренняя стоимость, по сравнению с нашим стандартом, либо

путем понижения или повышения стоимости наших собственных денег, ¹² то все это представит очень много затруднений и неудобств (о которых я расскажу позже). Но если даже допустить, что таким путем в королевство попадет много денег, то все же мы не станем от этого богаче, да и богатство это, полученное таким путем, не удержится долго у нас. Ведь если иностранные или английские купцы ввозят деньги, то это должно быть сделано в расчете на получение прибыли либо за уже вывезенные товары, либо за товары, которые должны быть вывезены позже; ничто не может помешать этому ввозу, за исключением только упомянутых выше опасностей войны или ввоза излишка иностранных товаров, истощающих наше денежное богатство; в противном случае то, что одни будут привозить в страну для получения на этом дохода, другие вынуждены будут вывозить из-за необходимости, так как всегда существует необходимость в балансе наших счетов с иностранцами, хотя бы это было сделано с потерей на курсе денег, либо даже с угрозой конфискации, если деньги будут найдены.

Как получить богатство, которое принадлежало бы нам.

Выводы вкратце таковы: деньги, которые привозятся в страну по балансу нашей внешней торговли, — это единственные деньги, которые у нас остаются и которыми мы обогащаемся. И таким путем (и никаким другим) доходы с наших земель увеличиваются, так как когда купец выгодно продал за морем свое сукно и другие товары, он тотчас же возвращается, чтобы купить еще большее количество их, что повышает цену на нашу шерсть и другие товары и, следовательно, увеличивает земельную ренту, так как ежедневно истекают сроки сдачи земли в аренду. А так как путем такой торговли люди много зарабатывают и больше денег привозится в королевство, то это дает возможность многим покупать землю, что и делает ее дороже. Но если наша внешняя торговля прекратится или придет в упадок вследствие пренебрежения к ней внутри страны или оскорблений за границей, — от чего купцы обеднеют, — то из-за этого товары нашей страны будут вывозиться в меньших количествах, и тогда все указанные блага прекратятся и наша земля будет падать в цене ежедневно. ¹³

ГЛАВА VII

Различные выгоды от внешней торговли

Внешняя торговля дает нам пользу трех видов: во-первых, пользу государству, которая существует даже тогда, когда купец (который является главным действующим лицом в торговле) теряет. Во-вторых, прибыль самого купца, которую он иногда справедливо и заслуженно получает, хотя бы государство при этом и теряло. В-третьих, доходы короля, в которых он всегда уверен, даже когда и государство и купец теряют.

Что касается первого из этих видов, то мы уже достаточно показали пути и средства, какими государство может быть обога-

щено торговлей, так что здесь бесполезно повторять это; я только повторяю здесь, что государство может быть и выигрыше даже тогда, когда купец со своей стороны не имеет пользы. Например, Ост-Индская компания посылает 100 000 фунтов в Ост-Индию и получает обратно товаров на 300 000 фунтов. Из этого видно, что средства государства утроились, и все же я могу смело сказать, и могу это доказать, что упомянутая компания купцов потеряет, по меньшей мере, 50 000 фунтов на этой сделке, если привезет приности, индиго, миткали, бензойную смолу, очищенную селитру и подобные им объемистые товары в различных количествах в соответствии с вывозом их и потреблением в различных частях Европы, потому что фрахт, страховка, расходы на комиссионеров за границей и служащих в своей стране, задержка сбыта товаров, королевские пошлины и сборы вместе с другими мелкими случайными расходами составят не меньше 250 000 фунтов, что в прибавлении к капиталу и даст указанную выше потерю.¹⁴ И таким образом мы видим, что не только королевство, но и король, благодаря пошлинам и сборам, получит большой доход, в то время как купец понесет жестокую потерю. Это дает нам хороший случай поразмыслить о том, насколько же больше королевство обогащается с помощью этой благородной торговли, если все складывается так счастливо, что совместно с королевством купец также получает выгоду.

Далее я утверждаю, что купец, благодаря своим похвальным стараниям, может и вывозить и ввозить товары с хорошими барышами для себя, выгодно покупая и продавая их, что является целью его работы. И в то же время государство может приходиться в упадок и беднеть вследствие беспорядков в народе, когда из-за гордости и других излишеств население потребляет иноземные товары на большую сумму, чем богатства королевства могут удовлетворить и оплатить вывозом наших собственных товаров; это — качество настоящего расточителя, который тратит свыше своих средств.

Наконец, король всегда уверен в своей прибыли от торговли, даже в том случае, когда и государство и купец теряют порознь, как было выше сказано, или вместе, как может иногда случаться, когда в одно и то же время иностранные товары перевешивают вывоз наших отечественных и купцы тоже теряют, вроде того, как выше было описано.

Но тут мы не должны понимать выгоду короля в таком широком смысле, не то мы могли бы сказать, что его величество выиграет, даже если половина торговли королевства будет потеряна. Предположим, что торговля страны — вывоз и ввоз — составляет в год около $4\frac{1}{2}$ миллионов фунтов; пусть она может быть еще увеличена на 200 000 фунтов в год ввозом и потреблением иностранных товаров. Мы знаем, что таким путем король выиграет почти 20 000 фунтов, но государство потеряет эти 200 000 фунтов, истраченных на излишества. И купец может тоже начать терять, если торговля будет таким путем увеличиваться к выгоде короля, который все

же в конце концов будет иметь наибольшую потерю, если не будет препятствовать такой расточительности, разоряющей его подданных.

ГЛАВА VIII

Повышение или понижение стоимости наших денег не может ни обогатить королевство деньгами, ни помешать вывозу денег

Существуют три способа, коими обычно изменяется стоимость денег в стране. Первый заключается в том, что существующим монетам придается значение большего или меньшего числа фунтов, шиллингов или пенсов, чем прежде. Второй — в том, что существующую монету делают более легкой по весу, но оставляют в обращении по прежним наименованиям. Третий — в том, что изменяется стандарт содержания золота или серебра при прежнем наименовании денег.

Во всех случаях недостатка или избытка денег в королевстве всегда находятся люди, которые, желая помочь найти средство против недостатка или избытка денег, прежде всего предлагают изменить монету. Они говорят, что при повышении денег их будут ввозить в страну из разных мест в надежде на выгоду. Снижение же стандарта или веса денег заставит отказаться от вывоза их из опасения потерь. Но эти люди, думающие лишь о начале такого важного дела, не принимают во внимание его течение и конец, на которые именно и должны быть направлены наши мысли и старания.

Деньги являются мерилом других наших средств.

Мы должны знать, что деньги являются не только истинной мерой всех наших средств в королевстве, но также мерой наших торговых сношений с иностранцами, которую мы поэтому должны стараться сохранять справедливой и постоянной во избежание тех замешательств, которые всегда сопутствуют таким изменениям.¹⁵ Во-первых, если обычная мера изменяется у себя в стране, то наша земля, арендная плата, товары иностранные и отечественные должны измениться соответственно в своем уровне. И хотя это не делается без большого беспокойства и ущерба также и для некоторых людей, все же в течение короткого времени все налаживается. Ведь не названия наших фунтов, шиллингов и пенсов принимаются во внимание, но истинная ценность нашей монеты,¹⁶ к которой нам нет надобности прибавлять дальнейшую стоимость, если в нашей воле сделать это, так как это будет лишь польза для Испании и акт, противоречащий нашим интересам и удорожающий товары другого государства. Эти способы, столь вредные для подданных, не помогут также и королю, как представляют себе некоторые, так как хотя снижение стандарта или веса всех наших денег должно принести в настоящий момент пользу (только один раз) монетному двору, все же вся польза, и даже больше того, снова будет скоро потеряна при будущих больших поступлениях в кассу его величества, когда подданные

начнут платить королю деньгами меньшей внутренней стоимости, чем прежде. Нельзя также сказать, что вся потеря королевства будет прибылью для короля, так как имущество всех людей (будь то аренда, земля, долги, товары или деньги) пострадает в одинаковой пропорции, в то время как его величество будет иметь выигрыш только на том количестве наличных денег, которое будет заново отчеканено, что по сравнению с общими убытками будет иметь очень малое значение. Ибо хотя считают, что очень многие

Все наличные деньги в королевстве оцениваются в сумму несколько больше одного миллиона фунтов.

имеют свое имущество в деньгах в количестве 5 или 10 тысяч фунтов на человека или около того, что составляет много миллионов у всех вместе, все же они не имеют всех этих денег на руках сразу или все вместе, так как противно их интересам и прибыли было бы хранить на руках свыше 40—50 фунтов

на необходимые расходы; остальное же постоянно переходит из рук в руки при торговле для их выгоды. Поэтому мы должны понять, что небольшое количество денег (являющихся мерою всех остальных наших средств) управляет и распределяет великие богатства ежедневно среди всех людей в справедливых пропорциях. И еще мы должны знать, что многие наши старые монеты стерлись от употребления и стали легкими, а такие деньги принесут малую выгоду или никакой выгоды монетному двору, выгода же на тяжелых монетах заставит наших бдительных соседей вывезти к себе большую часть их и вернуть их потом в монете новой чеканки. Не сомневаемся мы также, что некоторые из наших соотечественников также займутся перечеканкой монет, и даже с риском попасть на виселицу из-за этой выгоды, так что его величество в конце концов получит очень мало пользы от такой меры.

Некоторые люди скажут, что если его величество повысит стоимость денег, то большое количество их будет привезено к нам из чужеземных стран, так как мы уже видели на опыте, что последнее повышение нашего золота на 10% действительно вызвало большой приток его, и его стало больше, чем мы обычно имели в королевстве. Этого я не могу отрицать, но я также утверждаю, что это золото унесло все или большую часть нашего серебра (которое не было слишком стертым или слишком легким), что мы можем легко заметить по относительным количествам тех и других монет в обороте в настоящее время. Причиной было то, что наше серебро не поднялось соответственно нашему золоту, что и сейчас еще дает пользу купцу, привозящему в королевство ежегодный доход от торговли в золоте, а не в серебре.

Во-вторых, если мы будем непостоянны в нашей монете и тем будем нарушать законы внешней торговли, то другие государи, бдительные в этом случае, сейчас же произведут такие же изменения в своих деньгах, и что же станет тогда с нашими надеждами на пользу от такой меры? Если же они не сделают этого, то на что мы можем надеяться? Ведь если иностранный купец привезет свои товары и найдет, что наши деньги повысились, то разве он не станет ждать до тех пор, пока он сможет продать свои товары

подороже? И разве цены на товары у тех купцов, которые обменивают свои товары в других странах, не повысятся в соответствии с нашими деньгами? А так как все это несомненно истинно, то почему наши деньги не смогут быть вывезены из королевства также и для получения такого же дохода после повышения их, как и до этого?

Но некоторые, может быть, все же скажут, что если наши деньги повысятся, а в других странах не повысятся, то это вызовет большой приток слитков и иностранной монеты, чем до того. Если бы это случилось, то это сделали бы либо купцы, вывозящие товары, либо купцы, которые рассчитывают купить наши товары, причем совершенно ясно, что ни те, ни другие не получают больше прибыли и пользы, чем до изменения монеты. Ведь если их слитки и иностранные монеты будут стоить больше, чем прежде, в наших фунтах, шиллингах и пенсах, то что смогут они получить за них, когда окажется, что наши деньги более низкопробны или более легки и, следовательно, цены на товары соответственно подыались? Таким образом мы видим, что все эти нововведения не являются хорошими средствами ни для привлечения денег к королевству, ни для удержания их, когда мы их имеем.

ГЛАВА X

Соблюдение статута «Об истрачении» иностранцами не может ни увеличить, ни тем более удержать наши деньги в стране

Сохранение наших денег в королевстве не менее трудно и для этого требуется не меньше искусства, чем для увеличения их количества, так как причины сохранения и приобретения денег по природе своей одинаковы. Статут «Об истрачении», предписывающий обмен иностранных товаров на наши, кажется с первого взгляда хорошим и законным средством, ведущим к указанной цели. Но при исследовании его в подробностях мы найдем, что он не может дать таких хороших результатов.

Цель внешней торговли одинакова во всех странах.

Ведь если цель внешней торговли одинакова во всех странах, то легко можно предвидеть, что именно сделают иностранцы, если мы так поступим в этом важном деле, с помощью которого мы не только рассчитываем, благодаря вывозу наших товаров, удовлетворить наши потребности в иностранных товарах, но также и обогатить себя деньгами. Все это достигается разными способами торговли в соответствии с нашими возможностями и природой тех мест, с которыми мы ведем торговлю. Например, в некоторые страны мы ввозим свои товары и из них вывозим их товары или частично деньги, в другие страны мы ввозим свои товары и вывозим оттуда только деньги, так как у них либо мало, либо совсем нет товаров, которые нам подошли бы для обмена. Опять-таки, некоторые страны снабжают нас своими товарами, но мало или совсем не берут наших, не имея в них нужды, так что они берут наши

деньги, полученные нами в других странах. Таким образом, по ходу торговли (которая изменяется в соответствии с требованиями времени) отдельные части ее приспособляются друг к другу и составляют все тело торговли, которое всегда слабеет, если гармония его здоровья разрушается болезнями излишеств у себя в стране и насильственных мер за границей, налогами или ограничениями у себя или за границей. Но здесь я буду говорить только об ограничениях, о чем упомяну вкратце.

*Как парадоксально
выглядела тор-
говля.*

Существуют три вида ценностей, которые купец может получить в обмен на свои товары из-за моря, а именно: деньги, товары или векселя. Но статут «Об истрачении» не только ограничивает вывоз денег из страны (в чем имеется кажущаяся предусмотрительность и справедливость), но и уничтожает употребление векселей, что нарушает законы торговли и является в действительности актом беспримерным во всем мире, где бы мы ни вели торговлю. А потому следует подумать о том, что любая мера (такого рода), которую мы будем принимать в отношении иностранцев здесь, тотчас же будет сделана законом для нас в их странах, особенно там, где мы ведем наибольшую торговлю с нашими бдительными соседями, которые не пропускают ни единого случая или возможности поддерживать свою торговлю на равных правах и привилегиях с другими странами. И таким образом мы будем в первую очередь лишены и свободы и средств привозить деньги в свою страну, какими мы пользуемся теперь, и потому мы потеряем сбыт многих товаров, которые мы вывозим в другие страны, от чего наше богатство и наша торговля придут в упадок.

Во-вторых, если этим самым статутом мы навязем иностранцам вывоз наших товаров (более, чем обычно), мы должны будем продавать их иностранным купцам в Англии, что будет ущербом для наших купцов, моряков и судовладельцев, помимо ущерба государству от продажи товаров королевства иностранцам по гораздо более низким ценам, чем те, которые мы могли бы за них получить, если бы мы продавали их в их собственных странах, что доказано мною в главе третьей.

В-третьих, мы уже достаточно ясно показали, что если иностранные товары превышают по стоимости наши товары, то должны быть вывезены частично наши деньги. Как можно с этим бороться, связывая руки иностранцам и оставляя свои свободными? Не заставит ли разве это сделать их то же самое по тем же причинам и для такой же выгоды, что делаем мы теперь? Или если мы установим статут (беспримерный), препятствующий одинаково и вывозу денег и ввозу товаров, то не уничтожим ли мы этим все сразу — и пошлины короля, и прибыли королевства, так как такие ограничения по необходимости уничтожат большую часть торговли, потому что разнообразие требований и мест, которые ведут с нами торговлю, требует, чтобы одни купцы и вывозили и ввозили товары, другие только вывозили, третьи только ввозили, некоторые расплачивались векселями, другие принимали их, одни вывозили

деньги, другие привозили их, и все это в больших или меньших количествах в соответствии с бережливостью или излишествами в королевстве, причем только в этом мы должны соблюдать строгие законы, ¹⁸ которые и будут регулировать все остальное, а без этого все остальные статуты не помогут нам ни удерживать, ни приобрести деньги.

Наконец, чтобы не оставить без ответа ни одно из возражений, если кто-нибудь скажет, что статут, объемлющий и наши права, и права иностранцев, должен будет по необходимости удерживать наши деньги в королевстве, — то что мы таким путем получим, если этот статут будет препятствовать ввозу денег к нам благодаря упадку той обширной торговли, которую мы сейчас свободно ведем? Не является ли лекарство хуже самой болезни? Не будем ли мы жить скорее как ирландцы, чем как англичане, когда вместе с торговлей придут в упадок и доходы короля, и наши купцы, моряки, судоходство, ремесла, земля, богатство?

Но некоторые скажут, что они ждут от этого статута лучших результатов, чем описанные здесь, так как цель статута заключается в том, чтобы все ввозимые к нам иностранные товары обменивались на наши, чтобы тем удерживать деньги в пределах королевства. А кроме того, мы сможем, без сомнения, вывозить еще достаточное количество наших товаров за границу и привозить за них наличные деньги.

Хотя все это отрицается вышеприведенными соображениями, все же я согласен это принять, так как я хочу закончить спор. Но если верно, что другие будут покупать наши товары на большие суммы, чем мы потребляем их товары, то я утверждаю, что избыток обязательно вернется к нам в виде денег без применения статута, который в таком случае явится не только бесплодным, но и вредным, как и некоторые другие подобные же ограничения, если мы полностью раскроем их значение.

ГЛАВА XI

Наше богатство не увеличится, если мы предпишем купцу, вывозящему рыбу, зерно или военные припасы, ввозить обратно всю или часть стоимости их в виде денег

Провиант и военные припасы так драгоценны для государства, что либо необходимо совсем запретить их вывоз, либо (если изобилие позволяет их вывозить) требовать за них столько денег, сколько только возможно получить без затруднений, так как Испания и другие страны охотно расстаются со своими деньгами ради таких товаров, хотя в других случаях торговли они решительно запрещают вывоз денег. Все это я признаю истинным, но, несмотря на это, мы должны знать, что все пути и средства, которые (в ходе торговли) привлекают деньги в королевство, не делают их нашими, так как этого можно достигнуть только законным заработком, а этот заработок не получается никаким другим путем, как только

превышением нашего вывоза над ввозом, а такое превышение только уменьшается всякими ограничениями.¹⁹ Поэтому такие ограничения препятствуют увеличению нашего богатства. Довод прост и не требует никаких дальнейших доказательств для своего подкрепления, если не считать, что есть люди, которые могут думать, что ограничения не вызовут уменьшения вывоза товаров. Но если даже это допустить, то предписание купцам привозить в страну деньги за вывозимый ими провиант и военные припасы не поможет нам иметь ни на один пенни больше денег в королевстве к концу года, так как то, что силой будет получено одним путем, должно будет быть отдано снова другим путем, потому что только то останется у нас, что мы заработаем и присоединим к имуществу королевства благодаря превышению нашего вывоза над ввозом.

Это может быть ясно из следующего примера: один англичанин купил для своего потребления товаров у разных иностранцев на сумму в 600 фунтов, а имея своих собственных товаров на 1000 фунтов, он продал их упомянутым иностранцам и тотчас же увез все свои деньги к себе. Однако, после расчета у него осталось только 400 фунтов, как разница между стоимостью проданных и купленных товаров, остальные же деньги вернулись туда, откуда он привез их. Этого примера достаточно, чтобы показать, что какими бы путями мы ни стремились ввезти деньги в королевство, останется всегда лишь столько, сколько мы выиграем на балансе нашей торговли.

Г Л А В А XV

О некоторых излишествах и злоупотреблениях в государстве, которые все же не приводят к упадку нашей торговли и богатства (денег)

Я не ставлю своей целью извинять или умалять даже наименьшее излишество или злоупотребление в государстве, но скорее одобрять и хвалить то, что было говорено или написано другими против этих злоупотреблений. Все же, как я уже утверждал в этом очерке о богатстве, есть истинные причины, которые могут либо увеличить, либо уменьшить наше богатство. Так что не будет неуместным продолжать мои отрицательные декларации о тех гнусностях и деяниях, которые не вредят богатству страны, как думают некоторые люди, так как в этом важном вопросе, если мы ошибаемся в природе болезни, мы всегда применяем такое лечение, которое, может быть, замедлит, если и не помешает исцелению.

Начнем с ростовщичества. Если бы его можно было обратить в благотворительность, так чтобы богатые давали деньги взаймы бедным без процентов, то оно было бы делом, удобным всемогущему богу и выгодным для государства. Но если мы примем его в том виде, как оно сейчас существует, то можем ли мы сказать, что тогда, когда ростовщичество усиливается, торговля уменьшается? Хотя верно, что некоторые бросают торговлю и покупают землю или

откладывают свои деньги, чтобы употреблять их, когда они разбогатеют или состарятся, или для какого-нибудь подобного же случая, все же из всего этого не следует, что торговля уменьшается, так как это дает возможность более молодым и более бедным купцам выдвинуться и расширить свои торговые дела, для чего, если они нуждаются в средствах, они могут и действительно берут их на проценты. Таким образом наши деньги не лежат мертвым капиталом, но снова входят в торговлю. Сколько купцов и лавочников начинали с малого или с полного отсутствия своих собственных средств и все же становились очень богатыми от торговли на деньги других. Не знаем ли мы, что при быстрой и хорошей торговле многие люди, благодаря своему опыту и на деньги, взятые на проценты, ведут гораздо большую торговлю, чем они могли бы на собственные средства? Таким путем дела государства увеличиваются, деньги вдов, сирот, нотариусов, дворян и других лиц, которые сами не хотят или не умеют заниматься торговлей, используются во внешней торговле. В настоящее время, несмотря на бедность, в которую мы впали из-за излишеств и потерь последнего времени, много людей все же имеют деньги и не знают, как их поместить, так как купцы не берут их на проценты (даже по низким ставкам), потому что прекратилась торговля с Испанией и Францией, из-за чего купцы не могут использовать даже свои собственные средства, и еще меньше — чужие деньги. Так что по этой и некоторым другим причинам, на которые можно сослаться, мы можем заключить, — в противоположность мнению тех, которые утверждают, что торговля падает, когда ростовщичество растет, — что и торговля и ростовщичество развиваются и падают вместе.

Следующее место занимают адвокаты, которых очень осуждают. По неприятностям и издержкам, связанным с умножением судебных дел, мы превосходим все другие государства в христианском мире, но происходит ли это от алчности адвокатов или испорченности народа, — большой вопрос. Но пусть это будет так или иначе, я не буду касаться этого вопроса более, чем того требует наша настоящая тема, касающаяся упадка нашей торговли и обнищания королевства. Я уверен, что судебные процессы делают многих бедными и оставляют без гроша, но как это может сделать нашу торговлю меньше хотя бы на один пенни, я понять не могу. И хотя среди большого числа тех, которые разоряются в спорах, могут быть всегда и купцы, все же мы знаем, что нужда одного человека становится счастливым случаем для другого.²⁰ Я никогда не знал до сих пор об упадке нашей торговли и богатства из-за недостатка купцов или средств для торговли, но скорее из-за излишнего потребления иностранных товаров у себя в стране или из-за сокращения продажи наших товаров за границу, вызванного или разорительным влиянием войн, или какими-либо изменениями в мирное время, о чем я говорил более подробно в третьей главе. Но чтобы покончить с вопросом об адвокатах, я скажу, что их благородная профессия необходима для всех, а их судебные дела, софизмы, отсрочки и издержки разорительны для многих. Эти вещи дей-

ствительно являются язвами на имуществе отдельных лиц, но не для государства, как некоторые предполагают, так как то, что один человек теряет, выигрывает другой, и это остается все-таки в королевстве, и я хотел бы, чтобы оно осталось в надлежащем месте.

Наконец, не следует избегать всех видов роскоши и пышности, так как если бы мы сделались настолько бережливými, что потребляли бы мало или совсем не потребляли иностранных товаров, то как бы мы тогда вывозили свои собственные товары? Что стало бы с нашими судами, моряками, военными припасами, нашими бедными ремесленниками и многими другими? Могли ли бы мы надеяться, что другие страны платили бы нам только деньгами за все наши товары, не покупая или не обменивая их на свои товары? Это было бы напрасной надеждой. Гораздо безопаснее и вернее держаться среднего пути, тратить умеренно, что даст нам возможность в изобилии приобретать деньги.

Опять-таки пышность зданий, одежды и т. п. у высшего и среднего дворянства и других зажиточных людей не может разорить королевство. Если это вызывает спрос на редкие и дорогие работы из наших материалов и нашего производства, то это будет поддерживать бедных кошельком богатых, что является наилучшим распределением средств в стране. Но если кто-нибудь скажет, что если народ нуждается в работе, то рыбная ловля была бы для него лучшим занятием и гораздо более выгодным, то я охотно подишусь под такими словами. В этом огромном деле достаточно средств, чтобы занять и богатых и бедных, о чем много было и сказано и написано. Остается сказать лишь одно: что-нибудь должно быть сделано для чести и богатства и короля и его королевства.

ГЛАВА XIX

О некоторых влияниях естественных и искусственных богатств на государство

В третьей главе настоящей книги я уже писал кое-что, касающееся естественных и искусственных богатств, и показал там, как много искусство человека прибавляет к природе. Но все же необходимо коснуться этой темы подробнее, чтобы яснее видеть их различное влияние на государство. Для этой цели я мог бы привести здесь некоторые сравнения с Турцией и Италией или какими-нибудь другими отдаленными странами, но мне нечего заходить так далеко, так как я имею достаточно материала здесь, в Великобритании и Соединенных Провинциях Нидерландов. Поэтому мы начнем кратко с Англии, и только в общих чертах, чтобы показать естественные богатства этой славной страны и некоторые влияния их на нравы населения и мощь королевства:

Если мы примем во внимание обширность, красоту, плодородие Англии, ее мощь как на море, так и на суше, благодаря множеству воинственных людей, лошадей, судов, боевых запасов, благоприятному расположению для обороны и торговли, числу

морских портов и гаваней, трудно доступных для врагов, но легко и с удобством служащих для вывоза богатств населения, состоящих из превосходной шерсти, железа, свинца, олова, шафрана, зерна, съестных припасов, шкур, воска и других естественных богатств, — то мы найдем, что это королевство способно быть образцом монархии. Какой еще большей славой и преимуществами может обладать какая-нибудь могущественная страна, чем владеть в таком изобилии всеми естественными богатствами, необходимыми для питания, одевания, войны и мира, и не только для собственного обильного потребления, но также для удовлетворения нужд других стран в такой мере, которая, давая ежегодно большой приток денег, завершает счастье этого народа? Опыт показал нам, что, несмотря на обильное потребление в самом королевстве, не говоря уже о Шотландии, ежегодно вывозится наших отечественных товаров на сумму 2 200 000 фунтов стерлингов или несколько больше. И если бы мы не были так преданы гордости, чудовищным модам и разгулу, больше всех других народов, то 1 500 000 фунтов было бы вполне достаточно для удовлетворения наших не необходимых потребностей (как я могу их назвать) в шелках, сахаре, пряностях, плодах и всем прочем, а 700 000 фунтов ежегодно прибавлялось бы в виде денег, что сделало бы наше королевство чрезвычайно богатым и мощным в короткое время. Но то огромное изобилие, которое мы имеем, делает нас народом не только порочным и невоздержанным, расточающим средства, которые мы имеем, но также непредусмотрительным и небрежным в отношении многих других богатств, которые мы постыдно теряем, каковы например рыбные богатства в морях Англии, Шотландии и Ирландии, могущие дать не меньше пользы и работы населению, чем все остальные богатства, которые мы вывозим за границу. И в то же самое время (из-за бесстыдной праздности) огромное количество людей обманывает, ворует, грабит, блюдолизничает, нищенствует, чахнет и преждевременно погибает, — людей, которые при помощи и при поддержке этого дела могли бы сильно умножиться к дальнейшему богатству и мощи нашей страны, особенно на море, обеспечивая нашу безопасность и устрашая наших врагов. Старания усердных голландцев служат достаточным доказательством этой истины к нашему великому стыду и к меньшей опасности для нас, если только мы своевременно не примем мер. В то время как мы покидаем наши обычные честные занятия и науки, предаваясь удовольствиям и в последние годы одуряя себя трубкой и бутылкой, и уподобляемся животным, посасывая дым и вышивая за здоровье друг друга, пока смерть не заглядывает многим в лицо, — упомянутые голландцы почти оставили эти скотские пороки и восприняли нашу обычную доблесть, которую мы часто так хорошо проявляли и на море и на суше, и особенно в защиту этих же голландцев, хотя теперь они настолько неблагодарны, что даже не признают этого. В результате, распространенная среди нас проказа нашего

Плоды праздности, которые иностранцы ставят нам всегда в упрек.

Неблагодарность голландцев.

курения, пьянства, празднеств, мод и дурного времяпрепровождения в праздности и развлечениях (вопреки закону бога и обычаям других народов) сделала нас изнеженными телом, слабыми в знаниях, бедными сокровищами, опустившимися в доблести, несчастливými в делах и презираемыми нашими врагами. Я пишу так много об этих излишествах потому, что они сильно расточают наше богатство, которое является главной темой всей этой книги. И в действительности, наше богатство могло бы быть необычной темой для восхищения и страха всего христианского мира, если бы мы только прибавили искусство к природе, наш труд к нашим естественным средствам. Пренебрежение же к ним дало замечательные преимущества другим странам, и особенно голландцам, о которых я вкратце скажу в другом месте.

Но сначала я выскажу свое мнение о нашей суконной промышленности. Хотя она является величайшим богатством и наилучшим занятием для бедного люда королевства, все же мы могли бы, может быть, с большей безопасностью, изобилием и пользой для себя заниматься больше обработкой земли и рыболовством, а не посвящать себя целиком выделке сукна. Ведь если во время войны или по каким-нибудь иным случаям некоторые иностранные государи запретят потребление нашего сукна в своих владениях, то это может сразу вызвать сильное обеднение и опасные беспорядки, особенно среди наших бедняков, когда они окажутся лишенными своих обычных занятий и средств к существованию, чего не может быть в том случае, когда они работают на разных предприятиях. Кроме того, много тысяч из них будут лучше способны служить королевству во время войны, особенно на море. Теперь, оставив Англию, перейдем к Соединенным Провинциям Нидерландов.

Как изобилие и мощь делают народ порочным и непредусмотрительным, так лишения и нужда делают его разумным и трудолюбивым. В отношении последнего я мог бы привести в пример различные государства христианского мира, которые, имея мало или совсем не имея собственных территорий, все же добивались большого богатства и мощи своей усердной торговлей с иностранцами. Среди них Соединенные Провинции Нидерландов являются теперь величайшим и славным примером. С тех пор как они сбросили с себя ярмо испанского рабства, как чудесно они развили все свои способности! Какие большие средства получили они, чтобы защищать свою свободу против мощи такого великого врага! И не произошло ли все это благодаря их непрерывному усердию в торговле? Не являются ли их Провинции складами товаров для большинства стран христианского мира, благодаря чему их богатство, судоходство, моряки, ремесла, народ, а потому и общественные доходы и акцизы, выросли до удивительной высоты? Если мы сравним времена их порабощения с их настоящим состоянием, они покажутся нам другим народом. Кто не знает, какая нужда, волнения и беспорядки царили в этих Провинциях при испанском владычестве, что приносило испанцам скорее

Богатство и трудолюбие голландцев.

Государи, поддерживающие с остальной Голландией, решительно сопротивляются Испании.

большие издержки, чем удовлетворение их честолюбия. Нетрудно было бы также соседним государям в короткое время восстановить Нидерланды до их прежнего состояния, если бы безопасность этих государств требовала этого, как несомненно было бы, если бы испанцы были единственными властителями Нидерландов. Но наш очерк не имеет своей целью показать все пути и средства этих изменений: наша цель — показать главные причины богатства и величия Голландии. Всему миру чудом кажется, что такая маленькая страна, даже меньше наших двух лучших графств, имеющая мало естественных богатств, пищевых припасов, леса или других необходимых запасов для войны или мира, несмотря на это обладает всем этим в таком чрезвычайном изобилии, что, кроме своих собственных нужд (которые очень велики), она может снабжать и действительно снабжает и продает другим государствам суда, артиллерийские орудия, снасти, зерно, порох, пули и т. д. и все, что только голландцы собирают со всех концов мира благодаря своей усердной торговле.

Много политики, но мало честности.

В этом деле они не менее вредны для других (особенно для Англии), вытесняя их с рынков, чем заботились в укреплении своего положения. А для того, чтобы достигнуть всего этого, и даже более того (их война с Испанией), они имели мало средств, кроме рыболовства, которое им разрешено производить в морях его величества. Оно действительно явилось для них средством невероятного обогащения и их силы и на море и на суше, как о том писали Роберт Гичкок, Тобиас Джентльмен и другие для тех, кто желал читать. И сами Генеральные Штаты в своей прокламации прямо описывают ценность рыболовства в следующих словах: «Крупное рыболовство и ловля сельдей являются главным занятием и основной золотодобывающей жилой Соединенных Провинций; благодаря им много тысяч хозяйств, семейств, ремесел, торговых дел и занятий процветают и работают, причем особенно высоко ценится судоходство и мореходство как внутри, так и вне этих Провинций. Кроме того, благодаря рыболовству мы получаем много денег, что увеличивает наши средства, наш флот, таможенные пошлины и доходы Провинций» — и многое другое, что ярко выражено в прокламациях Генеральных Штатов в защиту сохранения рыболовства, без которого они не смогут долго сохранить свой суверенитет, так как если этот фундамент рухнет, то должно будет пасть все здание их богатства и силы как на море, так и на суше. Тогда значительная часть их судоходства сразу погибнет, их доходы и таможенные пошлины станут незначительными, их страна обезлюдеет из-за недостатка работы и заработка, из-за чего прекратится поступление налогов и сборов, и их торговля с Ост-Индией и другими странами придет в упадок. Таким образом, слава и мощь нидерландцев заключается в ловле сельди, налима и трески в морях его величества. Остается только узнать, какое право они имеют на это и как они могут обладать им и удерживать его против желания всех остальных стран.

Часть прокламации Штатов, датированной в Гааге 19-м июля 1694 г.

Ответ на эти два вопроса не труден. Во-первых, конечно, не нидерландский автор «*Mare liberum*»²¹ дает им право ловить рыбу в морях его величества. Ведь помимо справедливости этого дела и примеров других стран, на которые можно было бы сослаться, я хочу только сказать, что такие права решаются скорее мечом, чем словами. Я без сомнения считаю, что рыба вольна приплывать сюда по своему желанию, но я не согласен признавать, что голландцы могут ловить и увозить рыбу отсюда без разрешения его величества. Можно еще политично посмотреть на это сквозь пальцы и разрешать им ловлю рыбы, пока они находятся в союзе с Англией и в войне с Испанией. Но если бы испанцы были владыками Соединенных Провинций, как прежде, то наше королевство должно было бы предъявить свои права и использовать их настолько же хорошо для увеличения своего богатства и силы, чтобы противостоять этому сильному врагу, как делают теперь Нидерланды, которые потому и оказываются так хорошо приспособленными к этой цели. Из-за одного этого они должны были бы всегда сознавать необходимость крепкого союза с Англией, более чем со всякой другой страной, так как нет ни одной, которая могла бы пред-

Сравнение ценности денег и рыболовства.

оставить им такую могущественную поддержку. И Испания (если бы даже она снова завладела Нидерландами), несмотря на всю силу своих денег, не могла бы усилить свою мощь на море или на суше, чтобы напасть на наше королевство, в большей мере, чем теперь, со своими настоящими владениями, так как не место, а занятия, не голые Нидерланды, но богатое рыболовство дали основу для торговли и средства к существованию множеству судов, ремесл и людей, благодаря чему продолжают поступать акцизы и другие государственные доходы. Без этого занятия все указанные великие связи должны по необходимости распасться и погибнуть в очень короткое время, так как хотя я признаю, что деньги могут доставить им материалы (в которых они вообще нуждаются) и мастеров для постройки флота, но где же товары для перевозки на этих судах? Если деньги будут только единственным товаром для вывоза, то какое незначительное количество судов потребуется для этого товара! Или если неверная случайность войны должна будет поддержать их, то не потребует ли это другой Индии, да и то этого будет слишком мало для того, чтобы занять десятую часть того количества судов и людей, какие сейчас заняты в Голландии на рыбной ловле и других занятиях, связанных с ней и вытекающих из нее. Можно предположить, что если бы испанцы снова стали владыками Нидерландов, то тогда их расходы по настоящей войне прекратились бы и они использовали бы освободившиеся силы против нас. Ответ на это таков: когда государь посылает большие силы за границу, чтобы завладеть чужими странами, они должны точно также увеличить свои силы у себя в стране для защиты самих себя; и если бы испанцы замислили что-нибудь против нашего королевства, они должны были бы употребить большую часть своих средств на морской флот, а потому их средства нападения в деньгах и людях для высадки на сушу

были бы гораздо меньше, чем они теперь в Голландии. Так что нам не надо считаться с ними, но всегда быть готовыми сопротивляться им, когда наше богатство и сила на море и на суше будут сильно увеличены расширением нашего рыболовства, о чем я еще буду говорить ниже, когда к тому представится случай. Здесь же я только прибавлю, что если бы Испания была единственным властелином Нидерландов, она должна была бы по необходимости вести большую торговлю на море для удовлетворения нужд Нидерландов, благодаря чему в случае войны мы могли бы ежедневно извлекать много богатств. Теперь же, когда Испания ведет мало или не ведет совсем торговли в наших морях, но использует свои суда для войн к величайшему усилению своей мощи, она только берет, а мы непрерывно и много теряем.

Теперь относительно второго вопроса: способны ли будут голландцы владеть и удерживать свои рыбные промысла против желания всех остальных народов? Весьма возможно, что хотя они теперь не заявляют никаких прав, кроме права свободной ловли рыбы для себя, оставляя, казалось бы, такое же право и для других, — все же, если бы другой народ захотел либо ловить рыбу вместе с ними, либо даже вытеснить их, то они и сумели и захотели бы удержать за собой эти золотые россыпи против сильнейших покушений, кроме Англии, гавани и острова которой крайне необходимы им для этого занятия и мощь которой на море способна (в короткий срок) вытеснить их из наших морей и совершенно лишить этого занятия, если это окажется необходимым. Никому не придет в голову ответить на это, что голландцы слишком сильны на море, чтобы допустить это; ведь в случае надобности и море и земля столкнутся с ними с большой силой. Мы должны помнить, откуда происходит их сила, и знать, что если корень испорчен, то ветви скоро высыхают, а потому ошибочно будет оценивать их соответственно их настоящей силе и богатству, которое они получили посредством торговли, так как, хотя бы они были даже гораздо сильнее и богаче, все же скоро все будет поглощено дорогостоящей войной против могущественного врага, когда он сразу пресечет основную причину столкновения (т. е. ловлю рыбы в морях его величества), являющуюся фундаментом их силы и счастья. Соединенные провинции (мы знаем) похожи на птицу, украшенную чужими перьями: если каждая птица возьмет у нее свое перо, то наша франтиха останется почти голой. Не видели мы также никогда, чтобы нидерландцы даже в случаях величайшей нужды могли выставить хотя бы приблизительно столько военных судов сразу, сколько Англия выставляла часто и без всякой помехи ее обычному торговому морскому движению. Действительно, верно, что голландцы имеют бесчисленное множество слабых судов для ловли рыбы, перевозки зерна и т. д. для собственного пропитания и торговли, также суда для транспортировки строевого леса, балок, досок, смолы, пеньки, дегтя, полотна, мачт, снастей и других припасов для постройки того множества судов, которые для них составляют то же, что для нас плуги. Но если эти суда не

*Люди нидерланд-
цев.*

двигаются, то люди умирают с голоду. Поэтому их суда не могут быть изъяты из торговли (как мы могли бы изъять наши в случае надобности), даже на короткое время, без полного разорения народа, так как они являются единственной поддержкой того огромного множества людей, которые зарабатывают себе только на самое необходимое и еле сводят концы с концами. На этом же основаны и большие акцизы и другие государственные доходы, поддерживающие само государство. Кроме того, эти суда недостаточно сильны и пригодны для войны. А при их надлежащем использовании в рыболовстве они могут стать богатством или добычей могущественного врага на море, как они уже однажды убедились на судьбе бедного города Дюнкирхена, несмотря на свои большие расходы на военные суда, сильную охрану и другие похвальные усилия, которые они постоянно делают для того, чтобы воспрепятствовать этому злу. Но если более сильный враг на море заставит их удвоить или утроить эти расходы, мы сомневаемся, смогут ли они тогда существовать, особенно если (из-за нас) должно будет прекратиться их рыболовство, доставля-

*Люди, которые
говорят не по
убеждению, а по
прищичке или
из пристрастия.*

ющее им средства к существованию. Эти и другие вещи часто заставляют меня удивляться, когда я слышу, как голландцы спесиво хвастаются, а многие англичане простодушно верят им, что Соединенные Провинции являются нашим фортом, оплотом, стеною, внешним укреплением и не знаю, чем еще, без которого мы не могли бы долго сопротивляться против испанских сил, когда в действительности мы являемся главным источником их счастья и для войны и для мира, для торговли и для денег, для военных запасов и для людей, тратя нашу кровь в защиту их, в то время как их народы сохраняются для побед в Индии и вырывают плоды богатой торговли из наших собственных груди. Если бы мы все это имели для самих себя (как мы имеем право и силу сделать), то это мощно увеличило бы нашу нацию, благодаря таким хорошим средствам к существованию, и сделало бы нас способными бороться против сильнейших врагов и заставить точно также самих нидерландцев искать себе средства к существованию здесь у нас, за отсутствием лучшего, благодаря чему многие наши пришедшие в упадок морские города и замки были бы перестроены и населены гораздо больше, чем прежде. Объединенные таким образом силы были бы всегда более готовы, уверенны и мощны, чем большая сила, разделенная на части, которая всегда подвержена промедлениям, расхождению и другим актам, выражающим недоверие. Обо всем этом мы должны хорошо знать и использовать нашу силу, когда к тому представится случай, и особенно мы должны быть всегда настороже для сохранения этой силы, чтобы хитрость голландцев (под каким-нибудь благовидным предлогом и с помощью денег) не достигла цели, как недавно чуть не случилось в Шотландии, где они добивались патента на владение, заселение и укрепление прекрасного острова Льюиса в Оркадах, расположение, гавани, рыболовство, плодо-

*Главной поддержкой
голландцев
является тесный
связь с Англией.*

родие, обширность и другие качества которого дали бы им возможность (в короткое время) оскорбить наше королевство неожиданным вторжением и защищать указанные рыбные ловли против величайших сил его величества, а также отправлять свои суда с успехом этим путем туда и обратно в Ост- и Вест-Индию, Испанию и Гибралтар и другие места без прохождения через Ламанш, где во всех случаях королевство имеет теперь такие большие преимущества задерживать их суда и препятствовать их лучшей торговле, что скоро привело бы их к разорению, благодаря чему (как они хорошо знают) мы имеем большую власть над ними, чем всякая другая страна. И хотя бы упомянутый остров Льюис был получен на имя частных лиц и под красивым предлогом развития торговли в этих отдаленных местах Шотландии, все же в конце концов, когда бы дело было доведено до значительного совершенства, власть и сила без сомнения перешли бы в руки Генеральных Штатов, как, мы знаем, произошло недавно в разных местах Ост-Индии, давших им большую силу и богатство: эти владения были получены ими на имя и при помощи кошельков их купцов, благодаря чему их действия там были затенены и неизвестны миру до тех пор, пока они не достигли своей цели, имеющей такие последствия, которые заставляют нашу страну, в частности, внимательно наблюдать за их действиями, так как они идут по стопам храброго и политичного полководца Филиппа Македонского,

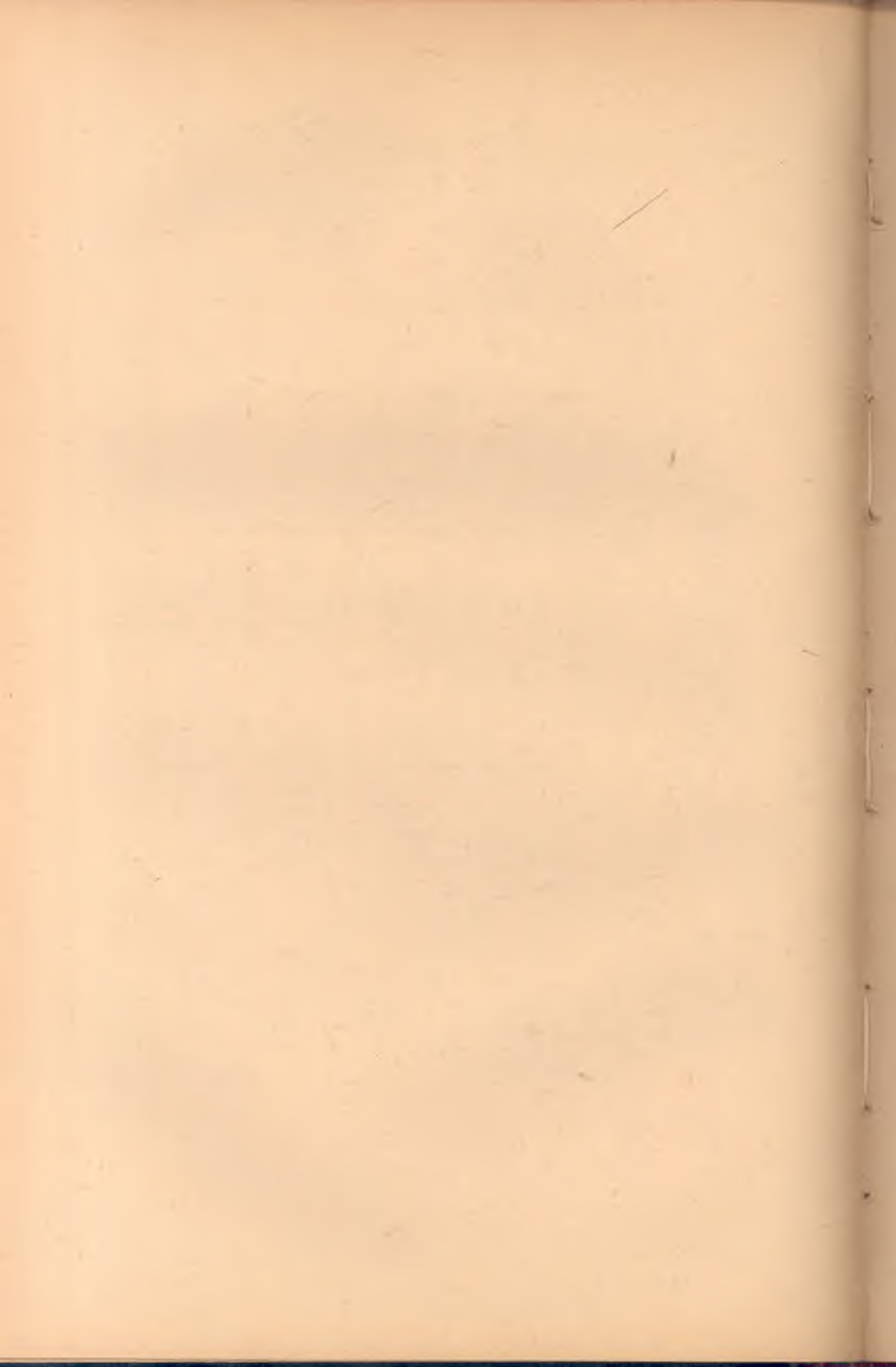
Там, где не возьмешь силой, победишь деньгами. — надеются голландцы.

афоризмом которого было: «Там, где сила не берет, всегда прибегать к подкупу и деньгам, чтобы развращать тех, кто мог бы помочь увеличить богатство». Этой политикой он положил основу монархии. А что мы знаем, кроме того, что голландцы могут стремиться к такому же господству, когда они увидят, что их попытки в Индии и другие тонкие замыслы так успешно осуществляются? Не видим мы разве, что их земли становится теперь недостаточно для этого разросшегося народа, благодаря чему их суда и моря сделались жилищами больших масс людей? И далее, чтобы дать им возможность еще больше численно разрастаться, не избавлены ли они от своих собственных войн для обогащения своей страны и самих себя торговлей и ремеслами? Благодаря же такой политике много тысяч иностранцев втянуты туда для выполнения их военных обязанностей, благодаря чему большие доходы их от акцизов еще больше увеличиваются, и все так ловко устроено, что хотя иностранным солдатам платят хорошо, все деньги должны быть снова там же истрачены, и таким образом богатство остается в их же стране, а иностранцы, оказывающие им такую важную услугу, не обогащаются.

Я слышал, как некоторые итальянцы разумно и достойно говорили об естественных богатствах и мощи Англии, которые, они считают, могли бы быть несравненными, если бы мы (хотя бы частично) усвоили себе такую политику и старания, какие очень широко применяются в некоторых других странах Европы. И они сильно удивлялись тому, что наши помыслы и наша недоверчивость

направлены только на величие Испании и Франции, и мы никогда не подозреваем нидерландцев, но постоянно обнимаем их, как наших лучших друзей и союзников, в то время как в действительности (как они правильно заметили) не существует другого народа в христианском мире, который бы в большей мере подкапывался, вредил и затмевал нас ежедневно в нашем мореходстве и торговле за границей и у себя в стране. И это не только в рыбных промыслах в морях его величества (о чем мы уже писали), но даже в нашей островной торговле между одним городом и другим, в производстве шелков, шерсти и т. п., изготовляемых здесь в нашем королевстве, в то время как они никогда не дают работы и никогда не обучают своим ремеслам англичан, но всегда (в соответствии с привычкой евреев, живущих в Турции и разных местах христианского мира) живут всецело для себя среди своего собственного племени. Так что мы можем истинно сказать о голландцах, что хотя они среди нас, все же они не из наших, даже те, которые родились и выросли здесь, в нашей стране, так как все же они будут голландцами, не имеющими ни одной капли английской крови в своих жилах.²²

Многое еще может быть написано о гордых и честолюбивых стремлениях этих нидерландцев и их надеждах современем сделаться могучими, если им не помешают. И многое еще может быть сказано об их жестоких и несправедливых насилиях (особенно по отношению к друзьям англичанам) в вопросах крови, торговли и других выгод, где они имеют возможность и силу делать это. Но об этом уже печаталось к сведению и удивлению всего мира. В заключение скажу, что Соединенные Провинции, которые теперь являются таким большим беспокойством, если не ужасом, для Испании, были до того лишь немногим больше, чем издержками для нее, когда она ими владела, и были бы этим же снова в подобном же случае, причину чего я мог бы еще более подробно описать, но это уже не относится к настоящей теме, касающейся различий влияния на государство естественного и искусственного богатства. Первое из них, более благородное и выгодное, будучи всегда готовым и надежным, делает народ беззаботным, гордым и предающимся излишествам, в то время как второе вызывает развитие бдительности, литературы, искусств и политики. Мои желания поэтому таковы, чтобы Англия обильно наслаждалась первым и была вполне способна ко второму, чтобы, отказавшись от нашей порочной праздности, мы своими стараниями могли успешно объединить их к еще большей славе наших знаменитых королевств.

САМУИЛ ФОРТРЕИ
ВЫГОДА И БЛАГОСОСТОЯНИЕ
АНГЛИИ,
закрывающаяся в увеличении запасов
И РАСШИРЕНИИ ТОРГОВЛИ
ЭТОГО ГОСУДАРСТВА

SAM. FORTREY
ENGLAND'S INTEREST
and
improvement, consisting in the increase
of the store
AND TRADE OF THIS KINGDOM

1663

Самуил Фортрей (1622—1681), автор памфлета, напечатанного ниже, — сын торговца, происходит от переселившихся в Англию гугенотов. Памфлет Фортрея неоднократно переиздавался после выхода в свет. В современной ему литературе, а также позже, он неоднократно цитируется. Большое впечатление произвели его данные об огромном пассиве торгового баланса с Францией. Идеи автора носят правоверный меркантилистический характер. Несколько выделяет, однако, его памфлет из ряда других развернутая аргументация в защиту огораживания.

ВЫГОДА
и
БЛАГОСОСТОЯНИЕ АНГЛИИ,
ЗАКЛЮЧАЮЩИЕСЯ

В УВЕЛИЧЕНИИ ЗАПАСОВ И РАСШИРЕНИИ ТОРГОВЛИ ЭТОГО КОРОЛЕВСТВА

САМ. ФОРТРЕЙ

эск.

Выгода и благосостояние Англии заключаются главным образом в увеличении запаса товаров и расширении торговли. Под запасами понимаются все те товары, какие может произвести либо почва, либо население страны и которые либо полезны для населения этой страны, либо представляют ценность за границей.

О запасах и торговле вообще.

Торговля является средством, с помощью которого народ может получить то, что ему необходимо, из-за границы и с наибольшей выгодой продавать за границу то, что он может съэкономить из отечественной продукции.

Запасы делятся на две группы: естественные и искусственные. ¹

Наши естественные запасы можно, в свою очередь, разделить на три группы.

Во-первых, ежегодная продукция почвы, состоящая главным образом из всевозможных злаков и лучших сортов скота.

Во-вторых, продукция наших рудников — свинец, олово, железо, уголь, квасцы и т. п.

В-третьих, огромное количество рыбы, естественно доставляемое нашими морями, что могло бы дать нам неисчислимые выгоды, если бы наше рыболовство было усовершенствовано. ²

Наши искусственные запасы заключаются в продукции промышленности и ремесл нашего народа, из которых главнейшими являются производство сукна и всевозможных шерстяных изделий, льняных тканей, шелковых тканей, лент, чулок, кружев и т. п.

Торговля тоже может быть разделена на два вида.

Один вид — торговля внутри страны; другой вид — наша внешняя торговля или торговля с иностранцами.

В каждом из этих видов торговли наша нация, по щедрости природы и божественному провидению, не только равна любой из соседних стран, но значительно превосходит их в отношении всех наиболее ценных выгод.

О торговле Франции.

Франция известна нам как страна богатая, населенная и плодородная, и это только благодаря ее собственным продуктам — как продуктам земли, так и промышленности; продукты эти состоят из злаков, вина

и многих сортов плодов, а также из многочисленных промышленных изделий, как-то: разных сортов шелка, полотна, кружев и многих других богатых товаров, которые она имеет не только для потребления в своей стране, но и для отправки за границу в обмен на необходимые заграничные товары и еще для получения множества денег в придачу.

О торговле Голландии.

Голландия не имеет большой собственной продукции, особенно той, которая необходима для удовлетворения потребностей населения; и все же, благодаря усердию в торговле, голландцы не только снабжены всем, что только свет производит и в чем они нуждаются, но от доходов своей торговли и по обилию и богатству они превосходят все соседние с ними народы.

Для увеличения величия и мощи страны необходимо богатство и население.

Поэтому для величия и мощи страны нужны главным образом, как мы видим, две вещи: быть богатой и быть населенной. Наша же страна обладает такими преимуществами, часть которых уже делает другие страны великими и цветущими, и к тому же — государем, который более всего восхищается и гордится счастьем своего народа. Такая страна должна быть наиболее великой и процветающей среди всех остальных.

Ущерб, который частные ищут, часто причиняют выгоде общества.

Но частные интересы часто являются помехой общественной пользе, так как там, где любое отдельное лицо потеряет, прилагаются усилия к тому, чтобы помешать и общественной выгоде. Отсюда и происходит тот неуспех, который обычно сопровождает все попытки в интересах общественного блага, так как обычно в пользу общества работают без особого усердия, потому что в успехе этого дела мало заинтересованы те, кто его продвигает, в неуспехе же его сильно заинтересованы те, кто противодействует ему; а так как в обычной жизни интерес управляет людскими поступками в большей мере, чем разум, то понятно, насколько необходимо, чтобы общественное благо находилось в руках единой силы, интерес которой заключается только в благе всех.³

Как увеличить население страны.

Поэтому величайшая цель, к которой может стремиться любой государь, заключается в том, чтобы сделать свои владения богатыми и густо населенными. А каким способом этого можно достигнуть в нашей стране скорее, чем во всех других странах, я сейчас попробую показать. Население и изобилие являются причиной одного другого, при правильном руководстве.

В первую очередь, для увеличения населения страны всему населению других стран должно быть дано разрешение, с теми ограничениями, какие правительство найдет нужным сделать, свободно проживать в нашей стране и свободно покупать или продавать землю или товары, ввозить или вывозить любые товары с привилегиями и свободой, какими пользуются англичане.

Это быстро увеличит численность нашего населения и умножит наше богатство, так как те люди, которые придут из других

стран, чтобы жить здесь, привезут с собой также свои богатства; будут ли эти богатства употреблены на покупку недвижимого имущества, или на улучшение нашей торговли, или же они лично правильно используют свой труд, — все это может значительно увеличить как богатство, так и мощь нашей страны.

Но, возвращаясь к тому, что впервые вызвало настоящую беседу, а именно, к вопросу о средствах умножить население и обогатить королевство, мы можем услышать такие возражения:

Возражения против путей и средств умножения населения.

Во-первых, если принять во внимание количество бедных людей, которых мы всюду видим, то в людях, повидимому, нет недостатка, но их даже уж слишком много. Благоразумнее было бы использовать этих людей прежде чем стараться умножить население.

Во-вторых, если дать иностранцам одинаковую свободу и привилегии с англичанами, то это может привести к разорению своих подданных, так как иностранцы, с помощью своих корреспондентов за границей и своей промышленности в самой Англии, захватят всю торговлю в свои руки, а покупая наши земли, сделают их гораздо дороже.

Ответ на возражения.

Мы отвечаем: во-первых, при наших современных условиях, при падении торговли и небольшом поощрении промышленности, мы действительно имеем больше людей, чем может быть хорошо использовано; но я думаю, что еще большим ущербом для государя будет иметь мало народа и к тому же бедного. Но если бы производства и другие доходные занятия нашей страны были надлежаще усовершенствованы и поощрялись, то, без сомнения, и население и богатство королевства могли бы значительно увеличиться и умножиться к пользе и чести государя.

Во-вторых, любой англичанин, столь же способный, как и иностранец, будет иметь те же преимущества, что и любой иностранец, в отношении вывоза или ввоза любых товаров, так как и он может иметь своих корреспондентов за границей. Но если даже предположить, что он не может иметь их, то и это не причинит никакого ущерба королевству, но лишь пользу, если таким способом его подданные будут обильнее и дешевле снабжаться всеми иностранными товарами, получать лучшие цены за свои собственные товары, и увеличат сбыт их. Число же лиц, чьи интересы могут пострадать от этого, так невелико и незначительно, что не идет в сравнение с получаемыми выгодами.

И далее, благодаря такой свободе для иностранцев мы быстро достигнем совершенства в тех производствах, которые мы так высоко ценим и продукцию которых покупаем за границей по такой высокой цене, так как многие из лучших мастеров других стран, без сомнения, через короткое время пересудут сюда, возможно, к неменьшему благу для нашей страны, чем это было в прежние времена, когда подобная же мера привела к усовершенствованию нашей суконной промышленности, и каковым путем голландцы в наши дни получают невиданные выгоды. Что же касается повыше-

ния цен на землю или на любой другой предмет из числа наших собственных, то это такая большая выгода, что можно лишь пожелать, чтобы одни лишь деньги были у нас дешевы, и больше ничего.

О наших естественных продуктах.

Переходим теперь к первой группе наших естественных продуктов, к ежегодной продукции нашей почвы. Ежегодный доход и продукцию почвы нашего королевства составляют главным образом злаки всех сортов: лен, конопля, хмель, шерсть и многие другие, а также лучшие породы скота, как волы, лошади и овцы. Чем больше продукция любого из этих товаров, тем мы богаче, так как деньги и все получающиеся у нас иностранные товары покупаются только в обмен на наши собственные товары, а потому, насколько наши собственные продукты превосходят нашу нужду в заграничных, настолько больше денег мы будем иметь.

Производить нужно то, что требует наименьших расходов и больше всего ценится за границей.

Поэтому мы должны заботиться о том, чтобы производить главным образом те предметы, которые требуют наименьших расходов для своего производства здесь на месте и имеют наибольшую ценность за границей. Скот может дать нам больше выгоды, чем злаки, если мы сумеем извлечь из него наибольшую прибыль, так как выгоде, которую мы можем получить от вывоза любых злаков, в значительной степени мешает изобилие этого товара в соседних странах, по качеству не худшего, но даже лучшего, чем наш. Поэтому, если бы мы использовали свои земли для производства любого товара, более ценного, чем злаки, мы не нуждались бы в этих последних, хотя бы и не производили их у себя, потому что доход от вывоза этого более ценного товара принес бы нам столько же злаков, сколько эта земля могла бы нам дать, и еще много денег в придачу!

Из скота наиболее значительное место занимают лошадь, овца и вол, причем по качеству этих пород мы не только превосходим все остальные страны, куда мы можем вывозить их по значительно более высоким ценам, но мы даже можем, благодаря нашим исключительным преимуществам в этом отношении в производстве такого скота, быть единственными поставщиками, так как мы имеем возможность значительно превзойти наши собственные потребности и снабжать всех наших соседей, которые вынуждены будут платить нам более высокие цены, потому что никакая другая страна не сможет дать им товар такого качества или произвести больше, чем ей самой нужно.

И если бы мы могли свободно вывозить скот или надлежащее количество его, нам не нужны были бы никакие законы, препятствующие вывозу зерна, так как мы увидим, что доход при этом с каждого акра настолько превзойдет доход от производства и вывоза зерна, что нам выгоднее будет платить за зерно гораздо большую цену, чем та, по которой мы можем теперь продавать его. Продукция с одного акра пастбища в виде мяса, шкуры и сала

быка или мяса, шерсти и сала овцы, или лошадей, имеет настолько большую ценность за границей, чем урожай с того же количества земли в виде зерна, что вывоз нашей страны, при правильной постановке дела, может по меньшей мере удвоиться по сравнению с настоящим. Поэтому следует пожелать, чтобы высшая власть настолько позаботилась об общественном благе, в котором она так заинтересована, что устранила бы все препятствия и поддержала все усилия, направленные к такой великой и общепользительной цели.

*Препятствия к
казанию у усо-
вершенствованию.*

Величайшими препятствиями к этому усовершенствованию являются следующие:

Во-первых, люди не могут наилучшим образом использовать свою землю. Во-вторых, если они даже могут это сделать, они не могут продать ее продукты с наибольшей выгодой. Итак, это требует исправления.

*Как удалить пре-
пятствия, и в
первую очередь
путем огоражи-
вания земли.
Ущерб, наноси-
мый общинным
владением на
землю.*

Во-первых, предоставление каждому человеку права владеть своими землями отдельно и частным образом, что является одним из наиболее важных усовершенствований, на которые способна наша страна. Из-за отсутствия этого мы обнаруживаем, как показывает повседневный опыт, что доход с большей части земли и капитала нашего королевства, как они теперь используются, полностью теряется.

Как оказывается, земля общинных полей почти повсеместно в стране со всеми принадлежащими к ней угодьями дает не более одной третьей части той арендной платы, что эта самая земля могла бы дать, будь она огорожена и если бы она принадлежала частным лицам, каждому в отдельности. А в больших общинах дом с относящейся к нему общинной землей приносит не больше четверти той арендной платы, что она могла бы принести, если бы эта земля принадлежала частным собственникам. И все это из-за столкновения множества различных интересов, из-за чего люди не могут прийти к соглашению, как наилучшим образом и с наибольшими выгодами использовать общинную землю. Поэтому много земли обрабатывается с большой затратой труда и с малой выгодой, и много земли истощено до того, что скот подыхает с голоду, население беднеет и в стране увеличивается только нищета и больше ничего. Путем же огораживания земли все эти недостатки устраняются.

*Возражения про-
тив огоражива-
ния земли.*

Могут возразить, что и при огораживании земли возникнет много других недостатков, причем главные возражения указывают на то, что такая мера вызовет значительное уменьшение населения и недостаток в злаках; так думали предшествующие парламенты, что и подтверждается их оппозицией этой мере на том основании, что огораживание земли превратит всю землю в пастбище, сотня акров которого едва сможет прокормить пастуха и его собаку, в то время как теперь это количество земли кормит много семей, занятых обработкой земли; кроме того, опыт показал, что во многих городах, имевших большое население, пока жители их зани-

мались обработкой земли, — теперь, когда земля огорожена, население сильно уменьшилось.

На это я отвечаю.

*Ответ на возра-
жения.* Во-первых, огораживание не встретило бы возражения, если бы не оказалось, что большинство землевладельцев пыталось уже ввести его, что именно и является сильным доводом в пользу данной меры, так как если бы землевладелец не предполагал, что этим он поднимет цену на свою землю, то его никогда не удалось бы убедить сделать это. Причиной же, почему это будет выгоднее землевладельцу, является то, что арендаторы смогут получать большие доходы, иначе мы не видели бы в них такой жадности к пастбищам, за которые они платят высокую арендную плату, когда могут иметь достаточно пахотной земли за полцены. А это показывает, что огораживание выгоднее, раз та же самая земля поднимается при этом до более высокой цены.

Во-вторых, что касается злаков, то их будет ничуть не меньше при огораживании, но даже больше, хотя значительно меньше земли будет обрабатываться. И это потому, что тогда каждый искусный фермер будет пахать только ту землю, которую он найдет наиболее подходящей для этого, и не более того, пока она будет приносить ему доход. Таким образом он с одного акра получит больше зерна, чем на общинных полях с двух акров, так что один акр сохранится для другого использования, не говоря уже об экономии рабочего скота и человеческого труда. На общинных же полях, если арендатор не возделывал землю, доход от земли терялся, вследствие чего арендатор вынужден был постоянно возделывать землю, хотя в убыток и ущерб и земле и себе, так что и земля, и труд, и расходы пропадали без пользы, в то время как в других условиях они могли бы быть употреблены на пользу и выгоду королевству.

В-третьих, что касается уменьшения населения при огораживании, то если считать, что огораживание увеличивает богатство страны, а этого отрицать нельзя, то как же может быть, чтобы рост производства и богатства уменьшал население? Нельзя себе также представить, чтобы люди, жившие в городах, называемых теперь малоллюдными, все погибли, потому что они здесь больше не живут. В действительности они только перешли на другие места, где они могут лучше устроиться сами и дать большую выгоду обществу.

С таким же правом люди могут подумать, что страна гибнет, если они посмотрят, как Лондон обезлюдел в период летних вакансий, тогда как в действительности значительная часть населения только переехала в деревню по своим частным и необходимым делам. То же самое могут они подумать о деревне в период парламентских сессий, хотя в действительности от этого количество жителей в стране не прибавляется и не уменьшается.

В-четвертых, на ста акрах пастбища может столько же или даже больше семейств существовать и находить себе занятие производством сукна, сколько на гораздо большей площади пахотной

земли; они не всегда находят для себя удобным, может быть, проживать именно там, где разводятся овцы и получается шерсть. Таким образом, и большие и малые города окажутся сильно населенными и королевство не потерпит никакого ущерба.

Поэтому, если благодаря огораживанию сама земля поднимется в цене и с меньшей площади будет получаться больше продукции; если, действительно, это не вызовет уменьшения населения страны, но, в крайнем случае, лишь переселение людей из мест, где они без выгоды для общества и без пользы для себя работали и трудились, в более удобные места, где они с меньшими усилиями могут получить больше пользы и для себя и для общества; если производства и другие прибыльные занятия нашей страны будут расширяться благодаря тому, что в них примут участие те люди, которые бесплодно потребляли, а не увеличивали продукции страны, — то нельзя отрицать, что это будет достигнуто только поощрением огораживания, что и поведет к увеличению богатства и изобилия в стране; а это весьма заслуживает поддержки и внимания парламента.

О наших рудниках. Продукция наших свинцовых, оловянных, железных, угольных, квасцовых и т. п. рудников может тоже быть отнесена к ежегодной продукции почвы, причем продукт этот получается только трудом и стараниями народа и является очень полезным и самой нашей стране, и выгодным для вывоза за границу. Поэтому разработка наших рудников вполне заслуживает всяческого поощрения.

О нашем рыболовстве. И, наконец, наши моря естественно снабжают нас огромным изобилием рыбы, которую мы также можем причислить к нашей ежегодной продукции. Доход от него зависит только от работы людей, причем эта отрасль ведет не только к увеличению богатства и изобилия в королевстве, но также помогает сохранить и усилить честь и безопасность нашей страны, увеличивая количество наших судов. Особенно если будут приняты меры к тому, чтобы помешать другим грабить у нас такую большую ценность. Поэтому эта отрасль вполне заслуживает внимательной поддержки и поощрения государства. Однако, всем уже хорошо известно большое значение этого дела, так что нет надобности обсуждать его дальше.

О нашей промышленности. Далее, мы должны обсудить вопрос о нашей промышленности, от которой главным образом и зависят богатство и процветание королевства, так как расширение и поощрение ее ведут к тому, что подданные имеют честные и выгодные профессии, поддерживаются и предохраняются от нужды и тех зол, которые обычно сопровождают праздность. Население снабжается внутри страны всеми вещами, которые необходимы или приняты, а благодаря излишкам их получает из-за границы все, что только нужно для пользы или удовольствия.

Главными продуктами промышленности у нас в настоящее время являются только сукно, всевозможные шерстяные изделия, чулки, ленты и, может быть, некоторые шелковые ткани, а также

некоторые другие мелкие предметы, едва заслуживающие упоминания. Но и те, которые уже названы, настолько низкокачественны и фальсифицированы, что почти потеряли ценность и внутри страны и за границей.

Наша промышленность находится в состоянии большого упадка.

Все это происходит потому, что иностранные товары получили у нас такое большое признание, что мы совсем обесценили и отвернулись от употребления своих собственных, что вызывает большой расход средств, которые ежегодно выбрасываются на одежду, мебель и т. п., способствуя главным образом увеличению доходов иностранцев и разорению подданных его величества.

Все это будет еще яснее видно, если мы изучим те огромные суммы денег, которые Франция ежегодно извлекает из нас либо за такие товары, которые мы можем иметь у себя внутри страны, либо же за такие, без которых мы в значительной степени могли бы обойтись, вследствие чего наши богатства, без сомнения, скоро будут истощены, что приведет к разорению народа. На это именно недавно было указано королю Франции в связи с его проектом воспретить торговлю между Францией и Англией в предположении, что стоимость английских товаров, ввозимых во Францию, превосходит стоимость французских, вывозимых в Англию.⁵

Поэтому король Франции, найдя, что запрещение торговли с Англией принесет ему потери, скоро отложил проект, но, однако, поднял таможенные пошлины на некоторые наши английские товары, из-за чего вывоз этих товаров значительно уменьшился.

Таким образом может оказаться, что незаметно наши богатства будут истощены, страна обнищает, в то время как мы легкомысленно пренебрегаем нашими собственными интересами, а иностранцы за границей прилежно извлекают из нас пользу.

Средства борьбы с этим злом. Но большинство этих зол легко может быть предотвращено, если только его величество пожелает своим собственным примером показать своему народу высокую оценку и признание своих отечественных товаров, в которые самый гордый придворный может быть так же благородно одет, как и в лучшее платье, которое может для него шить парижский или французский портной. Кроме того нам кажется, что более почетно для короля Англии быть образцом для своего собственного народа, чем сообразоваться с настроениями и фантазиями других народов, особенно, когда это приносит ему столько ущерба.

Одно это без труда могло бы составить миллион фунтов в год в пользу его народа, так как придворные всегда стараются подражать своему государю, желая заслужить его благосклонность, чего они могут достигнуть лучше всего одобрением его поступков, выражающимся в подражании ему. Двор же является образцом для дворянства, которое стремится подражать ему, а этому следуют уже и остальные. Итак мы видим, к каким большим последствиям и пользе для народа приводит хороший пример государя.

*Подержки на
одежду должны
поощряться с не-
оторыми огра-
ничениями.*

Хотя иногда считают благоразумием со стороны государя запрещать и порицать избыток одежды у своих подданных, потому что из-за этого много знатных людей разорили свои семьи, а большинство дворян обеднело из-за того, что тщеславие заставляло их тратить и швырять много денег, — я все же считаю, что надлежащим образом эту страсть следует поддерживать и поощрять, но при условии соблюдения таких правил:

Во-первых, чтобы не тратилось много денег на такие товары, которые содержат в себе слишком много золота, серебра или шелка, так как этим путем общественные средства растрачиваются и теряются.

Во-вторых, чтобы мы не разоряли себя для обогащения иностранцев тем неестественным тщеславием, которое заставляет нас предпочитать иностранные товары, хотя и худшие, своим собственным, к тому же лучшим.

В-третьих, чтобы большинство этих расходов главным образом заключалось в затратах на искусство, промышленную обработку и труд в товарах, сделанных в нашей стране, чем будет поощряться изобретательность, люди будут иметь занятие, и наши богатства будут оставаться внутри страны, так что государь не будет терпеть ущерба от излишних расходов. Разорение одного настолько же обогатит другого из его подданных, а деньги благодаря тому будут в большом движении, что также будет на пользу и поощрение народу.

Называть в подробностях те товары, которые можно было бы таким образом производить, было бы бесконечно долго и бесполезно. Короче говоря, это — все то, что мы теперь покупаем за границей и что мы можем с таким же успехом изготовлять у себя внутри страны. На это некоторые могут возразить, что таким образом мы уничтожим свою торговлю с заграницей, так как многие наши товары вывозятся в обмен на другие товары, которые мы ввозим к себе.

Я отвечу на это, что не будет ущербом потерять ту торговлю, которую убыточно сохранять. И если ввоз иностранных товаров будет гораздо выше, чем наш собственный вывоз, то наши средства по необходимости будут растрачиваться для того, чтобы выправлять баланс. И таким образом наш народ будет оставаться праздным и бедным, так как вывоз товаров за границу на тысячу фунтов даст мало пользы народу, если он не сможет продать вследствие этого на две тысячи у себя в стране.

*В интересах го-
сударства — уве-
личить промы-
шленность и тор-
говлю своего на-
рода.*

*О нашей торговле
за границей и что
следует свободно
возвратить.*

Обсудив эти подробности, мы видим, какую важность для государя составляют поощрение и расширение торговли и промышленности своего собственного народа. Это относительно торговли внутри страны.

Что касается нашей внешней торговли, то ее также следует поощрять и расширять всеми возможными способами; и когда производство какого-

нибудь товара достигнет уже своего наивысшего уровня, его следует свободно допускать к вывозу с такими умеренными таможенными пошлинами, чтобы английский купец мог продать свой товар за границу так же дешево, как и другие, иначе он не сможет продать его.

Что следует свободно ввозить. Во-первых, все иностранные товары, которые полезны для улучшения нашей собственной промышленности и внешней торговли и которые не могут быть получены внутри страны, должны ввозиться с небольшой таможенной пошлиной, чтобы дать нам возможность, ввозя их без затруднений, вывозить в обмен наши товары за границу.

Что следует запрещать. Все те иностранные товары, которые хороши только для использования внутри страны и которые не требуют дальнейшей обработки, как фрукты, сахар, вино, льняные ткани, кружева, шелка и все то, что не может уже быть переработано здесь и снова вывезено за границу. Ввоз таких товаров не должен быть воспрещен, но на них должны быть назначены особенно высокие пошлины, так как таким путем товары эти сделаются настолько дороги, что многие люди откажутся от их использования. Товары же, которые мы можем сами производить, будут находить больше сбыта. Таким путем государство получит хорошие доходы, страна сохранит свое богатство, которое было бы растрчено за границей, и наша собственная промышленность будет расширяться.

Вывоз лошадей дает наибольшие выгоды. Продукция нашей страны всех видов (за исключением живых овец и кобыл), в которых мы достигли уже наибольшего совершенства, должна допускаться к свободному вывозу при умеренных пошлинах. Из всех видов продукции, какие наша страна способна производить, ни один не дает таких больших выгод, как вывоз лошадей, которые требуют наименьших расходов для разведения их внутри страны и имеют наибольшую ценность за границей. Но против того может быть приведено много возражений.

Возражения. Во-первых, это повысит цены на лошадей. Во-вторых, вывоз жеребцов может принести ущерб нам, так как таким путем мы снабдим другие страны нашей породой.

Кроме того, этим мы укрепим наших врагов, которые могут вторгнуться к нам, и ослабим самих себя вывозом наших лучших лошадей. И другие возражения в таком же роде.

На это можно ответить:

Слова на возражения. Во-первых, что касается дороговизны любого предмета, который мы продаем иностранцам, то чем цена выше, тем больше денег мы за них получаем. Единственный путь сделаться богатым, это — иметь изобилие таких товаров для вывоза, которые имеют наибольшую ценность за границей, так как какова бы ни была цена любой вещи, которая продается внутри страны, — высокая или низкая, — это не играет роли, потому что то, что один платит, — другой получает, и страна

от этого ничего не выигрывает. Когда же мы имеем дело с иностранцами, то все искусство заключается в том, чтобы продавать дорого и покупать дешево, так как это увеличивает наше богатство.

Во-вторых, вывоз жеребцов даст нам гораздо больше выгоды, чем вывоз меринов, так как при тех же расходах жеребец приносит больше доходов, не считая потери многих лошадей при оскотлении. Что же касается какого бы то ни было ущерба нашей породе лошадей, то я не вижу здесь никакой опасности, если не вывозить кобыл, так как один жеребец покроеет 20 кобыл так же, как это сделали бы 20 жеребцов, в то время как увеличение числа жеребцов не ускоряет роста числа лошадей. Во Франции же, куда мы скор^{ее} всего будем вывозить наших лошадей, всегда было достат^{очно} лошадей очень ценных и хороших, но только жеребцов; затем, время они не имеют ни кобыл, ни подходящих ус^{ловий} для разведения лошадей, так как вся страна занята зерновыми культурами и виноградниками; кроме того, разводить какой-либо ценный скот без каменных оград для его охраны настолько небезопасно, что за все лето вряд ли лошадь или корова остаются ночью на лугу без сторожа. Кроме того, если бы даже они могли разводить скот, то наша порода лошадей скоро выродилась бы и погибла, так как их страна не подходит для этого.

Что же касается того, что мы дадим нашим врагам возможность напасть на нас, то я считаю, что здесь мало опасности. В настоящее время мы в дружбе со всеми теми странами, которые желают получать наших лошадей. Если же в какой-либо момент будет найдено необходимым запретить вывоз лошадей, то вред, который может быть нанесен нам с помощью тех лошадей, которые уже вывезены, будет недолговечен, так как из пятисот вывезенных лошадей, я уверен, менее чем через пять лет едва ли останется пять штук.

И далее, нам нечего бояться неожиданного нападения соседей, так как у нас нет границы, годной для этого, ни с одной из соседних стран. Нашей же защитой является главным образом другая сила, а именно — наши суда на море. И если бы их оказалось недостаточно для охраны нашей страны, то сомнительно, чтобы отсутствие наших лошадей у врагов могло бы спасти нас.

Что же касается ослабления наших сил вывозом наших лучших лошадей, в которых мы могли бы нуждаться для собственного использования, то это, по-моему, беспочвенное опасение и совершенно ошибочное. Ведь хороший доход, который мы можем получать от свободной продажи этого товара, поощрит каждого искусного фермера стремиться иметь то, что так выгодно, и каждый будет стараться не только увеличить свои стада, но и улучшить породу. Так что мы будем иметь от этого двойную пользу: во-первых, доход от тех лошадей, которых мы будем продавать за границу, сильно увеличит наше богатство, и таким путем скорее, чем всяким другим, на какой способна наша страна с помощью своих собственных продуктов; во-вторых, мы будем иметь больший выбор и большее количество этих полезных и прибыльных животных и для дела и для удовольствия.

О возврате денег при обмене.

Улучшением нашей торговли внутри страны и за границей таким путем, как сказано было выше, благодаря чему вывоз наших товаров будет превышать ввоз из-за границы, мы достигнем очень большого и замечательного преимущества, о котором обычно забывают, а именно: выгоды, которую мы получим при возврате наших денег векселями, в чем сейчас мы тер-

Ущерб, который нам наносится в настоящее время.

тим огромный ущерб, так как в настоящее время, как сказано выше, ввоз превышает вывоз, и потому по необходимости для уравнивания баланса мы должны растрачивать наше золото и серебро. Для получения наших денег обратно мы должны давать в обмен гораздо больше, чем их ценности, так как и здесь, как со всяким товаром, если его мало и вывоз его велик, то товар дорог, а у нас больше денег вывозится, чем ввозится. Иностранцы, зная нашу нужду, используют это к великой нашей

Выход нашей монеты и слитков и причины этого.

невыгоде. Таким образом оказывается, что наши монеты и слитки вывозятся потому, что это более выгодно, чем оплата товарами при помощи обмена, по указанным выше причинам, а так как наше золото внутри страны ценится меньше, чем за границей, то за последние несколько лет его почти всё вывезли. Законы же, препятствующие

Вывоз нашего золота и причина этого.

этому, будут всегда бесплодны, если это выгодно, так как те, кому выгодно так поступать, всегда найдут достаточно способов достигнуть своей цели. Поэтому я вообще считаю бесполезным вводить законы, препятствующие вывозу монеты и слитков. Во-первых, они не могут воспрепятствовать ничему, если это желают делать, а во-вторых, во многих случаях гораздо выгоднее поступать именно так, потому что в некоторых странах товары выгоднее всего покупать только за звонкую монету. Если же при правильном ведении нашей торговли наш вывоз будет превосходить по ценности наш ввоз, то количество монеты и слитков будет с каждым днем у нас увеличиваться, так как не будет никакого другого способа уравнивать баланс торговли.

Препятствующие этому законы бесполезны.

Здесь нельзя счесть излишним поговорить о деньгах и монетах, которые так же являются товаром, как и все остальное, и должны рассматриваться главным образом с этой точки зрения.

О наших деньгах и монетах.

Во-первых, рассмотрим и исследуем вопрос о том, имеет ли золото по отношению к серебру в Англии такую же ценность, как во Франции, Испании, Голландии и других странах.

Как рассматривать их по отношению к другим странам.

Во-вторых, рассмотрим вопрос о пробе золота и серебра в Англии и в других странах.

В-третьих, рассмотрим вопрос о том, имеет ли монета одинаковую цену с текущей стоимостью слитков, за вычетом только стоимости чеканки.

И, наконец, вопрос о том, как поставить нашу монету, чтобы это было наиболее почетно и выгодно для страны.

Во-первых, оказывается, что золото в Англии не имеет такого высокого соотношения к серебру, как во Франции и других странах, почему вывозится все наше золото, но не наше серебро.

Во-вторых, золото и серебро в Англии более высокопробны, чем в других странах, что является скорее убытком, чем выгодой, так как за них в других странах дают не более, как по весу в соответствии с их стандартом, без учета чистоты металла.

В-третьих, наша монета не равна истинной ценности серебра за вычетом только стоимости чеканки, так как вследствие несовершенства нашего монетного двора монеты одинаковой ценности делаются такими различными, что некоторые шиллинги весят четырнадцать пенсов, а другие не более восьми пенсов. А затем, когда их снова перевешивают и передают золотых дел мастерам, через руки которых проходит большинство наших слитков, то тяжелые монеты выбираются, а в оборот пускаются только легкие и малоценные, что является ущербом и злоупотреблением по отношению к государству.

Если же мы будем бороться с этим, то, во-первых, наше золото поднимется в цене по сравнению с серебром, по крайней мере, на такой же уровень, как во Франции и других странах; если же желательно увеличить стоимость существующих монет, то этого легко будет достигнуть небольшим прибавлением к их ценности.

Во-вторых, проба монетного золота и серебра должна быть такой же, как в других странах Европы, с которыми мы главным образом торгуем.

В-третьих, нужно бороться со злоупотреблениями, возникающими из-за несовершенства нашего монетного двора, а именно — с выпуском легких и фальшивых монет, которые с трудом можно отличить от настоящих. Появлению таких монет легко можно воспрепятствовать, если выпускаемые правительством монеты будут отличаться более точной и тонкой чеканкой, чего не трудно достигнуть с помощью штампа. Вследствие этого монеты будут не только красивее, но и равномернее по весу, так что их будет труднее обрезать и подделывать, особенно если их будут делать большими и тонкими, что не только придаст им более благородный вид, но и даст возможность легче отличать их от фальшивых по звуку, твердости, весу и цвету. А так как такие монеты будет и трудно и дорого подделывать, то не многие рискнут сделать это.⁶

*Несовершенство
нашего монетного
двора и злоупотре-
бления
внутри страны.*

*Как направить
работу нашего
монетного двора,
чтобы воспрепят-
ствовать боль-
шинству злоупо-
треблений и не-
доброт.*

*О нашем торго-
вом флоте и су-
дободстве.*

Следующий по порядку вопрос, который мы будем разбирать после вопросов о нашей внешней торговле и внутренней безопасности, это — вопрос о нашем торговом флоте и судоходстве, увеличение и сохранение которых имеют большое отношение к интересам и благополучию нашей страны. Об этом позаботился недавний мнимый парламент своим последним актом о торговле, в котором он благоразумно распорядился, чтобы ни один иностранец не

привозил к нам никаких товаров, кроме тех, какие производятся в его стране. ⁷ Таким образом, гамбургские и фламандские судовладельцы, которые разъезжают по всему свету, должны были несколько воздержаться от приезда к нам в таком множестве и со всевозможными иностранными товарами, как они это делали до сих пор, так что нашим собственным судам оставалось мало или вовсе не оставалось дела, тем более что иностранцы привозили всё в большом изобилии и по более дешевым ценам, чем мы сами могли бы привезти.

Возражения против этого.

Но некоторые, может быть, стали бы возражать, что для нас, пожалуй, выгодно снабжаться иностранными товарами в таком изобилии и так дешево с помощью иностранных судовладельцев, если мы не можем так же дешево доставлять их на своих собственных судах, потому что мы несем гораздо большие расходы на качество судов, число людей и поддержание нашего торгового флота, чем другие.

Ответ на возражения.

Я отвечаю: это правда, что те же самые товары не могут быть привезены на наших собственных судах так же дешево, как могут это сделать другие, и действительно по тем причинам, что наш торговый флот гораздо дороже и лучше снабжен командой, чем всякий другой. Но в то же время это скорее польза, чем ущерб для государства, так как хотя у нас в стране эти товары и будут немного дороже, все же мы покупаем их за границей так же дешево, как и другие, а все то, что другие заработали бы у нас на фрахте, заработает наш собственный народ. А то, что товар будет несколько дороже для покупателя, не является ущербом для государства, так как пользу получает наша же страна. И совсем особую пользу мы будем иметь от увеличения торгового флота, который составит величайшую честь и безопасность королевства. Поэтому некоторые могут подумать, что не меньшую выгоду мы получим, если запретим другим странам вывозить наши товары на их судах, но сохраним для себя всю выгоду перевозки их на наших собственных судах.

Я отвечаю, что если бы мы так сделали, то мы могли бы ожидать, что другие страны поступили бы точно так же относительно нас, и это принесло бы нам большой ущерб.

Во-первых, мы потеряли бы выгоду, которую мы сейчас имеем, привозя иностранные товары к себе в страну на своих судах. И, кроме того, у нас ухудшится, возможно, сбыт наших товаров, которые, конечно, лучше продаются, когда их покупает большее количество купцов, и при этом, чем дешевле будет им стоить вывоз их, тем дороже смогут они заплатить нам здесь за них. Кроме того, большая часть наших промышленных товаров настолько ценна и так мало места занимает при перевозке, что даже небольшая выгода в цене или небольшое увеличение продажи их скоро вознаградят нас за потерю фрахта на их перевозке. Но если бы гамбургским и фламандским судовладельцам воспретили перевозить на своих судах некоторые из наших наиболее громоздких товаров, как уголь, свинец, железо, квасцы, рыба и т. п.,

транспорт которых стоит во много раз больше, чем сам товар, — то это, возможно, несколько увеличило бы наше судоходство и не помешало бы продаже этих товаров, без которых другие страны совсем не могут обойтись. При этом нам нечего бояться, что они перестанут покупать у нас эти товары, так как ни голландцы, ни гамбургцы не имеют этих продуктов, и только мы одни торгуем ими.

Об иностранных колониях.

Не мешает также подумать немного и о пользе, которую страна имеет или может получить от иностранных колоний.

О чем в первую очередь надо подумать при расширении и сохранении их.

Я считаю, что никакими иностранными колониями не следует завладевать, кроме колоний в таких странах, которые могут увеличить богатство и торговлю страны либо снабжая нас тем, что мы вынуждены покупать за границей, либо увеличивая

количество таких товаров, на которые имеется спрос за границей, что и увеличит наше судоходство и даст доходное занятие нашему населению. ⁸ В других же случаях следует всегда тщательно избегать захвата колоний, особенно если расходы на них больше прибыли, потому что мы не нуждаемся пока в лишней земле, а государь всегда сильнее, если его силы объединены, чем когда они разбросаны в разных местах. Однако, обсуждать здесь в подробностях, какие товары нам больше всего нужны и выгодны и какие страны и климаты больше всего подходят для получения этих товаров, будет слишком скучно.

Об объединениях купцов в компании.

Остается еще сказать здесь об объединениях купцов в компании, о пользе или вреде чего много спорили, но что иногда трудно определить.

Выражения и ответ на них.

Действительно, многие противятся этому, считая, что свободная торговля гораздо выгоднее в общем, так как эти компании, захватив в свои руки всю

торговлю, будут покупать все вывозимые за границу товары по какой они желают низкой цене, так как никто, кроме них, не сможет покупать эти товары, рабочие же будут страдать и гибнуть. И, с другой стороны, все товары, которые будут привозиться в страну в обмен на наши, эти компании будут продавать по любой неумеренной цене, по какой они пожелают, поскольку все товары будут у них в руках. Так что весь народ будет страдать, а только компания будет обогащаться. Если же торговля была бы свободной, то при большом количестве покупателей на наши собственные товары мы могли бы продавать их по более высокой цене, а то, что привозилось бы в страну в обмен, распределялось бы среди народа по более дешевым ценам.

В основном это правильно, но если разумно посмотреть на вещи, то в целом мы имеем здесь скорее выгоду, чем ущерб, так как точно так же, как компании получают выгоду внутри страны, не меньшую выгоду получают они и за границей, потому что весь товар находится в их руках и они могут взять наивысшую возможную цену, так как никто не сможет продавать дешевле их.

Точно такую же выгоду имеют они при покупке товаров за границей. Таким образом наши товары продаются подороже, а покупаются подешевле, что было бы как раз наоборот при свободной торговле, когда каждый продавал бы дешевле другого, чтобы продать побольше, а также покупал бы за границей по любой цене, чтобы помешать купить другим. При этом очень часто торговля приходит в упадок и гибнет, так как отдельные купцы оказываются слишком слабыми, чтобы поддерживать торговлю; и после всего — компания вывозит товару не меньше, чем отдельные лица, так как они всегда будут продавать столько, сколько торговля требует, причем чем больше они продают, тем больше их прибыль. Так что получается, что компании и продают наши товары с наибольшей пользой, и покупают за границей то, в чем мы нуждаемся, по самым низким ценам. А тот ущерб, который могут получить рабочие или некоторые купцы, полностью компенсируется чистой пользой, которую имеет государство, членами которого они являются так же, как и остальные. Но если их частные доходы будут уж слишком велики, их можно несколько умерить, допуская свободный доступ в компанию на умеренных условиях.⁹

О наиболее подходящем проценте по ссудам.

В заключение коснемся вопроса о ссудном капитале. Деньги являются жизнью и сердцем торговли. Некоторые считают, что чем выше денежный процент, тем большую пользу получает государство, потому что иностранцы, видя, что они могут с большей пользой применить свои деньги здесь, чем где-нибудь в другом месте, будут присылать их сюда, и таким образом в нашей стране будет больше денег.

Конечно, я был бы того же мнения, если бы все деньги, которые были бы привезены сюда, были потом конфискованы в пользу государства. Если же будет иначе, то нельзя отрицать того, что чем выше процент, тем больше пользы для собственника денег и тем больше потери для должника.¹⁰ Так что через несколько лет мы увидим, что мы очень мало разбогатели, потому что когда капитал будет снова увезен, то нам останется лишь немного денег: все наши деньги перейдут к иностранцам — собственникам капитала — в виде процента. Действительное же благо для государства заключается в том, чтобы свести процент на такую же низкую ступень или даже ниже, чем в соседних странах, потому что тогда иностранцы не будут иметь выгоды от нас посредством роста, но скорее мы от них. Чистая прибыль, которую мы имеем от своего собственного капитала, а не то, что мы должны другим, делает страну богатой.

Много вопросов можно было бы еще обсуждать здесь, и даже те, которых мы коснулись, могли бы получить более точное и обширное освещение, но я здесь привел лишь самое существенное из того, что я мог припомнить, и наиболее способствующее, по моему мнению, улучшению и процветанию страны и, следовательно, моей настоящей цели. Я удовлетворюсь этой статьей в надежде, что такая важная тема возбудит у другого, более искусного и знающего писателя, желание более широко ее обсудить.

Конец.

ВИЛЬЯМ ПЕТТИ

ТРАКТАТ

о

налогах и податях

WILL. PETTY

A TREATISE

of

TAXES AND CONTRIBUTIONS

1662

Вильям Петти (1623—1687) — величайший экономист XVII в., основоположник классической политической экономии. Так как мы уделяем ему большое место в вводящей статье, то здесь мы ограничимся только перечислением экономических произведений Петти:

- 1) Трактат о излогах и податях, 1662 г. (помещен нами в сборнике).
- 2) *Verbum sapienti* (Слово мудрецу), 1664 г.
- 3) Политическая анатомия Ирландии, 1672 г.
- 4) Политическая арифметика, 1676 г.
- 5) Кое-что о деньгах, 1682 г. (помещен нами в сборнике).
- 6) Второй опыт по политической арифметике (о росте города Лондона), 1683 г.
- 7) Наблюдение относительно дублинских таблиц смертности, 1681 г.
- 8) Второе наблюдение о дублинских таблицах смертности, 1686 г.
- 9) Два опыта по политической арифметике, 1687 г.
- 10) Замечания о городах Лондоне и Риме, 1687 г.
- 11) Пять опытов по политической арифметике, 1687 г.
- 12) Трактат об Ирландии, 1687 г.

ВИЛЬЯМ ПЕТТИ

ТРАКТАТ О НАЛОГАХ И ПОДАТЯХ

ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ПРИРОДУ И МЕРУ

Коронных земель	Наказаний
Оценки	Монопольи
Пошлины	Служебных должностей
Повинной подати	Десятины
Лотерей	Повышения денег
Добровольной подати	Дымового сбора
Акциза	и т. п.

С НЕКОТОРЫМИ РАССУЖДЕНИЯМИ И ОТКЛОНЕНИЯМИ

О сойке, церкви, университетах, ренте и покупках, процентах и сексалах, банках и эмбардах, регистрации имущества, нищих, страховании, вывозе денег и шерсти, порто-франко, деньгах, жилищах, свободе совести, и т. п.

ВСЕ ЭТО ЧАСТО ПРИМЕНЯЕТСЯ К НАСТОЯЩЕМУ ПОЛОЖЕНИЮ И ДЕЛАМ ИРЛАНДИИ.

ГЛАВА I

О различных видах государственных расходов

Государственными расходами являются расходы на оборону на суше и на море, по сохранению мира внутри и за границей и достойной чести государства защите его прав от других государств; все это мы можем назвать военными расходами, которые обычно, в нормальное время, так же велики, как и любая другая ветвь целого; но в исключительных случаях (во время войны или при угрозе войны) значительно их превышают.

2. Другой ветвью государственных расходов является содержание правителей, начальников и подчиненных; я подразумеваю под ними не только тех, кто тратит все свое время на исполнение своих обязанностей, но также и тех, кто много занимается подготовкой себя к этой деятельности и добивается у начальников надлежащей оценки своего умения и доверия.

3. Содержание правителей должно быть в такой степени богато и роскошно, как этого редко могут достигнуть частные предприятия и профессии. И это нужно для той цели, чтобы правители осуществляли власть не только при помощи своих природных свойств, но и искусственными способами воздействия на население.

4. Ведь если большое количество людей назовет одного из их числа королем, то если такой государь не появляется в большем видимом блеске, чем другие, не может награждать тех, кто его слушается или ему нравится, и поступать наоборот с другими, — одно лишь учреждение его власти имеет мало значения, даже если бы он случайно и отличался большими физическими и умственными способностями, чем кто-либо другой из народа.

5. Должны быть и должности, являющиеся не больше чем *talárgha* — побочным занятием, как шерифы, мировые судьи,

констебли, церковные попечители и т. п., которые многие могут исполнять без большого вреда для их обычной деятельности, причем честь, что им оказывают доверие, и удовольствие от того, что их боятся, уже считаются достаточным вознаграждением.

6. Под эту же рубрику можно подвести и расходы на деятельность, которая может касаться отношений как между людьми, так и между государством в целом и его отдельными членами: также их делом будет судить и наказывать за оказанные несправедливости и предупреждать их в будущем.

7. Третьей ветвью государственных расходов будут расходы на пастырей человеческих душ и духовников. Оплата этой деятельности, как могут подумать (так как она касается иного мира и только особых интересов каждого человека в нем), не должна бы входить в число государственных расходов. Однако, если мы примем во внимание, как легко человеку уклониться от законов, совершать недоказуемые преступления, давать неверные показания на суде, искажать смысл и значение законов и т. п., то отсюда вытекает необходимость в использовании государственных средств, чтобы обучать людей божественным законам, которые учитывают злые мысли и намерения и еще больше тайные проступки и которые наказывают на вечные времена в другом мире за то, за что человек может лишь частично быть наказан в этом мире.

8. Те, кто работают на этой государственной службе, должны тоже содержаться с соответствующим блеском и должны иметь средства для привлечения людей известным вознаграждением также и на этом свете, по крайней мере настолько, насколько многие и в прежнее время шли даже за самим Христом только ради хлеба, который он им давал.

9. Следующая ветвь — забота о школах и университетах, в особенности же постольку, поскольку они учат чтению, письму и арифметике. Это очень нужно каждому человеку, как помощь и поддержка памяти и рассудку, причем математика является такой помощью рассудку, письмо и чтение — памяти. Но должно ли обучение богословию и т. п. быть сделано частным делом, — это для меня стоит под вопросом.

10. Верно, что в настоящее время школы и колледжи организуются большей частью на средства отдельных лиц или являются учреждениями, на которые отдельные лица тратят свое время и деньги, руководствуясь частными расчетами. Но, несомненно, было бы не плохо, если бы их целью было доставить возможно лучшую помощь высшим и тонким прирожденным умам, направленным на исследование природы во всех ее проявлениях. В этом смысле они должны были бы быть на иждивении государства; ведь эти умы должны были бы для этой работы выбираться не родными и знакомыми (вороны тоже считают себя красивейшими птицами), но скорее посредством одобрения других, более беспристрастных лиц, как например те, кто выбирает в Турции из христианских детей способнейших, могущих быть орудием и поддержкой турецкого правительства.

Об этом отборе впоследствии скажем больше.

11. Следующей ветвью является забота о содержании сирот, найденных и подкидышей, которые тоже сироты, а также о немощных всех видов, более всего о тех, которые нуждаются в предоставлении им работы.¹

12. Ведь разрешение кому-либо нищенствовать — более убыточный путь, чем содержание тех, кому законы природы не позволяют умереть с голоду, когда пища, возможно, имеется. Помимо того, несправедливо давать кому-либо голодать, если мы считаем справедливым ограничивать заработок бедного так,² что он ничего не может отложить на время безработицы или неработоспособности.

13. Последнюю ветвью является забота о дорогах, судоходных реках, водопроводах, мостах, гаванях и других вещах общего блага и пользования.

14. Могут быть мыслимы также и другие ветви, которые либо будут иметь отношение к изложенному, либо что-нибудь к этому добавят. Но для моей цели достаточно в настоящее время изложить эти важнейшие и наиболее очевидные, чем все другие, отрасли.

Г Л А В А II

О причинах, которые увеличивают и делают более тягостными различные виды государственных расходов

Рассмотрев таким образом различные виды государственных расходов, мы рассмотрим причины, которые их увеличивают, как в целом, так и в частности.

Среди общих причин первая — нежелание народа их платить; это происходит от мнения, что откладыванием платежа и сопротивлением они могут от них избавиться, далее — от подозрения, что налоги слишком велики, или что собранное утаивается или дурно используется, или что они рассчитываются и взыскиваются неравномерно.

Все это причиняет большие расходы в деле сбора налогов и принуждает властителя принимать строгие меры по отношению к своему народу.

2. Другой причиной, затрудняющей сбор налогов, является принуждение к платежу их в денежной форме и в определенное время, а не товарами и в наиболее удобное время.

3. В-третьих — неясности и сомнения по поводу права обложения налогами.

4. В-четвертых — недостаток денег, махинации и беспорядки в монетном деле.

5. В-пятых — малое количество народонаселения, в особенности земледельцев и ремесленников.

6. В-шестых — незнание количества народонаселения, богатства и размеров промышленности и торговли народа; это при-

чиняет ненужные повторные взыскания и смущает новыми добавочными сборами, вводимыми во избежание ошибок.

7. Касательно частного случая. Причины увеличения военных расходов совпадают с теми, которые увеличивают войны, или угрозу войны как с иностранными державами, так и гражданской.

8. Наступательная война с иностранной державой может быть вызвана очень многими причинами и тайнами и различными личными враждебными настроениями, которые выдаются за имеющие государственное значение; о них мы не можем ничего сказать кроме того, что обычным, общепризнанным стимулом к войне, особенно здесь, в Англии, является ошибочное мнение, что у нас слишком много населения, или что нам нужно больше территории, что мы можем ее взять с меньшими расходами у наших соседей, чем покупать ее у американцев; также ошибочное мнение, что величие и слава властители зависят скорее от обширности его территории, чем от численности, искусности в ремеслах и трудолюбия его народа, хорошо сплоченного и управляемого. И сверх того считается более доблестным взять что-либо от других обманом и грабежом, чем добывать самим из недр земли и моря.

9. Те государства свободны от внешних наступательных войн (возникающих, как уже выше сказано, от личных и частных причин), в которых основной доход правителей незначителен и недостаточен для ведения такой войны. Если же они начнут такую войну и ведут ее до тех пор, что станет необходимым иметь больше средств, тогда те, кто имеет право устанавливать налоги, обычно не следуют, какие частные лица и в каких целях начали войну, и все обрушивается на зачинщиков, скорее чем приводит к желаемому результату; тогда приходится прекращать это дело.

10. Оборонительные войны происходят от неподготовленности подвергнувшегося нападению государства к войне, как например: когда военные склады наполнены плохими припасами, которые офицеры-взяточники приняли под видом хороших; когда армия плохо обучена, когда солдаты либо крепостные, либо слуги своих офицеров, или вообще лица, которые за свои преступления или долги нуждаются в защите от правосудия; когда офицеры не знают своего дела и не бывают в своих частях и вообще боятся наказывать солдат из опасения пошатиться за это. Поэтому быть всегда дома готовым к войне — самый дешевый способ избавиться от войны с иностранной державой.

11. Причиной гражданских войн здесь, в Европе, очень часто бывают религиозные убеждения, например преследование инаковерующих, принадлежащих к не признанным государством религиям, их наказание в публичных и открытых местах, перед большим количеством невежественных людей, смертной казнию, потерей членов тела или свободы, вместо того чтобы подвергать их определенным денежным взысканиям, таким, которые каждый

сознательный неконформист * с удовольствием бы уплатил, а лицемеры своим отказом обнаружили бы свое лицемерие.

12. Гражданские войны происходят также от того, что народ воображает, что его собственное тяжелое положение может лучше всего быть излечено всеобщей смутой, хотя после кровавого подавления подобных беспорядков он по всей вероятности окажется в худшем положении, даже если бы они остались в живых и имели бы успех, но более вероятно для них гибель в борьбе.

13. От того, что люди думают, что формы правления могут в малое количество лет произвести значительное изменение в богатстве подданных; что существующие до этих дней формы правления не наилучшие в данных условиях; что любая установившаяся династия или личность не лучше, чем какой-либо новый претендент или даже чем лучший возможный выбор; что верховная власть невидима и что не всегда обязательно ее связывать с каким-либо определенным лицом или лицами.

14. Причиной гражданских войн является также и то, что богатство нации сосредоточено в руках немногих лиц, что не применены надлежащие средства, чтобы удержать всех людей от необходимости либо нищенствовать, либо воровать, либо быть солдатами.

Кроме того, возможность для некоторых жить в роскоши, тогда как другие умирают с голода.

Раздача наград по случайным и неверным мотивам. Предоставление больших материальных выгод лицам и партиям без явных заслуг. Это те явления, которые возбуждают зверские настроения среди мятущейся толпы, они — тот трут, который легко могут воспламенить искры немногих зачинщиков.

15. Одной из причин государственных расходов в вопросах религии является то обстоятельство, что с переходом от папизма к протестантской церкви и с изменениями, происшедшими в земледелии и в промышленности, не произвели перемен в границах приходов и в числе проповедников. Разве теперь, когда священники ведут проповеди среди большого числа прихожан, нельзя укрупнить прихода? Иначе говоря, не может ли стадо быть более многочисленным, чем тогда, когда каждая отдельная овца была, как до сих пор, очищена и подстрижена три или четыре раза в год с помощью священного писания? Если в Англии и Уэльсе около 5 миллионов народа, разве нужно иметь больше 5000 приходов, то-есть предоставить каждому пастырю пасти 1000 овец? Ведь в центральных приходах Лондона около 5000 душ в каждом. При таком расчете в Англии и Уэльсе должно было бы быть около 1000 приходов, тогда как теперь их около 10000.

16. Сократив количество приходов на половину, получим (считая в каждом приходе, в среднем, по 100 фунтов в год на священника) экономию в 500000 фунтов стерлингов. Помимо этого, сократив на половину количество приходского духовенства,

* Не принадлежащий к признанной государством религии.

мы будем нуждаться лишь в половинном количестве епископов, деканов, капитулов, колледжей и кафедральных соборов, что, по всей вероятности, даст еще экономии на 200 000 или 300 000 фунтов стерлингов в год.

И все же божия церковь будет лучше обслужена, чем теперь, и без вреда для священного древнего порядка епископата и их содержания на счет десятины.

18. Но предположим, нам скажут, что в каком-нибудь диком крае тысяча людей живет на пространстве не меньше целых восьми квадратных миль. На что я отвечаю, что таких приходов мало, или даже совершенно нет; наибольший из известных мне приходов имеет не больше чем 3—4 квадратных мили, и в нем народу совершенно не трудно собираться раз в неделю в одном месте.

19. Более того, я скажу, что добропорядочный курат* небольшой выучки, должным образом посвященный, может легко служить в четырех часовых каждое воскресенье, а ученый и красноречивый проповедник может проповедывать через воскресенье в каждой часовне, считая по две проповеди каждое воскресенье. А это вместе с обучением катехизису и экстраординарными чтениями в будни составит не меньше, чем сейчас, и с божьего благословения будет достаточно для спасения; ибо иго его — благо, и бремя его легко.

20. Но чтобы положить конец этим сомнениям, я утверждаю, что если Англию и Уэльс разделить на участки по три квадратных мили, то окажется немного более 4000 таких участков, из которых можно организовать приходы.

21. Если же кто скажет, что отчуждение этой десятины — святотатство, то я отвечу, что эти средства могут быть использованы для защиты божьей церкви против турок и папизма и народов, примыкающих к ним, и это совсем не будет святотатство; во всяком случае, в меньшей мере, чем если дать $\frac{3}{4}$ этих сумм женам и детям священников, которых еще не было, когда эти виды содержания уже были установлены.

21а. Если бы я не питал отвращения к предложениям, направленным к уменьшению церковных средств, я бы мог сказать, что ограничение части причитающихся каждому оставшемуся пастору десятины и содержания и предоставление ему взамен этой части свободных сборов с его паствы были бы способом продвинуть евангелие и меньше оскорбляли бы тех, кто думает, что все их содержание должно быть организовано таким способом.

22. Я могу также сказать, что поскольку в Англии больше мужчин, чем женщин (указанная диспропорция мешает умножению населения), было бы очень полезно для духовенства вернуться к безбрачию. Нужно, чтобы никто не становился священником, если он женат; ведь легко из пяти миллионов народа выискать 5000, которые могли бы жить и жили бы одиночками: это выходит один на тысячу. А тогда наши неженатые пастыри так же велико-

* Нившая должность священнослужителя.

ленно могли бы жить и на половину того дохода, на который они сейчас живут.

23. Всячески необходимо позаботиться о том, чтобы, хотя число приходов и величина дохода должны быть сокращены, — произвести это сокращение, не принося вреда тем священникам, которые в данное время имеют приход.

24. Для уменьшения расходов правительства, относящихся к содержанию администрации и судебных инстанций, необходимо отменить все излишнее и устаревшее; и вообще ограничить содержание до такой степени, как труд, искусство и степень доверия к данной должности этого требуют. Много должностей могут вполне исполняться заместителями за малое вознаграждение, тогда как сами носители должности получают в десять раз больше, хотя и не знают ни того, что сделано, ни того, что нужно сделать в данном деле.

25. Полученные таким образом излишние средства должны либо быть возвращены народу, который дал их королю в то время, когда эти суммы представляли справедливое вознаграждение служащих; или же предоставить королю сохранить и использовать их для государственных расходов, но ни в коем случае не отдавать их.

26. Много частных случаев в этом роде можно бы привести в пример. Но моей целью не является вредить какому-нибудь лицу в отдельности. Я не пускаюсь в дальнейшие подробности, желая лишь, чтобы была сделана общая реформа всего того, что с течением времени пришло в негодность, в каковом случае ни один человек не пострадает. Ведь если все страдают, — никто не страдает, и никто не обеднеет, сравнительно с настоящим, если все потеряют половину своего имущества. Но они и не станут богаче, если имущество всех удвоится, так как формальная сущность богатства заключается скорее в отношении, чем в абсолютном количестве.

27. Уменьшить расходы на университеты, к которым я добавляю и юридические школы, которых немного, — это значит уменьшить число студентов богословия, права и медицины, уменьшая потребность в этих профессиях.

Поскольку мы уже говорили о богословии, — перейду к юриспруденции и скажу, что если бы завести регистрацию⁶ всех земельных имуществ в стране, а также всех передаточных записей на землю и обязательств по ним, если бы сверх того были организованы государственный ссудный банк, ломбарды или банки, дающие в кредит под залог сданных на хранение денег, посуды, ювелирных изделий, сукна, шерсти, шелка, кожи, льна, металлов и других непортящихся товаров, то я не в состоянии понять, как могло бы быть тогда судебных дел и деловых бумаг более одной десятой доли того, что имеется теперь.

28. Кроме того, если учесть количество людей, их земель и другие богатства и соответственно установить количество юристов и писцов, я не представляю себе, чтобы их осталось более одной

сотой доли имеющихся сейчас. Тем более что я слышал, как некоторые утверждали, что их и теперь в десять раз больше того, что необходимо. Теперь же в десять раз больше судебных тяжб, чем после вышеупомянутой необходимой реформы. Отсюда следует, что в общем не нужно будет более одной сотой доли существующего количества хранителей закона и судебных учреждений. Все поводы для преступлений и несправедливостей значительно сократятся.

29. Что же касается докторов, — очень не трудно при помощи наблюдений, которые недавно были сделаны с помощью таблиц смертности,* узнать, как много больных в Лондоне, посредством числа умирающих, и на основании данных, найденных для города, установить эти цифры для страны. И, посредством этих двух цифр, при помощи совета ученой коллегии медицинского факультета вычислить, сколько врачей необходимо иметь для всего народа* и, следовательно, скольким студентам этого факультета стоит давать разрешение учиться и поддерживать их стипендиями.

И, наконец, вычислив их число, согласовать с ним число хирургов, аптекарей и сиделок и таким образом положить конец бесконечной веренице напрасных претендентов на эти должности, злоупотребляющих этим богоподобным факультетом, являющимся единственным из всех светских занятий, которым стал заниматься сам спаситель после того, как он начал проповедывать.

30. Более того, если мы согласимся на числе богословов, врачей и юристов (т. е. людей, обученных в университетах), необходимых для несения государственной службы (как полагают, теперь их 13 000, а по всей вероятности вследствие намечаемого сокращения нужно будет не более 6000), то допустив, что за год умирает один на сорок, — отсюда следует, что в год университету достаточно выпускать менее 350 человек. Считая, что они учатся в среднем пять лет, — отсюда следует, что число студентов университета, учащихся в нем одновременно, будет равно 1800; я подразумеваю таких, которые намерены сделать учение своим делом и источником заработка.

31. Я мог бы отметить, что если бы было довольно 1800 студентов, то, принимая во внимание, что в Англии 40 000 детей приходов и найденной, очень вероятно, что один на двадцать мог бы быть выдающегося ума и способностей. Поскольку государство может располагать этими детьми по своему усмотрению, на содержании в наших университетах может быть больше 1800 студентов, которых можно было бы из них отобрать и воспитывать. Но об этом упомянем только попутно.

32. К этому же добавим, что при помощи вышеупомянутого ссудного банка, посредством которого могут быть известны кредиты и имущество всех дельцов и предотвращены все таинственные опасности денежного обращения, при условии хорошей отчетности о продукции сельского хозяйства, промышленности, потребления

* Петти был допущен кандидатом в медицинский колледж 25 июня 1650 г.

и ввозе, можно установить, сколько купцов достаточно для обмена наших излишков товаров на избытки товаров других стран, сколько нужно нам мелочных торговцев для распределения товаров в каждом селении и чтобы извлечь оттуда их излишки. На этом основании я предполагаю, что большая часть их тоже могла бы быть сокращена. Ведь они, собственно говоря, самостоятельно ничего не доставляют государству: они вроде игроков в карты, которые играют друг с другом за счет работы бедняков. ⁷

Они представляют собой не что иное, как вены и артерии для распределения крови и питательных соков государственного организма, а именно — продуктов земледелия и промышленности.

33. Теперь, если были бы сокращены многочисленные должности и соответственные статьи расходов, относящиеся к управлению, судебным установлениям и церкви, и если бы число богословов, юристов, врачей, купцов и мелочных торговцев, которые получают большое вознаграждение за малую работу, было также уменьшено, — насколько легче было бы покрывать все общественные расходы и насколько равномернее можно было бы их исчислять.

34. Мы перечислили шесть отраслей государственных расходов и кратко наметили, как сократить четыре из них. Теперь мы перейдем к двум другим отраслям, которые мы скорее посоветуем увеличить. Первую из этих двух отраслей я называю общим именем «забота о бедных». Она состоит в расходах на богадельни для престарелых, слепых, хромых и т. п., на госпитали для больных внутренними и наружными болезнями — хронических, излечимых и неизлечимых. Должны быть и другие больницы для острозаразных больных; убежища для сирот, найденных и подкидышей. Из них никто не должен оставаться без помощи, как бы их число ни было велико, лишь бы их имя, фамилия и родственники были хорошо скрыты. Из этих детей по достижении ими 8—10-летнего возраста следует делать отбор наиболее способных для всякого рода служб короля, и они будут обязаны быть его верными слугами, как его собственные дети.

35. Эти учреждения — ни редкость, ни новость, только пребрежжительное отношение к ним в нашей стране приводит к тому, что это можно считать редким и новым проектом. Небезызвестно также, какие великолепные плоды могут быть получены от этих учреждений, о которых мы скажем еще больше при других обстоятельствах.

36. Когда все немощные и беспомощные лица будут таким образом обеспечены, а ленивые и воры наказаны министром юстиции, то мы найдем постоянную работу для всех других нуждающихся лиц, кто, работая согласно установленным для них правилам, может получать достаточно пищи и одежды.

Их дети тоже (если они малы и беспомощны), как уже было сказано, будут обеспечены другим способом.

37. Но каковы будут эти занятия? Я отвечаю: таковы, как указано в шестой ветви государственных расходов, то-есть устройство проезжих дорог, таких широких, прочных и гладких, что

вследствие этого расходы и трудности путешествий и перевозки грузов значительно сократятся; расчистка и углубление рек для превращения их в судоходные; посадка полезных деревьев для получения древесных материалов, красоты и, в соответственных местах, также плодовых деревьев; сооружение мостов и шоссе-ных дорог; работа на приисках, карьерах и угольных коях; железодельная промышленность и т. п.

38. Я указываю на все эти частности, во-первых, как на работы, которые особенно нужны нашей стране, во-вторых, как на работы, требующие большого количества труда и мало умения, и, в-третьих, как на способ ввести в Англии новые виды промышленности в возмещение суконной промышленности, которую мы почти совершенно потеряли.*

В ближайшем месте будет поставлен вопрос: кто будет платить этим людям? Я отвечаю: каждый. Ведь если на определенной территории живет 1000 человек; если 100 могут произвести необходимую пищу и одежду для всей 1000; если 200 будут производить для экспорта столько товаров, сколько может быть выменено на товары или деньги других народов; если 400 человек будут работать для производства украшений, удовольствий и великолепия всего общества; если будет 200 правителей, богословов, юристов, врачей, купцов, оптовых и розничных, — всего 900 человек, то остается еще пищи на 100 человек.⁸ Как они ее получают? Получают ли они ее нищенством или воровством? Доведут ли они сами себя до голодной смерти, не получая пищи нищенством, или будут пойманы при воровстве и приговорены к смерти? Или их передадут другой стране, которая согласится их принять?

Я считаю совершенно очевидным, что они не должны ни умирать с голоду, ни быть повешенными, ни быть отданными другим странам; если они нищенствуют, — они могут пресыщаться завтра и умирать с голоду сегодня; все это причиняет болезни и дурные привычки; то же можно сказать и про воровство. Более того, если они смогут добыть нищенством и воровством больше, чем им нужно, это навсегда уничтожит в них расположение к работе, даже при наилучших обстоятельствах.

39. В виду этих соображений несомненно наилучшим способом будет употребить для них избытки, которые иначе будут или потеряны и растрочены, или израсходованы беспутно; в случае же, если не имеется избытков, тогда следует немного сократить, взять некоторый излишек от других, лучше или больше снабжаемых. Лишь немногие тратят менее чем вдвое против того, что им может быть достаточно согласно строгой необходимости природы.

40. Что же касается работы для этих излишних людей, пусть это будет работа, которая не требует траты иностранных товаров, и тогда совершенно безразлично,⁹ будут ли они строить бесполезную пирамиду на равнине Салисбюри, или переносить камни от Стоунхендла в Тоуэр-Хилл, или что-либо подобное. Ведь в худшем

* Это мнение было в Англии общераспространенным.

случае работа будет держать их в дисциплине и послушании, а их тело приучать к терпению до того времени, пока не понадобится использовать их для более выгодной работы.

44. В ближайшем месте, как пример пользы всего мною предлагаемого, я остановлюсь на вопросе, какая выгода получится от исправления проезжих дорог, постройки мостов и шоссе, от превращения рек в судоходные, помимо удовольствия и красоты. Мы увидим, что все это, вместе с вывозом многочисленных партий скота и овец из Ирландии, вызовет большой излишек английских лошадей, которые могут быть хорошим товаром для всей Европы благодаря их многим выдающимся качествам: красоте, силе, крепости, храбрости, быстроте и терпению, чем они выше лошадей других стран. И подобного рода свойства, как находящиеся в зависимости от особенностей английской земли, не могут ни быть где-либо воспроизведены, ни отняты у нас другими. Более того: лошади — такой товар, который доставит и себя и своего торговца на рынок, хотя бы и дальний.

ГЛАВА III

Как можно ослабить беспокойство, вызываемое тяжестью налогов

Мы бегло просмотрели все шесть отраслей государственных расходов и показали (хотя неполно и спешно), которые из них нужно увеличить и которые сократить. Мы наметим теперь общие причины беспокойства, вызываемого тяжестью налогов и податей, а именно:

1. Народ думает, что государь требует больше, чем ему нужно. Наш ответ: 1) если бы государь был уверен в получении всего, что ему нужно, в надлежащее время, то для него самого было бы большим ущербом вырывать деньги из рук его собственных подданных, которые могли бы с помощью торговли увеличить эти суммы, и хранить эти деньги в своих собственных сундуках, что не только не приносит ему пользы, но и подвергает их опасности, что их выклянчат или бесполезно растратят.

2. Как бы налоги ни были велики, но если они пропорционально ложатся на всех, — никто не теряет вследствие налога некоторой части богатства. Ведь люди (как мы уже говорили) останутся одинаково богатыми, если удвоить их имущество или уменьшить его на половину для всех. Ведь каждый будет находиться в прежнем положении сравнительно с другими. Более того, поскольку деньги, взятые посредством налогов, не выходят за пределы страны, она сравнительно с другими странами остается одинаково богатой. Только богатство короля и народа будет немного отличаться друг от друга до того времени, пока деньги, взятые в виде налога с кого-либо, опять не вернутся к нему же или к другому лицу.

В этом случае каждый должен иметь одинаковые шансы выиграть или потерять при новом распределении; и то, что потеряет один, выиграет другой.

3. Что более всего огорчает людей, это — если их облагают выше налогом, чем их соседей. Мой ответ: частью эти подозрения очень ошибочны, частью у них есть шансы, что ближайший раз налог будет для них более благоприятным. А если такое неравномерное обложение является преднамеренным, то нельзя допустить, чтобы это было намерение государя, а скорее — какого-нибудь временного чиновника, которому, в свою очередь, может быть придется получить возмездие при ближайшем случае от того, кого он обидел.

4. Люди высказывают большое недовольство, если они думают, что деньги, взысканные по налогу, будут растрачены на развлечения, великолепные зрелища, триумфальные арки и т. п. Мой ответ: это — передача денег купцам, которые работают по поставкам этих вещей. Хотя эти производства кажутся чрезвычайно пустыми и мишурными, однако они связаны с весьма полезными отраслями производства, например пивоварами, булочниками, портными, сапожниками и т. п.

Более того, государь получает не большее удовлетворение от этих зрелищ, чем 100 000 других его самых заурядных подданных, которые, несмотря на их постоянное ворчание, проходят много миль, чтобы быть зрителями этих пустых и безвкусных зрелищ.

5. Народ часто жалуется, что король тратит собранные с него деньги на фаворитов. Мой ответ: то, что дается фаворитам, может при ближайшем случае или перемещении попасть в наши собственные руки или в руки тех, кто по нашему мнению этого заслуживает.

6. Во-вторых, если этот человек — фаворит сегодня, то после им будет другой, или мы сами. Ведь милость монарха очень гибка и подвижна и не является такой вещью, которой бы следовало очень завидовать. Ведь та же самая дорога, что ведет вверх, ведет и вниз. Помимо этого, в законах и обычаях Англии нет ничего, что бы делало невозможным сыну простого человека добиться высших должностей в королевстве и тем более личной милости государя.

Все эти фантазии (чему подвержены вульгарные головы) вызывают нежелание платить и провоцируют государя на суровые меры.

Если же эти меры падут на какого-нибудь бедняка, хотя и упрямого, жестоковыйного отказчика, обремененного женой и детьми, это дает доверчивым людям повод жаловаться на угнетение и вызывает враждебное отношение ко всему.

Незнание количества народонаселения, промыслов и богатства народа является причиной, почему народ часто беспокоят без надобности, подвергают его двойному обложению, двум или многим сборам налогов, хотя довольно было бы и одного.

Примеры этого мы видели в недавней подушной подати. Вследствие незнания положения народа, а именно — сколько было

плательщиков по каждой категории, и вследствие отсутствия внешних признаков, на основании которых можно было бы установить размер налога для каждого, вследствие смешивания имущественного положения с титулами и должностями, — были совершены ошибки.

7. Неясность и сомнения относительно права обложения налогами были причиной ужасных случаев сопротивления со стороны народа и суровых мероприятий со стороны государя. Выдающимся примером этого была корабельная пошлина, немалая причина 20-летних бедствий для всего королевства.¹⁰

8. Малое народонаселение — вот подлинная бедность.¹¹ Страна, в которой имеется восемь миллионов народонаселения, вдвое богаче, чем страна, в которой при той же территории лишь четыре миллиона народа. Ведь те же дорогостоящие правители могут почти так же хорошо обслужить большее, как и меньшее количество подданных.

Во-вторых, если население настолько малочисленно, что они могут жить за счет естественных богатств природы, или с малой затратой труда, как например скотоводством и т. п., — они обыкновенно не знают никакого ремесла.

9. Недостаток денег — другая причина плохого платежа налогов; если мы примем во внимание, что из всего богатства страны, то-есть земель, домов, кораблей, товаров, мебели, посуды и денег, едва ли одна сотая часть заключается в монете и что в Англии имеется вряд ли 6 000 000 фунтов стерлингов, то-есть не больше двадцати шиллингов на душу населения, — мы легко можем понять, как трудно для человека даже со значительным состоянием сразу платить большую сумму денег. Если он ее не уплатит — начинаются репрессии и штрафы. Это делается с полным основанием, хотя и причиняет значительные неприятности отдельным лицам: ведь более легко перенести неудобства для отдельного человека, чем подвергать опасности все общество, несмотря на то, что отдельному человеку было бы выгоднее подвергнуться убытку со всем обществом, нежели одному.

10. В некоторых случаях кажется трудным, что все налоги должны оплачиваться в виде денег, то-есть (когда королю нужен провиант для его корабля в Портсмуте) что жирные быки и зерно не принимаются в натуре, но что фермеры должны везти сначала свой хлеб за 10 миль для продажи и превратить его в деньги; после того как эти деньги выплачиваются королю в виде налогов, они снова превращаются в зерно, привезенное за много миль.

Более того, фермер из-за срочности платежа налогов вынужден продавать свой хлеб по более низкой цене, а король, в свою очередь, из-за спешки также должен переплачивать за свой провиант, тогда как оплата натурою *pro hic et nunc* (здесь и теперь) значительно бы облегчила страдания бедняков.

Теперь мы рассмотрим последствия и результаты чрезмерного налога не по отношению к отдельным людям, о чем мы говорили ранее, а по отношению к народу в целом. Я утверждаю, что имеются

известная мера и пропорция в количестве денег, нужных для ведения национальной торговли (избыток или недостаток их вредит ей), подобно тому как есть известная пропорция количества фартингов ($1\frac{1}{2}$ пенса), необходимых для мелкой розничной торговли, для размена серебряной монеты и для подведения итогов, когда это не может быть сделано с помощью даже наименьшей серебряной монеты. Деньги золотые и серебряные в отношении *το χρῆμα** (т. е. предметов питания и одежды) — то же, что фартинги и другая местная монета в отношении золотых и серебряных денег.

Как количество фартингов, требуемых для торговли, устанавливается на основании численности народонаселения и скорости обращения, и особенно в зависимости от ценности наименьшей серебряной монеты, точно так же количество денег, нужное для торговли, устанавливается на основании скорости обращения и величины платежей, что зависит от закона и обычая.

Отсюда следует, что там, где производится регистрация земель, что позволяет точно знать размер имущества каждого землевладельца, где имеются склады для различных богатств, как например металлов, сукна, льняных тканей, кожи и других полезных вещей, где есть также банки, — там нужно для торговли меньше денег.

Если все крупные платежи будут производиться недвижимым имуществом, а другие, ниже десяти или двадцати фунтов, будут производиться посредством кредита в ломбардах или банках, там деньги нужны только для платежей меньших, чем вышеуказанные; точно так же, как там, где много двухпенсовых серебряных монет, нужно меньше фартингов для размена, чем там, где наименьшая серебряная монета — в 6 пенсов.

На основании всего изложенного я утверждаю: если в стране имеется слишком много денег, для нее было бы выгодно, так же как и для короля, и не было бы ущербом для частных лиц, если бы все эти излишки денег были в казне, как если бы человеку разрешили платить налоги в любой вещи, которую ему легче всего сберечь.

С другой стороны, если бы рост государственных расходов оставил меньше денег, чем необходимо для ведения национальной торговли, вред от этого заключался бы в том, что размеры производства сократились бы, а это то же, что уменьшить народонаселение, его ремесла и промышленность; сто фунтов, пройдя через сто рук в виде их заработной платы, дают возможность произвести на 10 000 фунтов товаров; эти руки оставались бы праздными и бесполезными, если бы не было этого постоянного стимула к их применению.

Если налоги тратятся на наши собственные отечественные товары, они, как мне кажется, мало причиняют вреда народу в целом, но лишь производят перераспределение богатства и со-

* Богатства

стояний отдельных лиц. В частности, они переносят богатство от праздных землевладельцев к сильным и трудолюбивым людям.

Если, например, дворянин сдал свою землю в аренду фермеру за сто фунтов в год на несколько лет или пожизненно, и он обложен двадцатью фунтами в год на содержание флота, — результатом этого будет, что двадцать фунтов этого дворянина распределятся ежегодно между моряками, корабельными плотниками и другими производствами, относящимися к морскому делу.

Но если дворянин может распоряжаться своей землей по собственному усмотрению, тогда, будучи обложен в размере $\frac{1}{5}$ доли ренты, он увеличит в той же пропорции арендную плату своих арендаторов или будет продавать свой скот, хлеб и шерсть на $\frac{1}{5}$ дороже. То же сделают все зависящие от него и таким образом возместят до некоторой степени потери от платежа налога.

Наконец, если бы все взысканные в виде налога деньги забросить в море, окончательный результат был бы тот, что каждый должен был бы работать на $\frac{1}{5}$ больше или ограничить на $\frac{1}{5}$ свое потребление. Первое — в том случае, если иностранная торговля способна к развитию, последнее — в том случае, если она не способна увеличиться.

Последнее было бы наилучшим налогом даже в хорошо управляемом государстве, но в других государствах, где не принимают мер предупреждения нищенства и воровства, которые являются единственным источником существования для лиц, нуждающихся в работе, — там, я утверждаю, чрезмерные налоги вызывают чрезмерную и невыносимую нужду, даже в удовлетворении самых естественных потребностей, так что внезапно достигнутые ею невежественные люди не могут себя прокормить; это, согласно законам природы, должно вызвать стремление облегчить свою участь, например, грабежом, обманом, что влечет за собою смерть, пытки и тюремное заключение согласно существующим законам, которые являются злоупотреблением и наказанием как для самого государства, так и для частных лиц, страдающих от них.

ГЛАВА IV

О различных способах обложения налогами и, прежде всего, о выделении части территории страны для государственных нужд — в виде коронных земель,¹² и во-вторых — о земельном налоге

Предположим, что различные виды государственных расходов уменьшены, насколько возможно, и что население удовлетворено и согласно платить справедливую долю налогов для содержания правительства и обороны страны, а также для поддержания престижа короля и государства.

Предложим теперь различные виды и способы, как собрать эти средства наиболее удобно, быстро и нечувствительно. Для этого я рассмотрю удобства и неудобства некоторых основных

способов взыскания налогов, применяемых в последние годы в некоторых государствах Европы; среди них кое-какие способы, применявшиеся реже и меньше, могут быть опущены.

2. Представим себе, что известное количество населения, живущее на определенной территории, путем вычисления установило, что для покрытия государственных расходов необходимо 2 миллиона фунтов стерлингов в год.

Или, скорее, поступив еще мудрее, они вычислили, что двадцать пятая часть всего продукта должна быть выделена на государственные нужды. Этой части, наверное, достаточно для Англии, но об этом позднее.

3. Теперь возникает вопрос: как нужно взимать тем или иным путем вычисленные средства? Первый способ, который мы предлагаем, это — выделить самую землю в натуре; это значит выделить из двадцати пяти миллионов акров, которые, как говорят, имеются в Англии и Уэльсе, такое количество земли, чтобы рента с нее составляла два миллиона, а именно около четырех миллионов акров. Это приблизительно равно шестой части территории. Эти четыре миллиона акров нужно сделать коронной землей, подобно четырем графствам * в Ирландии,¹³ земля которых была конфискована.

Можно поступить иначе: вычесть шестую часть из всей ренты; это будет приблизительно равно тому, что авантюристы и солдаты в Ирландии платят королю в качестве выкупа.¹⁴ Из этих двух путей последний явно лучше: у короля имеется большее обеспечение и у него больше зависящих от него людей, если только трудности, связанные со взиманием этой ренты, не превышают ее преимуществ.

4. Этот путь был бы хорош в новом государстве, при условии согласия на него, как это было в Ирландии, прежде чем люди вообще получили землю в собственность; вследствие этого, кто бы ни покупал землю в Ирландии, после того не имел бы никакого отношения к выкупной ренте, которой она была обременена, как если бы акров земли было соответственно меньше,¹⁵ как обстоит дело при покупке земли, с которой должна быть уплачена десятина.

И поистине счастлив тот край, в котором по первоначальному соглашению в резерве оставлена такая рента, на счет которой могут производиться государственные расходы без всяких непредвиденных, внезапных, добавочных издержек, в чем, собственно, и заключается истинная причина обременительности всяких налогов и требований. В таких случаях, как было сказано выше, платит не только лэндлорд, но каждый, кто съест хотя бы одно яйцо или луковицу, выращенную на его земле, а также те, кто пользуется трудом ремесленников, питающихся продуктом той же земли.

* Четыре графства: Дублин, Кильдер, Каргау и Корк.

5. Но если бы тот же путь был предложен для Англии, т. е. если бы у каждого лэндлорда из ренты удерживалась или вычиталась некоторая часть, тогда те, рента которых установлена на долгое время, главным образом и если бы бремя такого налога, а другие имели бы на этом выгоду. Предположим, что *A* и *B* имеют каждый участок земли одинакового качества и цены. Допустим также, что *A* сдал свой участок на 21 год за 20 фунтов стерлингов в год, но что участок *B* свободен. Затем установлен налог в размере $\frac{1}{5}$ части ренты. *B* не отдаст землю в аренду дешевле, чем за 25 фунтов стерлингов, чтобы у него осталось 20 фунтов стерлингов, а *A* должен довольствоваться получением приблизительно 16 фунтов стерлингов. Несмотря на это, арендаторы у *A* будут продавать продукты земли за ту же цену, что и арендаторы *B*. Результатом всего этого будет: 1) что королевская пятая часть арендной платы *B* будет больше, чем раньше; 2) фермер у *B* будет получать больше, чем до установления налога; 3) арендатор или фермер *B* будет получать столько, сколько король и арендатор *A*, вместе взятые; 4) налог, в конечном счете, ложится на лэндлорда *A* и на потребителей.

Налог на землю становится неравномерным акцизом, падающим на потребление, который в большей мере несут те, кто меньше жалуется. И, наконец, некоторые лэндлорды могут выиграть, и только те, рента которых уже определена на будущее время, потеряют при этом и потеряют вдвойне: во-первых, вследствие неизменной величины их доходов и, во-вторых, вследствие повышения цен на продукты земли.

6. Другой путь — вычет из арендной платы с домов, который гораздо неопределеннее, чем налог на землю. Ведь дом имеет двойственную природу: во-первых, он — средство потребления, во-вторых, это — орудие получения дохода. Магазины в Лондоне, меньшей величины и более дешевый по стоимости его постройки, чем роскошная столовая в том же доме, в котором он находится, будет оплачиваться, несмотря на это, выше. Точно так же подвал, погреб, будет оплачиваться дороже, чем изящная комната: так как оплата одного есть расход, другое приносит прибыль.

7. Добавим, что строения иногда облагаются чрезмерно, с целью затруднить строительство,¹⁶ особенно на новых участках, и тем помешать росту города; предполагают, что такие чрезмерно большие и разросшиеся города, как Лондон, могут быть опасны для монархии, хотя более безопасно, когда верховная власть находится в таких местах в руках у граждан, как в Венеции.

8. Мы утверждаем, что такие препятствия новому строительству ничего не дают. Ведь количество домов не увеличивается, пока само население не увеличилось. Действительное средство против вышеупомянутой опасности следует искать в причинах увеличения населения, и если их можно устранить, то достигается с необходимостью и другая цель.

Но каков же тогда действительный результат запрета строить на новых участках? Это задерживает рост города и связывает его

со старым местом. При расширении же новых построек это обстоятельство устраняется, как до случается почти во всех больших городах, хотя и незаметно.

9. Причина, почему люди неохотно строят новые дома на месте старых, заключается в том, что сам старый дом и его участок делают гораздо более дорогим место для постройки и вместе с тем гораздо менее свободным и удобным. Поэтому люди предпочитают строиться на новых свободных местах, а старые дома покрывают заплатами до того, пока они не станут совершенно непригодными для жилья и превращаются либо в жилище преступников, либо с течением времени становятся снова пустырями или садами, чему много примеров даже в Лондѣ.

Если, как мы видим, большие города естественно склонны перемещаться, то спрашивается: в каком направлении? Лондон перемещается на запад, потому что ветры дуют приблизительно $\frac{3}{4}$ года с запада и жилища на западе несравненно свободней от дыма, пара, вони, чем вся восточная сторона, что имеет немало-важное значение при сжигании каменного угля.¹⁷

Поэтому дворцы наиболее знатных людей будут двигаться на запад, и отсюда естественно вытекает, что жилища других, которые зависят от них, будут ползти за ними. Это мы и видим в Лондоне, где бывшие дома знати превратились в помещения для торговых компаний или в наемные помещения, а все дворцы переместились к западу. Я не сомневаюсь, что через 500 лет королевский дворец будет около Чильзея, а старое здание Уайт-Холл найдет более соответствующее применение. Ведь выстроить новый королевский дворец на месте старого будет слишком стеснительно, принимая во внимание сады и другие великолепные постройки кругом, и, кроме того, вызовет неудобства во время работ. Мне кажется, что скорее всего будущий дворец будет построен на таком же расстоянии от теперешнего скопления домов, как старый Вестминстерский дворец стоял от Лондона, когда лучники натягивали свои луки сразу за Лудгэтом и когда все пространство между Темзой, Флитстритом и Гольборном было таким, как теперь Финсбургские поля.

10. Я готов признать, что это отступление чуждо вопросу о налогах и само по себе бесполезно. К чему беспокоиться о том, что будет через 500 лет, когда мы не знаем, что принесет нам будущий день. Быть может, до этого времени мы все переселимся в Америку, так как эти страны будут все покорены турками и опустошены так, как территория знаменитой Восточно-Римской империи в наши дни.

11. Однако я считаю несомненным, что поскольку Англия будет населена, наибольшее скопление населения будет около того места, где теперь Лондон, так как Темза является наиболее удобной рекой на этом острове, и территория Лондона — наиболее удобная часть Темзы. Так как средства сообщения, облегчающие перевозку, очень способствуют росту города, то мы должны подумать о том, чтобы занять наших безработных работой по

починке проезжих дорог, по постройке мостов и шоссейных дорог и по превращению рек в судоходные. Эти соображения возвращают меня снова к вопросу о налогах, от которого я отошел.

12. ¹⁸ Но прежде чем мы в связи с вопросом о налогах поговорим о ренте, мы должны попытаться выяснить ее таинственную природу как по отношению к деньгам, ренту с которых мы называем процентом, так и по отношению к земельным участкам и домам.

13. Представим себе, что какой-нибудь человек в состоянии обработать собственными руками определенное пространство земли: вспахать, заборонить, засеять, снять и свезти зерно, обмолотить, провеять, словом — сделать все, что требует сельское хозяйство, и что у него есть достаточное количество семян, чтобы засеять поле. Если он вычтет из урожая семена, а равно и то, что он употребил сам и отдал другим в обмен на платье и другие необходимые ему предметы, то остаток зерна составит естественную и действительную ренту за данный год; а среднее за семь лет, или лучше — за целый ряд лет, в течение которых чередуются недороды с обильными урожаями, даст обычную земельную ренту, выраженную в зерне.

14. Следующий вопрос таков: в какой сумме английских денег может выразиться стоимость этого зерна или этой ренты? Я отвечаю: она равна сумме денег, которую другой человек мог бы сберечь в то же самое время, за покрытием своих расходов, если бы он всецело занялся производством денег. Предположим, что этот другой человек отправляется на серебряные рудники, добывает там серебро, очищает его, привозит его в то место, где первый производит свое зерно, чеканит из серебра монету и т. д. Предположим далее, что это лицо во все время производства серебра приобретало также необходимые средства пропитания, одежду и т. д. Серебро второго должно быть равно по стоимости зерну первого; если серебра имеется, положим, 20 унций, а хлеба 20 бушелей, то цена одного бушеля хлеба будет равна одной унции серебра.

15. Если бы добывание серебра требовало большего искусства и было сопряжено с большим риском, чем производство зерна, то в конце концов это неравенство сгладились бы. Допустим, что сто человек в течение десяти лет заняты производством зерна и что такое же число людей в течение такого же времени занято добыванием серебра; в таком случае чистый доход в серебре будет ценою всего чистого дохода в зерне и равные части одного образуют цену равных частей другого, хотя и не все, кто работает по добыче серебра, изучили искусство его очищать и чеканить или страдали от опасностей и болезней, связанных с работой в рудниках. Таков же тот способ, которым можно установить правильное отношение между стоимостью золота и серебра, которое часто вследствие вульгарных заблуждений устанавливается на практике то выше, то ниже этого уровня. Эти ошибки являются причиной того, что мы раньше страдали от избытка золота, а теперь от недостатка его.

16. Таково основание сравнения и сопоставления стоимостей. Я, однако, признаю, что надстройка, которая создалась над ним, очень разнообразна и сложна, но об этом позже.

17. Люди измеряют вещи в золоте и серебре, но главным образом в последнем. Не может быть двух мер, а следовательно, лучшая из многих является единственной мерой. Такой мерой является высокопробное серебро определенного веса. Как мне пришлось узнать из различных докладных записок опытейших специалистов пробирного дела, установить вес и пробу серебра очень трудно. Если даже предположить серебро одинакового веса и пробы, оно может повышаться или понижаться в своей стоимости; больше стоимость в одном месте, чем в другом, не только вследствие большего расстояния от рудников, но и по другим причинам; больше стоимость в настоящее время, чем, скажем, месяц или меньше времени тому назад. Поскольку изменяется отношение серебра к различным измеряемым им вещам в разное время в зависимости от увеличения или уменьшения его количества, мы попытаемся исследовать другие естественные мерилла, не отказываясь одновременно от больших удобств, связанных с применением мерилла стоимости — серебра.

18. Наши серебряные и золотые монеты имеют различные названия. Таковы в Англии: фунт, шиллинг, пенни, и каждая из них может быть выражена как сумма или часть какой-нибудь другой. Но по этому поводу мне хочется сказать вот что: оценку всех предметов следовало бы привести к двум естественным знаменателям — к земле и к труду, т. е. нам следовало бы говорить: стоимость корабля или сюртука равна стоимости такого-то и такого-то количества земли, такого-то и такого-то количества труда, потому что ведь оба — и корабль и сюртук — произведены землей и человеческим трудом; а раз это так, то нам очень желательно бы найти естественное уравнение между землей и трудом, чтобы быть в состоянии так же хорошо или даже лучше выражать стоимость при помощи одного из двух факторов, как и при помощи обоих, и чтобы быть в состоянии так же легко сводить один к другому, как пенса к фунту. Поэтому мы были бы рады, если бы мы могли определить естественную цену свободно продаваемой земли; хотя бы не лучше, чем мы определяем естественную стоимость ее ренты (*usufruit*). Попытаемся сделать это следующим образом.

19. После того как мы нашли ренту, или стоимость *usufruit* за год, вопрос заключается в том, в какой сумме годичных рент выразится естественная цена свободно продаваемой земли. Если мы скажем: в бесконечном числе, — то в таком случае один акр земли по стоимости будет равен тысяче акров такой же земли, что конечно нелепо. Бесконечность единиц равна бесконечности тысяч. Следовательно, мы должны указать более ограниченное число, и я думаю, что таким будет число лет, которое рассчитывают прожить одновременно живущие 50-летний, 28-летний и 7-летний, следовательно дед, отец и сын. Только у небольшого числа лиц

существуют причины, заставляющие их заботиться о более отдаленном потомстве, ибо кто является прадедом, уже так близок к смерти, что обыкновенно в непрерывном ряде нисходящих одновременно живут только три поколения. Если же кто-либо уже в 40 лет становится дедом, то зато другой только в 60 лет, и т. д.

20. Поэтому я считаю сумму годовых рент, составляющих естественную цену какого-либо земельного участка, равной естественной продолжительности жизни трех указанных лиц. В Англии мы считаем эту продолжительность в 21 год, и потому цена земли приблизительно равна такой же сумме годовых рент.

Возможно, если бы они считали, что ошиблись в одном, как это думает наблюдатель таблиц смертности, они изменили бы и другое, если бы им не помешала сила народных заблуждений и зависимость от связанных с этим вещей.

21. Таково, я думаю, будет число годовых рент в том случае, если право носит надежный характер и где есть моральная уверенность в возможности использовать покуску. Но в других странах земли ценятся в 30 годовых рент, вследствие лучших правовых оснований, большей населенности и, быть может, более правильной оценки длительности трех жизней.

22. А в некоторых местах земля стоит еще большего числа рент, вследствие особенных почестей, удовольствия, привилегий или связанных с нею подобных прав.

23. С другой стороны, земля стоит меньшее число рент (как в Ирландии) на основании ниже перечисляемых мною причин, аналогичных тем, которым может быть приписана такая же дешевизна в других местах.

Прежде всего в Ирландии земля дешева вследствие частых восстаний (если вы побеждены — все пропало, если вы победили — все равно вы подвергаетесь нападению шаек воров и разбойников) и зависти, которую посланные ранее англичане питали к последующим посланцам. Даже то, что можно назвать вечностью, продолжается не больше сорока лет. В течение такого срока случались почти постоянно до сих пор большие потрясения с первого дня прихода сюда англичан.

24. Тяжба за тяжбой, которую каждый предъявляет по отношению к чужому имуществу, и легкость, с которой осуществляют любую претензию, как по протекции кого-либо из многочисленных правителей и министров, которые пребывают здесь за 40 лет, так и вследствие множества лжесвидетельств и злоупотреблений присягой.

25. Малочисленность населения: жителей здесь не более $\frac{1}{5}$ части того, что могла бы прокормить территория, и из них очень мало кто работает, и те, кто работает, работают меньше, чем в других странах.

26. То, что собственниками большей части поместий, реальных и персональных, в Ирландии являются лица, не живущие в них, и при этом эти лица стараются только вывезти доходы, получен-

ные в Ирландии, ничего не возвращая взамен, так что Ирландия, вывозя больше, чем ввозит, все же становится бедней, что кажется парадоксом.¹⁹

27. Трудность осуществления правосудия: слишком много лиц, стоящих у власти, тем самым неприкосновенны и прикрывают других. Так как количество преступников и банкротов велико, они всегда оказывают покровительство себе подобным в судах, в учреждениях и где только возможно. К тому же страна недостаточно богата, чтобы поощрять увеличение количества знающих судей и юристов, вследствие чего судебные постановления зависят от многих случайностей. Невежественный человек более склонен выносить произвольные и необдуманные решения, чем тот, кто понимает их опасность. Но все это можно было бы устранить и при небольшом старании довести землю Ирландии в течение немногих лет до такого же уровня в отношении ее цены, как и в других местах. Но об этом мы подробнее поговорим в другом месте, а теперь перейдем к вопросу о ссудном капитале (о ростовщичестве).

Г Л А В А V

О ссудном капитале (*usury*)

Я не вижу, на каком основании следовало бы брать или давать проценты за вещь, которую мы можем получить обратно в любой момент. Но я не вижу и оснований, почему получение процента должно считаться постыдным, если даются в ссуду деньги или другие ценности, с обязательством уплаты в определенное время и в определенном месте по выбору должника, так что кредитор не может получить обратно свои деньги, когда и где они ему нужны. Поэтому, когда человек дает свои деньги на условиях, что он не может потребовать их обратно до истечения известного срока, как бы он в них ни нуждался в это время, он, несомненно, вправе получить вознаграждение за это неудобство, на которое он соглашается; это вознаграждение мы называем обычно процентом.

2. Когда один человек снабжает другого деньгами в каком-нибудь отдаленном месте и обязуется под угрозой большого штрафа уплатить ему там в определенный день, вознаграждение за это мы называем переводным процентом. Например, если человеку нужны были деньги в Карлиле в разгаре недавней гражданской войны, когда дороги были полны солдатами и разбойниками, а переезд по морю был очень длителен, хлопотлив и опасен, почему же другой человек не мог взять много больше, чем 100 фунтов, в Лондоне, за обязательство уплатить такую сумму в назначенный день в Карлиле.

3. В связи с этим возникает такой вопрос: каков же естественный уровень ссудного процента и процента по векселю? Что касается ссудного процента, то наименьший возможный процент равен проценту, образуемому рентой с такого количества земли,

которое может быть приобретено за предоставленную в ссуду сумму, если возврат ссуды обеспечен; где же обеспеченность стоит под вопросом, особый вид страховки влетает в обычный, естественный процент, что может повысить его до любого размера, но не выше уровня ссудного капитала. Теперь, если в Англии положение таково, что в действительности здесь нет никакой обеспеченности в отношении возврата ссуды, но последний зависит от случайности, хлопот и больших расходов, я не вижу никаких оснований для ограничения уровня ссудного процента или процента по векселю, что не допускается мировой практикой, если только те, кто создает такие законы, не являются скорее должниками, чем кредиторами; но о том, что бесплодно издавать законы, направленные против законов природы, я уже не раз говорил.

4. Что касается естественного размера процента по векселю, то в мирные времена наибольший процент может быть только равен труду по перевозке монеты наличными. Но когда существует риск, или большая потребность в деньгах в одном месте, сравнительно с другим, или соответственное убеждение в этом (независимо от того, верно оно или ошибочно), процент будет определяться этими соображениями.

5. Отметим одновременно то, что мы опустили, говоря о цене земли. Подобно тому как большая нужда в деньгах повышает процент по векселю, так большая нужда в хлебе повышает цену на него, а следовательно и с земли, производящей хлеб, и, в конечном итоге, также цену земли. Если, например, зерно, которым кормится Лондон или армия, будет доставляться туда за сорок миль, тогда зерно, растущее на расстоянии одной мили от Лондона или от места квартирования армии, повысится по отношению к своей естественной цене на столько, сколько стоит перевозка зерна за тридцать девять миль.²⁰ Для скоропортящихся продуктов, как например свежая рыба, фрукты, придется еще добавить страховку на случай порчи. Наконец те, кто питается этими вещами, например в гостиницах, должны будут оплатить все дополнительные расходы, домовую ренту, мебель, прислугу, искусство и труд повара.

6. Поэтому возможно, что земля, в действительности одинаковая, но расположенная около густо населенных мест, требующих земельной площади для прокорма их населения, будет не только давать вследствие этого больше ренты, но и цена ее будет равна ренте за большее количество лет, чем в отдаленных местах; все это вследствие большего удовольствия и почта владеть землей в таких местах: «*Omne tulit punctum qui miscuit utile dulci*» * (*Гораций*, «О поэтическом искусстве», 343).

7. Окончив наше отступление по вопросу о высоте ренты и стоимости земли и денег, вернемся к нашему второму способу взимания средств на государственные расходы, который заключается в отчислении части ренты (обычно называемой обложением

* Все приносит место, которое соединяет полезное с приятным.

земли). Нам надлежит поговорить о способах исчисления ренты, причем мы не должны исходить из сделок, которые некоторые люди заключают между собой вследствие невежества, поспешности, ложных внушений или же руководясь пристрастием или пьянством. Я признаю, что среднее, или общий результат всех этих сделок в течение трех лет (или другого периода, в течение которого завершается круговорот всех случайностей в сельском хозяйстве),²¹ может быть вполне достаточен для этой цели, хотя это только установленная синтетически сумма всех случайных мнений, как я постараюсь показать аналитически, путем детального перечня причин.

8. I. Я предлагаю составить обзор формы, количества и местоположения всех земель в административных границах приходов, ферм и с учетом естественных их границ, установленных морем, реками, цепями скал или горами и т. п.

9. II. Я предлагаю, чтобы качество каждого рода земли было описано посредством тех продуктов, которые этот участок обычно производит, на какой земле какие сорта леса, зерна, стручковых, овощей или корнеплодов растут удачнее, чем в других местах, указать также средний урожай всего, что было посеяно на этом участке, и сравнительное качество этих продуктов, причем исходить для этого не из обычного денежного мерила, а из сравнения самих продуктов друг с другом. Так, например, если я имею десять акров земли, я должен сначала решить, для чего они лучше пригодны: для сена или для хлеба; если они больше пригодны для сена — то больше или меньше они дадут сена сравнительно с другими десятками акрами; сумею ли я с помощью 100 фунтов этого сена откормить больше или меньше скота, чем с помощью других 100 фунтов. При этом я должен проводить сравнение не в денежном выражении, так как цена сена будет выше или ниже, в зависимости от изобилия денег, значительно увеличившегося со времени открытия Вест-Индии, а также в зависимости от плотности населения вблизи рассматриваемого участка земли, роскошного или умеренного образа жизни. Помимо этого, на цену продуктов оказывают также влияние светские и религиозные взгляды народа: например яйца перед великим постом (их доброкачественность и свежесть пройдут раньше, чем пройдет пост) очень дешевы в ряде католических стран. Или свиное мясо среди евреев, или ежи, лягушки, улитки, грибы и т. п. у тех, кто боится их есть, как ядовитые и нездоровые продукты; или изюм и испанские вина, если они подлежат уничтожению, как воров благосостояния нашей страны, согласно специальному эдикту государства.

10. Это я называю обозрением или исследованием внутренней стоимости земли; что же касается внешней или случайной стоимости, то об этом мы будем говорить дальше. Мы сказали выше, что изменение количества денег изменит также уровень цен товаров, согласно наименованию монеты (ведь фунты, шиллинги, пенса — не что иное, как название монеты). Если бы кто-нибудь добыл из рудников Перу и привез в Лондон унцию серебра, затра-

тив на это такое же количество времени, в какое он мог бы произвести бушель зерна, то одно было бы естественной ценой другого; если бы, благодаря новым, более богатым, рудникам ему удалось бы так же легко добыть две унции, как прежде одну, то зерно при цене в десять шиллингов за бушель было бы теперь так же дешево, как прежде при цене в пять шиллингов, *ceteris paribus* (при прочих равных условиях).

11. Нам надлежит найти путь, посредством которого можно сосчитать деньги в нашей стране (я думаю, что знаю этот путь, могущий привести к цели в короткое время без затрат и, что еще важнее, не заглядывая в карманы отдельных лиц, о чем позже). Если мы знаем, сколько золота и серебра мы имели в Англии двести лет назад, и можем сосчитать его количество теперь; если мы также знаем разницу в наименовании монеты тогда, когда чеканилось тридцать семь шиллингов из того же количества серебра, из которого сейчас чеканят шестьдесят два, а также количество лигатуры, труда, затрачиваемого на чеканку, поправки на вес и пробу, пошлины королю; если бы мы также знали зарплату рабочих тогда и теперь, — все это все же не показало бы нам разницы в богатстве нашей страны даже в отношении денег.

12. Мы должны были бы еще присоединить к этим предпосылкам знание разницы в численности народонаселения и сделать вывод: если все деньги нации равномерно распределить между всем населением тогда и теперь, то в то время, когда каждый участник дележа мог с помощью этих денег нанять больше рабочих, страна была богаче.

Для этого вывода нам нехватает знания количества денег и численности народонаселения в настоящее и в прежнее время; все это, как я думаю, может быть установлено даже для прошлого, но, что еще более вероятно, для настоящего и будущего времени.

13. Предположим, что мы эти данные имеем, тогда мы могли бы вычислить примерную цену земли около Лондона. Для этого мы сначала должны были бы подсчитать материалы для пищи и одежды, которые в среднем производят графства, лежащие около Лондона: Эссекс, Кент, Суррей, Мидлсекс и Гертфорд.

Мы должны были бы сосчитать потребителей всех этих продуктов в указанных пяти графствах и в Лондоне. Я нахожу, что это количество больше, чем количество потребителей, живущих на таком же пространстве в других частях страны или, вернее, на участке, производящем такое же количество продуктов. В таком случае продукты в указанных пяти графствах должны быть дороже, чем в других местах, а внутри указанных графств — дешевле или дороже, в зависимости от расстояния до Лондона или, скорее, большей или меньшей дороговизны провоза.

14. Ведь если указанные пять графств производят вообще столько продуктов, сколько возможно, тогда недостающая часть их должна быть привезена издалека, а то, что находится вблизи, соответственно повысится в цене. Или если в пределах указанных пяти графств будет затрачено больше труда, чем теперь, на повы-

шение плодородия земли, например на вскапывание вместо вспашки, посадку вручную вместо посева, уборку лучших продуктов вместо уборки гуртом, вымачивание семян до посева и удобрение земли солью вместо гнилой соломы, — тогда рента возрастет настолько, насколько прирост продукта превосходит прирост труда.

15. Цена труда должна быть точно определена, как это делается с помощью статут²², ограничивающих дневной заработок различных профессий. Несоблюдение этих законов, а также недостаточная гибкость в их применении, в зависимости от изменившихся условий, могут стать очень опасными и внести путаницу во все попытки улучшить хозяйство страны.

16. Более того, пробным камнем для проверки того, выгодно ли воспользоваться всеми этими усовершенствованиями или нет, будет сравнение труда, необходимого для доставки этих продуктов туда, где они растут в диком состоянии или требуют меньших расходов, с трудом, затрачиваемым на все эти усовершенствования.

17. Могут возразить, что сделать эти вычисления очень трудно, если не невозможно. Я согласен с этим, особенно если никто не захочет приложить рук или поломать голову над подобной работой. Но я утверждаю, что пока это не будет сделано, торговля будет слишком спекулятивным делом, чтобы кто-либо пожелал размышлять над ней. Она потребует такой же мудрости, какая нужна, чтобы выигрывать при честной игре в кости. Надо потратить много времени на обдумывание того, как их держать, сколько раз их встряхнуть, с какой силой бросить, под каким углом они ударятся о стол; и столько же надо будет размышлять над тем, как улучшить хозяйство страны.

В настоящее время люди зарабатывают за счет своих соседей (а не от земли и моря) скорее благодаря удаче, чем умению, и благодаря ложным мнениям других скорее, чем вследствие собственных суждений. Кредит повсюду (и особенно в Лондоне) превратился в чистую идею о платежеспособности или неплатежеспособности человека, а не основан на сколько-нибудь достоверном знании его богатства или имущества. Я же считаю, что природа кредита должна покоиться на мнении о способности человека заработать своим ремеслом и трудолюбием. Надлежащее соблюдение законов должно обеспечить знание имущественного положения каждого и возможности заставить каждого платить в полной мере то, что он должен.

18. Я хотел бы подчеркнуть и доказать парадокс, что если бы имущественное положение каждого человека было возможно прочесть на его лбу, развитие нашего хозяйства значительно ускорилось бы от этого, хотя честолюбивые бедняки являются обычно наиболее трудолюбивыми. Но об этом мы выскажемся в другом месте.

19. Следующее возражение против точного подсчета ренты и цены земли состоит в том, что король знал бы слишком точно состояние каждого гражданина. Если обложение страны будет

понижено на сколько возможно (что в большой степени зависит от депутатов и парламента) и народ захочет платить с готовностью, если позаботятся о том, чтобы те, кто не имеет наличных денег, могли получить кредит под обеспечение принадлежащих им земли или товаров, и, наконец, если для короля чрезвычайно неудобно брать больше, чем нужно, как мы доказали выше, то в чем же тогда вред от такого точного знания? Что же касается обложения каждого плательщика налога, почему люди надеются или ожидают, что смута облегчит их обложение? Почему они не боятся, что если они и выиграют теперь, то пострадают позже?

ГЛАВА VI

О пошлинах и вольных портах ²³

Пошлина есть налог на товары, вывозимые или ввозимые в королевские владения, или вычет из их стоимости. В нашей стране она составляет около двадцатой части цены товаров, но не тех цен, которые в ходу в данное время у торгующих ими купцов, а других, установленных государством, постоянных расценок, хотя и рекомендованных по большей части заинтересованными лицами.

2. Я не представляю себе ясно естественных оснований, почему королю платят этот налог при ввозе и вывозе, однако, повидимому, имеются некоторые основания, почему ему платят за разрешение вывоза некоторых товаров, в которых другие страны действительно испытывают нужду.

3. Я думаю, что пошлина была вначале премией, уплачиваемой государю за защиту от пиратов при перевозке товаров в страну и из страны; я действительно поверил бы этому, если бы государь был обязан возмещать потери этого рода. Пошлина в 5% была основана на вычислении, что купцы до этого больше теряли от пиратов.

4. Наконец, пошлина была страховкой на случай потерь от врага, как теперь обычно страхуют от случайностей — моря, бури, погоды — корабли и другие вещи; или вроде существующей в некоторых странах страховки домов от пожара, путем платежа небольшой части их ежегодного дохода.

Но как бы то ни было, пошлины давно установлены законами и должны уплачиваться, пока не будут отменены. Но я прошу прощения, как праздный философ, поболтать об их природе и размерах.

5. Размер наших вывозных пошлин должен быть таков, чтобы, за отчислением разумной прибыли для экспортера, мы могли продавать наши товары, необходимые иностранцам, несколько дешевле, чем они могли бы получить их где бы то ни было в другом месте.

Так, например, олово — местный продукт, господствующий на внешнем рынке, т. е. он производится по наиболее дешевой цене и удобнее для экспорта, чем все другие товары.

Предположим, что олово может быть получено в Корнуэльсе по 4 пенса за фунт и что то же олово в ближайшей части Франции стоит 12 пенсов за фунт. Я утверждаю, что эта необычайная прибыль должна рассматриваться как настоящий рудник драгоценных материалов, как клад, и король должен иметь в нем свою долю. Эту долю он получит, установив на вывоз олова пошлину такой величины, чтобы, с одной стороны, дать возможность рабочим существовать (и не больше), с соответственной прибылью для владельца рудника, и, с другой стороны, чтобы цена на олово за границей была ниже той, по которой оно могло бы быть куплено в другом месте.

6. Тот же самый налог мог бы быть установлен на олово, потребляемое внутри страны, если только не оказалось бы невозможным сделать это, как для короля Франции установить налог на соль на месте ее производства.

7. Замечено, что такие высокие пошлины побуждают людей либо вовсе не ввозить таких товаров, либо не платить за них пошлины, если только расходы на контрабандный ввоз и подкуп чиновников, учитывая также опасность конфискации, не превышают в среднем пошлины.

8. Поэтому размеры пошлин должны быть таковы, чтобы было более удобно, безопасно и выгодно соблюдать закон, чем его нарушать, исключая те случаи, когда власти могут быть уверены в выполнении закона.

Так, например, было бы трудно избавиться от пошлины на лошадей, вывозимых из небольших портов, если бы не было прилегающих бухт, и то только в течение двух часов во время прилива, поскольку лошадь не может быть замаскирована, спрятана в мешки или бочки или вывезена без шума и без участия многих людей.

9. Размеры пошлины на ввозимые товары должны быть таковы:

1) чтобы все товары, готовые к потреблению, были несколько дороже тех же вещей отечественного производства, если это возможно при прочих равных условиях;

2) чтобы все, что приближается к предметам роскоши и греховного наслаждения, было обложено такой пошлиной, которая заменила бы законы против роскоши в деле ограничения их потребления; но тут тоже необходимо учесть, чтобы контрабандный ввоз их не стал выгоднее, чем уплата пошлины.

10. Наоборот, все полуфабрикаты, как например сырые шкуры, шерсть, фетр, шелк-сырец, хлопок, а также орудия и вспомогательные материалы для промышленности, как красящие вещества и т. п., должны быть обложены меньше.

11. Если бы можно было обеспечить взимание этих пошлин наиболее совершенным образом, государи могли бы вводить одну пошлину на другую, но так как они не в состоянии этого сделать, то народ платит только за то, что он не может укрыть, и не соблюдает законов, если может их обойти.

12. Неудобства системы пошлин таковы:

1) они налагаются на не вполне готовые к потреблению вещи, на товары в стадии изготовления, и являются помехой на пути их завершения; это является таким же плохим хозяйничанием, как если бы пускать на дрова молодые деревья вместо старого леса;

2) большое число служащих, занятых сбором пошлин, в особенности в стране, где имеется много гаваней и климат позволяет вывозить товары морем во все времена года;

3) большая легкость контрабанды посредством подкупа, обмана, припрятывания товаров и т. п., несмотря на присягу и наказания, а также то, что существуют различные способы смягчить наказание или снять штраф после раскрытия контрабанды;

4) пошлины и налоги на небольшое количество товаров английского происхождения, вывозимых за границу, образуют слишком малую часть общего расхода народа нашей страны (который составляет, вероятно, не меньше 50 млн. фунтов стерлингов в год), так что невозможно покрывать все расходы государства только за счет пошлин и необходимо применять вместе с пошлинами и другие виды налогов; можно было бы найти такой способ, который один позволил бы покрыть все расходы государства; неудобство же пошлин заключается в необходимости прибегать к другим источникам государственных доходов, кроме них.

13. В качестве некоторой поправки я предложил бы, чтобы вместо пошлин на перевозимые морем товары каждый корабль облагался по тоннажу как при въезде, так и при выезде. Для сбора такой пошлины понадобилось бы мало служащих, так как предмет обложения виден всем. При этом нужно, чтобы этот налог был только такой частью стоимости фрахта, которая, будучи вычтена из всего потребления, могла бы покрыть все государственные расходы. Для этого достаточно, пожалуй, 4%, что составит два миллиона в год на пятьдесят млн. фунтов стерлингов.

14. С другой стороны, пошлину следовало бы свести к роду страховой премии, для чего она должна быть увеличена и приспособлена к тому, чтобы посредством нее король мог обеспечить товары от всех опасностей моря и от врагов; таким способом вся страна возмещала бы указанные потери, и тогда купцы, ради собственных интересов, будут более охотно участвовать в этом и оплачивать все, что они застрахуют.

15. Но здесь мне возражат, что хотя пошлины и будут уничтожены, все равно нужно будет иметь почти то же число служащих, как и теперь, для предотвращения ввоза и вывоза воспрещенных товаров. Поэтому мы выясним здесь природу таких запрещений на двух или трех больших примерах.

16. Запрещение вывоза денег является вещью почти неосуществимой, попыткой вздорной и тщетной. Опасность контрабандного вывоза денег сводится или к стоимости страховки от риска быть пойманны, или к добавочным расходам по подкупу сыщиков. Так, например, если только в одном случае из пятидесяти вывозимые деньги будут конфискованы, или если за разрешение контрабандного вывоза 50 фунтов обычно берут 20 шиллингов, тогда

товары, купленные за эти деньги, должны быть проданы потребителю по меньшей мере на 2% дороже. Если торговля не сможет нести этого добавочного расхода, тогда деньги из осторожности не будут вывозиться.

Значение этого запрещения, если мы предположим, что оно осуществимо, будет заключаться в том, что оно как бы представляет закон против роскоши и помешает стране в целом тратить денег больше, чем она получает; ведь если бы мы не могли вывозить ни сельскохозяйственных, ни промышленных изделий, то запрещение вывоза денег означало бы тем самым, что никакие иностранные товары не могут ввозиться к нам.

Предполагая, в свою очередь, что мы вывозим достаточно для снабжения нас всеми иностранными товарами, но что вследствие какого-либо необычайного упадка сельского хозяйства или промышленности мы можем вывезти лишь половину того, что вывозили всегда, для обмена на иностранные товары, тогда запрет вывоза денег действительно играет роль закона против роскоши, мешая нам ввезти иностранных товаров больше половины того, что мы обычно потребляем, причем предоставляется на усмотрение купцов решить, от ввоза чего они воздержатся и что будут ввозить. При установлении закона против роскоши государство берет эту заботу на себя. Предположим, что мы нуждаемся в вывозе 40 000 фунтов стерлингов, чтобы уравновесить наш ввоз; допустим, например, что необходимо урезать ввоз на 40 000 фунтов кофе или испанских вин; в этом случае запрещение вывоза денег поставит на усмотрение купцов: отказаться ли от ввоза первого или второго товара или известной части обоих товаров, тогда как закон против роскоши определяет, будем ли мы поощрять сношения и вести торговлю со страной, которая шлет нам вина, или с той, которая шлет нам кофе, и является ли более убыточным для нашей страны потребление вина или кофе.

17. Преимуществом свободного вывоза денег является только то, что если корабль вывозит из Англии сукна на 40 000 фунтов, то он мог бы вывезти одновременно и 40 000 фунтов деньгами. Тогда купцы могли бы твердо держаться своей цены и в конце концов купили бы дешевле и продали бы дороже. Но в этом случае купец покупает эту возможность путем уплаты процентов на вывозимые им деньги. Если они составляют 5%, то ему было бы выгоднее продать свои товары на 4% дешевле, чем обеспечить свое положение деньгами на вышеуказанных условиях. Но об этом можно много сказать. Поспешим перейти к большому вопросу о шерсти.

18. Голландцы отняли у нас нашу суконную промышленность, научившись работать с большим искусством и более напряженно, беря меньший фрахт, пошлины и страховку. Своими действиями они довели нас до такого безумия, что мы были способны помышлять о необычайно резких мерах запрета вывоза шерсти и сукновальной глины, проведение которых, по всей вероятности, причинило бы нам вдвое больший вред, чем потеря вышеуказанной торговли. Чтобы вернуть себе снова нашу промышленность, —

прежде чем сказать, что необходимо для этого сделать, мы должны рассмотреть следующие моменты:

1) Мы часто вынуждены покупать зерно за границей и точно так же часто жалуемся на изобилие свободных рук дома и на то, что мы не можем продать даже тех шерстяных изделий, которые произведены нашими немногочисленными рабочими. В этом случае не лучше ли было бы сократить наше овцеводство и обратить наши руки на обработку земли. Во-первых, мясо стало бы дороже и это было бы поощрением для рыболовства, которое до сих пор не было развито. Во-вторых, наши деньги не будут уходить так быстро в оплату за зерно. В-третьих, у нас не будет такого перепроизводства шерсти. В-четвертых, наши праздные руки будут применены в земледелии, рыболовстве, а некоторые будут заняты скотоводством, как бы обрабатывая, каждый человек с собакой, ²⁴ много тысяч акров земли.

2) Предположим, что нам не нужно хлеба и у нас нет праздных людей, и все же у нас больше шерсти, чем мы можем переработать; в этом случае известное количество шерсти может быть вывезено, поскольку мы предполагаем, что рабочие руки уже заняты в более выгодном производстве.

3) Предположим, что голландцы превосходят нас своим искусством; разве не лучше было бы привезти сюда известное число этих отборных рабочих или послать туда наших способных людей для обучения? Ведь если это удастся, — это, очевидно, было бы наиболее естественным путем, чем продолжать нашу бесконечную болтовню о помехах природы и т. д.

4) Если мы можем производить жизненные припасы значительно дешевле, чем в Голландии, то уничтожьте обременительные, легкомысленные и устарелые налоги и должности. Я признаю, что даже это было бы лучше, чем убеждать воду выходить из своих границ и течь снизу вверх.

5) Мы должны в общем отметить, что как мудрые врачи не очень вмешиваются в ход болезни своего пациента, скорее наблюдая и согласуя свои мероприятия с природой, чем противореча ей резким вмешательством, так и в политике и в экономике надо соблюдать то же, так как гоня природу в дверь, она войдет в окно (*naturam expellas furca licet usque recurrit*).

18. Тем не менее, если преимущества голландцев в производстве сукна лишь незначительны и малы по сравнению с нашими, то-есть если они работают немного лучше нас, я считал бы, что запрет вывоза шерсти мог бы повернуть чашу весов. Но судить о том, так ли это или нет, я предоставляю другим, поскольку я — не купец и не государственный человек.

19. Что же касается воспреещения ввоза, я противник этого, пока он не будет сильно превосходить наш вывоз. Хотя мы считаем, что досадно давать хорошее нужное сукно за развращающие нас вина, однако если мы не можем продать это сукно другим, то лучше было бы дать его за вино или даже за что-нибудь худшее, чем прекратить его производство. Лучше было бы сжечь временно

продукт труда тысячи людей, чем допустить, чтобы эта тысяча потеряла способность к труду из-за безработицы.

Короче, то, что может быть в дальнейшем сказано по этому поводу, сводится к учению и искусству создавать законы против роскоши и к разумному их применению в тех или других случаях.

20. К этому очерку о пошлинах относится и вопрос о вольных портах, каковые (в нации, которая торгует только для себя, т. е. продает свои избытки и ввозит лишь то, что ей необходимо) бесполезны и даже скорее вредны. Представим себе, что вино привозится в свободный порт, там хранится и тайно продается, а бочки будут наполнены грязной водой и отправлены обратно на корабль, чтобы их вылить в море. В этом случае пошлина на вино будет обманным образом не уплачена, как это может быть сделано многими другими путями.

21. Быть может, нам скажут, что хотя мы будем торговать только для себя, однако наши порты (так как они удобнее, чем порты других наций) будут больше посещаться, так как они будут свободными от пошлин, и будут богатеть вследствие расходов моряков, пассажиров, найма рабочих, складов и т. д., даже при отсутствии пошлин на товары. Несмотря на это, небольшая пошлина должна была бы все же взиматься, как выше сказано, с кораблей за пользование портом, независимо от дохода за наем погребов, носильщиков и возчиков, который мы получаем сверх этого.

22. Но если бы мы могли стать посредниками между двумя другими народами, тогда не было бы никаких оснований для требования пошлин (как уже выше сказано) на полуфабрикаты или на вещи, которые находятся на пути к завершению. Что же касается возможных обманов, как в вышеуказанном случае с вином, то я утверждаю, что наш налог на потребление может покрыть и устранить их.

ГЛАВА VII

О подушной подати

Подушная подать — налог на человеческую личность, падающий безразлично на всех, или же в зависимости от титула и знаков отличия. Последние могут носить просто почетный характер, или быть связанными с должностью или же со специальностью и профессией, независимо от богатства или бедности, доходов или расходов, выигрыша или потерь, возраста с указанными титулами, должностями или специальностью.

2. Подушная подать, которая взималась в недавние годы, была удивительно запутана. Так, например, некоторые богатые лица были обложены самым низким окладом. Некоторые рыцари, нуждавшиеся в самом необходимом, были обложены в 20 фунтов стерлингов. Это поощряло некоторых тщеславных людей платить как дворяне, с тем, чтобы находиться в дворянских списках,

Некоторых заставляли платить по 10 фунтов стерлингов, как докторов медицины или права, хотя они и не получали ничего от своего звания и не занимались практикой. Некоторые бедные торговцы принуждены были выходить из компаний вследствие платежей, превышавших их средства. И, наконец, некоторые платили согласно своему имуществу, но оно было оценено теми, кто его размеров не знал. Тем самым они давали возможность банкротам уверить всех в том, что они обладают таким состоянием, которое оценщики им приписали обманным образом. *

3. Вследствие этой путаницы и произвола, ошибок и мешанины категорий невозможно было сделать никакой оценки пригодности этого пластыря для лечения болезни, ни найти никакой опоры для обследования, насколько соответствующие суммы были должным образом высчитаны, и т. д.

4. Совершенно отбросив этот сложный путь налога, я буду говорить о подушной подати более ясно, и прежде всего о простой подушной подати, в одинаковом размере для всех людей, причем приходы платят за тех, кто получает милость, родители — за своих детей, не достигших зрелого возраста, а мастера — за своих учеников и других лиц, кто не получает заработной платы.

5. Неудобство такого обложения заключается в том, что оно очень неравномерно. Все люди, хотя и неодинакового состояния, платят одинаково, а те, кто более всего обременен детьми, платят больше; значит, чем они беднее, тем тяжелее их облагают.

6. Удобства же таковы: во-первых, она может быть быстро собрана и с малыми затратами. Во-вторых, поскольку численность народонаселения всегда известна, можно достаточно точно сосчитать, какую это даст сумму. В-третьих, она побуждает всех людей дать своим детям какую-либо полезную работу, как только они способны работать, каждый ребенок платит сам за себя подушную подать.

7. Следующий вид подушной подати — это подать, падающая на всех в различных размерах для людей, обладающих почетными титулами, но независимо от должности или специальности, как например титулы: герцога, маркиза, графа, виконта, барона, баронета, рыцаря, дворянина, то-есть старшие сыновья рыцарей (in perpetuum) и джентльмены, если они так себя обозначают. Этот способ обложения гораздо более справедлив, чем другой, поскольку те, кто имеет титулы, по большей части соответственно богаче других. Если же они не богаче, все же люди с такими титулами будут занимать выдающиеся места, даже если они не покупают или не могут купить их у родовых людей за деньги.

Мое мнение таково, что титул может дать возможность чело-

* Подушная подать, по поводу сложной системы которой жалуется Петти, была установлена в 12-й год царствования Карла II-го, 9 сентября 1660 г. Она должна была быть выплачена в течение двенадцати дней и от нее ожидали 400 000 фунтов стерлингов для целей быстрой демобилизации армии. Но к 24 ноября подать дала только 252 167 фунтов стерлингов 1 шиллинг 2 пенса.

веку сэкономить столько же, насколько его подушная подать вследствие этого титула превосходит обычный ее уровень.

8. Более того, при условии правильного и произведенного различными способами учета населения подушная подать может быть собрана легко, быстро и без расходов; она также может быть вычислена заранее, приспособлена и собрана согласно нуждам государя.

9. Что же касается различных должностей, то они действительно по большей части носят почетный характер, но оплачиваются хлопотами, связанными с ним; так, например, быть альдерменом (членом городского самоуправления), скажем, в Лондоне, — действительно почетная должность, но многие уплатили бы до пяти-сот фунтов за право отказаться от нее. Несмотря на это, не следует считать неподходящим делом обложение налогом должностей, к которым стремятся, или даже таких, которые принимают, хотя от них можно и отказаться. С другой стороны, человека, обладающего титулом, не следует принуждать платить подушную подать согласно его титулу, если он готов отказаться от него с тем, чтобы никогда больше не получить его обратно.

10. Специальности и профессии не должны быть особой категорией при установлении подушной подати, так как они не заключают в себе необходимой возможности платить, но влекут за собою значительное неравенство. Если кто-либо вследствие диплома, дающего право на практику, много зарабатывает, то можно предположить, что он соответственно и расходует; в таком случае акцизное обложение безусловно коснется его.

11. Дымовой сбор, повидимому, тоже представляется подушной податью, однако это скорее вид совокупного акциза, о чем скажем позднее.

ГЛАВА VIII

О лотереях

Люди, принимающие титул, могут предвидеть, что их смогут обложить вышеуказанными податями, хотя маловероятно, чтобы такой вид налога прошел (так как палата лордов состоит вся из титулованных лиц и большая часть палаты общин — также); поэтому дело обстоит так, как если бы они заранее готовы были подвергнуться обложению.

2. Теперь, — в случае лотерей люди тоже себя облагают в общей массе, хотя каждый это делает из надежды на выигрыш. Лотерея собственно является налогом на несчастных самонадеянных глупцов, людей, которые верят в свое счастье или верят каким-либо предсказателям судьбы или астрологам, обещавшим им большой успех.

3. Поскольку мир изобилует безумцами подобного рода, нельзя допустить, чтобы каждый, кто хочет, мог обмануть каждого, кто захотел бы быть обманутым, но скорее следовало бы издать приказ, чтобы король взял на себя опеку над этими безумцами или

чтобы какой-либо фаворит выпросил у короля право всецело извлекать выгоду из глупости людей, как это бывает в случае опеки над лунатиками и идиотами.

4. Поэтому лотереи нельзя допускать без разрешения властей, устанавливающих пропорцию, в какой народ будет расплачиваться за свои ошибки, и заботящихся о том, чтобы эти ошибки не были так многочисленны и так часты, как они сами пожелали бы этого.

5. Лотерея используется лишь для небольших сборов и скорее ради таких общественных нужд, как например для постройки водопроводов, мостов, возможно для проезжих дорог и т. д., а не на содержание армии и экипировку флота.

Мы ограничимся этим в вопросе о лотереях.

ГЛАВА IX

Самообложение ²⁵

Сбор денег посредством самообложения повидимому не принуждает никого и не берет ни от кого ничего, кроме того, что каждый может сберечь для этой цели; несмотря на это, в нем заключается нечто большее. Ведь подвергнуться грозному взгляду государя или вельможи так же тяжело, как подвергнуться описи имущества за неплатеж налога или подати; и опасность быть представленным в ложном свете гнусными лъстецами и осведомителями как человек, не сочувствующий цели, для которой производится сбор, чаще может принести вред, чем платеж какой-либо суммы в должном размере одинаково со всеми другими людьми (что, как я сказал, не делает никого беднее).

Преимущества этого способа: иногда случается, как в недавнем конфликте с шотландцами в 1638 и 1639 гг., когда более всего были заинтересованы церковные сановники, что причина расхождений касается одной группы людей больше, чем другой. В таком случае не следовало бы облагать налогом всех из-за потребностей одной группы. Иногда случается, что одна группа получает больше милостей, чем другая, как например при недавно происшедшей реставрации его величества в 1660 г. те, кто нуждался в акте об амнистии и получил ее. Иногда некоторые лица имеют лучшие условия для получения барыша и выгод, чем другие, как это было, например, с духовенством после указанной реставрации его величества.

Во всех этих случаях можно предложить самообложение, хотя оно ни в коем случае не лишено неудобств, из которых главнейшими являются следующие:

1. Вышеупомянутое запугивание в случае, если кто-нибудь не внес такой доли, какую он должен был бы внести, по мнению завистливых наблюдателей.

2. Самообложение во многих случаях может разделить всю нацию на партии или, по меньшей мере, может сделать силу партии хорошо известной тем, кому это не надлежит знать, и вместе с тем оно может (наоборот и умышленно) замаскировать это и помочь ускользнуть от тех мер, которые правители имели в виду, прибегая к этому способу.

3. Некоторые люди могут иметь особые соображения для более крупных платежей в надежде, что они будут вознаграждены милостью кого-нибудь из вельмож, кто окажет покровительство их предприятию в ущерб другим.

4. Люди с шатким имущественным положением, которые тем не менее любят жить широко и с блеском, а также те, которые стараются создать себе друзей своим гостеприимством, на деле оплачиваемым другими, в такой мере, чтобы находить покровительство даже против правосудия, — очень часто во время такого самообложения показывают сумасбродные примеры и другим, которые много работали, чтобы добиться того, что они имеют. Они не заботятся о том, сколько заплатят, так как это увеличивает их кредит и даст им возможность занять больше, так что в конечном итоге все бремя самообложения этих банкротов ложится на трудолюбивых патриотов, которыми и существует государство.

Г Л А В А X

О наказаниях

Обычными наказаниями являются: смерть, лишение членов тела, заключение в тюрьму, публичное бесчестие, телесные наказания, пытка, не считая денежных штрафов. На последнем мы и остановимся более подробно, а о других будем говорить только с целью исследовать, нельзя ли их заменить штрафом.

2. Имеются некоторые преступления, за которые даже божественные законы требуют смерти. Эти преступления должны караться смертью, если только мы не встанем на ту точку зрения, что вышеуказанные божественные законы были лишь законами Еврейского государства, хотя и даны самим богом. Такого мнения, очевидно, придерживается большинство современных государств, поскольку они не наказывают прелюбодеяние смертью, как это делали евреи, и однако наказывают смертью мелкие кражи вместо многократного возмещения.

3. На основе этих предположений мы осмелимся спросить: разве смысл смертной казни не в том, чтобы наказать неисправных преступников за большие преступления?

4. Разве смысл публичной казни с пытками не в том, чтобы устрашить людей, чтобы они не совершали измен, которые причиняют смерть и несчастье многим тысячам невинных и полезных людей?

5. Разве смысл тайно совершаемой смертной казни не в том, чтобы наказать тайные и неизвестные преступления, о которых

публичная казнь оповестила бы мир; или не в том, чтобы своевременно задушить некоторые опасные новшества в религии, молчаливое допущение которых могло бы ободрить худших людей и способствовало бы их распространению?

6. Уродование, например лишение уха, носа и т. п., употребляется для того, чтобы оставить неизгладимое пятно, подобно тому как привязывание к позорному столбу является временным и преходящим наказанием. Эти наказания и им подобные сделали некоторых исправимых преступников ожесточенными и несправимыми.

7. Уродование частей тела, например отрубание пальцев, имеет своею целью помешать тем, кто злоупотреблял ими, как например карманные воры, поддельватели печатей и почерков и т. п. Отрубание других частей тела может служить для наказания и предупреждения прелюбодеяния, насилования, кровосмешения и т. п. Мелкие телесные наказания применяются к тем, кто не может платить денежных штрафов.

8. Заключение в тюрьму, повидимому, является скорее наказанием для подозреваемых, чем для виновных, и для тех, которые своим поведением дают властям повод думать, что они либо совершили некоторое мелкое преступление, как-то кражи и т. п., или что они еще совершат большие, как например измену, бунты. Но в том случае, когда заключение в тюрьму не является способом помешать человеку уклониться от суда, но совершается по приговору суда, оно кажется более всего подходящим только для таких людей, которым нужно помешать разговаривать, именно для тех, чьи беседы увлекают, а действия заражают, но относительно которых, однако, еще остается надежда на их исправление в будущем или на их пригодность для каких-нибудь целей.

9. Что же касается пожизненного заключения по приговору суда, оно, повидимому, то же, что смертный приговор, но приводимый в исполнение самой природой, ускоренный такими неудобствами, как тюремное заключение, тоска, одиночество и размышления о лучшем положении в прошлом. Оно обычно порождает мнение: приговоренные к этому люди не живут дольше, а дольше умирают.

10. Теперь нам нужно, следовательно, припомнить наше мнение (что труд — отец и активный принцип богатства, как земля — мать его), что государство, убивая, калеча или заключая в тюрьму своих сочленов, этим наказывает само себя. Поэтому таких наказаний следовало бы, насколько возможно, избегать и заменять их денежным штрафом, что увеличит труд и богатство общества.

11. В соответствии с этим почему не обязать состоятельного человека, признанного виновным в убийстве, скорее уплатить известную часть своего имущества, чем сжигать его руку?

12. Почему не наказывать несостоятельных воров скорее рабством, чем смертью? Сделав их рабами, мы можем их заставить так много работать и так скудно жить, насколько это

совместимо с требованиями природы, и таким образом они превращаются как бы в двух человек вместо одного, отнятого их преступлением у государства.

Если Англия недостаточно населена (предположим, на половину), то я сказал бы, что простейший способ удвоить ее население — это удвоить работу, которая совершается ее настоящим населением, т. е. сделать некоторых рабами. Но об этом мы скажем в другом месте.

13. Почему состоятельных воров и мошенников не наказывать скорее многократным возмещением убытка, чем смертью, позорным столбом, бичеванием и т. д.? Но, спрашивается, как это многократным возмещением вы накажете карманную кражу? Я отвечу, что было бы хорошо для разрешения этого вопроса спросить какого-нибудь чистосердечного специалиста этого дела: как часто они попадаются сравнительно с удачными случаями?

Если один раз из десяти, то установить семикратное возмещение было бы очень выгодной сделкой, десятикратное возмещение было бы справедливым возмездием. Двадцатикратное возмещение было бы на самом деле двойным.

14. И несомненно, возмещение в два, три, четыре и семь раз, упомянутое в Моисеевом законе, так и должно быть понимаемо, иначе человек может сделать воровство очень выгодной и законной профессией.

15. Ближайший вопрос: сколько следует дать потерпевшему при таком многократном возмещении? На что я отвечаю: не больше того, что у него взято, и даже вряд ли столько, чтобы заставить его быть более бережливым и осторожным; три части нужно дать открывшим преступника, а остальное в пользу государства.

16. В-третьих, в случае прелюбодеяния большая часть наказаний, не заключающихся в денежных штрафах или не замененных ими, сводится только к позору, да и то лишь по отношению к немногим лицам; после этого преступник делается закоснелым, как бы позор ни действовал на тех, честь которых до сих пор была чиста. На все это человек, стоя на краю такой пропасти, которая доводит его до безумия, обращает очень мало внимания; особенно когда перед ним стоит опасность совершить такие проступки, которые являются скорее безумием, неуравновешенностью, потерей разума и здравого смысла или взрывом страстей, чем сознательным и разумным действием.

17. Согласно аксиоме: чем кто грешит, тем и наказывается (*in quo quis peccat, in eodem puniatur*), — если формальный смысл греха *concupitus vagi* заключается в помехе размножению, то пусть те, кто виновен в дурных проступках этого рода, возместят государству потерю пары рук двойной собственной работой или, что все равно, денежным штрафом. Это применяется действительно на практике в некоторых разумных государствах при установлении наказаний за проступки, которые они никогда не будут в состоянии предупредить. И даже евангелие не назначает особого наказания за эти проступки на этом свете, объявляя

лишь, что виновные в них будут лишены радостей будущей жизни.

18. Я мог бы привести много частных примеров, но если то, что я уже сказал, достаточно разумно, хватит этого немногого. Если же нет, то и всего остального будет недостаточно. Поэтому я остановлюсь еще на одном вопросе, как наиболее характерном для настоящего времени и в настоящих условиях, а именно: как наказывать проповедников еретических взглядов.

19. Верно, что должностные лица могут наказывать ложноверующих, если они думают, что, воздерживаясь от такого наказания, они оскорбят бога; но на тех же основаниях, какие люди приводят в пользу свободы совести и всеобщей терпимости, с другой стороны, верно, что они могут допустить ложное почитание бога, что по меньшей мере ясно из обычая, принятого во всех государствах, который дозволяет посланникам свободу исповедания и даже самых отвратительных культов (притом какой бы светский ничтожный характер ни носили вопросы, по коим они ведут переговоры).

20. Поскольку власти могут разрешать или смотреть сквозь пальцы на такие культы, которые сами считают допустимыми, и, однако, могут также и карать за них; с другой стороны, поскольку смертью, калечением и заключением в тюрьму своих подданных государство не только наказывает себя, но и способствует распространению ложных верований; то отсюда следует, что денежные штрафы были бы наиболее подходящим способом пресечения вольностей людей в этой области. Такой способ действий не содержит в себе никакого оттенка озлобления, но скорее говорит о желании простить, лишь бы такая терпимость была совместима с безопасностью государства. Ведь никто из инаковерующих не может претендовать на то, чтобы терпимость вступила в противоречие с требованием гражданского мира. Если он действительно согласен с этим, он не может сетовать на властей, когда они требуют от него, чтобы он был верен своему долгу, и не имеет основания жаловаться на обложение для этой цели, необходимость в котором он сам вызывает.

21. Насколько имеются основания для терпимости в отношении добросовестных еретиков, настолько государство должно свирепствовать в отношении лицемеров, особенно таких, которые злоупотребляют святые религии, делая из нее маску и прикрывая ею земные цели; какой же путь может быть более легким и в то же время более действительным для этих двух различных случаев, чем в надлежащих размерах установленные денежные штрафы? Кто же, если он действительно желает служить богу без страха, работая десять часов в день в своей профессии, не согласится проработать еще лишний час ради такой свободы? Тем более что религиозный человек тратит на час больше времени каждый день на свои молитвы, чем более свободомыслящие люди. Или кто, например, если он носит сукно по 21 шиллингу за ярд, не удовлетворится сукном в 20 шиллингов за то же преимущество

свободы совести? Те, кто отбрыкиваются от этого, не желают ни сделать что-либо для бога, ни пострадать за него, хотя на словах так усердствуют.

22. Здесь могут возразить, что хотя некоторые плохие религии и могут быть терпимы, но не все, например такие, которые не совместимы с гражданским миром. На это я отвечаю: во-первых, не бывает такой ереси, как бы она ни была терпима, которая была бы совершенно совместима с требованием единства и мира в обществе; с другой стороны, нет и настолько добросовестной ереси, которая не могла бы стать политически крайне опасной. Ведь Веннер²⁶ и его соучастники действовали по духовным мотивам, что подтверждается тем, что они добровольно подвергали себя смерти. Тем не менее то, что они считали короля узурпатором трона и прав Иисуса Христа, было гражданским преступлением, которое не может быть ни оправдано, ни сравнено с чем-нибудь другим.

23. С другой стороны, нет столь великого лжеучения, которое не могло бы быть обуздано, чтобы не причинить слишком много вреда государству, без применения смертной казни, заключения или лишения членов тела. Короче говоря, заметим, что никакое мнение не может быть более опасным, чем неверие в бессмертие души, что делает человека животным, без совести или страха перед совершением преступления, если только он может избавиться от людского наказания. Оно же раскрывает человеческую душу для всяких дурных мыслей и намерений. Я утверждаю, что даже такой человек может быть соответственно наказан тем, что его будут считать за животное и он будет лишен права на собственность, как существо, не знающее, как с ней обращаться. Он никогда не должен быть допущен к свидетельским показаниям, так как не может быть связан обязательством говорить правду. Он не должен быть допущен ни на какие почетные должности, как человек, заботящийся лишь о себе, ни к опеке над другими. Он кроме того должен быть принуждаем к тяжелому физическому труду, доход с которого государству будет тем денежным штрафом, о котором много говорили, и притом наибольшим.

24. Что касается до убеждений менее ужасных, чем эти, штраф может быть применен к каждому из них, соответственно опасности, которую власти ожидают от допущения их, и в зависимости от расходов, необходимых для их предупреждения.

25. Говоря о путях, как предупредить или исправить религиозные ереси, для чего мы до сих пор указывали наказание для заблудших овец, я думаю, не лишнее будет добавить, что во всех этих случаях и сами пастыри не должны оказаться совершенно свободными от ответственности. В нашей стране существуют в изобилии свободные школы, а также значительные средства предоставляются нашим университетам и другим местам для целей обучения более чем достаточного количества людей всему необходимому для защиты установленной религии, существуют также многочисленные издательства для этой цели. Помимо

того, если церковные чины так многочисленны и выделяются богатством, почестью и властью, как едва ли какие-либо другие, то кажется странным, когда вследствие лености, формального отношения, невежества и распущенности жизни наших пасторов их овцы вступают на ложный путь, покрываются струпьями, пожираются волками и лисицами, причем лекарство от всего этого они видят лишь в попытке напугать тех, кто сбился с истинного пути, и в том, чтобы содрать шкуру вместе с шерстью с тех, кто покрылся струпьями, тогда как всемогущий бог скорее взыскал бы за кровь тех, кто погиб, с самих пастырей.

26. Если бы священник потерял часть своей десятины с тех, чей уход от церкви он допустил (причем сам отошедший не освобождался бы от уплаты ее, но она доставалась бы государству), а ушедший платил бы некоторый денежный штраф за свой откол и, помимо того, покрывал расходы по своей новой церкви, мне думается, что бремя было бы распределено более равномерно.

27. Рассудительные люди не верят тому, что наше духовенство заслуживает свои обширные привилегии только тем, что они проповедуют, могут лучше изложить вопросы религии, чем другие, или выразить свои понятия цитатами из св. отцов, писания и т. п. Мы, несомненно, оказываем им большие почести за то, чтобы они были образцами святости, за показ своим собственным самоотверженным умерщвлением плоти и суровым образом жизни того, что и нам возможно подражать им в соблюдении божественных заповедей. Если бы все это было только за их проповеди, многие могут думать, что уже в десять тысяч раз больше напечатано, чем необходимо, и лучше, чем можно ожидать когда-либо впредь. Имеются очень большие основания полагать, что дисциплина монастырей поддержала католическую религию, которую роскошь кардиналов и прелатов могла бы погубить.

28. Сущность всего того, что мы сказали в этом рассуждении относительно церкви, заключается в том, что она могла бы сделать много больше для собственного спокойствия, если бы содержание священников не было так значительно, чтобы суровый образ жизни пастырей примирил их с народом. Точно также вполне справедливо, чтобы в том случае, когда церковь страдает от отхода ее членов, пастыри ее, теряя известную часть своих доходов, лучше чувствовали потерю церкви. Каким способом и с помощью каких мер осуществить это, я предоставляю судить тем, к кому это относится.

29. Что же касается наказаний и уголовных законов, я только добавлю, что злоупотреблением ими является такое положение, когда они установлены не для того, чтобы удержать человека от греха, но чтобы подвести его под наказание; если исполнители законов держат их в тайне, пока не будет совершена ошибка, и тогда наводят ужас на бедных бесхитростных правонарушителей, поступая подобно страже, которая никогда не предупреждает людей о том, что нельзя мочиться около караульного помещения, и хватает провинившегося за шиворот во время этого проступка.

ГЛАВА XI

О монополиях и должностях

Монополия (как показывает это слово) означает исключительное право продажи; тот, кому оно предоставлено, имеет право продавать товары, на которые распространяется его монополия, либо такого качества, как ему угодно, или по какой ему угодно цене, или то и другое одновременно, в пределах его права.

2. Важным примером монополий является монополия короля Франции на продажу соли (*gabelle*), благодаря которой он продает соль в 60 раз дороже себестоимости. Так как соль — предмет всеобщего потребления и вряд ли нужна богатому больше, чем бедняку, то, повидимому, монополия на соль производит такое же действие, как и простейшая форма вышеупомянутой подушной подати, в случае если все люди тратят одинаковое количество соли, или если бы все люди были принуждены брать ее независимо от того, нужна она им или нет, как это происходит в некоторых странах.²⁷

Но если люди потребляют соль в неодинаковом размере, как это обычно и бывает, и не обязаны брать больше или платить за большее количество ее, чем они потребляют, в таком случае соляная монополия есть не что иное, как вид объединенного акциза, особенно если соль — вся одного качества, в противном случае это будет особый вид налога, а именно монополия.

3. Предлогом для установления монополии является: во-первых, право изобретателя, так как закон вознаграждает изобретение, предоставляя на него монополию на известное время (здесь, в Англии, на 14 лет). Таким образом изобретатель вознаграждается более или менее, в зависимости от того приема, который изобретение находит среди людей.

Попутно заметим, что очень немногие изобретения были вообще вознаграждены монополией; хотя сам изобретатель, охваченный самонимием о своих собственных заслугах, думает, что он завоеует и покорит мир, однако я заметил,^{*} что большинство людей вряд ли применит новое изобретение, которого они сами не испытали всесторонне и которое со временем не избавилось еще от скрытых неудобств. Так что, когда только предлагается новое изобретение, вначале каждый возражает против него, и бедный изобретатель подвергается всевозможным дерзким насмешкам; каждый находит в его изобретении те или иные недостатки, никто не одобряет его, если изобретатель не вносит в него поправки согласно сделанным ему советам. Едва ли один на сто способен перенести эти пытки, а те изобретения, автором которых это удается, в конце концов настолько меняются, вследствие различных поправок, внесенных другими, что никто из них уже не может ни претендовать на изобре-

²⁷ Петти изобрел пишущую машину, на которую получил от палаты лордов патент 7/III 1647 г., на 17 лет. Он надал описание ее и пытался, но безуспешно, провести изобретение в жизнь.

ние в целом, ни прийти к соглашению о доле каждого в нем. Более того, это обычно тянется так долго, что бедные изобретатели или умирают за то время, или обременены долгами, в которых они запутались, осуществляя свои планы; а кроме того, те, кто вложил в это дело свои деньги, над ним издеваются, называя его прожектером, или еще хуже, так что изобретателем и его притязаниями, в конце концов, совершенно пренебрегают.

Во-вторых, монополия может приносить и реальную пользу на известное время, например при введении новой отрасли промышленности, в которой добиться хорошего качества представляет много затруднений и о которой большинство людей может судить лишь по результатам. Так, например, допустим, что имеется испытанное лекарство, которое один умеет изготавливать очень хорошо, тогда как другие делают его хуже. В таком случае лучшему мастеру может быть предоставлена временная монополия, пока другие с его помощью не научатся изготавливать это лекарство так же хорошо, как он. Во-первых, это нужно для того, чтобы получать различным образом изготовленные лекарства, о разнице которых они не могут судить с помощью своих органов чувств и о действии которых они не могут судить *a posteriori*, с помощью разума. Во-вторых, это нужно для того, чтобы другие могли научиться от того, кто лучше всего изготавливает это лекарство, и, в-третьих, для того, чтобы он был вознагражден за открытие своих секретов. Поскольку монополисты этого рода редко получают большие суммы, такие монополии вряд ли относятся к интересующему нас вопросу.

Должности, продаваемые государством за деньги,²⁸ соответствуют по своей природе монополиям. Они относятся к действиям и занятиям, как другие (монополии) к вещам; за и против них можно сказать то же, что и в отношении монополий.

Когда процветает и растет государство, развивается также и разнообразие вещей, действий и даже слов. Мы видим, что язык наиболее цветущих государств был более богат и изящен, язык горных округов представляет обратное явление. Поэтому с ростом деятельности государства возрастают также и должности (т. е. могущество и исключительное право государственной деятельности). И наоборот, по мере роста должностей их трудность и опасности, связанные с возможностью ошибок, соответственно уменьшаются. Отсюда и происходит, что должности, на которые первоначально ставили наиболее подходящих, находчивых и гибких служащих (таких, которые могли бы бороться со всеми обнаруживающимися трудностями и выводить правила и аксиомы из их собственных наблюдений) для руководства потомства, теперь замещаются обыкновенными чиновниками-бюрократами.

Тогда как вначале назначалось такое большое содержание (принимая во внимание малочисленность тех, кто замещал эти должности) в целях вознаграждения за искусство, доверие и трудолюбие в деле управления, эти большие оклады все еще сохраняются, хотя необходимые искусство и доверие все уменьшаются, а коли-

чество этих окладов до крайности увеличилось (за вычетом всех расходов, причем работа их так легка, что каждый может с ней справиться, даже те, кто никогда не знал ее). Вместе с тем, роскошь, обусловленная легким получением доходов от этих должностей в судебных учреждениях, называется процветанием закона, который, несомненно, процветает лучше всего, когда его представители и наставники имеют меньше всего работы. Даже когда обременительность и бесполезность подобной должности установлены, она все же сохраняется, как личная собственность того, кто купил должность.

Таких должностей в нашей стране очень много; среди них есть такие, которые могли бы принести доход королю или вследствие приносимого ими ежегодного дохода, или путем продажи их на много лет.

Эти должности суть, собственно, отчуждаемые, т. е. такие, которые приносили большой оклад, когда число их было мало, а также и теперь, когда их стало много с ростом государственной деятельности, причем эта деятельность сводится к труду самых посредственных людей; с течением времени вся эта работа стала легкой и обеспеченной от обманов, нарушений доверия и плохого управления, которые причиняли вред в ранний период существования этих должностей. Таким образом, эти должности — налог на тех, кто не может или не хочет их избежать, и они родились с тех пор, как люди находятся под угрозой бедствий, связанных с дуэлями. Эти бедствия очень велики, какая бы сторона ни одержала верх. Люди несомненно не всегда прибегают к суду для защиты своих прав или для предупреждения несправедливости, что рассудительные соседи могут сделать так же хорошо, как суд присяжных из наиболее подходящих для этого людей. Точно так же люди могут самому судье изложить свое дело так же хорошо, как теперь они поручают это своему адвокату. Поэтому эти должности являются добровольным налогом на сварливых людей, как акциз — на пьяниц.

ГЛАВА XII

О десятине

Слово «десятина» обозначает не что иное, как размер вычета, так же как если бы пошлина на вывозимые и ввозимые товары называлась «двадцатой долей», как она иногда называется потонной или пофунтовой. Остается только сказать, что десятина здесь, помимо обозначения упомянутой выше пропорции, указывает, на что она идет, т. е. на содержание духовенства, и на материал, из которого выкраивается это содержание, т. е. на непосредственный продукт земли и воды или на продукт человеческого труда, искусства и капитала. Она обозначает также способ уплаты; натурой, а не деньгами (кроме особых исключений).

2. Мы сказали, что объектом десятины являются непосредственные плоды земли, как например зерно, как скоро оно созрело; но не хлеб, который представляет собой обмолоченное, провянное, смолотое, смешанное с водой и выпеченное зерно.

3. Десятиной со скота будет молодой в натуре, как только молодой может прожить без маток, или денежное возмещение за молодой скот, родящего лишь одного детеныша.

4. Затем, это — шерсть, как только она обстрижена; домашняя птица и рыба, если они — результат промысла, а не развлечения, и т. п.

5. В больших городах десятина представляет собой вид денежного платежа с труда и дохода ремесленников, работающих над сырьем, с которого уже была уплачена десятина.

6. Поэтому десятина с определенной территории растет с ростом труда страны, а труд увеличивается или должен был бы увеличиваться с ростом народонаселения. Так, за 400 лет население Англии почти учетверилось, так как оно удваивается каждые двести лет, и доля ренты со всех земель Англии представляет почти четвертую часть расхода ее населения; остальные три четверти приходится на долю труда и капитала.

7. Вот почему десятина в настоящее время должна была бы быть в 12 раз больше той, которая была 400 лет тому назад, что очень ясно показывает сравнение доходов от церковных приходов в королевских книгах. Кое-что с этого необходимо сбавить, так как соотношение между продуктами земли и трудом меняется с изменением числа рабочих рук. Поэтому мы скажем, что десятина увеличилась только в шесть раз по сравнению с тем, какой она была четыреста лет тому назад. То-есть, что на эту десятину можно было бы теперь нанять в шесть раз больше рабочих или прокормить в шесть раз больше людей, чем четыреста лет тому назад.

8. Допустим, что тогда было столько же приходов, сколько теперь, больше священников в каждом приходе и так же больше монахов, которых также нужно отнести к священникам. Религия тех времен была более деятельна и включала больше церемоний, чем теперь, вследствие того, что исповедей, праздников, служб и т. п. было больше тогда, чем теперь. (Основной работой в наши дни является одновременная проповедь для тысячи прихожан без большого числа отдельных исповедей и поучений или возни с умершими). Если так, то повидимому ясно, что духовенство наших дней много богаче, чем было в те времена. Тогда быть священником означало своего рода самоумерщвление плоти, тогда как теперь (слава богу) это скорее жизнь, полная роскоши и великолепия. Разве только некоторые скажут, что тогда, когда наши причастия были деревянные, духовенство было золотое, а теперь, когда чаши стали золотые, духовенство стало деревянным; или, что религия лучше всего расцветает тогда, когда священники находятся в более стесненном положении, как мы перед этим сказали о законе, что он лучше всего процветает тогда, когда его представители имеют меньше всего работы.

9. Но каков бы ни был прирост имущества церкви, я ей не завидую, а только хотел бы, чтобы она постаралась пользоваться им с безопасностью и миром для себя. Для этого не следует заводить больше духовенства, чем могут содержать приходы в том состоянии, в котором они сейчас находятся; это значит: если в Англии и Уэльсе имеется только 12 000 приходов, неразумно выпускать 24 000 священников на том основании, что если иначе распределить церковные средства, то могло бы хватить на всех. Ведь тогда 12 000, которые остались без средств к жизни, будут сами искать путей, как им раздобыть необходимые средства к существованию. Этого они могут достигнуть легче всего, убеждая людей, что двенадцать тысяч обслуживающих приходы священников отравляют или морят души прихожан и сбивают их с истинного пути. Очень бедные люди вследствие сильного искушения и делают так в действительности. Мы наблюдали, что были такие сверхштатные проповедники, которые проповедывали больше раза в неделю, больше часов ежедневно и каждый раз с большей энергией, чем это делали имеющие приход священники («Graeculus esuriens in coelum, jusseris»). Эта энергия, их усердие и их жизнь на приношения отдельных лиц создают впечатление у народа, что те, кто так действует, являются людьми более правочерными и находятся в большей милости у бога, чем другие. Теперь посудите сами: разве человеку, имеющему репутацию вдохновенного, не удастся возвыситься в церкви? Но это — достаточно очевидные вещи из недавнего опыта.

10. Как же мы сможем привести в соответствие наш питомник с нашим плодовым садом? Если в Англии имеется 12 000 церковных должностей, включая и высшие, тогда ежегодно следует посылать в виноградник господень 400 человек, чтобы им можно было обеспечить хорошее содержание, но без роскоши, так как, согласно таблицам смертности, около этого количества умирает в год из 12 000 взрослых того же возраста, что и священники. Они должны быть хорошо подготовленными как в области теоретических знаний, так иметь и практический опыт.

11. Но я уклонился, ведь моей главной целью было объяснить природу налога, именуемого десятиной; однако, поскольку цель этих объяснений — только убедить людей спокойно переносить столько налогов, сколько необходимо, и не брыкаться против их взимания, поскольку целью этого, равно как многого другого, что нам следует выполнять, является сохранение общественного спокойствия, — я думаю, что не был чрезмерно назойлив, включив это маленькое предупреждение, имеющее такое значение для мира нашего Иерусалима.*

12. Но чтобы вернуться к десятине как налогу, я утверждаю, что в Англии она не является налогом, хотя в первые годы ее введения она могла им быть или казаться. Не являются им и королевские выкупные платежи в Ирландии ни теперь, ни впослед-

* В переносном смысле — Англия.

ствии, когда каждый будет соразмерять свои расходы с остатком своей собственной ренты, за вычетом платежа королю. Ведь только неожиданность и внезапность налога, который присоединяется к другим расходам человека, делают его тягостным бременем, настолько невыносимым для тех, кто не хочет его понять, что люди берутся даже за оружие, чтобы ему сопротивляться; другими словами, попадают из огня в полымя, каковым являются война и связанные с нею бедствия.

13. Хотя десятина, в сущности, не является налогом, я говорю, однако, о ней, как о виде или образчике налога, утверждая, что она ближе всего к наиболее равномерному и беспристрастному налогу, который устанавливается, чтобы оплатить расходы всей страны, как и расходы на содержание церкви; таким образом собирается известная часть из всего зерна, скота, рыбы, птицы, плодов, шерсти, меда, воска, масла, конопли и льна страны, являющихся результатом земли, ремесла, труда и капитала, которые его произвели. Только он едва ли носит постоянный характер, применительно к обложению жилищ, одежды, напитков, кожи, перьев и других изделий из них. Если бы равница в десятине, которую платит деревня по сравнению с городом, должна была быть установлена снова, то я не вижу, что могло бы вызвать большое возмущение.

14. Выплата известной доли королю с тех же предметов, с которых теперь платят десятину, в денежной форме будет представлять то неудобство, что королевская рента будет похожа на дивиденды религиозных обществ, т. е. будет выше или ниже, в зависимости от рыночных цен на эти товары, если только это неравенство доходов обществ не происходит из-за ограниченности продуктов, согласно рыночным ценам которых уплачивается рента. Если же взять всю совокупность различных продуктов, то они в состоянии уравновесить взаимные колебания, а то, что называют дорогим или дешевым годом, относится только к хлебу, как к главной пище большинства; вполне возможно, что причины, делающие хлеб дорогим, порождают изобилие других продуктов, к немалой выгоде короля.

15. Другим неудобством было бы то, что наблюдалось в Ирландии, когда священники оплачивались жалованьем, а десятина в натуре уплачивалась государству. Так как последнее не могло получать ее в денежной форме, то оно отдавало ее на откуп тем, кто предлагал высшую цену.

При этом происходило много плутовства, комбинаций, обманов по сговору, которые, возможно, могли быть устранены, если бы этот способ не применялся временно и случайно, без намерения его продолжать.

16. Третьим неудобством является, как уже было выше упомянуто, необходимость иных путей обложения, падающих и на промышленные изделия. Быть может, мыслим такой способ обложения, равномерный по своей природе и который не будет нуждаться в том, чтобы его дополняли каким-нибудь другим; при этом

служащие по сбору этого налога могут иметь постоянную работу и не нужно будет других с длительными перерывами в работе, которые делают их лентяями и паразитами в государстве.

ГЛАВА XIII

О некоторых менее значительных способах взимания денег

Когда народ утомлен каким-нибудь одним видом налога, сейчас же некоторые прожектеры предлагают другой и привлекают внимание, утверждая, что они могут предложить иные способы, какими все государственные расходы могут быть покрыты. Если, например, земельный налог стал непопулярным и народ им недоволен, то они предлагают обойтись без поземельного обложения и заменить его либо подушной податью, либо акцизом или учреждением новых должностей и монополий. Некоторые люди прислушиваются к их предложениям, особенно те, которые не находятся у хлебных мест, связанных с действующими видами налогов, но надеются получить для себя должность при новых способах обложения.

2. Я перечислю некоторые из второстепенных способов обложения, которые я наблюдал в различных частях Европы. Во-первых, в некоторых местах государство являлось общим денежным кассиром, что имеет место там, где существуют банки; при этом оно получало проценты на деньги, помещенные в банке.

Во-вторых, в некоторых случаях государство является просто ростовщиком, как например там, где ссудные банки и ломбарды распространены и могли бы быть еще многочисленнее и выгоднее, если бы существовал земельный кадастр.²⁹ В-третьих, когда государство берет на себя страховку или от опасностей, грозящих от врагов на море, в соответствии с предположенной нами первоначальной целью пошлин в Англии, или, в других случаях, от врагов, погоды, моря и кораблекрушений, вместе взятых.

3. Иногда государство имеет в руках всю торговлю и все доходы от известных товаров, как например янтарь в Бранденбургском курфюрстве, табак (раньше) в Ирландии, соль во Франции и т. п.

В-пятых, иногда государство собирает средства для помощи бедным, как это происходит почти повсюду в Голландии, где частная благотворительность служит, повидимому, лишь для помощи скрытой нужде и для того, чтобы избавить нуждающихся от позора, если раскроется их бедность, а не столько для оказания помощи тем, чья нужда носит явный характер.

В-шестых, в некоторых местах государство — единственный опекун несовершеннолетних, лунатиков и идиотов.

В-седьмых, в некоторых странах государство организует и содержит игорные дома и места общественных развлечений; уплачивая жалованье служащим, государство получает основную массу дохода.

В-восьмых, в некоторых странах государство страхует дома от огня за небольшую ежегодную плату.

В-девятых, в некоторых местах назначают сбор за проезд через мосты, дороги и за перевоз через реки, которые построены и содержатся за общественный счет.

В-десятых, в некоторых местах люди на случай своей смерти должны оставить известную сумму обществу и то же самое в других местах практикуется в случаях браков, в других — по случаю рождения.

В-одиннадцатых, в некоторых местах иностранцы, в особенности евреи, облагаются особым налогом. Это быть может хорошо в перенаселенных странах, но очень плохо в обратных случаях.

Что же касается евреев, то они великолепно могут переносить даже необыкновенные вещи, так как они редко едят и пьют с христианами, в среде своих не считают неудобством жить умеренно и даже скупо, почему они одни способны продавать по более дешевой цене, чем какие-либо другие торговцы, избегать акциза, который ложится на людей соразмерно с их расходами, а также других налогов, ведя сделки с помощью векселей, драгоценностей и денег, различным образом обманывая с большей безнаказанностью, чем другие, так как они дома везде и нигде и поэтому почти ни за что не отвечают.

В-двенадцатых, в наше время применялись способы обложения в виде некоторой части с имений людей, как например одной пятой или одной двадцатой с их реального и личного имущества, даже с их должностей, специальностей или воображаемого имущества. В связи с этим обложением было, возможно, много обмана, мошенничества, угнетения и беспорядков. Некоторые сами увеличивали свое обложение, чтобы внушать больше доверия. Другие давали взятки, чтобы их облагали меньше.

ГЛАВА XIV

О повышении, понижении и ухудшении денег

Иногда случалось, что государства, по чьему-либо необдуманному совету, повышали или понижали свои деньги, надеясь таким образом увеличить их количество и сделать так, чтобы их сочли за большую сумму, чем было на самом деле, т. е. чтобы можно было купить больше товаров или труда на них. Все это, в действительности, представляет собой не что иное, как налог, падающий на тех, кому государство должно, или вычет из того, что оно должно; является это также налогом на всех, кто живет на пенсию, определенной величины ренту, ежегодный доход, жалованье, дарственные суммы и т. п.

2. Для полного объяснения этого надо броситься в бездну всех тайн, касающихся денег, что сделано с иной целью в другом месте; несмотря на это, я постараюсь это сделать как могу лучше, излагая все доводы за и против понижения или повышения монеты. Прежде всего поговорим о понижении денег.

3. Медная или оловянная монета, обладающая стоимостью материала, из которого она сделана, не означает понижения

монеты; она лишь является более громоздкой и сделана из менее благородного металла, чем серебряная монета, менее удобна в пользовании. То же относится к медной монете, номинал которой равен ее стоимости, если учесть работу и материал (например такие, на которых имеются любопытнейшие изображения и гербы, так что эти монеты похожи больше на медали). Это опять не подделка, если только количество таких монет не чрезмерно велико (о том, каким должно быть это количество, я скажу после того, как предложу наиболее удобные деления абстрактного фунта, соответственно которому я чеканил бы монету, и определю, сколько штук монет каждого рода должно быть в сотне фунтов). В случае изобилия таких монет работа, поскольку она рассчитана лишь на то, чтобы ими любоваться, мало ценится вследствие их чрезмерного выпуска.

4. Нельзя считать низкокачественной мелкую монету, если она чеканится для размена и если тот, кто ее пускает в обращение, отвечает за нее и обязан обменять ее на серебро.

5. Я считаю пониженными те золотые деньги, которые содержат в себе больше серебряной или медной лигатуры, чем нужно для исправления слишком большой естественной мягкости и гибкости, почему они и снашиваются слишком скоро. Я считаю также пониженными те серебряные монеты, которые содержат большее количество меди, чем необходимо для их крепости и обеспечения от трещин под молотом или прессом.

6. Пониженными деньгами являются такие деньги, как голландские шиллинги, стиверы, французские су, ирландские деньги и т. п., по большей части состоящие из больших монет, но малой стоимости; они изготавливаются так под тем предлогом, что указанные монеты должны быть более громоздки, более удобны для обращения, они меньше рискуют потеряться или снашиваться.

7. Другим основанием (помимо лигатуры, которую мы должны допустить в вышеупомянутых пределах) является стремление обеспечить их от переплавки в слитки или от вывоза; такого рода действия с этими монетами будут убыточны. Допустим, что стивер в 2 пенса содержит на 1 пенни чистого серебра; если переплавить его для получения серебра, то в процессе отделения будут потеряны медь и расходы по очищению серебра. Точно так же иностранцы не станут вывозить их в те места, где монета не имеет хождения, а продажа ее по действительной стоимости будет убыточна.

7. Доводы против такого рода денег заключаются в следующем: во-первых, большая опасность подделки, поскольку цвет, звук и вес, на основании которых люди (без детального исследования) судят о качестве металла в монете, слишком неопределенны, чтобы обычный (кому и надлежит знать) человек мог основываться на них в повседневных делах.

8. Во-вторых, если небольшие монеты, например 2 пенса, будут повышены или понижены на 12, 15, 16%, будет известная

потеря вследствие дробности долей, которой обычный человек не может учесть. Так, например, если такая монета будет понижена на 10, 11 или 12%, тогда 2-пенсовая монета будет стоить только 3 полпенса, что составляет понижение на 25%, и т. д.

9. В-третьих, в случае если неудобство этих денег достигнет такого размера, что станет необходимой их перечежанка, тогда будет иметь место все те потери, о которых мы упомянули выше, говоря о переплавке их.

10. В-четвертых, если бы двухпенсовая монета содержала только $\frac{1}{3}$ часть серебра, содержащегося в шиллинге, тогда торговцы будут брать этой монетой только 15 пенсов за товар, за который они взяли бы шиллинг в стандартном серебре.

11. Повышение монеты заключается либо в том, что из фунта стандартного серебра чеканят больше монет, чем раньше, например более шестидесяти, тогда как раньше из него чеканили их только двадцать; однако, и в том и в другом случае монеты будут называться шиллингами или, иначе говоря, монета получает более высокое название.

Основанием или предлогом такого повышения монеты является утверждение, что повышение монеты будет содействовать ее ввозу в страну, а также росту количества драгоценных металлов. Для проверки предположим, что монета в один шиллинг названа двумя шиллингами. Какое иное последствие это может иметь, кроме удвоения цены всех товаров? Если бы было объявлено, что заработная плата рабочим не должна быть повышена, несмотря на повышение монеты, тогда это будет только налог на рабочих, который как бы принуждает их терять половину своей заработной платы, что будет не только несправедливо, но даже и невозможно, кроме того случая, если бы они могли жить на указанную половину (чего, однако, не следует предполагать). Ведь если бы это было так, то закон, назначающий такую плату, был бы плох: закон не должен позволять рабочим что-нибудь, кроме строго необходимого для жизни. Если разрешить рабочим получать двойную заработную плату, тогда они сделали бы половину той работы, что могли бы выполнить при других условиях, а это было бы убытком для государства вследствие потери продуктов такого большого количества труда.

12. Предположим, что французские ливры, обычно оцениваемые в восемнадцать пенсов, были бы повышены до трех шиллингов. Тогда было бы верно, что все деньги Англии стали бы действительно французскими ливрами; но также верно, что все английские деньги были бы вывезены из страны и что наши ливры содержали бы на половину меньше серебра, чем было в нашей монете. Таким образом, повышение монеты может действительно изменить ее вид, но это сопряжено с таким же большим убытком, настолько иностранная монета поднимется выше ее внутренней стоимости.

13. Но предположим, что в качестве меры против этого мы повысили бы ливр вдвое и запретили бы вывоз нашей собственной монеты в обмен на них. Я заявляю, что такое запрещение яв-

ляется вздорным и его невозможно было бы осуществить; и если бы этого не было, то повышение указанных монет заставило бы нас продавать товары, купленные на повышенные ливры, в действительности только за половину обычной цены, которую нуждающиеся в таких товарах охотно уплатили бы за них. Снижение наших цен будет побуждать иностранцев покупать в большом количестве наши товары, как это происходит и при повышении их денег. Но ни повышение денег, ни понижение цены не заставят иностранцев потреблять наших товаров больше, чем им это нужно; если они в первый год и постараются вывезти бесполезное и излишнее количество, однако впоследствии они настолько же меньше их будут покупать.

14. Если это верно (а так оно и есть по существу), то почему же тогда целый ряд мудрых государств в наше время, так же как и в древности, часто применял это ухищрение, как средство привлечь деньги в свои владения? Я отвечаю, что кое-что необходимо отнести за счет глупости и невежества народа, который не может внезапно понять это; ведь я нахожу немало и достаточно разумных людей, которые хорошо осведомлены о том, что повышение монеты имеет мало значения, однако не могут внезапно это перевернуть. Так, например, человек, который имеет в своем распоряжении свободные деньги в Англии и узнает, что шиллинг в Ирландии приравнен 14 пенсам, с большей готовностью, чем раньше, отправится туда покупать землю и не сразу поймет, что за ту же землю, которую он раньше мог купить за цену, равную ее ренте за 6 лет, он теперь будет платить сумму, равную ренте за 7 лет. Точно так же и продавцы в Ирландии не сразу поймут, что есть основание пропорционально повысить цены на землю, но будут вначале удовлетворены компромиссным соглашением, а именно — будут продавать землю за $6\frac{1}{2}$ лет ренты; если разница составит более дробную часть, люди в течение долгого времени не будут понимать этого и не будут в состоянии регулировать соответственно этому свои действия.

15. Во-вторых, хотя я не вижу никакого существенного различия между повышением иностранной монеты вдвое и понижением настолько же цены наших собственных товаров, однако я считаю, что продажа наших товаров на условии молчаливого соглашения оплаты их иностранной монетой увеличит количество денег в стране: между повышением денег и снижением цен такая же разница, как между продажей за деньги и обменом товаров, или между продажей за наличные деньги или в кредит. Обмен равносильен платежу в неопределенный срок.

16. Предположим, что английское сукно продавалось бы по 6 шиллингов за ярд, а французское грубое полотно по 18 пенсов за локоть. Вопрос заключается в том: одно и то же ли, в целях увеличения количества денег в Англии, вдвое повысить французские деньги или уменьшить на половину цену нашего сукна? Я думаю, что первое средство будет лучше, так как оно влечет за собой получение иностранной монеты наличными, а не полотна

в обмен. Поэтому, если мы можем понизить нашу цену на половину, то не иначе как при продаже за деньги наших соседей: тогда мы выгадываем столько же, сколько составляет разница между покупкой за наличные и в обмен.

17. Но основное решение этого вопроса зависит от реального, а не воображаемого подсчета цены; для того чтобы найти этот реальный путь, я исхожу из следующих предпосылок:

Во-первых, предположим, что на известной территории имеется 1000 жителей. Допустим, что этих жителей достаточно для возделывания всей этой территории под зерновыми культурами. Пусть хлеб содержит в себе все необходимое для жизни, как слово «хлеб насущный» в «Отче наш». Предположим, что на производство одного бушеля хлеба затрачивается столько же труда, сколько на производство унции серебра. Предположим дальше, что десятая часть земли и десятая часть населения, т. е. сотня человек, могут произвести достаточно хлеба для всего населения. Пусть земельная рента, исчисленная вышеуказанным способом, составляет четвертую часть всего продукта (около этого она и составляет в действительности, как мы можем это заметить, так как в некоторых местностях уплачивается четвертый сноп вместо ренты); предположим, что в то время как сотня человек занята земледелием, две сотни заняты в промышленности; предположим дальше, что там, где достаточно бушеля пшеницы, люди из баловства будут потреблять два бушеля, т. е. будут потреблять муку 50% размола. Отсюда вытекают следующие заключения:

Во-первых, высокое или низкое качество, или цена земли, зависит от большей или меньшей доли продукта, уплачиваемой за нее, пропорционально простому труду, затраченному на получение указанного продукта.

Во-вторых, пропорция между хлебом и серебром обозначает только искусственную, а не естественную стоимость, так как сравнение производится между вещью, обладающей естественной полезностью, и вещью, которая сама по себе бесполезна. Это (попутно говоря) и есть частично причина того, что в цене серебра не наблюдается таких больших изменений и скачков, как в ценах других товаров.

В-третьих, естественная дороговизна или дешевизна зависит от большего или меньшего количества рук, требующихся для добывания необходимых продуктов.

Так, зерно дешевле там, где один человек может его произвести для десяти, чем там, где один может произвести только для шести; кроме того, это зависит еще от того, насколько климат предрасполагает людей к потреблению хлеба в больших или меньших размерах.

Но политическая дешевизна зависит от меньшего количества излишних посредников в каждом производстве сверх необходимого их числа. Хлеб будет в два раза дороже там, где 200 земледельцев делают ту работу, которую могут выполнить 100. Эта пропорция увеличивается в связи с наличием излишних издержек

(если к указанной причине дороговизны прибавим двойные издержки); тогда естественная цена окажется учетверенной, и эта учетверенная цена есть истинная политическая цена, вычисленная на естественном основании. Все это, отнесенное к обычному искусственному стандарту серебра, дает искомую величину, то-есть истинную рыночную цену.

18. Поскольку все товары по большей части имеют заместителей или суррогаты, и так как почти все потребности могут быть удовлетворены различными путями и, кроме того, новость, неожиданность, подражание высшим классам и мнение о неисследованных действиях могут повысить или понизить цену вещей, — мы должны добавить и эти случайные причины к постоянным причинам, которые упомянуты выше, в разумном предвидении и учете чего и состоит превосходство торговцев.

Теперь добавлю, что для увеличения денег надо также хорошо знать, как повысить и как понизить цены на товары и на деньги, что и было целью данного отступления от темы.

19. В заключение этой главы мы скажем, что повышение или понижение монеты — достойный сожаления и неравномерный способ обложения налогом народа. Это признак того, что государство приходит в упадок, если оно прибегает к таким негодным средствам, а именно: к бесчестному употреблению королевского изображения для оправдания низкопробных товаров и к подрыву общественного доверия, так как называет вещь тем, чем она на деле не является.

ГЛАВА XV

Об акцизе

Обычно все соглашаются с тем, что человек должен принимать участие в государственных расходах пропорционально его заинтересованности в сохранении общественного спокойствия, т. е. согласно его преимуществу или богатству; но имеются два вида богатства: одно — действительное, а другое — потенциальное. Человек может считаться действительно и поистине богатым соответственно тому, что он ест, пьет, носит или чем он действительно пользуется так или иначе. Другие богаты только потенциально и в своем воображении: это те, кто хотя и имеет очень много возможностей, но очень мало их использует; они скорее могут быть названы управляющими и посредниками для других, чем собственниками сами по себе.

2. Отсюда мы заключаем, что каждый должен платить соответственно тому, что он берет для себя и чем он действительно пользуется. Первое, что надлежит сделать, это — подсчитать расходы отдельных граждан, вместе взятых, и установить, какая часть их нужна государству; и то и другое (а не только первое) так трудно, как только можно себе представить.

3. Затем мы должны понять, что действительно прекрасная мысль об организации налога на потребление означает обложение

каждого отдельного предмета в готовом для потребления виде; то-есть не следует облагать зерна, пока оно не превратится в хлеб, ни шерсти, пока она не станет сукном или даже пока не станет готовым платьем, так, чтобы в стоимости изделий была включена не только стоимость шерсти, изготовления сукна, шитья, но даже ниток и иголок. Но так как это слишком трудно выполнить, мы должны составить список товаров, как продуктов сельского хозяйства, так и промышленности, стоимость которых легче всего учесть и которые могли бы иметь на себе или на своей упаковке соответствующее клеймо. Это должны быть товары, как можно более близкие к потребителю. И тогда мы должны подсчитать, сколько еще труда должно быть приложено к ним до момента потребления, чтобы в согласии с этим установить норму обложения. Так, предположим, например, что у нас имеется на сто фунтов шерстяной материи и на сто фунтов лучшего сукна на платье. Я считаю, что сукно должно быть обложено большим акцизом, чем указанная материя, так как этой материи остается лишь быть взятой, тогда как сукно еще должно быть скроено, сшито, нужны шелк, иголки, наперсток, пуговицы и другие мелочи, акциз с которых должен быть включен в акциз на сукно, если они не настолько значительны (как, возможно, пуговицы, кружева, ленты), чтобы их облагать отдельно и включить в вышеуказанный список.

4. Вещи, акциз с которых включается в акциз на сукно, должны быть по возможности такими, которые применяются только в обработке сукна, или возможно реже в других случаях, как например некоторые украшения. Так, например, к зерну присоединяется расход на размол, просеивание, замешивание, на закваску и т. п., нужные в хлебопекарном деле, за исключением того, что, как мы уже сказали выше, может быть обложено отдельно.

5. Отсюда возникает вопрос: должны ли облагаться акцизом вывозимые отечественные товары или те, что ввезены в обмен на них? Я отвечаю отрицательно, так как они не потребляются здесь в натуре, хотя признаю, что товары, ввезенные в обмен на них и потребляемые здесь, должны облагаться, если вывезенные товары не были обложены, так как в этом случае то, что мы потребляем, будет облагаться налогом один раз, но не больше. Если же в обмен на вывезенные товары будут ввозиться слитки и будут переплавляться в монету, они не должны облагаться налогом, так как деньги покупают другие товары, которые будут оплачивать налог. Но если упомянутые слитки будут переработаны в посуду и утварь или превращены в проволоку и кружева, или другие изделия, тогда они должны облагаться налогом, так как они потребляются и окончательно истрачиваются, как это достаточно ясно видно на примере кружев или позолоты. Это причина моего мнения, что налоги, обычно именуемые пошлинами, неуместны и преждевременны, так как они являются налогами, предшествующими потреблению.

6. Мы уже много раз говорили о совокупном акцизе, под ко-

торым мы подразумеваем обложение совокупности различных предметов, как одного предмета: например предположим, что много различных специй применяется для изготовления противоядия, и притом только для этого состава; в этом случае, когда мы облагаем налогом одну из этих специй, их совокупность в противоядии тем самым подвергнется обложению, так как все они находятся в определенном отношении друг к другу; в сукне можно облагать налогом работу и орудия, так же как и шерсть.

7. Но некоторые довели до таких размеров это совместное обложение, как будто бы они хотели обложить все вещи вместе, взятые в одной, наиболее близкой, по их мнению, к общему мерилу всех издержек; главная цель их предложений сводилась к следующему:

1) Замаскировать самое название акциза, как слишком ненавистное для тех, кто не знает, что платить налоги так же неизбежно, как есть, и кто не понимает естественной справедливости этого способа обложения.

2) Избежать хлопот и расходов по сбору налога.

3) Подвести прочную и определенную базу под это дело, о чем мы будем говорить позже, когда исследуем различные доводы за и против акциза, а теперь обратимся к разным видам совместного обложения, какие были предложены.

8. Некоторые предлагают сделать пиво единственным предметом обложения акцизом, исходя из того предположения, что прочие расходы людей пропорциональны их расходам на напитки. Но это, несомненно, не верно, в особенности если обложить крепкое пиво (как это делают теперь) в пятикратном или еще большем размере по сравнению со слабым пивом. Бедные плотники, кузнецы, войлочные мастера и другие пьют в два раза больше крепкого пива, чем джентльмены — слабое пиво, и поэтому должны платить в 10 раз больше акциза. Сверх того, к пиву, которое пьют ремесленники, присоединяется лишь немного хлеба и сыра, кожаное платье, плохое мясо и потроха дважды в неделю, сушеная рыба, горох без масла и т. п. Тогда как у других, помимо напитков, нужно присоединить столько вещей, сколько могут произвести природа и промышленность. Помимо этого, как бы ни был совершенен этот способ обложения, он никогда не будет так равномерен и легок и не так легко поддается исследованию, как простая подушная подать, о которой мы уже говорили раньше и которая тоже, в сущности, есть совокупный акциз.

9. То, что было предложено в отношении пива, может быть предложено относительно соли, топлива, хлеба и т. п., и все эти предложения будут сопряжены с теми же неудобствами; одни потребляют больше, другие меньше этих товаров; точно так же семьи (обложение падает на целую семью, а не на отдельных лиц) бывают более или менее многочисленны в разное время, в зависимости от того, будет ли их имущество или прочие материальные интересы расти или убывать.

10. Из всех совокупных акцизов дымовой налог, повидимому, наилучший, вследствие его наибольшего удобства и простоты; он наиболее подходящ, чтобы лечь в основание расчета дохода. Ведь очень легко подсчитать число топок, которые не перемещаются, как головы или души. Кроме того, удобнее платить небольшой налог, чем изменить или уничтожить толки, даже когда они бесполезны и излишни. Также невозможно скрыть их, так как большинство соседей их хорошо знает. В новых строениях человек, платя за устройство дымохода сорок шиллингов, не откажется от него из-за двух шиллингов налога.

11. Здесь необходимо заметить, что дымовой налог должен быть незначителен, иначе он станет невыносим; легче дворянину с тысячей фунтов дохода в год платить налог за сто труб (немногие из их дворцов имеют больше), чем рабочему платить за две. Если только лэндлорд будет платить этот налог, тогда это вовсе не совокупный акциз, но особый акциз на определенный продукт, а именно — на жилище.

12. Основания для обложения акцизом таковы:

Во-первых, естественная справедливость, согласно которой каждый должен платить в соответствии с тем, чем он в действительности пользуется, в виду чего этот налог вряд ли является над кем-либо насилем и очень легок для тех, кто хочет довольствоваться самым необходимым.

Во-вторых, этот налог, если он не дается на откуп, но регулярно собирается, побуждает к бережливости, что является единственным путем увеличить богатство нации, как это ясно видно у голландцев и евреев и у всех других людей, кто добился большого состояния торговлей.

В-третьих, никто не платит дважды или трижды за ту же вещь, поскольку нельзя одну и ту же вещь потребить более одного раза. В других случаях мы часто видим, что люди платят и с ренты за землю, и дымовой налог, за титулы, и пошлины; они платят также по самообложению и десятину, тогда как при обложении акцизом никто не платит более, чем один раз и одним способом.

В-пятых, * этим путем может быть получен великолепный баланс богатства, сельского хозяйства, промышленности и силы нации во всякое время.

Все эти соображения не применимы ни к частным расчетам с семьями, ни к отдаче акциза на откуп, но только при сборе его специальными чиновниками, на которых при полной нагрузке не уйдет даже и четверти расходов при настоящей системе многообразных налогов. Подвергать трудностям и риску наших сельских сборщиков представляет худший вид обложения для них, чем заставить платить небольшое вознаграждение опытным заместителям. Таковы общие возражения против акциза.

* «В-четвертых» отсутствует во всех изданиях.

13. Я добавил бы здесь некоторые соображения о способе его собирания, но сошлюсь на практику Голландии. Я мог бы также предложить способ воспитания людей, чтобы они были пригодны и для этой и для других общественных должностей, требующих доверия, как например для должности кассира, хранителя товаров, сборщика и других, но я отложу этот вопрос до более подходящего случая.

ВИЛЬЯМ ПЕТТИ

КОЕ-ЧТО О ДЕНЬГАХ

WILLIAM PETTY

Quantulumcunque

CONCERNING MONEY

1682

BLISSON

1881

1881

1881

1881

1881

ВИЛЬЯМ ПЕТТИ

КОЕ-ЧТО О ДЕНЬГАХ

Лорду маркизу Галифакс

Предположим, что 20 шиллингов новой¹ монеты весят согласно статуту 4 тройских унции.² Предположим, что 20 шиллингов старых монет царствования Елизаветы или Якова I, которые тоже должны весить 4 тройских унции, весят только три унции или колеблются в пределах между 3 и 4, то-есть не ниже трех и не выше четырех унций.

Предположим, что много новой монеты было вывезено в Ост-Индию, но ни одной старой легкой и неодинаковой монеты.³

ВОПРОСЫ

Вопрос 1. Должна ли старая неодинаковая монета быть заново перечеканена в одинаковую монету?

Ответ. Должна: так как золотые и серебряные деньги являются лучшим мериллом и регулятором торговли и поэтому они должны быть одинаковы, или иначе они не будут являться мериллом и, следовательно, не будут деньгами, но просто металлом, тогда как они были деньгами до того времени, как износились и превратились в неодинаковые монеты вследствие злоупотреблений.

Вопрос 2. На чей счет это должно быть сделано?

Ответ. На счет государства, как это теперь и делается: так как не владелец денег является виновником их неодинакового размера, но небрежность государства в деле предупреждения этого и наказания за эти злоупотребления, которые могут быть устранены новой чеканкой.

Вопрос 3. Какого веса и какой пробы должны быть новые шиллинги?

Ответ. Того же самого, что и вся остальная новая монета и каковой была и старая в те времена, когда она была новой: так как все монеты должны быть одинаковы, согласно со статутом; и все должны быть пригодны для уплаты старых долгов в соответствии с тем, что в действительности было получено взаймы.⁴

Вопрос 4. Предположим, 20 шиллингов старой монеты образуют лишь 18 шиллингов новой; кто должен нести потерю в 2 шиллинга?

Ответ. Не государство. Ведь люди сами обрезали свои же собственные деньги.

Но сами собственники должны нести потерю, так как они могли отказаться принимать легковесную и испорченную монету или отсрочить получку. Этого было бы достаточно, чтобы они получили новую, одинаковую, красивую монету за свои старые, неодинаковые деньги за счет государства, унцию за унцию.

Вопрос 5. Будет ли после этой монетной реформы вывозиться больше серебра из Англии (предположим, в Ост-Индию), чем до нее, к ущербу для Англии?

Ответ. Несколько больше, но не к ущербу для Англии, но скорее к ее выгоде: купец будет принимать в соображение и стоимость чеканки новой монеты, помимо учета содержания металла, как это только и было, когда он вывозил испанские реалы.⁵

Вопрос 6. В то время как купец вывозит теперь пурпур и серебро в Индию, не будет ли он тогда вывозить туда только новую серебряную монету?

Ответ. Купец купит столько пурпура, сколько его можно купить за 100 новых шиллингов, и будет соображать, получит ли он в Индии больше шелка за этот пурпур или за 100 таких же шиллингов. И сообразно с этим расчетом он повезет либо пурпур, либо шиллинги наличными, или частью то, частью другое, если он не уверен в том, что выгоднее.

Вопрос 7. Но не обеднеет ли Англия из-за того, что купцы будут вывозить вышеуказанные 100 шиллингов?

Ответ. Нет, если они доставят за них столько шелку, что за него можно получить больше чем 100 шиллингов (может быть 200 шиллингов) в Испании, и тогда они привезут в Англию 200 шиллингов или же так много перцу, что здесь выручат за них тоже 200 шиллингов. Таким образом и Англия и купец выиграют от вывоза 100 шиллингов.

Вопрос 8. Но если новые шиллинги имели бы только $\frac{3}{4}$ веса прежних, тогда купец не захотел бы вовсе с ними возиться, и таким образом мы были бы обеспечены от обнищания.

Ответ. Купец их все равно вывезет. Только он даст за них лишь $\frac{3}{4}$ того количества перца или других индийских товаров сравнительно с тем, что давал за старые монеты, а в Индии купит лишь $\frac{3}{4}$ того количества перца, которое получил бы за старые монеты. Следовательно, здесь не будет никакой разницы, если только не найдутся такие сумасшедшие, которые согласятся принимать деньги по их наименованию, а не по весу и пробе металла.

Вопрос 9. Если шиллинг новой чеканки будет иметь $\frac{3}{4}$ теперешнего веса, не будем ли мы вследствие этого иметь на $\frac{1}{3}$ больше денег, чем имеем теперь, и, следовательно, не станем ли на столько же богаче?

Ответ. Вы действительно получите на $\frac{1}{3}$ больше новокрещенных шиллингов; но ни на одну унцию больше ни серебра, ни денег.

Не сможете вы получить также ни на одну унцию больше, чем раньше, и иностранных товаров за ваши увеличенные по счету деньги. Не получите также больше и местных товаров; возможно

лишь, разве, очень немного, за счет немногочисленных вышеупомянутых глупцов.

Приведем пример: предположим, что вы купили у золотых дел мастера серебряную посуду весом в 20 унций, по 6 шиллингов за унцию, что в общем составляет 6 фунтов или 24 унции в монете; теперь предположим, что указанные 6 фунтов в монете уменьшены по весу до 18 унций после перечековки, но именуются попрежнему 6 фунтами королевским приказом. Неужели вы допускаете, что золотых дел мастер даст вам эту посуду, весящую 20 унций серебра в изделии, за 10 унций серебра в монете?

Ведь производство монеты не дорого стоит. И это такая же нелепость в отношении ко всем другим товарам, хотя и не так показательно, как в товаре, который сделан из того же материала, что и деньги.

Вопрос 10. Может ли власть приказать, чтобы человек за новую уменьшенную (по содержанию драгоценного металла) монету давал столько же товаров, как и за старую, которая весила на $\frac{1}{3}$ больше?

Ответ. Результат такого распоряжения был бы равносильен тому, что у всех граждан отобрали бы $\frac{1}{3}$ их имущества, которое является для иностранцев товаром, и отдали бы его иностранцам, которые охотно приобрели бы его за $\frac{3}{4}$ обычного количества серебра. И то же распоряжение власти было бы равносильно тому, что у кредиторов отобрали бы $\frac{1}{3}$ денег, причитающихся им до этого распоряжения.

Вопрос 11. Почему вы предполагаете, что содержание металла в новой монете будет уменьшено на $\frac{1}{4}$? Предположите, что оно будет уменьшено на $\frac{1}{10}$ — как будет обстоит дело тогда?

Ответ. Совершенно так же, ведь «больше или меньше — не меняет качества» («magis et minus non mutat speciem»). Не лучше ли было бы, если бы вы предположили, что один шиллинг должен быть принят за 10 или 20, тогда нелепость была бы так очевидна, что опровержение ее не нуждалось бы в таких доказательствах, какие необходимы в менее очевидных случаях, для суждения о которых здравый смысл недостаточен. Ведь если бы богатство нации могло быть удесятерено указом, было бы странно, почему до этого времени наши правители до этого не додумались.

Вопрос 12. Не будут ли люди, имеющие возможность покупать за границей товары, вывозить деньги из страны и таким образом совершенно не будут продавать или экспортировать наши собственные товары?

Ответ. Если какие-нибудь английские купцы будут так непредусмотрительны, все же тогда иностранные купцы будут покупать такие английские товары, которые им нужны, за деньги, вывезенные ими в Англию из своих стран, или за такие товары, которые англичане предпочитают деньгам. Ведь продажа английских товаров за границей не зависит ни от чего другого, как только от потребности в наших товарах со стороны иностранцев:

Разве не было бы для англичанина безумием не вывозить свинца в Турцию, но вывозить туда деньги в качестве баласта и таким образом терять на фрахте свинца, который он мог бы там продать?

Тогда корабль должен бы в свою очередь прийти из Турции с монетой в качестве баласта для покупки в Англии свинца, который мог бы быть доставлен раньше английским кораблем. Искусство купца состоит в том, чтобы взвесить все эти обстоятельства, так что никакой королевский указ о весе и названии денег ничего не значит для иностранцев, которые его знают, и для собственных подданных на будущее время, какое бы смятение он ни вызвал у них в прошлом. Скажем опять: для короля, который должен 20 шиллингов, лучше было бы сказать, что он уплатит только пятнадцать, чем замаскировать свои личные цели и говорить, что все лэндлорды должны с этого времени брать 15 шиллингов ренты вместо 20 полагающихся им с их фермеров, согласно договорам; и те, которые одолжили в понедельник 100 фунтов (если указ о монете вышел во вторник), могут со среды получить лишь $\frac{3}{4}$ или 75 фунтов в той же монете, которую они предоставили в ссуду два дня до того.

Вопрос 13. Почему наша старая, изношенная монета, ставшая неодинаковой, не перечеканивается заново и не выравнивается?

Ответ. Можно привести много слабых доводов в пользу этого; но из всех мне известных есть только один хороший довод: это тот, что скверная и неодинаковая монета может предотвратить накопление сокровищ, а тяжелая, высокопробная и красивая монета побуждает к этому некоторых робких лиц, но не всю основную массу торговцев; вследствие своей красоты почти все наши полупенсы («Британия») были спрятаны как медали, покуда их количество не увеличилось до того, что они стали обычны. Но если бы их было выпущено не более 100, они вследствие хорошей работы и редкости наверно бы стоили выше 5 шиллингов каждый, тогда как по своему материалу они не стоили и значащегося на них полпени.

Ведь в этом деле «*materiam superabat opus*» (материал был превзойден искусством).

Вопрос 14. Почему многие мудрые государства, и притом так часто, поднимают цену монеты или сокращают ее вес?

Ответ. Когда государство делает подобные вещи, оно уподобляется обанкротившимся торговцам, которые вступают в соглашение с кредиторами, платя за фунт 16, 12 или 10 шиллингов, или принуждают своих кредиторов брать свои товары значительно выше рыночной цены. Точно так же государство могло бы с тем же успехом платить не более $\frac{3}{4}$ того, что оно должно, вместо того чтобы уменьшать вес драгоценного металла в монете до $\frac{3}{4}$. Эта практика осуществлялась банкирами и казначеями из нечестных, мошеннических соображений, исходящих от фаворитов таких королей и государств.

Вопрос 15. Является ли честью для Англии то обстоятельство, что в ней не применялись такие мошенничества, несмотря на то, что она попадала в величайшие затруднения?

Ответ. Было мудростью и, следовательно, делом чести то, что она сохраняла неизменным регулятор и мерило торговли как внутри своей страны, так и в отношении всех других стран.

Вопрос 16. Но разве нет обстоятельств, при которых деньги могут справедливо и с честью быть подняты в цене?

Ответ. Да, для регулирования и выравнивания различных видов монет; так, если два сорта монет одинакового веса и пробы имеют различную установленную ценность, тогда поднимают или снижают цену одного из этих видов монет.

Но это должно быть произведено, учитывая оценку всего мира, настолько точно, насколько это возможно, а не произвольно. То же самое применимо к отношению между золотом и серебром.

Вопрос 17. Что вы думаете о повышении или понижении цен на землю, как например: участок земли был куплен 60 лет тому назад за 1000 фунтов стерлингов, т. е. за 1000 монет с изображением Иакова I, и та же земля теперь продается за 1000 фунтов стерлингов или 1000 гиней, причем гиней содержит только $\frac{5}{8}$ веса монеты времени Иакова I. Стала ли земля дешевле, по сравнению с ее ценой 60 лет тому назад?

Ответ. Допустим, что золото не деньги, но товар, более всего сходный с деньгами, и только серебро — деньги. Нам следовало бы сравнить количество серебра, которое мы могли тогда купить за 1000 монет Иакова I, с количеством серебра, которое мы можем купить теперь за 1000 гиней. Если оба количества одинаковы, то земля имеет теперь такую же цену, как и тогда, хотя и не выменивается на такое же количество золота.

Вопрос 18. В чем разница между обрезыванием или поднятием цены монет и понижением их пробы, как например путем смешивания меди с серебром?

Ответ. Первое лучше второго, если такая смесь непригодна для других целей.

Лучше в 20 шиллингах, которые содержали 4 унции серебра, уменьшить содержание последнего до 3 унций, чем добавить одну унцию меди для того, чтобы сделать монету одинакового веса с прежней. Если вам понадобятся указанные 3 унции серебра, смешанные с медью, то вы должны будете нести также расходы по очистке, что составит около 4%.

Вопрос 19. Нет ли у вас возражений против мелкой серебряной монеты в один пенс, два пенса и т. п.?

Ответ. Чеканка мелкой серебряной монеты очень дорога, и сами мелкие деньги скорее будут теряться и больше снашиваются; очень немного можно теперь уже видеть нашей старой мелкой монеты, да и наши гроши сносились теперь до того, что в них не больше полутора пенсов серебра.

Вопрос 20. Какого вы мнения о монетах, сделанных целиком из неблагоприятного металла, как например фартинг и т. п.?

Ответ. Отсутствие драгоценного металла должно быть возмещено красотой чеканки, чтобы повысить внутреннюю стоимость монеты, или же выигрыш от чеканки такой монеты должен быть доходом короля.

21. Что более пригодно для такой монеты — медь или олово?

Ответ. Медь, так как она более пригодна для надолго сохраняющейся чеканки, хотя медь и является иностранным, а олово — местным материалом. Предположим, что в Англии олово и медь в одной цене. Если на сто весовых единиц олова можно привезти из Турции столько же шелка, сколько на сто весовых единиц меди, привезенной из Швеции, в таком случае разница между местным и иностранным материалом сводится к нулю.

Вопрос 22. Не оправдывается ли этим свободный вывоз денег и слитков, что противоречит нашим законам? Не значит ли это, что наши законы плохи?

Ответ. Может быть, они противоречат законам природы и таким образом неосуществимы; ведь мы видим, что страны, богатые деньгами и всякими другими товарами, не следовали таким законам. Напротив, те страны, которые запрещали вывоз денег под страхом строжайших наказаний, очень бедны и деньгами и товарами.

Вопрос 23. Разве государство, которое имеет мало денег, не является более бедным?

Ответ. Не всегда. Подобно тому как наиболее оборотливые люди часто имеют при себе мало денег или не имеют их совсем, но совершают с ними обороты, превращая их в товары с наибольшей выгодой для себя, так может поступать и целая нация, которая ведь не что иное, как соединение отдельных людей.⁶

Вопрос 24. Может ли государство, предположим Англия, иметь слишком много денег?

Ответ. Да, как отдельный купец может иметь слишком много денег, то-есть я имею в виду монету.

Вопрос 25. Есть ли возможность каким-нибудь способом узнать, какое количество денег необходимо для государства?

Ответ. Я думаю, что это возможно установить, а именно: я считаю, что для этой цели будет достаточно количества денег, равного сумме половины годичной ренты со всех земель Англии, четвертой части арендной платы за дома, стоимости недельного расхода всего населения, около четверти цены всех экспортируемых товаров.⁷

Теперь, если мы подсчитаем все это и установим количество денег, которое можно получить перечекашкой старой монеты, — тогда возможно определить, имеем ли мы слишком много или слишком мало денег.

Вопрос 26. Что может нам помочь, если мы имеем слишком мало денег?

Ответ. Мы должны основать банк,⁸ который, при условии хорошего расчета, мог бы почти удвоить действие нашей монеты. И в Англии мы имеем данные для банка, который мог бы доста-

вить достаточно средств для содействия торговле всего делового мира.

Вопрос 27. А если бы мы имели слишком много денег?

Ответ. Мы должны переплавить всю наиболее тяжелую монету в посуду и всякую утварь из золота и серебра или вывезти их за границу как товары, если там в них нуждаются, или поместить их под высокие проценты.

Вопрос 28. Что такое процент, или денежная рента?

Ответ. Вознаграждение за воздержание⁹ от пользования своими собственными деньгами на то время, в течение которого они отданы в ссуду, какую бы нужду ни испытывал в них собственник денег.

Вопрос 29. Что такое процент по переводному векселю?¹⁰

Ответ. Вознаграждение, уплачиваемое за предоставление денег в таком месте, где вы в них больше всего нуждаетесь.

Вопрос 30. В чем состоит деятельность банкира?

Ответ. В покупке и продаже ссуд и переводных векселей, что является честной деятельностью только под условием угрозы потери выгодной торговли, основанной на доверии, которое называется кредитом.

Вопрос 31. Вы говорили о монетах из неблагородных металлов и о фартингах, которые обычно расцениваются выше своей внутренней стоимости, почему нельзя допускать увеличения их числа до бесконечности. Есть ли какой-нибудь способ установить необходимое количество их?

Ответ. Я думаю, что есть; а именно, принимая по 12 пенсов в фартингах на каждое семейство; если бы в Англии был, например, миллион семейств (как я думаю, это так и есть), тогда около 50 000 фунтов стерлингов в фартингах будет достаточно для обмена; и если бы эти фартинги были только на $\frac{1}{5}$ выше их внутренней стоимости, нация платила бы за это удобство 10 000 фунтов стерлингов. Но если этот способ исчисления по семьям недостаточно точен, то можно подсчитать иначе: можно исходить из наименьшей серебряной монеты, находящейся в обращении в стране, и чем она меньше, настолько меньше должно быть и фартингов. Ведь фартинги нужны только при платежах серебром и для уравнения счетов. Если бы старые испорченные фартинги были снижены в своей расценке до пяти на пенни, можно было бы совершать все расчеты посредством десятичных знаков, каковая система уже давно является желательной из-за удобства и верности расчетов.

Вопрос 32. Что вы думаете о наших законах, ограничивающих уровень процента?

Ответ. То же, что и о законах, ограничивающих вывоз денег, или о законах, ограничивающих переводные вексельные операции. Ведь процент всегда содержит в себе страховую премию, которая очень различна, помимо процента за воздержание.

Например, в Ирландии было время, когда земля (а это наиболее надежная вещь) продавалась из расчета двухлетней ренты. Тогда

было вполне естественно брать 20, 30 или 40%,¹¹ тогда как закон позволяет лишь 10%. С того времени земля поднялась до 12-летней ренты и кредитоспособные люди не согласятся платить больше 8%, тогда как ненадежные люди предложат и 100%, несмотря на закон. Теперь предположим, что один получает 100 фунтов стерлингов ренты с земли, цена которой составляет 20 годичных, рент, другой — 100 фунтов стерлингов дохода с домов, стоимость которых составляет 12 годичных рент, третий — столько же дохода от кораблей, стоимостью в два годовых дохода, и четвертый — от аренды лошадей, стоимость которых равна шестимесячному доходу от них.

Разве не очевидно, что страховая премия при сдаче в аренду дома должна быть выше, чем с земли, для корабля — больше, чем для дома, и за лошадь — больше, чем за корабль. Ведь если лошадь стоит 160 фунтов, — ее нельзя сдать в наем дешевле, чем за 10 шиллингов в день, а земля за это время будет приносить не больше гроша. Арендная плата — то же, что процент.

НИКОЛАИ БАРБОН
ОЧЕРКЪ О ТОРГОВЛЕ

NICHOLAS BARBON
A DISCOURSE OF TRADE

1690

Барбон, Николай (1640—1698), — автор ряда экономических памфлетов, имеющих большое значение в истории политической экономии несмотря на многие ошибочные взгляды, защищавшиеся им. Николай Барбон, как и основоположник классической политической экономии Вильям Петти, был врачом по образованию. После знаменитого пожара 1666 г., уничтожившего значительную часть Лондона, им было основано первое общество страхования от огня (1681 г.). В последние годы жизни он принимал активное участие в проектах организации земельного банка. Помимо произведения, перепечатанного нами в сборнике, Барбоном написаны еще «Апология строителя» («Apology of the builder») в 1685 г. и «Очерк о необходимости чеканки новой более легкой монеты» («A discourse of coining the new money lighter»), 1696. Мы не упоминаем некоторых других, более мелких, его произведений. Барбон несколько раз цитируется в первой главе первого тома «Капитала».

Основное значение экономических идей Барбона заключается в том, что он один из первых вступил в борьбу против меркантилизма, оспаривая его центральное положение о том, что только деньги являются богатством. Барбон является защитником свободы торговли и противником законодательной регламентации экономической деятельности. Однако в ряде вопросов он, в противоречие с самим собой, выступает сторонником взглядов, давно изжитых развитием экономической мысли. Таковы его взгляды на природу денег и на причины, определяющие уровень процента. Мы находим у него определение денег: «Деньги — это стоимость, созданная законом». В памфлете «A discourse of coining the new money lighter» Барбон полемизирует с Локком по вопросу о характере денежной реформы. Английская монета благодаря обрубыванию краев (стрижке) уменьшилась больше чем на треть первоначального веса. В связи с предпринятой реформой (перечеканкой монеты) шел спор о том, нужно ли новую монету чеканить с таким же содержанием драгоценного металла, какое было у стриженной (обрезанной) монеты, сохранив наименование, или же восстановить у новой монеты первоначальное содержание драгоценного металла. Локк (бывший идеологом ссудного капитала) стоял за последнюю меру. Барбон, защищавший интересы землевладельцев (должников ссудного капитала), стоял за первую меру, означавшую фактическое аннулирование части задолженности землевладения. Отсюда — приведенное нами выше положение Барбона: «Деньги — это стоимость, созданная законом». Из тех же соображений Барбон защищает законодательное ограничение процента. В теории стоимости Барбон стоит на той точке зрения, что стоимость товаров зависит от их полезности, которую он называет внутренней стоимостью (intrinsic), и редкости. Это дает повод Стефану Бауэру, писавшему о Барбоне в «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» в 1890 г., рассматривать Барбона как предшественника австрийской школы. Эта точка зрения находится в прямом противоречии с исторической перспективой. Особенности взглядов Барбона могут быть поняты, с одной стороны, на основе его борьбы с меркантилизмом, с другой — из того, что эту борьбу он ведет как идеолог землевладения. Подробнее о Барбоне — см. предисловие и сборнику (глава «Разложение меркантилизма»).

О Ч Е Р К
о
Т О Р Г О В Л Е
Н И К О Л А Й Б А Р Б О Н

Предисловие

Величие и богатство Соединенных Провинций и республики Венеции, по сравнению с небольшими пространствами, занимаемыми ими, достаточно хорошо демонстрируют ту выгоду и пользу, которые приносит торговля стране.

С тех пор как старинная амуниция и артиллерия греков и римлян, как камни, луки, стрелы и тараны, а также другие деревянные орудия, которые легко было изготовить в любом месте, вышли из употребления, а изобретение пороха ввело другие виды амуниции и артиллерии, материал которых изготавливается из минералов, имеющих не во всех странах, как железо, бронза, свинец, селитра и сера, — то там, где их нет, их можно получить только при помощи торговли. Торговля теперь сделалась так же необходима для безопасности государств, как и полезна для обогащения их.

И несмотря на огромное влияние, которое торговля оказывает теперь на сохранение и благосостояние республик и королевств, все же не существует вещи более неведомой или вызывающей больше разногласия, чем истинные причины, способствующие развитию торговли.

Ливий и другие старинные писатели, возвышенный дух которых заставил их заняться исследованием причин возвышения и падения правительств, очень точно описывали различные формы военного дела, но не обращали никакого внимания на торговлю. Маккиавели, современный и наилучший писатель, не упоминает о торговле, ни о какой бы то ни было связи ее с интересами государства, хоть он и жил в стране, где семья Медичи достигла положения правителей благодаря своему богатству, полученному торговлей. Это потому, что до тех пор, пока торговля не сделалась необходимой для снабжения орудиями войны, ее всегда рассматривали как помеху росту государства, как слишком изнеживающую народ доставляемыми ею легкостью жизни и роскошью, что делало людей непригодными к тому, чтобы выносить тяготы войны. А поэтому римляне, занятые всегда войнами (единственный путь возвыситься и расширить свои владения), почти в самом младенчестве своего государства победили богатый и торговый город Карфаген, хоть и защищаемый их начальником Ганнибалом, величайшим из полко-

водцев мира. Итак, поскольку торговля в те дни не была полезна для снабжения военными припасами, сообщений о ней не приходится ожидать от писателей того времени. Купец или другие дельцы, которые должны были бы понимать истинные интересы торговли, либо не понимают их, либо же не откроют их другим, чтобы это не помешало их личным выгодам. Мен, купец, в своем «Трактате о торговле»¹ излагает скорее правила того, как быть совершенным купцом, чем того, как вести торговлю с наибольшей выгодой для страны. И те доводы, которые приходится ежедневно слышать от купцов, кажутся продиктованными частными интересами и противоречат друг другу так же, как противоречивы интересы тех, кто их высказывает.

Турецкие купцы приводят доводы против Ост-Индской компании,² торговец шерстяными тканями — против торговца шелком и бархатом, и торговец мягкой мебелью — против фабриканта гнутой мебели. Некоторые считают, что существует слишком много купцов, и жалуются на число строителей,³ другие возражают против количества пивных, некоторые приводят доводы в пользу производства только определенных товаров, другие защищают торговлю только с определенными странами. Так что если бы все эти доводы приводили к изданию законов, которых они так домогаются (причем все они утверждают, что законы эти направлены к преуспеянию торговли и общему благу страны), то для следующего поколения осталось бы уж немного видов торговли, гораздо меньше сортов товаров и ни одного угла в мире, с кем торговать, если не купить у них разрешения на это.

И как ни убедительны и хороши могут показаться вступительные части их доводов в пользу расширения и продвижения торговли, заключительные части, призывающие к ограничению числа лиц и мест,⁴ прямо противоположны условиям, необходимым для расширения торговли.

Причиной, почему многие не имеют правильного представления о торговле, является то, что они применяют свои рассуждения к отдельным отраслям торговли, в которых они больше всего заинтересованы. Найдя наилучшие правила и законы для этой отдельной отрасли торговли, они применяют те же рассуждения для создания всего великого дела торговли и, не размышляя о несоответствии частей и целого, получают весьма неприятные результаты. Точно так же тот, кто выучился рисовать хорошо глаз, ухо, руку и другие части тела, но неопытен в законах симметрии, соединив эти отдельные части, получает очень безобразное тело.

Поэтому тот, кто желает дать верное представление о торговле, должен нарисовать грубую схему тела и частей сразу, так что хотя целое и не будет доставлять такого удовольствия, как хорошо отделанный кусочек, все же легко будет различить приятность отдельных частей и потому принять меры, которые более всего соответствуют форме всего тела.

ОЧЕРК О ТОРГОВЛЕ

О торговле и о товарах для торговли

Торговлей (trade) ⁵ называется изготовление и обмен одного товара на другой. Изготовление называется ремеслом, и тот, кто производит, называется ремесленником. Продажа называется торговлей, а продавец — купцом. Ремесленник называется различными именами в зависимости от того, какие товары он изготавливает. Так, есть суконщик, ткач шелка, сапожник или шапочник и т. д., в зависимости от того, делает ли он шерстяные ткани, шелковые, обувь или шляпы. Купцы различаются по названиям стран, с которыми они ведут торговлю, и называются голландскими, французскими, испанскими или турецкими купцами.

Главной целью торговли является выгодная торговая сделка. При торговой сделке необходимо принять во внимание следующее: товары, подлежащие продаже, количество и качество этих товаров, стоимость, или цена, их, за наличные или в кредит покупаются товары, проценты, нарастающие за время осуществления сделки.

Товаром для всякой торговли являются животные, растения и минералы всей вселенной, все, что бы ни произвела земля или море. Эти товары могут быть разделены на естественные и искусственные. ⁶ Естественными товарами являются те, которые продаются в том виде, как природа их произвела, как мясо, рыба, плоды и проч. Искусственными товарами являются те, которые с помощью искусства человека превращены в другую форму, а не остались в той форме, какую дала им природа, как шерстяные, бумажные и шелковые ткани и проч., которые сделаны из шерсти, льна, хлопка и шелка-сырца.

Оба эти сорта товаров называются складочными ⁷ товарами тех стран, где они главным образом находятся или изготавливаются. Существуют различные климаты, в одних местах очень жаркие, в других — очень холодные и в третьих — умеренные. Эти различные климаты производят различные растения, животных и минералы. Основными товарами жаркой страны являются пряности, основными товарами холодной — меха, умеренные же климаты производят в значительной степени одни и те же сорта товаров, но в зависимости от особенностей или удобства места, где они находятся, они становятся складочными товарами той или иной страны, где они лучше всего или легче всего получают или обмениваются. ⁸ Так, сельди и другая рыба являются складочным товаром Голландии, так как голландцы, живущие среди воды, естественно склонны к рыболовству. Английская шерсть, как лучшая в мире, является поэтому складочным товаром Англии. Растительное масло Италии, плоды Испании, вино Франции еще с некоторыми сортами товаров являются складочными товарами этих стран.

Складочные товары можно разделить на отечественные и иностранные. Отечественными складочными товарами являются те, которые каждая страна естественно и лучше всего производит; иностранными складочными товарами называются те иностранные

товары, которые страна получает благодаря монополюльной торговле с какой-нибудь чужеземной страной или благодаря исключительному обладанию каким-нибудь искусством, как например приности являются складочным товаром Голландии, а изготовление стекла и бумаги — складочным промыслом Венеции.

Из сказанного о товарах можно вывести следующие три заключения:

1. Отечественные складочные товары каждой страны являются ее богатством, ⁹ они непрерывно воспроизводятся и неистощимы. Животные на земле, птицы в воздухе и рыба в море естественно увеличиваются. Каждый год наступает новая весна и осень, которые приносят новые запасы растений и плодов. Минералы в земле также неистощимы. А если неистощимы естественные запасы, то неистощимы должны быть и запасы искусственных товаров, приготовляемых из естественных, как шерстяные, льняные, бумажные и шелковые ткани, которые изготавливаются из льна, шерсти, хлопка и шелка-сырца.

Это доказывает ошибку Мена в его очерке о торговле, где он хвалит законы против роскоши, бережливость и умеренность, как средства обогатить страну. Он пользуется аргументом из Аллегорий: предположим, человек имеет 1000 фунтов в год дохода и 2000 фунтов в запасе и тратит ежегодно 1500 фунтов; тогда в четыре года он израсходует свой запас в 2000 фунтов. Это верно о человеке, но не о природе, так как имущество человека конечно, а запасы природы бесконечны и никогда не могут быть истощены. А то, что бесконечно, не может ни увеличиться от бережливости, ни уменьшиться от расточительности. ¹⁰

2. Отечественная продукция каждой страны является основой ее внешней торговли. ¹¹ Ни одна страна не может иметь никаких иностранных товаров, кроме тех, которые были привезены в обмен на отечественные, так как в начале внешней торговли страна не имеет ничего иного в обмен. Серебро и золото из Испании, шелка из Турции, растительные масла из Италии, вино из Франции и другие иностранные товары привозятся в Англию в обмен на английские сукна или какие-нибудь другие складочные товары Англии.

3. Чужеземные складочные товары являются ненадежным богатством. Некоторые страны исключительной торговлей с другой страной или исключительным обладанием каким-либо искусством завладевают монополией на какие-либо иностранные товары, что может давать им такие же выгоды, как и отечественные товары их страны, но лишь до тех пор, пока они являются монополистами в данной отрасли торговли или в данном производстве. Но это — ненадежное обладание, ¹² так как другие страны находят в конце концов пути к торговле с теми же странами, а мастера в погоне за выгодой переезжают в другие страны, и их искусством овладевают другие народы. Так, Португалия монополюльно торговала с Индией, но потом Венеция овладела значительной частью этой торговли, а сейчас Голландия и Англия имеют в ней большую долю, чем обе

эти страны. Искусство выделки некоторых сортов шелка первоначально существовало главным образом в Генуе и Неаполе, а затем перешло во Францию, а позже в Англию и Голландию, где оно теперь процветает в таком же совершенстве, как некогда в Италии. Таким же путем и другие искусства переходили из страны в страну, как например изготовление зеркал перешло из Венеции в Англию, изготовление бумаги — из Венеции в Голландию.

О количестве и качестве товаров

Количество всех товаров узнается по весу или по мере. Причина тяжести вещей непонятна, и определение ее не является целью нашей работы. Неизвестно, происходит ли она от эластичности воздуха, или от веса высшей сферы (атмосферы? — *И. П.*), или от других причин, — достаточно того, что способы определения веса тел в совершенстве открыты с помощью весов. В общем употреблении имеются два сорта весовых мер: тройский вес и торговый вес (*Averdupois*).

Первый применяется для взвешивания особенно ценных товаров, как золото, серебро и шелк и т. д. Второй — для взвешивания более грубых и более объемистых товаров, как свинец, железо и проч.

Существуют два вида мер: одни для жидких тел, как бушель, галлон и кварта, которые служат для измерения объема зерна, вина и растительного масла; другие для измерения величины твердых тел, как ярд, локоть и т. д., которыми измеряют сукно, шелк и проч.

Весы и меры различны в разных странах, но это не мешает торговле. Все они устанавливаются обычаем или законами каждой страны, так что торговец знает веса и меры, используемые в том месте, где он торгует. Правительства преследуют и наказывают за мошенническое пользование фальшивыми весами и мерами, а в большинстве торговых городов имеются общественные учреждения для взвешивания и измерения товаров. Мошенничество в весах, которое выражается в неравенстве длины двух половин коромысла, менее всего может быть замечено, а потому особенно ценные товары обычно взвешивают на обеих чашках весов.

Качество товаров определяют по их цвету, звуку, запаху, вкусу, выделке и форме.

Различия в качестве товаров очень трудно определить, так как органы, с помощью которых можно судить об этих различиях, обладают не одинаковой чувствительностью у разных людей. Так, некоторые люди обладают более ясным зрением, другие — более тонким слухом и третьи — более чувствительным обонянием и вкусом, а так как каждый человек имеет наилучшее мнение о своих собственных способностях, то трудно найти судью, который решил бы, который лучше. Кроме того, качество искусственных товаров, которое зависит от смеси, выделки или формы их, труднее определить. Так, качество таких товаров, которые получаются от смешения различных тел, как ножи и бритвы, острота которых зависит

от правильной закалки и смеси стали и железа, не может быть обнаружено иначе, как при употреблении их. То же самое получается и при смешении материалов и выделке шляп, сукна и многих других предметов.

В виду того, что различия в качестве товаров так трудно определимы, торговец должен работать сначала в качестве ученика для изучения их. Знание их называется секретом торговли. В обычных торговых делах покупатель должен полагаться на честность купца, на то, что ему будут доставлены товары того качества, какое обусловлено. В интересах продавца, в надежде на дальнейшие торговые сделки с этим покупателем, не обманывать его, так как его лавка, место, где он торгует, известно. По этой причине те, кто покупает у корабейников и странствующих торговцев, сильно рискуют быть обманутыми.

В отношении таких товаров, как всякая одежда, главное качество которых заключается в их форме, покупатели не в такой мере зависят от честности продавца, так как хотя изобретателем формы является торговец или тот, кто изготавливает ее, все же она входит в употребление или выходит из моды в зависимости от вкуса и фантазии покупателя.

О стоимости и цене товаров

Стоимость всех товаров проистекает из их полезности.¹³ Беспольные вещи не имеют никакой ценности, или, как говорят по-английски, они не хороши ни для чего.

Полезность вещей заключается в том, чтобы удовлетворять нужды и потребность человека. Существуют две главные потребности, с которыми человек рождается; это — потребности тела и потребности духа. Для удовлетворения этих двух потребностей все вещи под солнцем становятся полезными и потому имеют ценность.

Товарами, полезными для удовлетворения потребностей тела, являются все те предметы, которые необходимы для сохранения жизни, т. е., по общему определению, это все те товары, которые полезны для удовлетворения трех главных потребностей человека: в пище, одежде и жилище. Но если строго рассматривать, то ничто из этого не является действительно необходимым для сохранения жизни, кроме пищи, так как большая часть человечества ходит обнаженной и живет в хижинах и пещерах. Итак, существует лишь немного вещей, которые совершенно необходимы для удовлетворения потребностей тела.

Товарами, которые имеют ценность потому, что удовлетворяют потребности духа, являются все те вещи, которые удовлетворяют желания. Желание предполагает потребность. Это аппетит души, он является столь же естественным для души, как голод для тела.

Потребности духа бесконечны. Человек естественно стремится вперед, и по мере того, как дух его возвышается, его чувства все более утончаются и становятся более способными к восхищению. Его желания расширяются и его потребности возрастают

с его желаниями, направленными на всякую вещь, которая редка, которая может доставить удовольствие его чувствам, украсить его тело и вообще способствовать легкости, приятности и пышности жизни.

Среди разнообразия вещей, используемых для удовлетворения потребностей духа, те, которые украшают тело человека и увеличивают пышность жизни, имеют наиболее общее употребление и во все века и среди всех народов человечества имели ценность.

Первым влиянием, которое оказал плод с дерева познания на прародителей человечества, было то, что они сделали себе одежду, и этим было положено наиболее заметное различие между человеком и остальными созданиями бога, так как ни одно живое существо, кроме человека, не украшает своего тела. Кроме того, украшение тела не только отличает человека от животных, но является признаком различия между людьми и превосходства одних над другими.

Никогда не существовало такой части человечества, настолько дикой и варварской, где не было бы различия в положении между людьми и где бы не было придумано чего-нибудь для того, чтобы показать это различие.

Среди тех, кто носил шкуры зверей, наиболее знатные одевались в шкуры тех животных, которых труднее всего было убить. Так, Геркулес носил шкуру льва, а горностаи и соболь в одежде и сейчас являются знаком особой чести. Высокое положение среди африканцев узнается по широким одеждам, а среди тех, кто ходит нагиими, — по украшению тела наиболее редкими у них красками, как например у древних британцев — по разрисовке тела наиболее чтимой у них красной краской.

И даже наиболее старинные и наилучшие истории и библлия показывают, что и среди цивилизованных народов мира знатные носили серьги, браслеты, капюшоны, покрывала и дорогие платья. И такие украшения для тела существуют и будут существовать и носиться, отличаясь только по форме и фасону, в соответствии с обычаем страны.

Для различия людей по положению широко принято употреблять различные формы одежды, но вещи редкие и трудно получаемые служат главным признаком чести. Этим объясняется ценность жемчуга, бриллиантов и драгоценных камней.¹⁴ Редкие вещи являются надлежащим признаком чести, потому что считаются почетным приобретать труднодобываемые вещи.

Цена на товары является их актуальной стоимостью. Она возникает в результате взаимоотношения между потребностью в них и количеством, могущим удовлетворить эту потребность, так как ценность вещей зависит от потребности в них, а избыток товаров, который не может быть использован, не имеет ценности. Так что изобилие по сравнению с потребностью делает вещи дешевыми, недостаток — дорогими.¹⁵

Вещи, являющиеся товарами для торговли, не имеют твердо установленной постоянной цены, или стоимости. Количество жи-

вотных и растений зависит от влияния неба, которое иногда посылает чуму, смерть, голод, а иногда годы изобилия. И поэтому стоимость вещей должна соответственно изменяться. Кроме того большинство вещей предназначено для удовлетворения потребностей духа, а не потребностей тела; эти потребности в большинстве происходят от воображения, а так как капризы человека меняются, то вещи выходят из употребления и теряют свою ценность.

Существуют два способа для определения приблизительной стоимости вещей: по цене, которую берет купец, и по цене, которую берет ремесленник. Цена, назначаемая купцом на свои товары, составляется из себестоимости, издержек и процентов.

Цена, назначаемая ремесленником, составляется подсчетом стоимости материалов и времени, затрачиваемого на работу. Цена времени соответствует ценности искусства и труда ремесленника. Некоторые ремесленники оценивают свое время в 12, другие в 15 и некоторые в 20 и 30 шиллингов в неделю.¹⁶

Проценты являются мерилom, по которому купец определяет выгодность своей торговли, а время является таким мерилom для ремесленника. С помощью этого мерилa они вычисляют свою прибыль или убыток, так как если цена их товаров изменяется либо при большом изобилии, либо при изменении спроса, и они не дают купцу его процентов и не оплачивают ремесленнику его времени, то оба они считают, что понесли убытки на своем деле.

Но лучшим судьей ценности товаров является рынок, так как при стечении покупателей и продавцов лучше всего узнается количество товаров и потребность в них. Вещи стоят как раз столько, за сколько их можно продать, согласно старому правилу: «*valet quantum vendi potest*».

О деньгах, кредите и процентах

Деньги — это стоимость, созданная законом.¹⁷ Разница в их стоимости узнается по чеканке и по величине монеты.

Одной из целей употребления денег является измерение стоимости. Стоимость всех других вещей определяется с помощью денег, так что для выражения стоимости любой вещи говорят: она стоит столько-то шиллингов или столько-то фунтов. Другой целью употребления денег является служить для обмена или быть залогом стоимости всех других вещей. Поэтому стоимость денег должна устанавливаться законом, нето они не смогут быть верным мерилom стоимости других вещей.

Совсем не необходимо, чтобы деньги были сделаны из золота или серебра, так как если их стоимость устанавливается исключительно законом, — не существенно, из какого материала отчеканена монета. Деньги имеют ту же стоимость и то же употребление, будут ли они сделаны из бронзы, меди, олова или чего-нибудь другого. Бронзовые деньги Испании, медные деньги Швеции и оловянные фартинги Англии имеют ту же стоимость при обмене, согласно установленной законом их стоимости, и выполняют ту же роль при

подсчете стоимости вещей, что и золотые и серебряные монеты. На шесть пенсов фартингами можно купить столько же, сколько на шесть пенсов серебром, и стоимость вещи одинаково хорошо понятна, скажем ли мы, что она стоит 8 фартингов или 2 пенса. Золотые, серебряные, так же как и бронзовые, медные и оловянные деньги изменяются в стоимости в тех странах, где закон, установивший их стоимость, не имеет силы; там они стоят не более того, что стоит кусок металла, на котором стоит чекан. Поэтому все иностранные монеты идут по весу и имеют не постоянную стоимость, но повышаются или понижаются с изменениями цен на металл. Монеты в 8 шиллингов стоят иногда 4 шиллинга 6 пенсов, 4 шиллинга 7 пенсов, 4 шиллинга 8 пенсов, в зависимости от повышения или понижения цены на серебро. Также и доллары и все иностранные монеты изменяются по своей стоимости. И если бы закон не устанавливал стоимости монет, то английская монета в 1 крону стоила бы только 5 шиллингов 2 пенса, так как такова ее стоимость в иностранных государствах или когда она расплавлена.¹⁸ Но главной целью изготовления денег из серебра и золота является намерение воспрепятствовать подделке монеты, так как золото и серебро — металлы дорогие, а потому те, кто захочет получить большую выгоду подделкой монет, должны будут подделывать и металлы и чеканку, а подделывать металл гораздо труднее, чем чеканку. Для купца имеется еще одно преимущество в таких деньгах. Так как золото и серебро являются товаром, который имеет еще и другое употребление, кроме изготовления денег, а именно изготовление посуды, золотых и серебряных кружек, шелков и т. д., и так как монеты занимают малый объем по сравнению с их стоимостью, то купцы перевозят такие деньги с места на место в виде звонкой монеты и, когда находят выгодным для себя, продают их в виде слитков. Но хотя это может быть выгодно для купцов, оно часто наносит ущерб государству, уменьшая количество денег в обороте. Поэтому в большинстве стран существуют законы, воспрепятствующие вывозу денег, но и они не могут бороться с этим злом, так что в Испании, например, даже в столице ее через два месяца после возвращения галеонов едва ли можно увидеть серебряную монету в стране.

Некоторые люди так высоко ценят золото и серебро, что считают, что они имеют ценность сами по себе, и высчитывают стоимость каждой вещи по ним. Ошибка их заключается в том, что сделанные из золота и серебра деньги они не отличают от золота и серебра вообще.¹⁹ Деньги имеют определенную стоимость, установленную законом, но стоимость золота и серебра непостоянна, и цена их изменяется так же, как цена меди, свинца и других металлов. А в местах, где их добывают, принимая во внимание незначительность их залежей и расходы по добыче их, они дают не на много больше выгоды, чем другие металлы, и рудокопы, добывающие их, получают не большее жалование, чем те, которые добывают другие металлы.

И если бы не растрачивание золота и серебра на выделку по-

суды, кружев, шелков и позолоту и не обычай восточных государей хоронить себя в золотых украшениях, из-за чего половина того, что добывается на Западе, зарывается на Востоке, ²⁰ то количества, добытые из земли со времени открытия Вост-Индии, настолько уменьшили бы стоимость этих металлов, что к настоящему времени она не на много превосходила бы стоимость олова или меди. И как были бы разочарованы искатели философского камня, если бы они его, наконец, нашли, потому что, если бы они могли сделать хотя бы такое количество золота и серебра, какое они и их предшественники истратили в поисках философского камня, то это настолько изменило и снизило бы стоимость золота и серебра, что вопрос, получали ли бы они за них столько, чтобы покрыть расходы на металлы, которые они превращали бы в золото и серебро. Ведь только благодаря недостаточности этих металлов сохраняется их стоимость, а не из-за врожденных их качеств или достоинств. Если же говорить о достоинстве, то африканец, меняющий золото на ножи и вещи, сделанные из железа, будет иметь перевес при обмене, потому что железо гораздо более полезный металл, чем золото. В заключение скажем, что ничто не имеет постоянной стоимости, одна вещь стоит столько же, сколько и другая. Только время и место придают различие стоимости всех вещей. ²¹

Кредит — это стоимость, создаваемая мнением, за которую можно покупать товары, как за деньги. Во всех торговых городах больше товаров продается в кредит, чем за наличные деньги.

Имеются два вида кредита: один основан на платежеспособности покупателя, второй — на его честности. Первый покупатель называется платежеспособным купцом, он обычно платит скоро; оплата товара через месяц считается как плата наличными, и цена назначается соответственная. Второй покупатель называется честным купцом. Он может быть беден. Обычно он покупает с оплатой через три и шесть месяцев или дольше, так как платит за товар тогда, когда сам получает деньги после продажи товара. Поэтому продавец больше полагается на его честность, чем на его платежеспособность. Большинство розничных торговцев пользуется таким кредитом, и им обычно доверяют на суммы вдвое большие, чем они имеют.

В больших торговых городах имеются государственные кредитные банки, как например в Амстердаме, в Венеции. Они очень помогают торговле, так как они облегчают взаимные расчеты между купцами, устраняя длительный подсчет денег и способствуя значительному ускорению заключения сделок. Государственные банки настолько облегчают торговлю, что лондонские купцы за отсутствием такого банка вынуждены были передать свои деньги золотых дел мастерам ²² и в дальнейшем пользовались векселями этих золотых дел мастеров для расплаты друг с другом вместо банкнот. И хотя такой кредит вызывал большую потерю денег, не менее двух миллионов в течение 25 лет, все же быстрота и легкость заключения торговых сделок благодаря этим векселям были таковы, что они и сейчас еще употребляются иногда.

Поэтому приходится сильно удивляться тому, что если Лондон является величайшим, богатейшим и важнейшим для торговли городом в мире; если государственные банки дают столько легкости, быстроты и безопасности; и если столько потерь происходит из-за их отсутствия, — то почему же купцы и торговцы Лондона уже давно не обратились к правительству с ходатайством об устройстве государственного банка? ²³

Обычное возражение, что государственный банк не может быть безопасным местом хранения денег при монархии, не заслуживает ответа. Как будто государи не руководствуются теми же правилами политики, что и республики, а именно — стремлением всеми средствами добиться благосостояния своих подданных, в чем они сами заинтересованы.

Верно, что в государстве деспотическом, опирающемся на военные силы, где торговля не имеет никакого отношения к делам государства и не приносит ему никаких доходов, можно ожидать, что такой банк окажется захваченным государем, так как он этим не наносит ущерба своему правительству. Но в Англии, где правление не деспотическое, народ свободен и принимает такое же большое участие в законодательстве, какое принимают или принимали когда-либо подданные любой республики, где пошлины составляют большие суммы в королевской казне, где торговый флот является оплотом королевства и где процветание торговли настолько же в интересах короля, как и народа, — здесь нет оснований для такой боязни. Какие возражения может привести любой подданный против того, что его деньги в банке не в такой же мере охраняются законом, как и его собственность вообще? Или почему он должен бояться потери денег в банке больше, чем потери своей земли или товаров?

Проценты — это доход с капитала (stock); они представляют собою то же, что арендная плата за землю. Первая является рентой с обработанных изделий или искусственного капитала, а вторая — с необработанных, или естественного капитала.

Проценты обычно считают за деньги, так как деньги, взятые взаймы на проценты, должны быть возвращены в деньгах. Но это ошибочно, так как проценты платят за капитал: ²⁴ ведь деньги берут взаймы, чтобы купить товары или заплатить за них до покупки; никто не берет деньги на проценты, чтобы спрятать их и терять на них проценты.

Одно из использований процента: по нему купец высчитывает прибыль или убыток. Купец ожидает благодаря торговле получить больше, чем проценты на свои товары, так как имеются безнадежные долги и другие случайности. То, что купец получает сверх процентов, есть его доход, что ниже процентов — убыток, но если купец получает только проценты на свой товар, то это не доход и не убыток.

Вторым использованием процентов является то, что они служат для вычисления стоимости земельной ренты, по ним устанавливают цену на землю при продаже и покупке. Прибавляя проценты за три

года к капитализированной ренте, ²⁵ получают обычную продажную цену земли в стране. Эта накидка в виде процентов за три года делается потому, что земля более надежна, чем деньги или капитал. Так, в Голландии, где процентная ставка составляет 3%, цена земли вычисляется таким образом: устанавливают, сколько раз 3 заключается в 100, получают 33 (что означает 33 года), к этому прибавляют еще 3 года и получают 36 лет, т. е. цена земли в Голландии равна доходу с нее за 36 лет. Применяя то же правило, мы устанавливаем, что в Англии, где процентная ставка составляет 6%, цена земли равна доходу с нее только за 20 лет, а в Ирландии — за 13 лет, так как там процентная ставка равна 10%. Таким образом, в зависимости от величины процентной ставки устанавливается цена земли в стране.

Поэтому во всех странах процентная ставка устанавливается законом, так как иначе не было бы твердого мерил для купца в его расчетах или для дворянина, продающего свою землю.

О главных причинах упадка торговли в Англии и падения ренты на землю

Двумя главными причинами упадка торговли являются множество запретительных законов и высокая процентная ставка.

Запретительные законы в торговле являются причиной ее упадка, так как все заграничные товары привозятся в обмен на отечественные товары нашей страны, так что запрещение ввоза какого-нибудь товара из-за границы препятствует производству и вывозу соответствующего количества отечественных, какие должны были бы быть произведены и обменены на них. Ремесленники и купцы, работающие с этими товарами, лишаются своей работы, и доход, который получался от такой торговли и распространялся дальше на других торговцев, теряется. Отечественный капитал, из-за отсутствия вывоза товаров, падает в цене, а рента на землю падает с падением стоимости капитала.

Обычным доводом в пользу запрещения ввоза иностранных товаров является то, что ввоз и потребление иностранных товаров препятствуют производству и потреблению таких же отечественных товаров. Поэтому запрещен ввоз фландрских кружев, французских шляп, перчаток, шелка, вестфальской свинины и проч., так как предполагается, что они помешают потреблению английских кружев, перчаток, шляп, шелка, свинины и проч. Но это ошибочный взгляд, и возникает он от того, что не принимается во внимание причина, вызывающая торговлю. Не необходимость вызывает потребление, природа довольствуется малым. Это потребности духа, мода и жажда нового и редких вещей вызывают торговлю. Человек может иметь сколько угодно английских кружев, перчаток или шелков и не желать покупать их больше, но все же он желает потратить свои деньги на венецианские украшения или французские перчатки и шелка; он может желать кушать вестфальскую свинину, но не желает есть английской. Таким образом,

запрещение иностранных товаров не обязательно вызывает увеличение потребления таких же, но английских товаров.

Кроме того, потребности духа имеются и у иностранцев, как у англичан: они желают чего-нибудь нового, они ценят английские сукна, шляпы и перчатки и другие иностранные товары больше, чем товары отечественного изготовления. Так что, хотя ношение или потребление иностранных товаров может уменьшить потребление таких же товаров в Англии, все же их будет изготовляться не меньше, а при том же количестве для страны выгоднее, если часть их потребляется за границей, так как этим выигрывается доход от фрахта, который при объемистых товарах может составлять четвертую часть всей стоимости.

Отдельные отрасли торговли, которые ожидают выгоды от таких запретов, часто ошибаются, так как если употребление большинства товаров зависит от моды, которая часто меняется, то товар выходит из моды и продажа его прекращается. Например, предположим, закон запретит ввоз камышевых стульев; из этого не следует, что те, кто делает турецкую мягкую мебель, будут лучше торговать, так как может появиться мода на деревянные, кожаные или обитые шелком стулья (которые уже в употреблении среди дворянства, так как гнутая мебель стала слишком дешева и обычна), или же может случиться, что стулья вовсе перестанут употребляться, так как появится обычай лежать на коврах — старинный римский обычай, и сейчас еще распространенный среди турок, персов и всех восточных государей.

Наконец, если даже запрещение ввоза некоторых сортов товаров будет выгодно для отдельных торговцев, вызвав увеличение потребления таких товаров отечественного происхождения, все же это явится потерей для страны в целом, так как страна получает пользу от торговли, дающей таможенные пошлины, и от производства таких товаров, которые требуют много рабочих рук. Так что, хотя запрещение может увеличить потребление такого же сорта отечественного товара, все же, если оно помешает вывозу других товаров в обмен на запрещенные, товаров, за которые платят больше таможенных пошлин или фрахта, или которые требуют больше рабочих рук для изготовления, то страна от такого запрещения потеряет. Например, если табак или сукно вывозились в обмен на вестфальскую свинину, то страна потеряет при запрещении ввоза ее, так как хотя увеличится потребление английской свинины, но ведь за табак платится большой фрахт и пошлина, а изготовление сукна требует много рабочих рук. Из этого ясно, что запрещение ввоза всех необработанных товаров, как шелк-сырец, хлопок, лен и проч., и всех объемистых товаров, как вина, растительные масла, плоды и проч., было бы убыточно для страны, так как ничего не может быть послано в обмен, что занимало бы меньше рук, чем первые, или платило бы больший фрахт, чем вторые.

Дело не меняется и в том случае, если баланс торговли покрывать ввозом драгоценных металлов или все заграничные товары покупать за золото и серебро, так как серебро и золото — ино-

странные товары, за них платится малый фрахт и они требуют мало рабочих рук для своего получения и первоначально привозятся в Англию в обмен на какие-нибудь отечественные товары, так что, заплатив за их ввоз в страну, надо потом платить за их вывоз. Верно то, что если бы наши шерстяные ткани или сукна обменивались на необработанные товары, это было бы выгодно для страны, вследствие разницы в числе рабочих рук, занятых при выделке первых и вторых.

Однако, все торгующие страны знают свои выгоды от торговли и знают разницу в прибыли от обмена обработанных товаров на сырье. А потому, если одна какая-нибудь страна введет закон, воспрепятствующий ввоз иностранных товаров, кроме тех, которые наиболее выгодны, то этим она вызовет все страны на введение таких же законов, и в результате погибнет внешняя торговля, так как основой внешней торговли является обмен отечественных товаров каждой страны на такие же товары других стран.

В заключение скажем, что если ввоз иностранных товаров будет препятствовать изготовлению и потреблению отечественных, что редко случается, то этому можно помешать не запрещением ввоза иностранных товаров, а наложением на них таких больших пошлин, чтобы они были всегда дороже отечественных. Дороговизна их помешает всеобщему потреблению их, и они найдут покупателей только в лице дворянства, которое оценит их, потому что они дороги, причем возможно, что дворянство и не стало бы потреблять английских, даже если бы иностранные и не ввозились. Благодаря таким пошлинам доходы короны увеличатся. При этом ни один иностранный государь или правительство не сможет возражать, так как каждое правительство свободно налагать любые налоги или пошлины. Торговля будет открыто и свободно продолжаться, и купцы будут получать доходы от своей торговли. Мертвый капитал страны, который она сама не способна потребить, будет вывезен, что повысит прибыль отечественного капитала и ренту на землю.

Второй причиной упадка торговли в Англии и падения ренты на землю является то, что процентная ставка в Англии выше, чем в Голландии и других торговых странах. В Англии платят 6%, а в Голландии 3%. А между тем все купцы, торгующие одинаковыми товарами в тех же портах, должны вести торговлю при тех же процентных ставках.

Процентная ставка регулирует покупку и продажу, а так как она в Англии выше, чем в Голландии, то английские купцы оказываются в невыгодном положении, потому что они не могут продавать такие же товары в том же порту по той же цене, что и голландские купцы. Голландский купец может продать товар, стоящий 100 фунтов, за 103 фунта, а английский купец должен продать такой же товар за 106 фунтов, чтобы иметь обратно свой капитал и проценты на него.

Когда сэр Томас Грешэм сосредоточил в своих руках почти всю торговлю с Испанией, а Турецкая компания захватила всю продажу

сукна в Турцию и некоторые другие места, то разница в процентных ставках не наносила ущерба торговле, хотя в Англии в это время платили 8%, так как тот, кто является монопольным поставщиком какого-нибудь товара, может назначать на свой товар любую цену. Но теперь торговля перешла в руки многих, и один и тот же сорт товара производится в нескольких странах. Голландские и английские купцы торгуют одними и теми же товарами в одних и тех же местах, и потому они должны были бы работать при одной и той же процентной ставке, которая является мерилом торговли.

Кроме того, английский купец оказывается в таком же невыгодном положении при обратном ввозе товаров, купленных в обмен за проданные, так как голландский купец такой же товар может продавать дешевле его.

Благодаря такой разнице в процентных ставках Голландия сделалась величайшим складом товаров в этой части Европы для всех сортов товаров, так как их можно купить дешевле в Голландии, чем в Англии.

Покупая товар, купец не может знать, за сколько он продаст его. Стоимость товара зависит от разницы между потребностью и количеством, так что хотя главной заботой купца и является внимательный надзор за этим, все же это зависит от столь многих обстоятельств, что невозможно все предвидеть. Поэтому, когда изобилие какого-нибудь товара снижает цену на него, купец оставляет его на складе до тех пор, пока некоторое количество его не будет потреблено и цены поднимутся. Но английский купец и здесь оказывается в невыгодном положении, так как за то время, пока цены поднимутся настолько, чтобы оплатить расходы и 6% на капитал, те же товары придут из Голландии и снова снизят цены, так как голландским купцам пришлось ждать меньшего повышения цен, и потому они могли продавать товар дешевле.

Из-за недостаточного внимания к этому в Англии многие английские купцы разоряются, так как хотя из накладной (Bill of lading) они могут до некоторой степени установить количество ввезенного товара и потому хранить свои товары до повышения цен, но они не знают, каковы запасы этого товара в Голландии, и потому не смогут продать свои товары с прибылью, так как тот же товар привозится снова из Голландии до того, как цены поднимутся достаточно высоко, чтобы они могли оплатить стоимость хранения товара на складе и проценты.

Поэтому большая часть английской торговли основана теперь на краткосрочных сделках, на ежедневных покупках и продажах в соответствии с ежедневно печатаемым бюллетенем цен (Bill of rates). Благодаря этому английская торговля сужается и ограничивается, и король теряет доходы от ввоза, которые он имел бы, если бы Англия была товарным складом для Европы, а страна теряет доход, который получился бы от того, что люди были бы заняты на погрузке-разгрузке товаров и в судоходстве.

Высокая процентная ставка является причиной падения ренты. Так как торговля ограничивается краткосрочными сделками и

купцы не могут продавать иностранные товары по таким же ценам, как в Голландии, то они вывозят меньше отечественных товаров, и изобилде их внутри страны приводит к падению земельной ренты: земельная рента падает, если земля производит товары, цена на которые падает.

Но если бы процентная ставка в Англии была такой же, как в Голландии, т. е. 3%, то это сделало бы земельную ренту более твердой и подняло бы цену на землю.

Эта разница в 3% настолько значительна, что многие голландские купцы, живущие в Голландии, распродав свои товары в Англии, дают приказ давать их деньги на проценты в Англии, считая это более выгодным, чем торговлю.

При ставке в 3% повысилась бы арендная плата в некоторых поместьях и удержалась бы в других. Фермер должен вести учет своих расходов и доходов, как и купец.²⁶ Проценты на инвентарь должны быть учтены так же, как и арендная плата за землю. Так, если фермер имеет инвентарь стоимостью в 300 фунтов и платит арендную плату в таком размере, что он может хорошо жить со своей фермы, то он может прибавить к арендной плате лишние 9 фунтов в год, при процентной ставке равной 3%, и иметь те же доходы со своей фермы, как и теперь, когда процентная ставка равна 6%. А те фермеры, которые платят высокую арендную плату, имея такой же инвентарь, будут иметь на 9 фунтов в год больше, что облегчило бы им платеж арендной платы. И хотя к концу года они будут иметь не больше, но все же лишние 9 фунтов будут влиять на стоимость земли и сняты со счета капитала. Если бы процентная ставка в Англии была равна 3%, то здесь всегда был бы склад зерна и шерсти, что было бы большим преимуществом для фермера и сделало бы его ренту более постоянной, так как бывают годы изобилия и годы неурожая; в годы изобилия больше фермеров разоряется, чем поправляет свои дела в годы неурожая, так как когда цены очень низки, то урожай не окупает стоимости расходов по посеву, обработке и вывозу на рынок; когда же цены высоки, то не все те, кто разорился при хорошем урожае, имеют урожай теперь. Но если бы процентная ставка равна была 3%, то зерно и шерсть в годы больших урожаев скупались бы, хранились и продавались в годы неурожая. Тогда большие закуски в годы изобилия удерживали бы цены от сильного падения, а продажа запасенных товаров в годы неурожая не давала бы ценам так повышаться. Таким образом, благодаря более или менее равномерным и умеренным ценам на зерно и шерсть, инвентарь и арендная плата фермера стали бы более устойчивыми.

Но так как теперь Голландия является житницей, то стоит ли запасать сколько-нибудь значительное количество зерна в Англии при ставке в 6%, когда всегда можно купить сколько угодно в Голландии, где при ставке в 3% оно дешевле, и привезти оттуда так скоро и так дешево в любую часть Англии, как если бы оно было запасено здесь.

В-третьих, если бы процентная ставка равнялась 3%, то

стоимость земли в Англии равнялась бы доходу с нее за 36—40 лет, так как процентная ставка определяет цену при покупке и продаже земли.

Понижение процентной ставки не изменит стоимости других товаров, так как стоимость товаров проистекает от их полезности, а дороговизна и дешевизна их зависят от изобилия и недостатка. Также это не вызовет недостатка в деньгах, так как если закон устанавливает такую процентную ставку и не больше, чем 3%, то те, которые живут от этого, должны будут давать деньги займы на такие проценты, либо совсем не иметь никаких процентов на них, так как они не найдут, куда поместить их с большей выгодой. Но некоторые предполагают, что это вызовет недостаток денег и что это может причинить ущерб правительству, которое нуждается в получении денег займы. Для этого случая в законе может быть статья о том, что все дающие деньги займы королю будут получать 6%. Таким образом все захотят давать деньги займы правительству, и король благодаря такому закону съэкономит 2%.

Видимый ущерб от такого закона будет заключаться в том, что уменьшатся доходы тех, кто живет на проценты с капитала. Но это не составит всеобщего ущерба, ²⁷ так как многие из них имеют также и землю, кроме капитала, и то, что они потеряют на одном, они выиграют на повышении другого. Кроме того, многие из них живут экономно и в значительной степени в пределах своих имений и потому не нуждаются в больших доходах, а только лишь в том, чтобы их считали богатыми. Они в течение длительного времени пользовались преимуществами, как заемщики: так как земля дает только 4%, а процентная ставка на деньги составляет 6%, с каждым годом долг, выплачиваемый доходами с земли, будет увеличиваться на 2%, из-за чего поглощено было много хороших ферм и съедены поместья многих старинных дворян в Англии.

Моисей, этот мудрый законодатель, который стремился к тому, чтобы земля, разделенная между евреями, постоянно оставалась во владении их семей, запретил евреям платить проценты, хорошо зная, что кушцы Тира, которые были их ближайшими соседями, получают в конце концов земли евреев, одалживая им деньги на проценты. Смысл моисеева закона ясен: евреям было запрещено платить проценты, но не запрещено было брать их с иноземцев, так как, беря проценты, они не могли потерять свои поместья.

Юристы придумали фиденкомиссы ²⁸ для сохранения земли в руках одних владельцев. Понижением процентной ставки до 3% сильно облегчилось бы достижение этой цели, так как стоимость поместий удвоилась бы и потому потребовалось бы вдвое больше времени при таких же расходах, чтобы прожить поместье.

Повышение стоимости земли кажется особенно необходимым в нынешнее время, когда страна ведет такую дорогостоящую войну, ²⁹ так как земля является фондом, который должен поддерживать и сохранять правительство. И налоги будут меньше, и платить их будет легче, так как они не будут так велики. Ведь 3 шиллинга в фунте составляют теперь одну $133\frac{1}{2}$ -ю часть цены

земельной собственности каждого человека, считая ее равной 20-летнему доходу. Если же цена земли удвоится, то те же 3 шиллинга составят только одну 226-ю часть (опечатка: $\frac{1}{227}$. — Н. П.), что гораздо легче платить.

Кампинелла, ³⁰ который писал сто лет тому назад по вопросу о большой территории французской земли, говорит, что если бы когда-нибудь она была объединена под властью одного государя, то могла бы давать такие большие доходы, чтобы диктовать законы всей Европе.

Влияние этого расчета видно, повидимому, в попытках настоящего короля Франции, а потому, так как Англия, как остров, не может увеличить свою земельную площадь, то совершенно необходимо, чтобы цена земли была увеличена, чтобы защитить страну против такой могучей силы. Для дворянства, земли которого должны нести бремя войны, некоторой компенсацией будет, если увеличится цена их поместий; и то, что является фондом и поддержкой правительства, является также большой выгодой для всей страны, и еще больше от того, что это не уменьшает и не изменяет стоимости всего остального.

Конец

ДЕДЛЕИ НОРС

ОЧЕРКИ

о

торговле

DUDLEY NORTH

DISCOURSES

upon trade

1691

Дедлей Норс (Dudley North, 1641—1690, — замечательный писатель экономист, автор печатаемого нами в русском переводе памфлета «Очерки о торговле» («Discourses upon trade»). Норс по профессии был купцом, принимавшим активное участие в Турецкой компании. Составив себе в этой торговле большое состояние, он вернулся в Англию, где занимал должности по таможенному ведомству и финансам (treasury). Памфлет, который мы печатаем, вышел лишь после его смерти, в 1691 г. Как видно из предисловия, которое написано от чужого имени, взгляды автора представлены как нечто парадоксальное, расходящееся с обычным мнением, т. е. с воззрениями меркантилизма. И действительно, Норс защищает принцип свободы торговли, невмешательства государства в хозяйственную жизнь, доводами, которые не уступают по силе и ясности взглядам Адама Смита. Норс — выдающийся представитель новых взглядов, павших свое завершение и теоретическое обоснование у Смита и Рикардо. Когда Мак-Кулох впервые познакомил Рикардо с забытым памфлетом Норса, этот памфлет произвел на Рикардо огромное впечатление. Основная мысль памфлета Норса выражена им в заключении, где он пишет: «Ни один народ никогда еще не разбогател с помощью политики; лишь мир, труд и свобода приносят торговлю и богатство, и больше ничего». Политика, о которой пишет Норс, это политика меркантилизма, политика экономической регламентации. В виду того, что мы сравнительно подробно останавливаемся на взглядах Норса в предисловии к сборнику, мы ограничимся здесь этим кратким изложением.

О ЧЕРКИ
о
ТОРГОВЛЕ,
трактующие главным образом вопросы
о
процентах, чеканке,
обрезе, увеличении
ДЕНЕГ

Предисловие

Эти бумаги были направлены ко мне для того, чтобы, как я полагаю, быть опубликованными. Передав их в печать, которая является единственным средством осведомления человечества, я выполняю то, что мне было поручено.

Автор пожелал остаться в тени: но после прочтения его бумаг я не приписываю это какой бы то ни было неуверенности в своих доводах, разочарованию, свойственному великим людям, или чрезмерной скромности — причинам, которые обычно побуждают авторов скрываться. Это вызвано скорее желанием избежать утомительного упорядочения и отделки своих мыслей, приведения их в такую точную систему и изложения тем совершенным слогом, каких мир обычно ожидает от авторов. Я уверен, что он стремился только к общественному благу и мало внимания обращал на порицания за отсутствие изящества и отделки, которым он, казалось, придавал мало значения, всецело полагаясь на истину и справедливость написанного им. И все же он может не без основания отклонить обвинение в небрежности или неграмотности.

Общество является зверем хитрым и безжалостным, который никогда не пропустит и не простит неудачи, но выносит свой приговор и приводит его в исполнение немедленно, хотя бы над своим собственным членом. Оно не менее неблагодарно, чем обычный попрошайка, оскорбляющий своего благодетеля, без милосердия которого его семья умирала бы с голоду.

Поэтому я могу лишь извинить скрытность нашего друга и воспользоваться его отсутствием для того, чтобы говорить об его «Очерках» с гораздо большей свободой, чем (как я уверен) его присутствие позволило бы.

Что касается стиля, то вы найдете его вполне английским, каким обычно говорят, а это, в согласии с Горацием, есть закон и правило языка. Не заметил я также, чтобы автор имел в виду больше, чем говорит название его книги: это обычные очерки, которые, возможно, писались под диктовку и были отправлены

без больших поправок. И, конечно, ни один человек не откажется вести беседу с остроумным другом потому лишь, что тот не говорит как Туллий (Цицерон. — *И. П.*). А если разговор может быть принят в таком виде, то к чему же нам ссориться из-за этого в письме? Более того, нецелесообразно такими чрезмерными требованиями работы и усилий удерживать всех умных людей от выступлений в печати, благодаря чему мы лишаемся блага их суждений в делах общего значения.

Красивая речь есть, конечно, редкое счастье, которым некоторые владеют с большим совершенством. Но часто, как это бывает с красивым лицом, она лишь соблазняет к пороку. Я знал случаи, когда разумным смыслом пренебрегали ради красоты изложения. Если же красивые слова отсутствуют, то все влияние оказывает сила доводов, а это одно только и надежно.

Адвокаты в своих делах щеголяют всеми внешними красотами языка и уважают только неопровержимые выражения. Купцы в своих деловых беседах не пользуются ни одним словом больше того, что необходимо для их цели, потому что их интересует только сущность дела, а не его облачение. Зачем же тогда людям мысли загромождать свою речь более того, что необходимо, чтобы доводы их были понятны?

Выражаться очень кратко и все же ясно — это добродетель, которой можно позавидовать; а если речь направлена к людям или собраниям, назначение которых велико или сделалось таким вследствие заинтересованности многих, то эта добродетель делается совершенно необходимой, так как если ваша речь скучна, то легче пожертвовать ею, чем временем, которое нужно для прослушивания ее. Но иначе получается, когда имеют дело с ленивым невежеством любого сорта или с почесывающей за ухом чернью, которая нахальна (так же как и буйна) и нечувствительна к обману. И я могу прибавить, что при письме, если только не эпистолярном (которое, предполагается, всегда написано наспех, а потому кратко и образно), обилие слов более простительно, чем неясность или недостаток смысла, так как мы можем не спешить и на досуге прочесть написанное.

Я согласен, что среди богатых и праздных людей, так же как и среди ученых, работа которых выражается в словах, простая обработка языка является одним из наиболее похвальных занятий; им мы и предоставляем его, так как для человека дела это наиболее ненавистная вещь, просто безделье.

Я согласен также, что утонченность речи, принятая теперь больше всего в поэзии, полезна для того, чтобы расположить капризных людей к чтению или занятиям. Но в наше время свет не так уж мало любопытен. Люди достаточно развиты, чтобы интересоваться книгами, особенно такими, где речь идет о заговорах и спорах. И было бы хорошо, если бы они либо писались, либо читались с такой же честностью, как и усердием. У нас нет никакой нужды в подслащенных приемах письма, чтобы соблазнить людей читать: они достаточно пытливы для этого. А если тема книги за-

трагивает их собственные интересы, то я того мнения, что если только вы можете заставить их понять это, вы можете довериться им.

Что касается применяемой в этой книжке системы изложения, то она в такой малой мере заметна, что, я боюсь, некоторые читатели скажут, что ее совсем нет. Я никогда не считал, что истинная система изложения состоит в введении искусственных отделов, подразделов, «во-первых», «во-вторых», «под-первых» и т. д., хотя все это очень полезно в работах, предназначенных служить для справок. Но там, где требуется понимание, все это просто хлам, и сущность часто теряется в нем.

Для указанной цели достаточно, если вещи расположены в естественном порядке и заключение не поставлено перед вступлением, так что ход доводов ясен и понятен. Один из моих друзей говорил, что если первая глава поставлена перед второй, то это вся система, которая его интересует, думая этим то, что я только что сказал и что, я думаю, вы здесь найдете.

Эта черная работа обработки является еще одним налогом на смысл, скрывая значительную часть его от понимания читателя. И без исключительного таланта и длительных упражнений сочинительство становится делом чрезвычайно трудным. Я не понимаю, почему другим лицам не позволено рыскать по разным сочинениям, если только они не лишены смысла, как это позволено Монтеню.

Scalligerana, Pirgoana, Pensées и Застольные беседы м-ра Selden¹ — все являются грудой несвязных клочков, все же ценных за остроумие и смысл. Поэтому дайте же тому, что более всего ценно, — разуму и правде, — выступить вперед без такого тяжелого снаряжения, которое делает авторов похожими на лошадей пивовара — очень полезных животных, но настоящих черно-рабочих.

Мне кажется, когда я встречаюсь с большим количеством «во-первых» и «во-вторых», я чувствую человека, воображающего себя писателем, — создание столь же отвратительное, как любой другой вид наглости. Если имеется смысл, и он понятен, то что же может еще прибавить формальный методист? Дайте мне устрицу, а пеструю раковину берите себе.

Теперь, после всего сказанного, будет несправедливым не сказать ничего о содержании этих очерков, темой которых является торговля, и о манере автора излагать их.

По своим взглядам он, повидимому, отличается от большинства лиц, высказывавшихся на эту тему. Очевидно его знания и опыт в торговле значительны, чем он не мог бы овладеть, если бы сам не был купцом. И все же из того, что он говорит в своей книжке, нельзя узнать, какого характера его дело, так как он говорит беспристрастно о торговле вообще, без искажений в пользу чьих-либо частных интересов. Ранее уже замечалось, что в тех случаях, когда приходилось совещаться с купцами по вопросам, касающимся торговли вообще, они сходились во мнениях; когда же обсуждение касалось вопросов, где интересы этих купцов сталки-

вались, они расходились *toto coelo*.² Что касается мнения автора о денежном проценте, — в каком вопросе он ясно доказывает, что установление процента должно быть свободно предоставлено рынку и не ограничено законом, — то здесь его можно заподозрить в пристрастии к своим собственным интересам, как и тех купцов, о которых мы выше говорили. Разница лишь в предполагаемой причине этой пристрастности суждения, которая в одном случае является богатством, а в другом — нуждой. Автор подтвердил свое суждение доводами, которые каждый может свободно обсуждать; и мы считаем, что нет никакого другого средства, с помощью которого умный и честный человек может защищать свои взгляды в общественных делах.

Далее я нахожу, что он рассматривает здесь торговлю с иным подходом, чем это делается обычно, т. е. философски, так как обычные и общепринятые понятия, являющиеся просто шелухой и мусором, отброшены. Он начинает с основного, с принципов неоспоримо истинных, и, продолжая таким же путем, он приходит к толкованию щекотливых споров и вопросов, касающихся торговли. И все это с достаточной ясностью, так как он сокращает вещи до их крайних пределов, при которых все различия наиболее выпуклы и заметны, но не показывает их в обычном их состоянии, при котором взаимоотношения едва различимы.

Такой метод доказательства был введен новой философией. Старая имела дело больше с абстрактными понятиями, чем с истинами, и использовалась для построения гипотез, соответствующих обилию случайных и бессмысленных принципов, таких, как прямой или наклонный ход атомов в пустоте, вещество и форма, твердые сферы, *fuga vasu*³ и многие другие такого же характера, которые не убеждают ни в чем. С появлением же великолепной диссертации Декарта *De methodo*,⁴ так одобряемой и принимаемой в наше время, все эти химеры скоро распались и исчезли.

Отсюда мы приходим к тому, что знания в значительной мере стали механическими, каковое слово я не должен объяснять; замечу лишь, что здесь оно означает: построенный на ясных и очевидных истинах. Но все же это большое усовершенствование разума, которое мир недавно получил, недостаточно распространено и свойственно главным образом ученым и образованным; простой же народ имеет в этом малую долю, так как он не умеет абстрагировать, чтобы получить истинное и справедливое представление о большинстве обыкновенных вещей, но полон общепринятых ошибочных мнений обо всем, кроме немногих вещей, входящих в круг его повседневных дел и известных ему из опыта. Так, простой моряк со всем его невежеством оказывается лучшим рабочим на практике, чем профессор со всей его ученостью.

То же самое и в случае с торговлей, так как хотя покупка и продажа являются занятиями каждого человека в большей или меньшей мере, а простые люди в большинстве зависят от нее в своем повседневном пропитании, все же очень немногие понимают торговлю вообще на основе истинных принципов, но удовлетво-

ряются пониманием своих собственных частных торговых дел и того, каким путем добиться для себя немедленной выгоды. А за пределами этой сферы деятельности нет ничего более ошибочного и полного заблуждений, чем мнения людей о торговле. Здесь есть еще одна причина, почему этот предмет кажется еще менее понятным, чем это имеет место в действительности. Когда бы люди ни совещались об общественном благе, как например о развитии торговли, в чем они все заинтересованы, — они обычно оценивают свои собственные интересы сегодняшнего дня, как общее мерило добра и зла. Немало есть таких, которые ради собственной малой выгоды не заботятся о том, сколько вреда это принесет другим. Каждый борется за то, чтобы заставить всех в их делах действовать в его пользу, но все это под покровом общественного блага.

Так, суконщики желали бы заставить людей покупать их сукна, а те, кто торгует шерстью, желали бы заставить людей покупать их товар по высокой цене, хотя бы фабриканты сукна терпели из-за этого убытки. Производители олова хотели бы, чтобы олово было дорогим, хотя бы купцы имели на нем мало прибыли. И вообще все те, кто ленив или недостаточно энергичен, чтобы найти сбыт продуктам своей земли или торговать ими самим, желали бы, чтобы все купцы вынуждались законами к тому, чтобы платить им высокие цены, независимо от того, выиграют ли купцы от этого или потеряют. И в то же время ни один из них не потерпит, чтобы его вынуждали продавать или сдавать в аренду его землю по цене ниже той, которая создается на свободном рынке.

Теперь не удивительно, что из всех этих составных частей получается странная смесь ошибок и заблуждений, благодаря чему очень редко какой-либо общественный порядок, который установлен был с целью блага для торговли вообще, может дать нужный эффект, но даже наоборот, большей частью он оказывается пагубным, а потому по общему согласию отменяется. Но это слишком обширная тема для предисловия, так что, хотя мне известно множество примеров, я не привожу их здесь, но возвращаюсь к вопросу об общепринятых ошибках в вопросах о торговле.

Не так давно был поднят большой шум и производились изыскания о балансе между вывозом и ввозом, т. е. о торговом балансе, как это называли, так как воображали, что если мы ввозим больше товаров, чем вывозим, то мы находимся на пути к разорению. В таком же роде много говорилось против торговли с Ост-Индией, против торговли с Францией, и множество других подобных же политических фантазий о торговле. Большинство этих взглядов время и более правильное суждение опровергли. Но некоторые все же имели успех в своей области. А теперь мы жалуемся на недостаток денег в звонкой монете, на то, что слитки вывозятся или используются неправильно, на другие надобности, вместо того чтобы идти на монетный двор; этому мы приписываем затишье в торговых делах страны, особенно в торговле зерном и скотом, и надеемся регламентацией торговли слитками и снижением цен при оплате товарами провести полное преобразование и дать новую

жизнь всем вещам, и вообще питаем много других надежд того же рода, на чем я подробнее не останавливаюсь, считая, что и сказанного достаточно.

После всего этого может показаться странной речь о том:

Что весь мир в отношении торговли является лишь одним народом или страной, в котором нации все равно, что отдельные люди.

Что потеря торговых сношений с одной нацией не может быть рассматриваема отдельно, но что столько же теряет мировая торговля, так как все соединяется воедино.

Что не может быть торговли невыгодной для общества, так как если какая-либо область торговли оказывается невыгодной, то люди ее прекращают. Когда же купцы процветают, то общество, часть которого они составляют, процветает также.

Что если заставлять людей действовать по предписанному способу, то это может принести пользу лишь тем, кому случайно такой способ подходит, но общество от этого не выиграет ничего, так как то, что отнимается у одного подданного, отдается другому.

Что никакие законы не могут устанавливать цены на товары, размеры которых должны и будут устанавливаться сами. Но если такие законы издаются и действуют, то они служат препятствием к торговле, а потому пагубны.

Что деньги — это товар, которого может быть слишком большое изобилие, так же как и недостаток, иногда даже до затруднений.

Что люди не могут испытывать недостатка в деньгах для своих обычных дел и не могут иметь больше, чем им достаточно для этого.

Что ни один человек не будет богаче от того, что отчеканено много денег, и не будет иметь их больше, чем он может купить за эквивалентную цену.

Что свободная чеканка является непрерывным движением, благодаря которому происходит поочередно то чеканка, то плавка монеты, благодаря чему золотых дел мастера и чеканщики и кормятся на общественный счет.

Что понижение ценности денег является надувательством друг друга, и общество не получает никакой пользы от этого, так как значение имеет не цифра или название монеты, но ее внутренняя стоимость.

Что понижение стоимости денег прибавлением лигатуры или уменьшением веса — одно и то же.

Что векселя и наличные деньги — одно и то же, но векселя дают экономию на перевозке денег.

Что деньги, вывозимые за пределы страны при торговле, увеличивают богатство страны, но тратимые на войну и платежи за границу — приводят к обеднению.

Короче, что все, что делается в пользу одной отрасли торговли или одних интересов против других, является злоупотреблением и уменьшает доходы общества. И многие другие парадоксы,

не менее странные для большинства людей, но истинные по существу и, по моему мнению, ясно вытекающие из приводимых ниже очерков, которые вы можете свободно читать и обсуждать.

Быть может, мой неизвестный доверитель сочтет меня слишком дерзким за вмешательство в его дела, но я буду извинять себя не чем иным, как тем, что попрошу себе той же свободы, какой пользуется он сам, т. е. свободы повздеваться над миром; но и в этом у него преимущество передо мной, так как он написал больше и лучше, чем я. Итак, прощайте.

О ЧЕРК О П О Н И Ж Е Н И И П Р О Ц Е Н Т А

Доводов в пользу снижения процентной ставки множество, а именно:

1. При меньшей процентной ставке торговля развивается, и купец может заработать, при высокой же ставке всю пользу получает ростовщик или собственник денег.

2. Голландцы, у которых процентная ставка ниже, торгуют дешевле нас и вытесняют нас.

3. Земля падает в цене по мере роста процентной ставки.⁵

И множество других, которые по существу верны, но происходят от других причин и не имеют отношения к тому, в подтверждение чего они приводятся.

Я не буду формально отвечать на все эти доводы и речи, какие обычно можно найти в книжках и разговорах на эту тему, ведь я не выступаю в роли защитника интересов ростовщиков. Но я выражу свои взгляды на этот предмет беспристрастно, имея в виду пользу всей нации, но не интересы отдельных лиц. Поэтому я надеюсь предложить объяснения, которые смогут разрешить любые возникающие сомнения и дать возможность каждому применять их в соответствии с тем, как он найдет нужным.

Обсуждаемый вопрос заключается в том, имеет ли основание правительство ввести закон, воспрещающий взимать более 4% за даваемые займы деньги, или лучше предоставить заемщику и заимодавцу самим решать вопрос о размерах процента.

При рассмотрении этого вопроса следует принять во внимание многое, и особенно то, что касается торговли; правильный взгляд на последнюю поможет избежать ошибок, а посему об этом главным образом мы и будем теперь говорить.

Торговля является не чем иным, как обменом излишков. Например, я даю что-нибудь свое, без чего я могу обойтись, в обмен на что-нибудь ваше, что мне нужно и что вы можете мне дать.

Таким образом, торговля, пока она рассматривается в границах города, страны или нации, означает лишь снабжение людьми друг друга предметами из числа тех, которые этот город, страна или нация производят.

При этом тот, кто работает более прилежно и выращивает больше плодов, чем другие, или делает больше вещей, чем другие, будет иметь в большем изобилии все то, что другие делают или

выращивают, и, следовательно, не будет нуждаться и будет получать больше предметов комфорта; это значит, что он будет богатым, хотя бы и не было таких вещей, как золото, серебро или что-либо подобное.

Металлы крайне необходимы для многих надобностей, и их следует отнести к числу плодов земли и промышленных изделий мира. А из металлов золото и серебро, будучи очень красивыми и более редкими, чем другие, ценятся выше, и потому малое количество их весьма разумно ценится наравне с большим количеством других металлов и т. д. По этой причине и, кроме того, потому еще, что они нетленны и очень удобны для хранения и перевозки, — а не постановлением закона, — они стали стандартом или общим мериллом стоимости. И все человечество согласилось в этом, как о том всем известно, так что мне нет надобности распространяться далее на эту тему.

Примем теперь, что человечество производит обмен продуктов именно вышеуказанным путем для удовлетворения своих надобностей; при этом одни оказываются более бережливыми, другие — более расточительными. Одни, благодаря своему трудолюбию и сообразительности, выращивают больше плодов из земли, чем они потребляют для удовлетворения своих собственных надобностей. И тогда у них остается излишек, который и является их собственностью или богатством.

Приобретенное таким образом богатство либо обменивается на землю других людей (предполагая, что все люди имеют ее), либо собирается в виде большого количества товаров, будь то металлы или что-нибудь другое ценное. Богатыми считаются те, которые имеют что оставить в наследство своим потомкам; таким путем отдельные семьи становятся богатыми. И из таких семей составляются города, страны, нации и т. д.

Мы увидим, что подобно тому, как отдельные люди в городе становятся богаче и преуспевают лучше других, так богатеют и государства, которые, благодаря торговле, удовлетворяя надобности своих соседей, снабжают себя теми заграничными товарами, в которых они имеют надобность. После чего остаток откладывается в виде серебра, золота и т. д., так как, как я сказал, их можно обменивать на все, они занимают мало места, и потому для хранения используются предпочтительно эти ценности, пока не появится надобность для удовлетворения других нужд.

Теперь посмотрим, каковы последствия того, что в результате трудолюбия и сообразительности происходит разделение людей на богатых и бедных.

Один богатый человек имеет земли не только больше, чем он может обработать, но даже настолько больше, что сдавая ее внаймы другим, он получает такой доход, что ему не о чем больше заботиться.

Другой богатый человек имеет товары, т. е. металлы, промышленные изделия и т. д., в большом количестве. Ими он удовлетворяет свои собственные потребности, а остальное обменивает, т. е.

снабжает других тем, в чем они нуждаются, и берет в обмен то, что они имеют сверх необходимого для удовлетворения их собственных надобностей; делая это умело, он всегда будет преуспевать.

Как людей, желающих обрабатывать землю, больше, чем людей, имеющих землю, так и людей, нуждающихся в капитале для торговли, больше, чем тех, у которых на руках большой запас денег для торговли, но которые либо не имеют к ней способности, либо не хотят заниматься ею.

Но точно так же, как владелец земли сдает ее в аренду, так и владельцы капиталов дают их взаймы. Они получают за свои деньги проценты, которые являются тем же самым, что и рента за землю. На многих языках и в некоторых областях Англии денежная ссуда и аренда земли называются одинаковым именем.

Таким образом, быть владельцем земли или владельцем капитала — одно и то же. Землевладелец имеет лишь то преимущество, что его арендатор не может унести землю, как можно унести деньги. Поэтому земля должна была бы приносить меньший доход, чем капитал, который подвергается большему риску.

Поэтому ясно, что если обилие делает дешевыми такие товары, как зерно, шерсть и т. д., когда они появляются на рынке в больших количествах, чем имеется покупателей на них, и цены на них падают, то точно так же, когда появляется больше заемщиков, чем заемщиков, то процентная ставка падает также. Следовательно, не низкая процентная ставка увеличивает торговлю, но при увеличении торговли национальный капитал делает процентную ставку низкой.

Говорят, что в Голландии процентная ставка ниже, чем в Англии. Я отвечаю, что это потому, что их капитал больше нашего. Я никогда не слышал, чтобы голландцы когда-нибудь вводили закон об ограничении процентной ставки, но, наоборот, мне известно, что в настоящее время процентная ставка, принятая между купцами при взаимных расчетах, составляет 6%, и закон оправдывает это.

Я признаю, что деньги нередко даются взаймы из 3 и 4%, но это под закладные, с которых государство берет налоги и которые во все время действия права владения являются совершенно надежным помещением капитала. И это делается опять-таки по личному соглашению, а не по принуждению и приказу закона. Нечто подобное часто происходит здесь, когда бедные вдовы и сироты обеспечивают себе пропитание и пунктуальную уплату, давая деньги взаймы на малые проценты тем, кто не нуждается в деньгах.

Не следует упустить здесь случай сказать кое-что о государственных банках, какие имеются в некоторых местах за границей, как например в Амстердаме, Венеции и т. д., но на эту тему я не имею времени распространяться. Я скажу только, что это ловкий способ снабжения правительства сразу большой суммой. И пока правительство держится, те, кто дает деньги, ничего не теряют и не испытывают никаких затруднений, так как все векселя

по закону оплачиваются банком, а те, кто желает получить свои деньги, не испытывают никаких затруднений при продаже своих облигаций, цены на которые поднимаются или падают в соответствии со спросом, как и на другие предметы.

Я не считаю верным, что эти банки платят проценты. Действительно, существуют различные фонды, а именно: монетный двор в Венеции, торговая палата в Амстердаме и некоторые другие в этих и других городах, куда вносятся деньги на проценты на всю жизнь и другими способами и на различные проценты, большие или меньшие, в соответствии с кредитом, которым пользуются эти фонды и который является обеспечением. Такие учреждения могут по ошибке называться банками, но они ими не являются, представляя собою только то же, чем были торговая палата в Лондоне, Ост-Индский торговый дом и т. д.

Я считаю, что ростовщик, согласно поговорке, возьмет скорее половину булки, чем совсем ничего, но я утверждаю, что высокая процентная ставка заставит извлечь деньги из запасов, в виде золота и серебра в изделиях, низкая же ставка окажет обратное действие.

Многие люди, обладающие крупной собственностью, хранят у себя для положения и чести большие количества золотой и серебряной посуды, драгоценных камней и т. д. Но они, конечно, более склонны делать это тогда, когда процентная ставка низка, чем когда она высока.

Те, которые не имеют на что существовать, кроме процентов на деньги, должны либо давать их взаймы, либо торговать на них сами и довольствоваться тем, что они могут за них получить. Но это не мешает очень многим богатым людям, которые не находятся в таком затруднительном положении, превращать свои капиталы в золотую и серебряную посуду, драгоценности и т. п. в тех случаях, когда процентная ставка низка, так как они не желают ни риска, ни беспокойства, связанных с ведением дел с нуждающимися и часто нечестными людьми, каковыми являются многие заемщики, и все ради незначительной пользы.

Так что нельзя отрицать, что снижение процентной ставки может и, возможно, действительно будет удерживать часть денег от вывоза за границу ради торговли. В то же время, наоборот, высокая процентная ставка, конечно, вызовет обратное явление.

Затем следует иметь в виду, что дела между заемщиками и займодавцами бывают двух родов: 1) под закладную или залог, 2) под личное обеспечение; и в этом случае либо под одно обязательство, либо с поручителями. Все эти случаи, поскольку они различны по надежности, должны, конечно, приносить различный процент. Должен ли кто-либо занимать деньги отдельному лицу на тех же условиях, на каких другие занимают под закладную или под совместное поручительство?

Следует также принять во внимание, что из денег, занимаемых на проценты в нашей стране, едва ли десятая часть попадает в руки лиц, занятых торговлей, и идет для их торговых дел. В большей

своей части эти деньги идут на удовлетворение прихотей богачей и на поддержку тех лиц, кто, будучи крупными землевладельцами, тратит больше денег, чем земли их приносят им, и, не желая продавать землю, предпочитают закладывать свои имения.

Так что, по существу, понижение процентной ставки окажется скорее поддержкой для роскоши, чем для торговли. Бедный купец, имеющий лишь незначительный капитал или не имеющий его вовсе, покупает товары у богатых *at time* (на срок) и таким образом платит не 5, 6 или 8%, но 10 или 12%, а то и больше. И никакая законодательная власть не в силах воспрепятствовать этому или изменить это. Можно на это возразить: пусть купец занимает деньги на проценты, а не покупает *at time*. Но тогда нужно найти людей, которые дали бы ему деньги займы. Законодательная власть должна выделить фонды, из которых можно занимать деньги.

Отправка судов с грузами товаров также в значительной части происходит на таких же основаниях, причем обычным процентом за пользование судном считается 36%. И этого нельзя изменить. А если бы удалось этого добиться, то это не только частично остановило бы судоходство, но и постройку судов. Между тем в настоящее время не только общество, но и отдельные лица только выигрывают от такого положения вещей.

Таким образом, если принять во внимание все изложенное, то окажется, что для страны лучше будет предоставить заемщикам и заимодавцам самим выработать условия сделок в соответствии с обстоятельствами; в этом вы будете следовать примеру умных голландцев, так часто упоминаемых в связи с вопросом о процентах. Следствием будет то, что когда страна будет процветать и богатеть, то деньги можно будет получать на выгодных условиях, но совершенно обратное произойдет, когда страна будет все больше и больше беднеть.

Пусть хоть кто-нибудь ответит мне: почему законодательная власть в тех бедных странах, где процентная ставка достигает 10 и 12%, не вводит законов для удержания ее роста и для уменьшения ее для блага народа? Если бы она попыталась сделать это, то скоро стало бы ясно, что такие законы не достигают цели. Когда заемщиков больше, чем заимодавцев, как бывает в бедных странах, где на одного богатого человека, имеющего 100 фунтов для дачи займы, приходится 4—5 или больше желающих получить их, то закон легко обойти тайными сделками, как например займы в товарах, выписка векселей и еще тысяча других способов, которым нельзя воспрепятствовать.

Весьма возможно, что тогда, когда законы ограничивают процентную ставку на деньги ниже уровня, устанавливаемого условиями торговли, и когда купцы не могут обойти закон, либо если могут, то с большим риском и трудностью, и в то же время не имеют кредита для займа на законных процентах, — соответственно ограничивается и торговля. И нет большего препятствия к расширению торговли, чем такая мера. Рассмотрение всех этих данных

доказывает известный афоризм, что как в том случае, когда покупателей больше, чем продавцов, цены на товары поднимаются, также и когда заемщиков больше, чем заимодавцев, процентная ставка повышается.

С таким же правом, с каким государство вводит закон о том, что деньги могут даваться взаймы не из 5%, а из 4%, оно может ввести закон и о том, что земля, которая до сих пор сдавалась в аренду по 10 шиллингов за акр, должна теперь сдаваться по 8 шиллингов, так как собственность, в земле ли, в деньгах ли, является все равно имуществом королевства.

Я не скажу ничего относительно теологических доводов против взимания процентов за деньги, но ведь с точки зрения этих доводов 3% не более законны, чем 4 или 12%. Но с политической точки зрения ясно, что если уничтожить взимание процентов за деньги, то будет уничтожен заем и дача взаймы. И в результате дворяне, нуждающиеся в деньгах, по какой бы причине это ни происходило, должны будут продавать свою землю и не смогут закладывать ее, что приведет к падению цен на землю. И купец, как бы искусен он ни был, не имея денег должен будет либо отказаться от торговли, либо покупать *at time*, что представляет собою те же проценты, но под другим названием. И те, кто беден, всегда будут бедны, и мы скоро должны будем вернуться к тому состоянию, в котором находились 1000 лет тому назад.

Денежные запасы страны считаются теперь большими, но если их правильно оценить, они окажутся гораздо меньше, чем кажется, так как все деньги, которые выданы под обеспечение земель, должны быть скинуты со счета, нето счет окажется неправильным. Ведь если дворянин, получающий 500 фунтов годового дохода, должен 8000 фунтов, а мы будем считать и стоимость земли и взятый им взаймы капитал, то мы дважды сочтем одно и то же.

И хотя мы считаем, что в стране много денежных людей, в действительности их совсем немного; предположим, что все, давшие деньги под закладную, имеют эту землю за свои деньги, как по существу закона и есть, в таком случае людей с деньгами в стране окажется совсем мало. Занимать деньги у одного, чтобы платить другому, называется грабить Петра, чтобы платить Павлу. А это именно часто практикуется в наши времена, и это заставляет нас считать страну богаче, чем она есть.

О ЧЕРК О МОНЕТЕ

В предыдущем очерке мы уже показали, что золото и серебро, благодаря недостатку их, по своей стоимости в малых количествах равны большим количествам других металлов и т. д. Далее, благодаря легкости перевозки и хранения их, они получили всеобщее признание, как мерило стоимости между людьми в их деловых взаимоотношениях, а также для оценки земли, домов и т. п., товаров и других предметов.

Для удобства и во избежание некоторых трудностей, которые были бы весьма неприятны, для оценки количеств и качества при взаимоотношениях между людьми государи и государства сочли необходимым принять меры к тому, чтобы каждый мог знать пробу и вес отдельных кусков золота и серебра, которые мы называем монетой или деньгами. Эти монеты различаются по чеканке и надписи, которые очень трудно подделать и за подделку которых платятся тяжелым наказанием.

Таким способом мировая торговля значительно облегчилась, и стоимость всех бесчисленных разновидностей товаров имеет общее мерило. Кроме того, отчеканенное таким образом в монеты золото и серебро, ставшее в таком виде более удобным для обращения в торговом деле, чем когда оно было в слитках, всюду — кроме Англии со времени свободной чеканки — получило большую стоимость, чем оно имело в слитках, и не только на сумму расходов по их чеканке, но и сверх того, что является государственным доходом, хотя и не очень большим. Если бы серебро чеканное и нечеканное имело одинаковую стоимость, как у нас в Англии, где оно чеканится за счет государства, то его часто переплавляли бы, о чем я ниже буду еще говорить.

Так как деньги являются общепринятым мерилом при покупках и продажах, то всякий, кто имеет что-нибудь для сбыта и не может найти для своего товара соответствующего торговца, склонен думать, что причиной этого является недостаток денег в королевстве или стране. И таким образом нужда в деньгах всеми признается единственной причиной такого положения, каковой взгляд является большой ошибкой, как будет показано ниже. Я признаю, что застой в торговле вызывается какой-то причиной, но это происходит не от недостатка денег; тому есть другие причины, и это станет ясно из последующего.

Ни один человек не становится богаче, если все его состояние, превращенное в деньги и золотую и серебряную посуду, лежит у него без движения; наоборот, он от этого становится беднее. Тот человек богаче, имущество которого находится в состоянии роста, в виде ли сдаваемой в аренду земли, денег ли, приносящих проценты, или товаров в торговом обороте. Если бы кто-либо из каприза превратил все свое имущество в деньги и хранил бы их мертвым капиталом, он скоро почувствовал бы приближение бедности, по мере того как он проедал бы наличный капитал.

Но рассмотрим ближе вопрос — чего желают те люди, которые нуждаются в деньгах? Я начну с нищего: ему нужны деньги, и он докучливо просит их. Что же он станет делать с ними, если будет иметь их? Купит хлеба и т. д. Тогда в действительности ему нужны не деньги, а хлеб и другие необходимые вещи. Но фермер жалуется на недостаток денег, конечно, не по той же причине, что нищий, т. е. не из-за отсутствия средств на поддержание жизни или на уплату долгов; нет, он думает, что если бы в стране было больше денег, он получал бы лучшие цены за свои товары. Тогда, значит, не деньги, повидимому, ему нужны, но хорошие цены на его

зерно и скот, которые он хотел бы продать, но не может. Спросим теперь себя: а если бы не существовало недостатка в деньгах, то по какой причине фермер не мог бы все-таки получить хорошие цены за свои товары? Я отвечаю: это должно было бы произойти по одной из следующих трех причин:

1. Либо в стране имеется слишком много зерна и скота, так что большинство приходящих на рынок желает продавать так же, как и он, и немногие лишь желают покупать. 2. Либо вывоз за границу сократился, как бывает во время войны, когда торговля небезопасна или не разрешена. 3. Либо потребление падает из-за нищеты населения, которое не тратит столько, сколько оно тратило ранее. Таким образом, не увеличение количества денег в обращении усиливает сбыт фермерских товаров, но устранение любой из этих трех причин, которые в действительности вызывают застой рынка.

Купец и лавочник одинаково нуждаются в деньгах, вернее — нуждаются в сбыте товаров, которыми они торгуют, что происходит, когда рынки испытывают застой, являющийся всегда результатом какой-либо из указанных мною причин. Теперь, чтобы выяснить, что является истинным источником богатства или, как обычно говорят, обилия денег, мы должны взглянуть несколько назад и выяснить природу и развитие торговли.

Торговля, как уже было указано, возникает сначала из труда человека, но по мере того как запасы товаров увеличиваются, она расширяется все больше и больше. Если представить себе страну, не имеющую ничего, кроме земли и жителей, то ясно, что сначала люди будут иметь только плоды земли и металлы, добываемые из земли, и смогут торговать ими, либо вывозя их в другие страны, либо продавая их тем, кто придет покупать их, и благодаря этому они смогут снабжать себя иностранными товарами, в которых они нуждаются.

С течением времени, если люди будут трудолюбивы, они не только удовлетворят свои потребности, но и ввезут избыточное количество иностранных товаров, которые, после обработки, еще увеличат их торговлю. Таким образом, англичане будут продавать во Францию, Испанию, Турцию и т. д. не только продукты своей страны, как сукна, олово и проч., но и то, что они покупают у других, как сахар, перец, ситцы и т. п., покупая их там, где эти товары производятся и где они дешевле, и привозя их в места, где в них нуждаются, и получая на этом большую выгоду.

При таком ходе торговли золото и серебро ничем не отличаются от других товаров, но берутся у тех, кто имеет их много, и передаются тем, кто в них нуждается и желает иметь их, что приносит такой же барыш, как и другие товары. Таким образом деятельная благоразумная нация богатеет, а медлительные лентяи беднеют. И не может быть никакой другой политики, кроме этой, которая, будучи введена и применена на практике, помогает увеличению торговли и богатства.

Но это положение, такое простое и единственно правильное,

редко настолько хорошо понимается, чтобы быть принятым большинством человечества. Люди думают силою законов удержать в своей стране все золото и серебро, которые приносит торговля, и таким путем надеются разбогатеть немедленно. Все это глубоко ошибочно и является лишь препятствием росту богатства во многих странах.

Изложенное будет явнее, если мы покажем это на отдельном купце или, если желательно подойти ближе к сути, — на одном городе или графстве.

Пусть будет введен закон и, что еще важнее, пусть такой закон выполняется, что ни один человек не имеет права вывозить деньги из определенного города, графства или округа, но пользуется правом вывозить любые товары, так что все деньги, которые каждый привозит с собой, должны оставаться в пределах этого города или графства.

Следствием будет то, что такой город или графство окажется отрезанным от остальной страны. Ни один человек не посмеет явиться в это место на рынок с деньгами, так как он должен будет непременно купить что-нибудь на свои деньги, независимо от того, правятся ли ему местные товары или нет. С другой стороны, жители этого места не смогут являться на другие рынки как покупатели, но только как продавцы, так как им не разрешено вывозить с собою деньги за пределы указанного места.

Не приведет ли такое устройство в скором времени город или графство в жалкое состояние по сравнению с их соседями, имеющими право свободной торговли, которая дает возможность трудолюбивым зарабатывать на ленивой и падкой до роскоши части человечества? Все сказанное верно и тогда, когда оно распространяется с отдельной страны с несколькими округами или с города с его жителями на весь мир со множеством стран и правительств. И страна, ограниченная в своей торговле, в которой золото и серебро являются главной, если не существеннейшей отраслью, будет беднеть, как отдельный город или графство в стране, о которых я выше говорил. Страна в мире в отношении торговли находится в таком же положении, как город в королевстве или семья в городе.

Теперь, если увеличение торговли следует считать единственной причиной увеличения богатства и денег, я прибавлю еще некоторые соображения об этом предмете.

Главным импульсом к торговле или, вернее, к трудолюбию и изобретательности являются чрезмерные аппетиты людей, которые они стремятся всячески удовлетворить, и это заставляет их работать так, как ничто другое не заставило бы. И если бы люди довольствовались только тем, что необходимо, мы имели бы бедный мир.

Обжора тяжело работает, чтобы покупать себе деликатесы и насыщаться ими; игрок — ради денег для игры; скряга — чтобы копить, и так же и остальные. В стремлении к удовлетворению этих чрезмерных аппетитов люди обогащают других, обладающих

более скромными требованиями. И хотя можно подумать, что из скупца не много можно извлечь пользы, все же, если мы подумаем, то окажется наоборот, так как помимо того, что одному поколению свойственно расточать то, что другое накопило, польза может быть получена даже от самого скупого человека, так как если он работает сам, то его работа полезна тем, на кого он работает, если же он не работает, но извлекает доход из работы других, то это приносит пользу тем, кого он нанимает на работу.

Страны, где существуют законы против роскоши, обычно бедны, потому что когда люди, благодаря этим законам, вынуждены ограничиваться меньшими расходами, чем они могли бы и хотели бы нести, то тем самым у них отнимается охота к трудолюбию и изобретательности, обычно развивающимся для получения того, что они могли бы приобрести при полном объеме расходов, какие они желают нести.

Возможно, что отдельные семьи могут существовать и при таких обстоятельствах, но зато росту богатства страны это будет мешать, так как страна никогда не процветает лучше, чем при переходе богатства из рук в руки.

Более бедные, видя, что их соседи становятся богатыми и великими, — получают толчок к тому, чтобы подражать их трудолюбию. Купец видит, что его сосед обзавелся экипажем, и тотчас же все его усилия направляются на то, чтобы сделать то же самое, и часто он даже разоряется при этом. Однако чрезвычайные усилия, которые он делает для удовлетворения своего тщеславия, полезны для общества, хотя и недостаточны иногда для осуществления его чрезмерных желаний.

Мне возразят, что внутренняя торговля ничего не дает для обогащения страны и что увеличение богатства происходит от внешней торговли.⁶

Я отвечаю, что то, что обычно понимается под богатством, а именно изобилие, великолепие, изысканность и т. п., не может существовать без внешней торговли. Но и внешняя торговля не может существовать без внутренней, так как обе связаны друг с другом.

Я коснулся этих вопросов о торговле и богатстве вообще, потому что я полагаю, что правильный взгляд на них исправит много обычных заблуждений на их счет и особенно будет способствовать пониманию того положения, которое я имею главным образом целью доказать, а именно — что золото и серебро и сделанные из них деньги являются не чем иным, как весом и мерою, с помощью которых легче и удобнее вести торговлю, чем без них, а также — что необходимо учреждение специального фонда, куда можно вносить излишек денег.⁷

В подтверждение этого мы должны обратить внимание на то, что страны, которые очень бедны, едва ли имеют деньги, и в начале своей торговли часто используют что-нибудь другое. Так, шведы использовали медь и продукты колоний — сахар и табак, но не без больших неудобств. Когда же богатство увеличилось,

было введено золото и серебро, и они вытеснили остальные виды денег, как теперь это происходит и в колониях.

Не обязательно иметь свой монетный двор для того, чтобы в стране много денег, хотя это и очень целесообразно. Там, где нет монетного двора, теряется часть дохода, так как было замечено, что в случае нужды в деньгах в обращение принимаются монеты других государей, как это имеет место в Ирландии и в колониях, а также в Турции, где денег самой страны так мало, что их нехватает при больших платежах, вследствие чего турецкие владения снабжаются почти всеми монетами христианского мира, которые имеют здесь хождение наравне со своими.

Но страна, употребляющая иностранную монету, получает от этого большой ущерб, потому что она платит иностранцам за то, что могла бы делать сама, имея она свой собственный монетный двор. Монета стоит больше, чем неотчеканенное серебро того же веса вместе с лигатурой. Это значит, что вы можете купить больше неотчеканенного серебра той же пробы на деньги, чем эти деньги весят. Этот доход имеют иностранцы за чеканку.

Если мне скажут, что иногда случается наоборот, и чеканные деньги идут по цене меньшей, чем слитки, я отвечу, что когда бы это ни случалось, потерявшие свою ценность чеканные монеты будут переплавляться в слитки для немедленного получения пользы от этого.

Таким образом оказывается, что если вы не имеете монетного двора для чеканки своих денег, но если вы все-таки богатый народ и ведете торговлю, вы не нуждаетесь в монете для обслуживания ваших надобностей при торговых сделках.

Следующее, на что мы должны указать, это то, что если ваша торговля не дает вам много пользы, то вы имеете не больше пользы от золота и серебра в виде денег, чем имели бы от них, если бы это были слитки, кроме разве того, что для перевозки деньги в монете удобнее, чем в слитках.

Когда деньги имеются в большем количестве, чем требуется для торговли, они становятся не дороже, чем нечеканенное серебро, и потому время от времени расплавляются снова.

Так не дадим же заботам о монете мучить нас так сильно. Ведь народ, который богат, не может в ней нуждаться, а если он и не чеканит монету, он снабжается монетой других стран. И сколько бы монеты ни привозилось из-за границы, сколько бы ни чеканилось ее у себя в стране, — все, что больше, чем требуется торговлей страны, является лишь слитками и будет рассматриваться как таковые, и монета, подобно подержанной золотой или серебряной посуде, будет продаваться по количеству в ней чистого золота или серебра.

Я ссылаюсь на огромные суммы, которые чеканились в Англии со времени установления свободной чеканки. Что произошло со всей этой массой денег? Никто не поверит, что они сохранились в стране, не могли они также все быть вывезены, так как за это полагалось слишком большое наказание. Дело просто: вывезено

было, как я полагаю, очень немного, остальное попало в плавильную печь.

Такая практика очень легко осуществима, выгодна и безопасна в отношении возможности быть обнаруженной, и это всякий знает. И я знаю, что ни один человек не сомневается, что новые деньги уходят таким путем.

Серебро и золото, как и другие товары, имеют свои приливы и отливы. По прибытии больших количеств их из Испании монетный двор обычно дает лучшие цены, т. е. за чеканное и нечеканное серебро — вес за вес. Зачем его везут в Тоуэр и чеканят? Немного времени спустя появится спрос на слитки для вывоза. А если их нет, и все они пошли в чеканку, что тогда? Монету снова плавят, и в этом нет никакой потери, так как чеканка не стоит собственнику ничего.

Таким образом страна терпит злоупотребления и вынуждена платить за кручение соломы на корм ослам. Если бы купец должен был платить за чеканку, он не посылал бы свое серебро в Тоуэр без размышления, и монета всегда была бы по стоимости выше нечеканного серебра, чего сейчас мы не видим, так как часто монета значительно дешевле, и обычно испанские монеты здесь стоят на 1 пенни на унцию дороже наших новых денег.

Наша страна за последние годы стонала, и стонет и теперь, из-за широко распространенного злоупотребления — обрезать монеты. Принимая во внимание мудрость нашего народа, большой ошибкой является то, что мы миримся с этим. Ирландцы же, над которыми мы столько смеемся, когда не воюем с ними, оказались не такими глупцами и простаками: они взвешивают свои монеты штуку за штукой. Эта наша ошибка возникает из того же источника, что и остальное, и не нуждается в другой мере, кроме прекращения приема в обращение неполноценной монеты. Об этом я и хочу высказать свое мнение.⁸

Существует большое опасение, что если не станут принимать обрезанную монету, то не станет денег вообще. Я уверен, что до тех пор, пока принимаются обрезанные монеты, будет мало других. И не странно ли, что едва ли одна страна или народ во всем мире принимает обрезанные деньги по их номинальной стоимости, кроме Англии.

По какой причине новая монета в полкроны с обрезанным краешком не принимается, в то время как такая же старая монета, обрезанная со всех сторон и имеющая ценность не более 18 пенсов, принимается?

Я не знаю, по какой причине одни принимаются, а другие не принимаются. Я уверен, что если бы новые монеты принимались обрезанными, то таких скоро было бы много. И я не имею ни малейших сомнений в том, что если только не прекратится обращение обрезанных монет, скоро не останется ни одной старой монеты, которая не была бы обрезана.

И если это не будет прекращено из опасения неприятностей теперь, то как бороться с этим потом, когда положение будет

еще хуже? Конечно, со временем это станет невыносимо и исправит само себя, как это было с овсяной кашей. Но пусть они будут настороже в ожидании, когда это произойдет; мы все считаем, что этот день настанет не скоро, но ведь он все-таки придет наконец.⁹

Я не думаю, чтобы это зло было так трудно исправить, как не считаю, что это будет так дорого стоить, как думают некоторые. Но если это будет правильно проведено, то оно не принесет таких уж невыносимых потерь; некоторые потери будут, и значительные, но когда я размышляю над тем, на кого они падут, то не вижу в этом большой беды.

Общее мнение таково, что это не может быть сделано иначе, как изъятием из обращения всей старой монеты и обменом ее, в чем вся страна должна будет оказать содействие в виде общего налога. Но я не одобряю этого способа по некоторым причинам.

Прежде всего, это будет большим беспокойством и потребует много людей для выполнения, причем этим людям надо будет хорошо платить, что еще увеличит расходы по этому делу. Кроме того, тут надо будет большому числу лиц оказать доверие, которым легко могут злоупотребить.

Теперь, прежде чем высказать свое мнение об этом, я хочу произвести некоторый подсчет потерь, причем я не предпринимаю подсчета общих потерь, но только на примере 100 фунтов. В 100 фунтах может оказаться на 40 фунтов новых хороших монет. Остается еще 90 фунтов. Из них можно считать половину хороших и половину обрезанных. Таким образом, только 45 фунтов будет обрезанных денег, и на них потеря может составлять не более $\frac{1}{3}$. Итак я допускаю, что на 100 фунтов мы будем иметь 15 фунтов или 15% потери, и это самое большее, но в таких расчетах лучше ошибиться в сторону большего, чем меньшего.

Теперь я предлагаю так: пусть король при всех платежах государству воспретит брать обрезанные монеты, кроме тех случаев, когда подданный согласен будет сдавать их по весу по 5 шиллингов 2 пенса за унцию, причем каждая монета должна быть распилена пополам (для чего должна быть обеспечена возможность сделать это). Я уверен, что это вызовет большое удивление, но никакой особой причины для жалоб быть не может, так как не будет предъявляться никаких требований, кроме того, чтобы платежи государству производились в законных английских деньгах.

И те, кто должен производить платежи, должны будут либо находить хорошие деньги, либо разрезать на две части свои обрезанные деньги и расставаться с ними на указанных условиях. Таким образом очень скоро окажется, что в обычных платежах люди будут отказываться принимать обрезанные деньги.

Постараемся теперь установить, на кого больше всего падет потеря, которую я определил приблизительно в 15%.

Мы склонны преувеличивать количество денег в обращении, потому что мы часто видим одни и те же монеты, но не узнаём

их. Мы не принимаем во внимание, какое малое время деньги находятся в одних руках. Хотя каждый желает иметь их, все же почти никто или очень немногие хранят их, но сейчас же находят способ избавиться от них, зная, что от денег, которые лежат мертвым капиталом, не приходится ожидать пользы, но лишь определенную потерю.

Купец и дворянин хранят свои деньги большею частью у золотых дел мастеров¹⁰ и нотариусов. А эти последние, вместо того чтобы иметь у себя 10 000 фунтов чужих денег, как по их счетам должно было бы быть, чтобы платить по первому требованию наличными деньгами, — редко имеют 1000 фунтов звонкой монетой, но пускают деньги в оборот, при котором деньги поступают к ним с такой же скоростью, с какой они вынимают их из своей кассы. Поэтому я заключаю, что денег в нашей стране гораздо меньше, чем то обычно думают.

Предположим теперь, что обрезанные деньги будут изъяты, и потеря от этого упадет на тех, кто имеет на руках наличные деньги. В этом случае большую потерю понесут лишь немногие. Те, кто копит деньги, потеряют мало, так как они несомненно откладывают хорошие деньги. Бедные люди также не понесут больших потерь, так как они часто совсем не имеют денег, в большинстве же случаев если и имеют, то очень мало, редко больше 5 шиллингов сразу. Фермер, предполагается, платит ренту своему землевладельцу тотчас же, как получает деньги, так что трудно предположить, чтобы его такая мера застала с большими деньгами. Следовательно, вся тяжесть потерь падет главным образом на купцов, которые иногда имеют на руках сотни фунтов, а часто лишь несколько фунтов. Те, кто будет иметь на руках много наличных денег в такое время, понесут большие потери.

Короче говоря, обрезанные деньги являются таким злом, которое тем труднее будет исправить, чем дольше его терпят. И если потери от денежной реформы будут возложены на общество (как обычно предлагают), то затруднения будут очень велики, как было показано выше. Предложенный же мною способ борьбы со злом не является такой большой бедой, как большинство людей думает.

Итак, в заключение скажу, что если бы эти доводы, которые здесь изложены наспех и в беспорядке, были внимательно рассмотрены, я не сомневаюсь, что все соединились бы в одном общем мнении: что законы, затрудняющие торговлю, как внешнюю, так и внутреннюю, в отношении денег или других товаров, не способствуют тому, чтобы сделать народ богатым деньгами и товарами. Но если в стране поддерживается мир, царствует правосудие, судоходству не чинится препятствий, трудолюбивые поощряются предоставлением им почестей и права участия в правительстве в соответствии с их богатством и репутацией, — то богатство страны увеличивается и, следовательно, золото и серебро появляются в изобилии, процентная ставка снижается и недостатка в деньгах нет.

ПОСТСКРИПТУМ

ПО ПОВОДУ ВЫСКАЗАННОГО РАНЕЕ Я СЧИТАЮ НУЖНЫМ ПРИБАВИТЬ СЛЕДУЮЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ:

Когда народ становится богатым, — золото, серебро, драгоценности и всякие полезные или желательные вещи (как я уже говорил) появляются в изобилии. Тогда на продукты земли можно купить больше этих вещей, чем раньше, когда народ был беднее; так, например, жирный бык в прежние времена продавался за меньшее число шиллингов, чем теперь он стоит фунтов. То же самое происходит и с жалованием рабочих и вообще со всем, и это подтверждает универсальный афоризм: изобилие делает вещь дешевой.

Поэтому теперь, когда золота и серебра имеется много, человек получает гораздо больше за свою работу, за свое зерно, за свой скот и т. д., чем он мог иметь пятьсот лет тому назад, когда, как мы должны признать, многие страны не имели и приблизительно такого количества золота и серебра, как теперь.

Несмотря на это, я знаю многих, которые готовы признать, что хотя наша страна в настоящее время изобилует золотом и серебром в изделиях и слитках, все же монеты нехватает для ведения торговли, и если бы было больше денег, то торговля увеличилась бы и мы имели бы лучшие рынки для всех товаров.

Этот взгляд ошибочен, и это подтверждается, как я думаю, сказанным выше. Но для большей ясности подумаем о том, что деньги — это переработанные на монетном дворе слитки. Ну, а если материал имеется и работники также, то нелепо сказать, что нехватает денег.

Возьмем такой пример: вы имеете зерно и хотите получить муку. Везите зерно на мельницу и мелите. Да, — скажете вы, — но я нуждаюсь в муке потому, что другие не везут своего зерна, а я его не имею. Тогда купите у них зерно и везите его на мельницу сами. То же самое мы имеем и с деньгами. Богатый человек имеет много золотых и серебряных изделий для чести и на показ. В то же время бедный человек думает, что если бы все это богатство было перечеканено в монету, то общество и он сам среди других были бы в лучшем положении. Но он глубоко ошибается: все будет попрежнему, если только не обязать богатого человека расточать свою вновь отчеканенную монету.

Если богатый человек желает откладывать деньги, то дело не меняется и тогда, когда он обменивает их на бриллианты, жемчуг и т. п.: просто деньги переходят из одних рук в другие, и даже, может быть, их отправляют в Индию в уплату за эти драгоценности. Если вместо драгоценностей он покупает землю, то это опять-таки не более как переход денег из одних рук в другие, и в отношении всего народа, кроме только тех, между которыми заключается сделка, дело остается без изменения. Деньги всегда будут иметь собственника и никогда не будут раздаваться для развлечения, но должны покупаться за что-либо ценное *in solido*.

Если запретить употребление изделий из серебра и золота, то это было бы законом против роскоши, и как таковой, это запрещение было бы большим препятствием к богатству и развитию торговли страны. Теперь, когда каждый человек имеет такие изделия в своем доме, страна обладает солидным фондом, состоящим из тех металлов, которые весь свет желает иметь и охотно вытянул бы от нас. И этих ценных металлов мы имеем гораздо больше, чем если бы люди были лишены права употреблять изделия из них. Ведь бедный купец из честолюбивого желания иметь золотую или серебряную вещь на своем буфете работает больше, чтобы кушать ее, чем он работал бы, если бы такое желание было подавлено у него, как я уже раньше говорил.

Для ведения торговли страны требуется определенная сумма денег, которая колеблется и бывает иногда больше, иногда меньше, в зависимости от обстоятельств. В военное время требуется больше денег, чем в мирное, потому что каждый желает хранить некоторое количество их у себя для использования в случае неожиданной надобности, не считая благоразумным полагаться на деньги, находящиеся в обороте в делах, как он полагается на это в мирное время, когда платежи более надежны.

Эти отливы и приливы денег регулируются сами по себе, без помощи со стороны политиков. Когда денег становится мало и их начинают копить, тогда сейчас же начинает работать монетный двор, пока потребность не будет удовлетворена. С другой стороны, когда мир извлекает накопленное, и денег делается слишком много, монетный двор не только прекращает чеканку, но избыток денег сейчас же переплавляется либо для надобностей внутри страны, либо для вывоза за границу.

Таким образом плавильная печь работает попеременно то для одной, то для другой надобности: когда денег мало — слитки идут в чеканку, когда слитков мало — деньги переплавляют. Я не допускаю, чтобы и тех и других было мало в одно и то же время, так как это уже состояние бедности, которое не наступит, пока мы совсем не истощимся, о чем я здесь не намереваюсь говорить.

Некоторые воображают, что если бы закон установил цену на серебро в слитках в 5 шиллингов за унцию, а Тоуэр в то же самое время чеканил из одной унции монету в 5 шиллингов 4 пенса или 5 шиллингов 6 пенсов, то скоро все изделия из золота и серебра в Англии были бы перечеканены в деньги. Ответ на это вкратце таков: принцип, на котором построено это предложение, неосуществим. Как может какой бы то ни было закон помешать мне давать другому столько, сколько я хочу, за его товары? Закон может быть обойден тысячами путей. Например, я не должен давать, ни он получать больше 5 шиллингов за унцию серебра, но я могу заплатить ему 5 шиллингов и подарить ему еще 4 или 6 пенсов; я могу дать ему товары в обмен, на которые он будет иметь такой или даже больший доход, и т. д., с помощью других ухищрений *ad infinitum*.

Но предположим, что закон такой имеется, и он оказал свое действие, и все серебро в Англии перечеканено в монету. Что тогда? Будет ли кто-нибудь тратить больше на одежду, экипажи, хозяйство и т. д., чем до сих пор? Я думаю, что нет, и даже наоборот, так как и дворянство и горожане, будучи лишены удовольствия видеть в своем доме изделия из серебра, по всей вероятности, сократят и остальные расходы. А потому, если бы даже такой закон существовал и имел силу (а я уверен, что это невозможно), то вместо желательного эффекта страну постигли бы все беды, приносимые законами против роскоши.

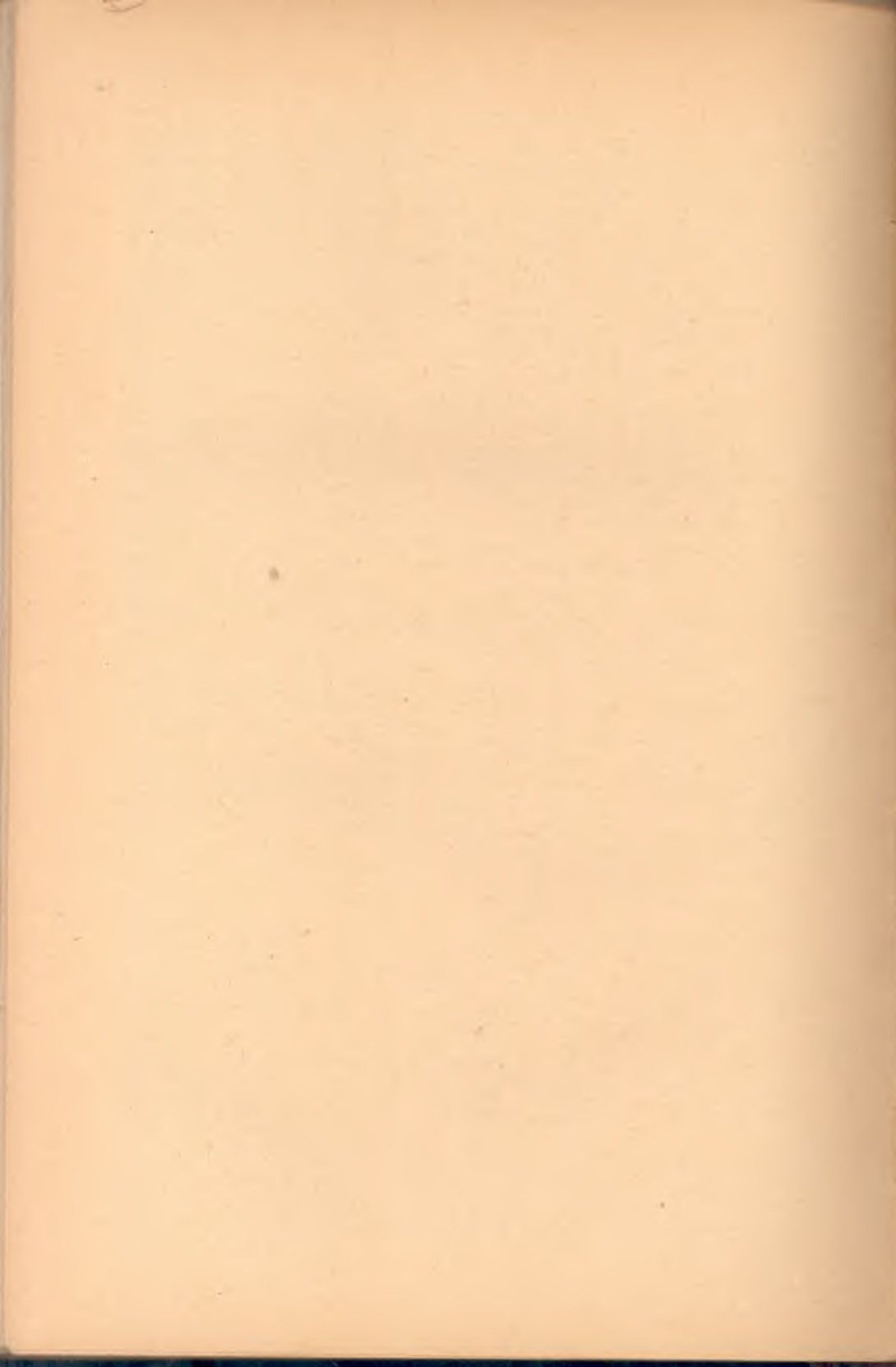
Во всех случаях, когда деньги делают более легкими или более низкопробными (что одно и то же), это немедленно отражается на цене слитков. Так что по существу вы меняете название, но не сущность. И какова бы ни была разница, выигрывает от этого арендатор и должник, так как рента и долги платятся по существу в меньшем размере, чем до обесценения монеты.

Например тот, кто раньше получал ренту или долг в сумме 3 фунтов 2 шиллингов, мог на эти деньги купить 12 унций или 1 фунт стерлингов серебра. Но если монета в 1 крону будет содержать серебра на 3 пенса меньше, чем сейчас, то, я утверждаю, вы не сможете купить фунт такого серебра дешевле, чем за 3 фунта 5 шиллингов, и, прямо или косвенно, он обойдется вам в эту сумму.

Но тогда, говорят, мы будем покупать унцию за 5 шиллингов, так как это цена, назначенная парламентом, и никто не посмеет продавать дороже. Я отвечаю, что если они не смогут продавать серебро дороже, то будут чеканить его. И тогда какой глупец будет продавать унцию серебра за 5 шиллингов, когда он сможет отчеканить из него монету в 5 шиллингов 5 пенсов?

Таким образом, мы можем стараться посадить кукушку за ограду, но напрасно. Ни один народ никогда еще не разбогател с помощью политики; ¹¹ лишь мир, труд и свобода приносят торговлю и богатство, и больше ничего.

К о н е ц

ГУГО ЧЕМБЕРЛЕН

СОБРАНИЕ СТАТЕЙ,

написанных по разным случаям

ОБ ОБРЕЗЫВАНИИ И ПОДДЕЛКЕ ДЕНЕГ
И О ТОРГОВЛЕ

поскольку это относится к вывозу слитков

HUGH CHAMBERLEN

A COLLECTION OF SOME PAPERS

Writ upon several occasions

CONCERNING CLIPT AND COUNTERFEIT MONEY

and trade

SO FAR AS IT RELATES TO THE EXPORTATION
OF BULLION

1696

Гуго Чемберлен¹ (Hugh Chamberlen) родился в 1664 г., умер в 1728 г., один из многочисленных в девяностых гг. XVII в. финансовых прожектеров, расплодившихся как грибы на почве большой нужды государства в деньгах. Напомним ряд авторов, как Джон Брискоэ, Майкель Годфрей, Вильям Паттерсон, Томас Аутоп, наконец знаменитого Джона Ло. В 1694 г. правительство предоставляет группе капиталистов право основать Английский банк в обмен за предоставленный ими правительству заем в 1 200 000 фунтов стерлингов из 8%. Чемберлен предлагал правительству заем на более выгодных условиях, если оно разрешит учредить эмиссионный банк, с правом выпуска банкнот под обеспечение земель. Проект Чемберлена допущен. Мы приводим первую статью из его памфлета: «Собрание статей, написанных по разным случаям, об обрезывании и подделке денег и о торговле, поскольку это относится к вывозу слитков» («A collection of some papers writ upon several occasions, concerning clipped and counterfeit money, and trade, so far, as it relates to the exportation of bullion», London, 1696).

Взгляды автора не оригинальны. Он повторяет, по существу, взгляды Вильяма Петти из его «Трактата о налогах» и памфлета «Кос-что о деньгах». Оба произведения помещены в нашем сборнике. Цель, которую мы преследуем напечатанием этой работы, заключается в том, чтобы показать, как после Петти теория трудовой стоимости становится обычным явлением у английских экономистов, представителей разложения меркантилизма.

Драгоценные металлы и товары обладают стоимостью и рыночной ценой. Движение стоимости и рыночной цены определяется объективными условиями: движение стоимости — трудом, необходимым для производства товара, движение рыночной цены представляет отклонение цены от стоимости, обусловленное спросом и предложением. Всякие махинации правительства, направленные к тому, чтобы повысить название монеты, содержащей определенное количество драгоценного металла, бессильны сами по себе сделать торговый баланс страны активным или помешать вывозу денег из страны. Торговый баланс обусловлен исключительно соотношением ввоза и вывоза товаров. Актив зависит от платежного баланса.

ГУГО ЧЕМБЕРЛЕН
СОБРАНИЕ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ

написанных по разным случаям
ОБ ОБРЕЗЫВАНИИ И О ПОДДЕЛКЕ ДЕНЕГ

и

О ТОРГОВЛЕ

ПОСКОЛЬКУ ЭТО ОТНОСИТСЯ К ВЫВОЗУ СЛИТКОВ

Золото и серебро должны рассматриваться, как и все другие товары, заграничные или отечественные, в отношении их реальной естественной стоимости и рыночной цены, причем и та и другая очень изменчивы и не могут регулироваться законом.

Реальная естественная стоимость всех товаров — это затрата труда, расходы и риск в их производстве и доставке на рынок, и эти обстоятельства ее соответственно изменяют; ведь золото не стоит так дорого в Перу или Гвинее, как оно стоит в Лондоне, Париже или Амстердаме. Рыночная цена меняется в зависимости от большего или меньшего количества покупателей и от изобилия или скудости товаров.

Во-первых, большое или малое число покупателей зависит от их различной потребности в товаре. Так, мы видим, где золото не является мерилom стоимости в торговле, как например в некоторых местах Ост- и Вест-Индии и в Африке, железо ценится гораздо дороже, чем золото, так как оно им очень нужно, а золото мало или совсем не нужно ни для посуды, ни для украшения, ни для монеты.

Точно также: золото будет вам стоить 3 фунта стерлингов унция; если вы найдете лишь мало покупателей, а необходимость побуждает вас его продать — вы должны взять 2 фунта стерлингов, если вы не можете получить больше. И наоборот, если оно вам стоило только 2 фунта стерлингов за унцию и если много покупателей, вы можете продать за 3 фунта 10 шиллингов; здесь не то имеет значение, во сколько оно вам обошлось, но большее или меньшее количество лиц, имеющих в нем нужду; это-то меняет и поднимает его цену.

Во-вторых, изобилие или недостаток товара также на много отклоняет цену вверх или вниз от естественной стоимости.

Так, кусок хлеба в 4 пени естественной стоимости часто продается во время осады за 5 шиллингов. И наоборот, бриллиант, ранее купленный за 10 фунтов, когда их было мало, при рыночных

затрудненных может быть уступлен за 5 фунтов, таким образом даже, возможно, менее затраты труда на его производство, что является его естественной стоимостью.

В-третьих, ничто не в состоянии доставить золото или серебро иностранного происхождения в Англию, кроме вывоза отечественных товаров, продуктов земли или промышленности или того, что наши уроженцы могут привезти из заграничной службы за их труды, или того, что тратят здесь иноземные путешественники, приезжая для осмотра страны и т. п.

В-четвертых, ничто не в состоянии вызвать отлив золота или серебра из Англии, кроме потребления большего количества иностранных товаров по их покупной цене, чем мы получаем за продажу наших экспортных товаров; или что могут сберечь здесь своими стараниями и трудом заграничные купцы или рабочие и вывезти в свою страну, или что тратят за границей наша знать и дворянство, или что тратят наши послы, полномочные представители или наши армии за границей или находящиеся у нас на содержании союзники-иностранцы.

Так что ни повышение, ни понижение в наименовании нашей монеты выше или ниже естественной стоимости и рыночной цены металла, которая регулируется его количеством и спросом на него, не может ни привлечь к нам, ни удержать, ни способствовать уходу от нас золота или серебра, но это зависит только от вышеупомянутого баланса торговли, его повышения или понижения, что с необходимостью господствует над всеми законами.

В-пятых, то, что производит различие в стоимости здесь, внутри страны, между золотом, серебром и слитками, — это — диспропорция между ними соответственно тому, насколько они выходят за пределы пропорций, установленных стандартом. Например, если больший спрос на золото, или его дают меньше по отношению к серебру, золото станет дороже и его рыночная цена будет выше стандарта, хотя его естественная стоимость остается той же.

А когда больший спрос на серебро или за него дают относительно больше золота, — серебро станет дороже и превысит стандарт в своей рыночной цене, хотя его естественная стоимость была бы той же самой. А когда на слитки больший спрос, чем на деньги, слитки становятся дороже и превысят стандарт по стоимости; и тогда не только остановится чеканка монеты, но и много монет будет переплавлено в слитки. Ибо если количество золота превышает (пропорционально) количество серебра, золото будет дешево. Если серебра больше, чем золота, — серебро станет дешево.

Если денег больше, чем слитков, — деньги будут дешевы; если слитков больше, чем денег, — слитки будут дешевы.

И хотя деньги и удерживают то же название, они не всегда имеют одинаковую стоимость, так как ими также управляет изобилие или недостаток других товаров; ведь крона обладает не той же стоимостью, когда она покупает только полбушеля пшеницы, чем когда она может купить целый бушель.

Это может быть или когда меньше зерна, или когда в нем больше нуждаются, или больше покупателей явится с большим количеством денег; но эти колебания не вредны для страны в отношении их влияния на количество золота или серебра.

Ведь когда мы имеем больше денег, — у нас меньше слитков, а если у нас больше слитков, — у нас меньше денег.

Но несмотря на это, это является большим убытком для торговли, так как деньги — живое богатство, а слитки — мертвое. Деньги обладают способностью содействовать обороту и процветанию торговли. Слитки этой способностью не обладают.

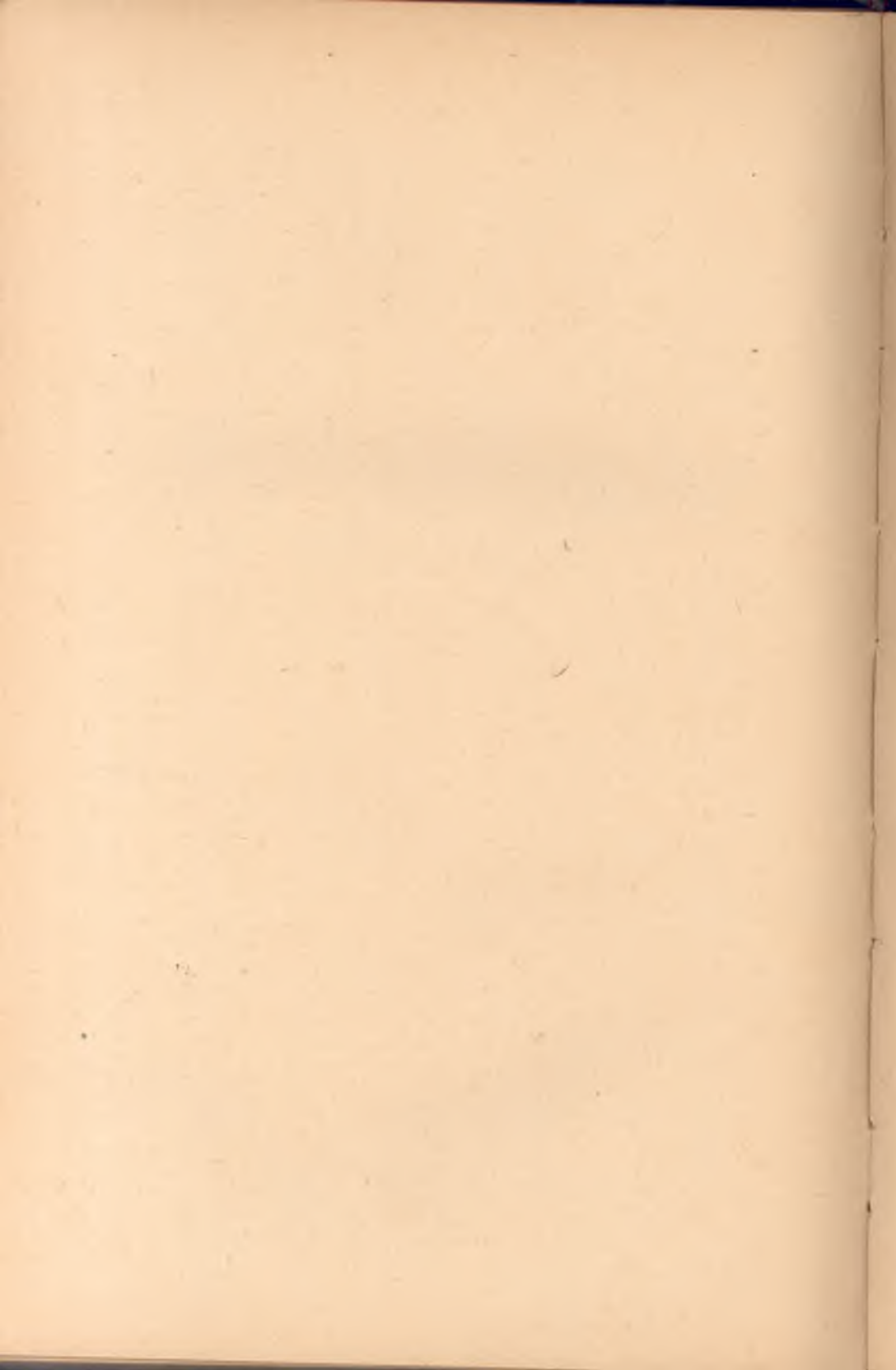
Знать, накапливая и храня золото в своих карманах и убивая этим большой доход, который дает золото, поднимает его цену, хотя его количество остается то же в отношении серебра.

Из этих предпосылок можно заключить, что повышение цены наших денег не может их удерживать, хотя может причинить нашим купцам некоторые затруднения при установлении паритета валют для заграничной торговли.

Не может вызвать ухода денег и понижение их цены, не доставив столько же или еще больше нам; но если мы не позаботимся о том, чтобы наш вывоз был выше ввоза, — все, что бы мы ни делали, никогда не удержит денег в стране. А если наш вывоз выше, — все, что бы ни предпринимали иностранцы — они никогда не смогут добиться ухода от нас денег. Вывоз товаров будет достаточен, чтобы покрыть расходы, которых требуют заграничные платежи союзникам, армия, посланники, английские путешественники и возврат денег иностранными купцами, так же как и ввоз иностранных товаров. В противном же случае неизбежен наш упадок. Таким образом регулирование торговли, я смиренно считаю, заслуживает серьезных забот почтенной Палаты общин. Я думаю, что я выполнил мой долг по отношению к моей стране, и надеюсь, что я никого не оскорбил. И если я ошибся, я буду благодарен каждому, кто меня поправит.

ПРИМЕЧАНИЯ

П Р И М Е Ч А Н И Я

Примечания к памфлету Т. Мена: «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией»

¹ В 1600 г. группа богатых лондонских купцов сложила и снарядила корабль в Ост-Индию. Этим было положено начало сыгравшей такую роль в истории Англии Ост-Индской торговой компании. Компания была многими встречена с недоброжелательством. Огромные барыши, доходившие до 100% на капитал компании, вызывали зависть одних, тем более что компания ревниво не допускала новых лиц в свой состав. Паи членов компании были именными. С другой стороны, компания подорвала средиземноморскую английскую торговлю, которая велась Левантийской компанией (иначе — Турецкая компания). В 1571 г. был заключен первый торговый трактат между Елизаветой и Турцией, предоставлявший компании право торговли с Турцией. Он был ватем продолжен на 12 лет. Временные трактаты были заменены в 1605 г. вечной хартией. Основными предметами ввоза были шелк (из Персии) и восточные пряности (идущие из Индии). Торговля Ост-Индской компании, позволившая получать эти товары по значительно более дешевой цене, подорвала Левантийскую компанию. Наконец, ост-индская торговля, основанная на вывозе серебра, в отличие от левантийской, получавшей восточные товары в обмен на английское сукно, шла в разрез с господствовавшей тогда монетарной системой. Поэтому естественно, что первым представителем системы торгового баланса выступил Томас Мен, секретарь Ост-Индской компании. Все перечисленные причины вызвали большие нарекания на компанию, нашедшие свое отражение в памфлетной литературе той эпохи. Упомянем из них: Dudley Digges, «Defence of trade», 1615, и Anonyme, «The trade's increase», 1615.

² Южная Берберия — так называли в ту эпоху Северную Африку (ныне Марокко, Тунис, Алжир).

³ Речь идет о значении шелковых мануфактур для применения труда рабочих, которые вышли из рядов экспропрированного, начиная с XVI в., крестьянства. Вплоть до конца XVIII в. это — одна из серьезнейших проблем английской экономической жизни. Начиная с середины XVII в., эта проблема порождает обширную литературу, посвященную вопросу о рабочих домах (work-houses).

⁴ Мен отвечает по адресу противников Ост-Индской компании, упрекавших ее в том, что она вывозит деньги в Индию в уплату за шелк и пряности, что торговля с Ост-Индией не началась же только с появлением компании. В этом он совершенно прав. Она почти не прерывалась со времен классической древности, изменяя только главных действующих лиц. Так, уже в XII в. итальянцы через Византию и Персию вели торговлю с Индией. Напомним о путешествии Марко Поло в Среднюю Азию и Китай. Турки не положили конец этой торговле, а быстро освоились с ней. Только открытие Васко де Гама в 1497 г. морского пути в Индию (вокруг Африки) подорвало сухопутный путь к Востоку. Каждая из стран, владевшая морским путем в Индию, пыталась превратить его в свою монополию (после португальцев — голландцы, потом англичане).

⁵ До открытия морского пути в Индию торговый путь проходил преимущественно по суше, за исключением дороги от Индии до Персидского залива.

⁶ Чтобы понять это место, нужно иметь в виду, что с точки зрения меркантилизма каждая страна терпит лишь постольку, поскольку драгоценные металлы уходят из нее за границу. Дороговизна товаров сама по себе не имеет значения, если она не означает вывоза металлов из страны. Так как, по

утверждению Мена, основная часть стоимости ост-индских товаров состоит из фрахта, пошлин и налогов, уплачиваемых в Англии, то эти деньги не уходят из Англии и, следовательно, не означают уменьшения богатства страны.

² Архипелаг так называется и теперь. Это — острова между Грецией и Малой Азией, тогда принадлежавшие туркам.

³ См. примечание 6-е.

⁴ Эти жалобы исходят от Левантийской компании (см. примечание 1-е).

⁵ Англия не вела в это время войны с Голландией, но в Ост-Индии между голландцами, стремившимися удержать в своих руках монополию торговли с Востоком, и англичанами часто происходили столкновения. В частности, голландцы захватили незадолго до того, как писал Мен, часть кораблей Ост-Индской компании. Этот конфликт закончился мирным соглашением.

⁶ Т. е. с 1600 г., когда были отправлены первые корабли в Ост-Индию.

⁷ Торговля хлебом имела для Англии значение в смысле актива торгового баланса, по крайней мере, до конца XVII в. В середине века Англия — еще в значительной степени сельскохозяйственная страна (см. таблицу населения Англии Грегори Кинга). В эпоху Мена вывоз хлеба происходил еще в довольно значительных размерах, преимущественно в Голландию, нуждавшуюся в ввозимом хлебе.

⁸ Меркантилисты различали естественное и искусственное богатство. Первое не нужно смешивать с естественными богатствами в современном смысле слова. Естественное богатство у Мена — это продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности. Искусственное богатство — продукты перерабатывающей промышленности.

⁹ Речь идет об обычной в то время практике, которую рассматривали как средство привлечь иностранное золото и серебро к себе. Она связана с представлениями монетарной системы. Тогда думали, что достаточно повысить название монеты (это называлось повышением монеты), чтобы побудить иностранцев ввозить свои деньги в Англию. Мен был противником порчи монеты.

¹⁰ Мен понимает, что снижение или повышение денег, т. е. по существу изменение названия монеты, разоряет людей, получающих доход, определенный в денежном выражении, или кредиторов. С другой стороны, попытка таким путем влиять на движение денег неизбежно вызывает ответные репрессии.

¹¹ До конца XVII в. не умели еще чеканить монету строго определенного веса и размера. В частности, монеты не имели узорчатого бокового обреза (например зубчиков), что позволяло ее обрезать, стричь. Пользуясь значительными колебаниями в весе монеты, некоторые «специалисты» скупали тяжелую монету и переплавляли ее или вывозили за границу.

¹² См. примечание 2-е к следующему памфлету. Мен — меркантилист и в том отношении, что он противник статута «Об истрачении».

¹³ Два способа увеличения богатства государства заключаются: 1) в том, чтобы потреблять больше отечественных товаров; 2) в том, чтобы потреблять меньше иностранных товаров. Это связано с учением меркантилистов о торговом балансе, согласно которому страна должна возможно больше своих товаров вывозить, возможно меньше иностранных товаров ввозить. Но для этого необходимо быть экономными в потреблении как отечественных, так и иностранных товаров. Первое позволяет больше вывозить и следовательно увеличивать количество ввозимых в страну денег, второе — меньше вывозить денег на покупку иностранных товаров.

¹⁴ Рыболовство, на основании опыта голландцев, рассматривалось как один из важнейших источников национального богатства. Начиная с Вальтера Рэли, англичане стремятся, но безуспешно, развить у себя рыболовство. См. памфлеты: Keymors John, «Observations on the Dutch fishery», 1601; Tobias Gentleman, «The way to win wealth», 1614; Walter Raleigh, «Observations on the british fishery»; Malynes, «An essay on the fishery trade» (глава из *Lex Mercatoria*, 1622).

¹⁵ В XVI и XVII вв. были широко распространены законы против роскоши, связанные вообще с духом регламентации и сословных различий средневековья. В тенденциях меркантилизма к максимальной бережливости в потреблении отечественных и иностранных товаров они нашли себе известную поддержку.

Примечания к памфлету неизвестного автора: «Правдивое раскрытие причин упадка торговли»

¹ Автор — сторонник статута «Об истрачении» («Statute of Employment»), согласно которому иностранные купцы, ввозившие товары в Англию, должны были все вырученные от их продажи деньги употребить на покупку английских товаров.

² В начале XVII в., до шестидесятых и семидесятых гг. этого века, богатство Нидерландов является предметом зависти и подражания для английских писателей-экономистов, начиная с «Maximes of trade» Вальтера Рэли от 1614 г. Вопрос о причинах богатства Нидерландов рассматривается многими писателями.

³ Автор рекомендует применять статут «Об истрачении» (см. примечание 1-е) в возможно более строгой форме.

⁴ Развитие английской суконной промышленности связано с ростом значения Компании Странствующих Купцов (Merchants Adventurers), которая приобрела монопольное право вывоза сукна на Англию на континент. Это — старейшая английская торговая компания, существовавшая уже в XV в. Ее историк и присяжный апологет J. Wheeler, бывший секретарем компании, выступил в защиту ее монополии в «Трактате о торговле» («A treatise of commerce»), опубликованном в 1601 г. Wheeler все же вынужден отметить, что монополия компании приходила иногда в резкое столкновение с интересами суконщиков-производителей, которых она, пользуясь своей монополией, заставляла продавать по низкой цене сукно. Хорошей иллюстрацией к жалобам автора нашего памфлета может служить следующее место из Wheeler'a: «Приблизительно 14 лет тому назад, т. е. около 1587 г., в 29-м году царствования ее величества (королевы Елизаветы. — И. П.), производители шерсти, сукончики, ткачи и прочие лица, живущие на производство сукна, не имея обычных товаров, заработков и работы, стали очень жаловаться на это. Они решили, что единственным средством для исцеления этого зла будет предоставление свободы всем подданным Ее Величества и другим лицам покупать и перевозить сукно, согласно установлениям закона, не считаясь ни с какими правами или привилегиями, предоставленными до этого ее величеством» (стр. 61—62). Само собой разумеется, что это, по мнению Wheeler'a, ухудшило положение к радости ганзейских купцов. История компании Merchants Adventurers дана в работе Schantz'a, «Englische Handelspolitik», и у Эшли, «Экономическая история Англии в связи с экономической теорией».

⁵ Организация складочного места (Staple) возникает с середины XIII в. в связи с переходом в руки английских купцов торговли английскими товарами — шерстью, шкурами, кожей, оловом и т. п. Складочным местом в первоначальном смысле слова именовалось определенное место, где все английские купцы должны были держать шерсть и другие «складочные» товары для продажи. Учреждение складочных мест было связано с фискальными интересами государства, чтобы легче было регулировать торговлю, собирать пошлины. Впоследствии английское правительство стало устраивать такие складочные места на материке, причем местопребывание их не оставалось постоянным. Они были по очереди в Кале, Антверпене, Дельфте, Брюгге и др. местах. По большей части перемещение складочного места происходило по политическим и экономическим причинам (см. это место в памфлете). Купцы складочного места за границей получили организацию, аналогичную другим английским компаниям. Об этом пишет английский священник начала XVI в. Clement Armstrong. О богатстве английского складочного места в Антверпене пишет Guicciardini.

⁶ См. примечание 5-е.

Примечания к памфлету Т. Мени: «Богатство Англии во внешней торговле»

¹ Естественное богатство (natural stock или natural wealth) у меркантилистов — это не естественные богатства страны в современном смысле слова, т. е. залежи руд, ископаемый уголь, обилие рыбы в водоемах, дино растущий

лес и т. д., а напротив, это уже результат труда, приложенного к природе, точнее, это — продукты сельского хозяйства и добывающей промышленности в противоположность продуктам обрабатывающей промышленности или искусственному богатству (artificial wealth).

² Мен имеет в виду продажу сырья не в натуре, а в промышленных изделиях, в цене которых оплачивается и стоимость сырья и затраченный на его переработку труд.

³ См. примечание 4-ое.

⁴ Важным источником обогащения страны деньгами меркантилисты наряду с торговлей продуктами отечественного производства считали транзитную торговлю. Как раз такой характер носила торговля Ост-Индской компании, вывозившей из Индии пряности, шелк, хлопчатобумажные материи и т. п. и продававшей их в других европейских странах, помимо сбыта части этой продукции в Англию.

⁵ В трактате Мена ясно выступает не только меркантилист-автор, но и то, что он специально защищает Ост-Индскую компанию, подвергнувшуюся многим нападкам, как это ясно видно из другого его памфлета: «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией». Дальняя морская торговля, какой является торговля с Ост-Индией, выгодна для Англии, помимо высокого барыша, получаемого на ост-индских товарах, еще и потому, что увеличивает морской флот, главную опору ее могущества, и число моряков.

⁶ Для понимания этого места нужно учесть, что для меркантилистов действительный выигрыш страны заключается в приливе драгоценных металлов извне, а действительный убыток — в их отливе. Поэтому все расходы по производству или транспорту, которые не вызывают вывоза денег за границу, как бы они ни были велики, не рассматривались как убыточные для страны. Напротив, если они оплачивались иностранцами при продаже им товаров, или при ввозе товаров в страну, они считались выгодными, так как увеличивали спрос на рабочие руки в своей стране.

⁷ Главной целью памфлетов Мена является защита ост-индской торговли. Смертным грехом, в котором обвиняли компанию защитники денежного баланса, было то, что Ост-Индская компания вывозит в Индию деньги из Англии (см. «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией»). Эти обвинения исходили преимущественно от представителей теории денежного баланса. Меркантилизм является оппозицией против этих взглядов, представляя идеологию монопольных торговых компаний, для которых вывоз денег для целой торговли является жизненной необходимостью. Отсюда вытекает то, что Мен выступает в защиту вывоза денег.

⁸ См. примечание 7-ое.

⁹ Вся предшествующая аргументация Мена кажется противоречащей его собственным меркантилистическим воззрениям, согласно которым только деньги — единственное и безусловное богатство. В самом деле, Мен отрицает значение денег как жизненного нерва торговли. Он находит даже вредным для государства слишком большой рост количества денег. Это приводит, говорит Мен, становясь на позицию количественной теории денег, к вздорожанию товаров, а следовательно — к уменьшению конкурентной способности государства на внешних рынках. Значит ли это, что Мен отходит от меркантилизма? Нет, его доводы направлены против сторонников денежного баланса, ревниво следящих за тем, чтобы ни одна копейка не вывозилась из страны. Для Мена, как идеолога торговых монополий, деньги не имеют самодовлеющего значения как деньги. Они важны лишь как денежная форма капитала, совершающего постоянный кругооборот по формуле $D—T—D$, результатом которого, фиксируемым в денежной форме, является все возрастающая масса денег в стране. Но Мен всецело меркантилист, поскольку ставит целью торговли увеличение количества денег в стране, что возможно лишь при торговле с другими странами.

¹⁰ С этим примером, удачно иллюстрирующим воззрение меркантилистов, мы встречаемся уже в ранней работе Мена «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией», 1621 г. Мен сравнивает купца, занятого внешней торговлей, с фермером. Деньги купца — то же, что посев фермера. Этот довод был направлен против сторонников теории денежного баланса, стоявших

за запрещение вывоза денег из страны. В этом сравнении купца с фермером ясно выступает классовая природа Мена, как идеолога торгового капитала.

¹¹ Замечательно, что Мен рассматривает основное положение количественной теории денег, как всем известную истину. Между тем она была впервые формулирована едва ли за 60—70 лет до Мена — в работе Жана Бодена (Jean Bodin) «Ответ на парадоксы г-на Мальтруа относительно дороговизны всех товаров и т. д.» («Reponse aux paradoxes de M. Malestroit touchant l'enchérissement de toutes les choses etc.», Paris 1568). В Англии впервые приводит взгляды Бодена Вильям Стаффорд, издатель памфлета Джона Гельса, в 1581 г. Едва ли мы найдем другой пример экономической теории, которая пользовалась бы таким огромным успехом и в течение такого продолжительного времени почти в неизменном виде.

¹² В XVII в., особенно в его первой половине, существовал ряд неправильных представлений относительно способов удержать деньги в стране или привлечь из-за границы деньги в страну. Эти представления покоятся на взглядах на природу курса валюты и на смешении стоимости денег с их наименованием. Остановимся, во-первых, на вопросе о валютном курсе. Как известно, паритет валют двух различных стран устанавливается путем приравнивания друг к другу количества монет, которые чеканятся в каждой стране из одного и того же веса драгоценного металла. При условии свободного вывоза монеты из страны с открытой чеканкой курс валюты колеблется в пределах золотых точек, т. е. может отличаться от паритета в пределах стоимости провоза золота и страхования (около $\frac{1}{2}\%$ от стоимости золота). При запрещении вывоза драгоценных металлов или при закрытой чеканке этот курс может значительно отличаться от паритета, но это будет происходить вследствие падения покупательной силы денег в стране при бумажных деньгах или вследствие большого риска, сопряженного с вывозом металлических денег. В XVII в. считали, что высокий или низкий курс валюты (национальной) может вызывать приток иностранной монеты в страну или, напротив, отлив ее. Отсюда — попытки регулировать валютный курс путем монополии торговли валютой в руках правительства. На этой позиции в Англии стоят сторонники денежного баланса, например Мелайнс в конце XVI — начале XVII в. Другим способом воздействовать на количество денег в стране считали «повышение» или «понижение» денег. О повышении денег говорили, если тому же весу драгоценного металла давалось более высокое денежное наименование. Главные представители монетарной системы считали, что повышение названия монеты тождественно с повышением ее стоимости, чаще же всего притворялись, что так думают. Исходя из этого представления, приходили к выводу, что повышение денег вызывает прилив драгоценных металлов в страну или во всяком случае препятствует их отливу, так как никто не захочет обменять 1 фунт стерлингов на 20 франков, если раньше он получал за него 25 франков. В отличие от сторонников монетарной системы меркантилисты считают единственным путем для увеличения количества денег в стране активный баланс.

¹³ Как показывает таблица Грегори Кинга, население Англии в XVII в. носило абсолютно преобладающий аграрный характер. Интересы землевладельца в государстве стоят на первом плане. Интересы купца зачастую приносятся им в жертву. Поэтому Мен пытается убедить землевладельцев, что следствием расцвета торговли будет повышение цены земли.

¹⁴ Мен с грубой наивностью пытается сделать из Ост-Индской компании, секретарем которой он был, казанскую сироту. Компания не только ничего не выигрывает, но даже терпит убытки, и все это ради интересов государства. Находятся еще люди, которые смеют утверждать, что компания вывозит деньги ради собственного обогащения, отнюдь не в интересах государства. Если Мен прав, — спрашивается: неужели компания из-за бескорыстного патриотизма продолжает терпеть убытки? Если же обратиться к Джону Андерсону, автору замечательной истории торговли (конец XVIII в.), то оказывается, что барыши Ост-Индской компании измерялись цифрой порядка 100% ежегодно.

¹⁵ В примечании 12-м мы изложили сущность повышения денег и проблемы курса валюты. Как видим, Мен является противником махинаций государства с деньгами путем изменения наименования монет или содержания драгоценного металла. Причина позиции Мена в этом вопросе обусловлена

интересами торгового капитала, заинтересованного в устойчивости денег, этой «мере наших торговых сношений с иностранцами». Ведь всякое изменение в монете вносит резкие перемены в платежи и долговые обязательства, неизбежно сопровождающие деятельность оптового торговца. Вопрос о причинах стоимости (покупательной силы) денег играет большую роль и вызывает острые дискуссии в XVII в., так как в нем сталкиваются многочисленные классовые интересы.

¹⁶ Мен исходит из положения, что стоимость денег определяется не наименованием монеты, а содержанием в ней драгоценного металла. В этом отношении он занимает правильную точку зрения в отличие от сторонников противоположного взгляда. Мы находим их даже в конце XVIII в., например в лице Николая Барбона. Эта точка зрения является исторической предшественницей номиналистической теории денег. Противоположная точка зрения, представленная Меном, особенно ярко обосновывается в замечательном трактате Петти «Кое-что о деньгах», помещенном в настоящем сборнике.

¹⁷ См. примечание 2-ое к памфлету «A true discovery».

¹⁸ См. примечание 20-ое к памфлету Мена «A discourse of trade from England to East-Indies».

¹⁹ В этом месте особенно ярко выступает различие между монетарной системой и системой торгового баланса, собственно меркантилизмом. Своей точке зрения Мен придает такую форму, что можно предположить в нем предшественника сторонников свободной торговли, например Норса. Но это, конечно, не так. Мен выступает лишь сторонником допущения свободы вывоза денег для целей торговли. Это совершенно естественно для представителя Ост-Индской компании. То, против чего действительно выступает Мен, это — против попытки добиться благоприятного баланса путем непосредственной регламентации движения денег. Путь, предлагаемый им, это — регламентация движения товаров. Здесь суть различия между монетарной системой и меркантилизмом. Но в этом различии содержится различие двух эпох.

²⁰ В этом месте и несколько дальше Мен формулирует основную мысль меркантилизма в вопросе о источнике прибыли: «То, что один человек терит, выигрывает другой». Это — вульгарная теория прибыли от отчуждения товаров (*profit upon alienation*).

²¹ Автором «*Mare liberum*» («Свободное море») является голландец Гуго Гроций (1583—1645), известный юрист. Памфлет был опубликован в 1609 г. против притязаний португальцев на монополию торговли с Ост-Индией. Гуго Гроций утверждал, что океан свободен для всех. Когда споры по этому вопросу возникли между голландцами и англичанами, Selden написал в ответ в 1635 г. свое «*Mare clausum*» («Закрытое море»), в котором утверждал исключительное право англичан ловить рыбу в окружающих Англию морях.

²² Мен намекает на Gerard Malynes, голландца родом, натурализованного англичанина, который был сторонником монетарной системы. То же обвинение против него у Миссельдена.

Примечания к памфлету С. Фортрей: «Выгода и благосостояние Англии»

¹ Деление продукции страны на два вида продуктов: естественные и искусственные — характерно для меркантилистов. Это деление связано с учением о торговом балансе. Естественные продукты, т. е. непосредственные продукты почвы и воды (сельскохозяйственные продукты, руды и уголь, рыба естественных водоемов), обладают меньшей ценой; напротив, искусственные продукты (т. е. продукты промышленности) в своей цене содержат не только цену сырья, но и ту цену, которую присоединяет к нему труд переработки сырья. Последние гораздо выгоднее вывозить, так как они значительно увеличивают своей большой ценой активную часть торгового баланса.

² Предметом постоянной зависти англичан в XVII в. является значительное рыболовство Голландии. Эта отрасль производства считалась особенно выгодной потому, что ловля рыбы требует главным образом затраты труда; она пользовалась большим спросом и продавалась по высокой цене в католических странах, в которых во время длительных постов запрещено было

потребление мяса. Таким образом доход от рыболовства почти целиком поступал в страну в виде денег. Вместе с тем рыболовство давало занятие многочисленному населению и обеспечивало рост флота и пригодного к морской службе населения. О внимании английской экономической мысли к вопросу о причинах процветания голландского рыболовства и об условиях развития этого промысла в Англии свидетельствуют многочисленные памфлеты, специально посвященные этому вопросу, помимо разделов о рыболовстве в экономических памфлетах, трактующих ряд тем. Назовем для примера: 1) John Keymors, «Observations on the Dutch fishery» («Замечания о голландском рыболовстве»), 1601; 2) Tobias Gentleman (fisher and mariner), «The way to win wealth» (Тобиас джентльмен, рыбак и моряк, «Путь к богатству»), 1614; 3) Raleigh Walter, «Observations on the british fishery and several other points relating to trade and commerce» («Замечания о рыболовстве Британии и о некоторых других вопросах, относящихся к торговле»), 1614, и др.

³ Меркантилисты исходят из положения, что частный интерес отдельного купца и интересы государства не всегда совпадают. Так, купец может вести внешнюю торговлю, причиняющую убыток государству. Ему же она будет выгодна, так как в противном случае он не стал бы ее вести. Меркантилизм, как мы видим из этого, далек от положения классиков, например А. Смита, что интересы государства — это сумма интересов его граждан. Исходя из своей позиции, меркантилисты обосновывают необходимость государственной регламентации внешней торговли.

⁴ У Фортрея мы находим развернутую аргументацию в пользу «огораживания» общинных земель — процесса, который приобрел колоссальное распространение в XVIII в. и привел почти к полному уничтожению английского крестьянства (yeomanry) и к образованию фермерского (капиталистического) сельского хозяйства. Доводы Фортрея очень напоминают те, которые спустя два с половиною века применяли русские противники общины. Под «огораживанием» общинных земель понимают раздел их в частную собственность с уничтожением принудительного севооборота и чересполосицы. Столыпинская реформа XX в. аналогична по своему существу «огораживанию», проведенному в массовых размерах в XVIII в. в Англии.

⁵ Современники и последующие меркантилисты высоко ценили памфлет Фортрея за то, что он был направлен против торговли с Францией. Если в первой половине XVII в. Англия считала своим основным конкурентом и врагом голландское государство, против которого Кромвелем был направлен Навигационный акт, то во второй половине, и особенно к концу XVII в., на первое место в этом отношении выдвигается Франция. К экономическим соображениям примешиваются моменты политические (поддержка Стюартов) и религиозные (воинствующий католицизм во Франции и изгнание протестантов). Фортрей дал веские доводы противникам англо-французской торговли. Поэтому его памфлет переиздавался несколько раз после своего появления (в 1673, в 1713 и в 1744 гг.). Мы не говорим о последующих изданиях. Несомненно, что англо-французское соперничество XVII в. много содействовало укреплению традиционной национальной ненависти. Даже Смигу в «Богатстве народов» приходилось еще доказывать, что нет ничего ужасного, если свобода торговли будет распространена на англо-французскую торговлю.

⁶ Вопрос о подделке монеты и особенно об ее обрезывании играл большую роль в XVII в. Монета чеканилась только с двух сторон и не имела чеканки (зубчиков) сбоку. Это облегчало ее обрезывание. В 1696 г., когда была проведена денежная реформа, заключавшаяся в перечеканке монеты, новые деньги подверглись штамповке, что и проповедывал Фортрей. При этом оказалось, что старая монета была легчевеснее нормальной величины почти на одну треть. Вопрос об условиях перечеканки вызвал оживленную и ценную в экономическом отношении дискуссию, в которой принимали участие Барбон, Ло, Локк и ряд других писателей.

⁷ Фортрей имеет в виду Навигационный акт Кромвеля, которым воспрещалось привозить в Англию товары из какой-либо страны иначе, чем на кораблях, принадлежавших гражданам той же страны. Этот акт был направлен главным образом против Голландии.

⁸ Колониальная империя Англии начинает складываться с начала XVII в. Однако, вопрос о выгодности колоний для Англии вызывает много споров среди меркантилистов. Одни из них указывают на то, что колонии поглощают часть капиталов метрополии и ее населения и тем уменьшают ее богатство. Другие же указывают на выгоды монопольной торговли с колонией, на развитие судоходства. С этой двойственностью в отношении к колониям мы встречаемся и у Фортрея.

⁹ Взгляды Фортрея на преимущества ведения внешней торговли компаниями вскрывают сущность меркантилизма, как идеологии торговых монополий, а также значение для защиты монополии принципа активного торгового баланса и государственной регламентации.

¹⁰ Фортрей — за низкий процент. В этом отношении он стоит на той же позиции, что и Josiah Child (Чайлд) — знаменитый директор Ост-Индской компании. Это показывает, что Фортрей — идеолог торговых монополий, заинтересованных в возможно более низком проценте на ссудный капитал (уровень процента регулировался законом), так как это повышало предпринимательский доход, который оставался в пользу компании при пользовании чужим ссудным капиталом.

Примечания к памфлету В. Петти: «Трактат о налогах и податях»

¹ Одним из крупнейших бедствий в Англии XVII в. считался у современников пауперизм, начало которому было положено экспроприацией крестьян в XVI в. Поэтому, как мы видели, нет почти ни одного писателя этой эпохи, который не уделял бы внимание вопросу о мерах по устранению пауперизма. Не является исключением из этого правила и Петти.

² Законодательство о труде начала капиталистической эпохи в Англии характеризуется изданием многочисленных законов, направленных против зарождающегося рабочего класса. Эти законы ставили себе целью удлинить рабочий день и сократить, елико возможно, заработную плату (см. Маркс, «Капитал», т. I, гл. 24). В своей фразе Петти намекает на это законодательство.

³ В Англии в то время, как и сейчас, не было всеобщей обязательной воинской повинности, а наемная армия, в которую вербовали бедняков всевозможными посулами, спаванием и обманом.

⁴ Петти намекает на то, что церковная реформация, уничтожившая целый ряд обрядов католицизма, как исповедь и т. п., сократила круг деятельности духовенства и позволяет уменьшить его численность.

⁵ Речь идет о широко распространенном в экономической литературе XVII в. требовании составления земельного кадастра и регистрации всех денежных сделок, касающихся земли, как заклад, продажа и т. п., с целью облегчить мобилизацию земельной собственности.

⁶ С 1592 г. в Лондоне составлялись таблицы смертности населения. Они играли большую роль в статистических расчетах Петти. В 1662 г. была написана статья: «Естественные и политические замечания о таблицах смертности», автором которой долгое время считался В. Петти. На самом деле статья написана Джоном Граунтом. Она помещена во втором томе собрания экономических произведений Петти, опубликованного под редакцией Гулла (Hull) в 1899 г.

⁷ Здесь Петти выступает защитником меркантилистического взгляда, что внутренняя торговля не увеличивает богатства страны, в отличие от внешней торговли.

⁸ Это — замечательное место у Петти, свидетельствующее о том, что он ясно представлял себе буржуазное общество, как систему разделения труда, и предвосхитил взгляды А. Смита на этот вопрос.

⁹ И здесь Петти стоит на позиции меркантилизма: любой труд, который не требует затраты средств, вывозимых из страны, не уменьшает богатства государства, даже если он совершенно бесполезен.

¹⁰ Петти имеет в виду событие, которое послужило поводом к началу английской революции XVII в. Карл I установил собственной властью принудительный сбор на постройку военного флота (корабельную пошлину),

по население отказалось платить его без утверждения парламента. С этого начались события, приведшие в 1649 г. к казни короля.

¹¹ Здесь Петти развивает меркантилистические взгляды, что многочисленное народонаселение является основным источником богатства страны.

¹² Структура государственного бюджета в XVII в. значительно отличалась от современного. Налоги, пошлины и т. п. источники составляли лишь часть доходов короля. Немалая часть его доходов получалась им от принадлежащих ему земель, так назыв. коронных земель.

¹³ Петти во время английской революции принимал участие в ирландском походе Кромвеля. Значительная часть земли восставших ирландцев была конфискована в пользу государства, причем часть ее была распределена между офицерами кромвелевской армии.

Петти принадлежит составление кадастра конфискованной земли, за что он получил крупное земельное состояние в Ирландии.

¹⁴ См. примечание 13-е.

¹⁵ Петти предлагает заменить налог, падающий на землю, выделением известной территории в пользу государства.

¹⁶ С конца XVI и в XVII вв. английское правительство намеренно боролось с расширением Лондона и ростом населения в нем, так как видело в этом большую опасность для власти из-за растущей трудности снабжения и угрозы восстаний, на что и указывает Петти.

¹⁷ Добыча и потребление каменного угля в Англии начались приблизительно с XVII в. для топливных целей, а не для промышленности, которая еще не знала энергии пара.

Рост потребления угля был связан с недостатком лесов, площадь которых в Англии быстро сокращалась с развитием промышленности.

¹⁸ Здесь начинается замечательное место, в котором Петти ставит вопрос об определении стоимости товаров трудом.

¹⁹ Много английских землевладельцев, получивших землю в Ирландии, после подавления восстания предпочитало жить в Англии.

²⁰ Здесь Петти впервые устанавливает понятие дифференциальной ренты первого вида (в зависимости от расстояния земли от рынка сбыта).

²¹ Характерно, что Петти стремится при исчислении нормального уровня ренты отделаться от влияния случайных причин, путем установления ее средней величины.

²² См. примечание 2-е.

²³ Ввоз иностранных товаров, подлежащих реэкспорту, причинил много затруднений. Пошлины, бравшиеся с них, подлежали возврату при вывозе. Поэтому в XVII в. было распространено мнение, что торговлю удалось бы значительно расширить, установив в государстве вольные порты, в которых с ввозимых или вывозимых товаров не бралось бы никаких пошлин.

²⁴ Петти имеет в виду экстенсивный характер скотоводства, при котором пастуха с собакой достаточно для большого стада скота.

²⁵ Большую роль в государственном бюджете Англии XVII в. играло так назыв. самообложение (benevolence), представлявшее собой род единовременного налога.

²⁶ Томас Веннер, руководитель восстания сектантов 6 января 1661 г., называвших себя людьми пятой монархии.

²⁷ Налог на соль во Франции вызывал большое недовольство, так как каждого насильно заставляли покупать ее в определенном количестве (см. Boisguillebert, «Le detail de la France»).

²⁸ В XVII в. много правительственных должностей продавалось за деньги.

²⁹ См. примечание 5-ое.

Примечания к памфлету В. Петти: «Кое-что о деньгах»

¹ Денежная реформа, имевшая целью заменить старую обрезанную и изношенную монету новой полноценной, была произведена в 1696 г., но, как показывает памфлет Петти, вопрос о реформе стоял уже в 1682 г. По мнению Кенингема, вопрос о реформе стал особенно злободневным с 1685 г. (см. Cunningham, «The growth of English industry and trade», т. II, гл. 1).

² Английская система веса знает три различных единицы, называемые фунтом: старый фунт, хранившийся в Туэзере, тройский фунт, который был введен во Франции в XIV в., и торговый фунт. Тройский фунт сохранился как монетная единица. Тройская унция равна 31,1 грамма.

³ До 1662 г. монета в Англии чеканилась с помощью молота. Поэтому она не имела ровного обода, и вообще различные монеты часто различались весом и размером, что облегчало всякие махинации с монетою вроде стрижки, плавки тяжелой монеты и т. п.

⁴ Центральным вопросом в связи с денежной реформой был вопрос о том, кто будет нести потери, связанные с ней, в частности — вопрос о платежах по долгам.

⁵ В начале XVII в. вывоз английской монеты был запрещен. Ост-Индской торговой компанией разрешали лишь вывозить испанскую серебряную монету (реалы), ввезенную в страну, в определенных размерах.

⁶ У Петти — пережитки меркантилистических взглядов, переплетающиеся с возрениями основоположника классической политической экономии, как называет его Маркс. В частности, положение Петти, что нация есть не что иное, как соединение отдельных людей, чрезвычайно напоминает Смита.

⁷ Нужно отметить правильность этого странного на первый взгляд расчета Петти количества денег, необходимых для обращения. Петти исходит из различной скорости обращения для различных платежей.

⁸ Английский банк был основан в 1694 г.

⁹ Выражение Петти «вознаграждение за воздержание» заимствовано у поздних писателей средневековья, стремившихся оправдать денежный процент. Один из доводов заключался в том, что человек, давший деньги в ссуду, терял возможность их сам использовать. Процент и представляет собой вознаграждение за такое воздержание.

¹⁰ Как мы отметили в предисловии к памфлету Серра, меркантилисты боролись за свободное установление курса валюты при купле и продаже переводных векселей, против сторонников системы денежного баланса, считавших, что курс валюты и обмен векселей должны устанавливаться только государством. Этот вопрос играет большую роль в полемике Мелайиса и Миссельдена в двадцатых гг. XVII в.

¹¹ В отличие от Кельепера, писавшего в памфлете от 1621 г. об определении цены земли высотой денежного процента, Петти стоит на той точке зрения, что не цена земли — капитализированная рента, а напротив, земельная рента определяет цену земли совершенно независимо от процента. Денежный же процент, приносимый капиталом, находится к нему в таком же отношении, как земельная рента к цене земли. Естественно, что, стоя на этой точке зрения, он должен найти способ определения цены земли независимо от процента. Мы не будем его касаться, поскольку об этом пишет Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», т. I. Неправильная позиция Петти имеет за собой историческое оправдание. Для Петти вопрос заключался в том, чтобы на основании земельной ренты оправдать внимание процента. Способ расчета денежного процента у Петти через ренту и служит этой цели.

Примечания к памфлету Н. Барбона: «Очерк о торговле»

¹ Барбон имеет в виду помещенный в нашем сборнике памфлет Мена «Богатство Англии во внешней торговле», ставший, по выражению Маркса, катехизисом меркантилизма.

² Возникновение непосредственной торговли морем между Англией и Ост-Индией подорвало значение торговли с Малой Азией, которую вела Левантская (Турецкая) компания. См. поэтому вопросу помещенный нами памфлет Мена «Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией».

³ Барбон говорит о строителях, потому что он сам принадлежал к числу лиц, спекулировавших после пожара 1666 г. на строительных участках. Защите строителей посвящен его памфлет «Апология строителя».

⁴ Это место ярко характеризует Барбона, как противника меркантилизма.

⁵ Английский термин *trade* имеет различный смысл в разных случаях: то он обозначает торговлю в собственном смысле слова, то также промышлен-

ную деятельность, и вообще хозяйственную деятельность. Отсюда трудность адекватного перевода этого термина.

⁶ Мы неоднократно отмечали значение деления всей продукции каждой страны на естественную и искусственную в системе взглядов меркантилизма. К первой относится продукция сельского хозяйства и добывающей промышленности, ко второй — продукция перерабатывающей промышленности.

⁷ Наименование основных товаров страны складочными (of the Staple) ведет свое начало с того времени, когда торговля с иностранцами велась только в определенных пунктах внутри страны или за границей и строго регламентировалась правительством, причем купцы, торговавшие в складочном месте, были организованы в гильдию (merchants of the Staple). Здесь слово «складочные товары» имеет смысл «основные товары страны».

⁸ См. примечание 7-е.

⁹ Барбон подчеркивает положение о неистощимости естественного и искусственного богатства страны против меркантилистов, выступавших сторонниками максимальной бережливости в потреблении отечественных и иностранных товаров. Этим он как бы превосхищает аргументацию Мальтуса в защиту паразитического потребления землевладельцев.

¹⁰ Барбон критикует сравнение Мена между условиями обогащения страны и индивидуального производителя, сравнение, которое Мен кладет в основу своей меркантилистической линии. См. «Рассуждение о торговле между Англией и Ост-Индией».

¹¹ В основе аргументации Барбона против меркантилизма лежат два довода. Первый довод заключается в отождествлении драгоценных металлов с другими товарами. Драгоценные металлы так же покупаются на отечественную продукцию, как покупаются все другие товары. Иметь золота на определенную сумму, или иметь на такую же сумму шелка, железа, одним словом любых товаров, — то же самое. С другой стороны, всякая попытка добиться монопольной торговли ненадежна. Это показывает история торговли европейских народов с Ост-Индией.

¹² См. примечание 11-е.

¹³ По мнению Стефена Бауэра, в Барбоне можно видеть предшественника современной австрийской школы в политической экономии. Это находится в прямом противоречии с исторической перспективой. Нельзя отрицать того, что мы находим у Барбона элементы теории, согласно которой стоимость товаров зависит от их полезности и редкости. Но рядом с этим субъективным пониманием стоимости мы находим у Барбона и такое понимание, которое приближает его к теории трудовой стоимости. Так, Барбон пишет: «Цена, назначаемая ремесленником, составляется подсчетом стоимости материалов и времени, затрачиваемого на работу». Цену купца он определяет как издержки производства и транспорта плюс обычный процент.

¹⁴ См. примечание 13-е.

¹⁵ См. примечание 13-е.

¹⁶ См. примечание 13-е.

¹⁷ См. предисловие о Барбоне к настоящему памфлету.

¹⁸ В теории денег Барбон является предшественником современного номинализма.

¹⁹ Из этого места ясно видно, что причины, обусловившие взгляды Барбона на сущность денег, лежат в его борьбе с меркантилизмом. Стоимость золота и серебра ничем не отличается в своем определении от стоимости всех других товаров.

²⁰ Один из упреков, направляемых против ост-индской торговли, заключался в том, что золото и серебро, привозимые из Вост-Индии (т. е. из Центральной Америки), вывозятся в Ост-Индию, где и зарываются в землю. Дело в том, что ост-индская торговля носила в основном односторонний характер. Европейцы покупали у индусов пряности, хлопчатобумажные и шелковые ткани, но индусы почти ничего не покупали у европейцев, а продавали свои товары за наличные деньги, которые и оставались в Индии.

²¹ См. примечание 13-е.

²² До основания Английского банка в 1694 г. роль банкиров выполняли богатые ювелиры, которым частные лица передавали на хранение свои деньги.

К их услугам прибегало иногда и государство при нужде в деньгах. См. памфлет Тернера, «Рассмотрение дела банкиров» («The case of the bankers and their creditors stated and examined; by the rules of laws, policy, and common reasons as it was inclosed in a letter to a friend»), 1674. Книжка написана по поводу конфискации Карлом II у лондонских банкиров (ювелиров) денежных сумм, находившихся у них на хранении.

²³ Английский банк был основан в 1694 г. Изложение условий его возникновения и первых лет деятельности мы находим в книге Harold Rogers, «The first nine years of the Bank of England». Его возникновение вызвало появление большой памфлетной литературы.

²⁴ Отметим положение Барбона: деньги — процент с капитала (Stock); он представляет то же, что арендная плата за землю. Барбон первый рассматривает процент как цену капитала (the price of the Stock) и в этом отношении стоит значительно выше Локка и других современников, которые выводили уровень процента из соотношения между спросом и предложением денег, а не капитала.

²⁵ Барбон совершенно правильно определяет цену земли как капитализированную ренту. Процент, по которому происходит капитализация ренты, несколько ниже обычного денежного процента. Барбон выражает это таким образом, что берет число годовых рент, превышающее на три года то, которое соответствовало бы капитализации на обычного денежного процента.

²⁶ Замечательно указание Барбона, что «фермер должен вести учет своих доходов и расходов, как и купец». Оно показывает на определенно капиталистический характер фермерской аренды уже в конце XVII в. в Англии.

²⁷ Видно, что Барбон выступает сторонником землевладения против ссудного капитала. Он как бы повторяет доводы Кельпепера в памфлете от 1621 г. и делает ту же ошибку, воображая, что достаточно законодательного понижения уровня процента для повышения цены земли.

²⁸ Фидеикомиссами называются земельные владения, по большей части принадлежащие знати, которые законом объявлены неотчуждаемыми. Устройство фидеикомиссов преследовало цель способствовать сохранению знатных фамилий в стране и помешать их разорению.

²⁹ Война, о которой пишет Барбон в своем памфлете, это — война, которую Англия вела с Людовиком XIV с 1689 г.

³⁰ Фома Кампанелла — известный итальянский утопист, автор «Государства солнца» («Civitas solis»).

Примечания к памфлету Д. Норса: «Очерки о торговле»

¹ Скалигер, Сельден — филологи, юристы, поэты XVI—XVII вв.

² Целиком, полностью.

³ То же, что *horror vacui* (боязнь пустоты), действию которой схоластики приписывали поднятие жидкости в трубке, лишенной воздуха.

⁴ Норс имеет в виду знаменитый трактат Декарта «Рассуждение о методе» (*Discours de la methode*), играющий важную роль наряду с произведениями Бэкона в обосновании нового, естественнонаучного метода.

⁵ Возможно, что Норс имеет здесь в виду Барбона, который придерживался, как видно из помещенного нами памфлета, того мнения, что законодательное понижение уровня процента приводит к повышению цены земли, но с этим же взглядом мы встречаемся уже с 1621 г. у Кельпепера.

⁶ В этом пункте Норс сознательно противопоставляет свои взгляды взглядам меркантилистов на роль внешней торговли в создании и росте буржуазного богатства. Вопрос о действительной роли внешней торговли после того, как отброшен меркантилистический принцип, согласно которому она — единственный источник богатства, остается актуальным вплоть до Ринардо включительно, который уделяет ему специально главу VII в «Началах политической экономии».

⁷ Норс предлагает организовать банк, что и было выполнено в 1694 г. учреждением Английского банка.

⁸ Памфлет Норса касается злободневного в девяностых годах XVII в. вопроса о порче и обезьявании монеты. Необходимо иметь в виду, что до

1663 г. английская монета чеканилась с помощью молота и не имела зубчиков по окружности. Кроме того, была значительная разница в весе одноименных монет. Это приводило к обрезыванию монет и вывозу тяжелой монеты из страны. Положение настолько ухудшилось, что реформа монеты стала необходимой, но необходимость реформы вызвала ожесточенные споры об условиях ее проведения. Речь шла о том, должны ли потери по реформе пасть на государство или на держателей денег. Иными словами, должно ли государство, перечеканивая монету, возвращать ее владельцам новую монету в том же количестве счетом и названием полновесной, или же, соответственно с действительным сокращением содержания драгоценного металла в монете, чеканить новую монету. Этот спор вызвал значительную памфлетную литературу, в которой кроме Норса приняли участие Барбон, Локи, Лоундс, Ричард Темплъ и многие другие.

⁹ См. примечание 8-е.

¹⁰ До основания Английского банка в 1694 г. роль банкиров в Лондоне выполняли ювелиры (золотых дел мастера), которые получали от частных лиц на хранение и использование по невысокому проценту избыток денег.

¹¹ См. вводное примечание о Норсе по поводу этого места.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Вступительная статья проф. Плотникова	7
I. Антонио Серра (калабриец из Козенцы). Краткий трактат о средствах снабдить в изобилии золотом и серебром королевства, лишенные рудников драгоценных металлов	91 <i>1613 г.</i>
II. Томас Мен. Рассуждение о торговле Англии с Ост-Индией; ответ на различные возражения, которые обычно делаются против нее	109 <i>1621 г.</i>
III. Аноним. Правдивое раскрытие причин упадка торговли и уменьшения количества денег в стране, с указанием средств против этого	141 <i>1621 г.</i>
IV. Томас Мен. Богатство Англии во внешней торговле или баланс нашей внешней торговли, как регулятор нашего богатства	153 <i>1664 г.</i>
V. Самуил Фортрей. Выгода и благосостояние Англии, заключающееся в увеличении запасов и расширении торговли этого королевства	185 <i>1663 г.</i>
VI. Вильям Петти. Трактат о налогах и податях	203 <i>1662 г.</i>
VII. Вильям Петти. Кое-что о деньгах	263 <i>1682 г.</i>
VIII. Николай Барбон. Очерк о торговле	273 <i>1690 г.</i>
IX. Дедлей Норс. Очерки о торговле	293 <i>1691 г.</i>
X. Гуго Чемберлен. Собрание некоторых статей, написанных по разным случаям, об обрезывании и подделке денег и о торговле, поскольку это относится к вывозу слитков	319 <i>1696 г.</i>
Примечания	325

Ответственный редактор И. Плотников. Технический редактор Л. Вакуленко. Переплет работы худ. Д. Авоскина. Корректор И. Полков. Сдано в набор 5 августа 1955 г. Подписано к печати 20 ноября 1955 г. Формат бумаги 62×94 см. Количество печатных листов 24 $\frac{1}{2}$. Количество авторских листов 22. Количество бум. листов 109 $\frac{1}{2}$. Отиз № 1612. Индекс С-10. Количество печ. знаков в листе 44040. Цена книги 3 руб. 50 коп. Переплет 4 руб. 35 коп. Ленинградский Горлит № 25457. Заказ № 2894. Тираж 20250 экз. 2-я типография «Печатный двор» треста «Полиграфичма», Ленинград, Гатчинская 26.

7.

Министерство
№ 20
№ 159

С 1. 1981 года
Цена 2 р. — к.

